

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ -

филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

Б.А. Мусуков

Формально-семантическая
парадигма усилительных
конструкций в тюркских языках

Нальчик 2016

УДК – 811.512.1

ББК – 81.2 Тюрк-2+81.2 Тюрк-3

М 91

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор:

М.З. Улаков, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

Н.Э. Гаджихмедов, доктор филологических наук, профессор

Т.К. Алиева, доктор филологических наук, профессор

Мусуков Б.А.

М 91

Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. - Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 304 с.

ISBN 978-5-9368-1004-6

Монография посвящена исследованию формально-семантических особенностей усилительных конструкций в тюркских языках, образованных как по модели полного повтора, так и частичной редупликации. В ней рассматриваются порождающие особенности модифицирующих коэффициентов в лексических единицах трансформированного повтора. В работе анализируются особенности лексико-синтаксического параллелизма и аллитерации, как звуковой организации балкарского стиха и как формы усиления качества.

Результаты и методы данного исследования, а также его теоретические положения, носящие нормативный характер, могут найти полезное применение среди специалистов по карачаево-балкарскому, тюркским и разносистемным языкам.

© Б. А. Мусуков, 2016

© Издательство М. и В. Котляровых,
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Проблема изучения усилительных конструкций в тюркологии и карачаево-балкарском языкознании.....	7
Глава 2. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных по модели полной редупликации.....	31
2.1. Образование парных слов с сочинительным отношением компонентов, особенности сочетания корневой морфемы и редуплицирующего элемента.....	31
2.2. Лексико-синтаксический параллелизм как средство организации художественного текста в карачаево-балкарском языке; лексико-грамматические особенности усилительных конструкций в составе двучленных структур.....	53
2.3. Структурно-семантические модели парных слов, лексико-семантическое значение компонентов парных слов и образование общего значения.....	66
2.4. Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности компонентов парных слов.....	103
ГЛАВА 3. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных по модели частичной редупликации.....	135
3.1. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>an-/anna-, чымм</i>	135
3.2. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>къан-/кан</i>	165

3.3. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>къып-/кып-</i>	199
3.4. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>сап-</i>	214
3.5. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>жап-/яп-</i>	222
3.6. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>тап-</i>	228
3.7. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы <i>боп-</i>	238
Глава 4. Аллитерация как звуковая организация балкарского стиха и как форма усиления качества.....	242
Заключение	273
Источники.....	289
Условные сокращения	302

ВВЕДЕНИЕ

Образование парно-повторных слов и конструкций, функционирующих по моделям полной и частичной редупликации, связано с употреблением формы усиления качества и значения многократности. В новых словах, образованных из двух «старых» слов или из самостоятельного слова и функциональных компонентов, выражаются новые семантические оттенки.

Образование парно-повторных слов и форм усиления качества с помощью индивидуальных частиц в тюркских языках считается весьма распространенным явлением. Вопросы частичной редупликации и словосложения исследованы в трудах многих ученых. Определенное внимание уделено словосложению и частичной редупликации в академических и других грамматиках тюркских языков. В настоящее время многие вопросы, как полной редупликации, так и частичной, изучены недостаточно. Спор в основном идет относительно того, являются ли новые конструкции самостоятельными лексическими единицами, сохраняется ли компонентное значение в лексико-семантической структуре производных основ, куда следует отнести новые слова, образованные с помощью препозиционных частиц: к формообразованию или словообразованию, свойственно ли значение многократности, помимо повторов, и парным сочетаниям, как влияет тип синтаксической связи на образование нового значения, как участвуют аналитические средства в выражении лексико-семантических и грамматических значений. Участвуют ли они в образовании категорий падежа, числа, времени, модальности, наклонения?

В развитии словарного состава и грамматического строя тюркских языков, наряду с аффиксальным и лексико-семантическим способами слово- и формообразования, образованием лексикализованных и грамматикализованных словосочетаний, также фразеологических единиц, значительную роль играет образование парно-повторных конструкций, редуплицированных единиц с помощью усилительных препозиционных частиц [95, с. 327].

Различные формы усиления качества как интегрирующие словосочетания тюркских языков формируются постоянно и во всех языках, и поэтому сопоставительное изучение особенностей их

образования и функционирования имеет важное научно-теоретическое значение для выяснения общих закономерностей слово- и формообразования, а также для более целостного изучения фонетической системы и грамматического строя тюркских языков.

В исследованиях по тюркским языкам особое внимание уделяется общим закономерностям образования парно-повторных конструкций и редуцированных слов, по модели частичной редукации и отмечается, что и те и другие относятся к разряду сложных слов, имеющих компонентную семантику. В этих работах заключаются отдельные содержательные выводы и обобщения, приводятся некоторые сведения о моделях редуцированных конструкций, их значениях. Однако основным недостатком всех точек зрения является то, что в них уделяется внимание анализу только структурных моделей редуцированных конструкций, не рассматриваются особенности их лексико-семантической структуры, обходится стороной исследование таких вопросов, как наличие семантических оттенков и значения многократности в новых единицах, синтаксическое толкование тюркских сложных слов.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ УСИЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКОЛОГИИ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Вопросы, посвященные исследованию парно-повторных слов и усилительных конструкций по моделям частичной редупликации, рассматриваются в различных работах по тюркским языкам и грамматиках. Одним из первых в свое время обратил внимание на словосложение (на образование глаголов) М.А. Казембек. По его мнению, сложных имен в тюркских языках не так уж много [61, с. 67-77; 160-180]. Так, в его *«Общей грамматике турецко-татарского языка»* отмечается, что «турки не имеют в своем языке многих составных имен, придающих столько силы и прелести речам, но они часто употребляют имена этого рода, взятые из языка персидского». В дальнейшем он обращает внимание на то, что «новейшие турки и татары иногда прибегают к подобному способу составления слов или фраз из коренных слов своего языка» [61, с. 81-82]. В современном понимании среди примеров А. Казембека почти не встречаются сложные слова и в основном приводятся только свободные сочетания слов. Однако термин «составные слова», введенный им, закрепился в тюркологической литературе и употребляется часто применительно к сложным словам и редулицированным конструкциям.

В грамматике якутского языка О. Бётлингк «истинными сложениями» считал лишь такие, в которых «оба объединяемых слова так тесно сливаются по смыслу и фонетически, что они составляют только одно слово» [172, s. 114]. О. Бётлингк рассматривал повторы, удвоенные наречия, имена числительные и деепричастия, функционирующие для усиления значения (многократности, длительности действия), сравнивая их с аффиксацией [172, s. 393, 394]. О. Бётлингк обобщил некоторые положения А. Казембека, М. Иванова [58] и других исследователей, в которых рассматриваются вопросы, касающиеся сложных слов и устойчивых сочетаний.

М. Терентьев отмечает, что слова *базар баши* ‘сборник налога на базаре’, *аксакал* ‘старейшина’ и др. образованы словосложением [142, с. 205-208].

Весьма подробные сведения о словосложении, как имен, так и глаголов, содержатся в работах исследователя чувашского языка

Н.И. Ашмарина. Они приводятся им в основном в двух трудах: «*Материалы для исследования чувашского языка*» [8] и «*Опыт исследования чувашского синтаксиса*» [9]. Если его предшественники сложные слова рассматривали преимущественно с точки зрения фонетики или состава слова, то в первой работе Н.И. Ашмарин анализирует их, связывая с частями речи, а во второй – в связи с разновидностями словосочетаний. Н.И. Ашмарин в своих трудах подробно показывает различные формы словосложения в чувашском языке. Однако собранный им материал последовательно не систематизирован до конца. Некоторые структурные типы словосложения он исследует с двух позиций: морфологической (словообразовательной) и синтаксической (синтаксис словосочетаний), не проводя четкой дифференциации между сложными словами и другими разрядами устойчивых словосочетаний.

Регистрацию отдельных фактов и интересных сведений в области словосложения и устойчивых словосочетаний, можно найти в специальном исследовании Каюма Насырова [102]. В своей грамматике он обращает внимание на вопросы словосочетаний, а также «идиом татарской речи». К. Насыров выделяет среди множества примеров сложные слова, характеризующиеся как словоподражательные звуки, выражающие разнообразность и другие качества в предметах, например, *кашык аяк* 'всякие столовые приборы', *кием салым* 'все то, что нужно для того, чтобы одеваться', *йорт йир* 'все строения, нужные для жительства'; *кыз хатын* 'женский пол'. В этих конструкциях вторые компоненты являются не «словоподражательными звуками», а вполне самостоятельными лексическими единицами, получившими в дальнейшем в тюркологии наименование парных слов.

Далее К. Насыров рассматривает повторения слов типа *төрле төрле* 'разные-разные', *бара-бара* букв. 'идя-идя', служащие для выражения «напряженности качества или действия» [102, с. 71]. К. Насыров, в отличие от А. Казембека, не причисляет к сложным словам словосочетания типа *таш өй* 'каменный дом', *мамык эшленэ* 'пуховая иляпа', так как первый элемент в них, по его мнению, выступает «определятельным словом».

В.В. Радлов также исследовал в своих трудах вопросы именного и глагольного словосложения в тюркских языках и считал соединение двух основ всеобщим явлением. Он рассматривал сложные слова и редулицированные конструкции в *«Опыте словаря тюркских наречий»*. В.В. Радлов писал, что «подобные смысловые сближения должны приниматься за действительные, истинные сложения только тогда, когда в процессе агглютинации разнородные самостоятельные элементы благодаря гармонии гласных «склеиваются» в одно целое» [175, s. 37].

В.В. Радлов изучал сближения преимущественно с точки зрения ассимиляции корней и гармонии звуков. Анализируя образование сложных основ, структурно он их делит на три группы:

- 1) сложение имен с именами;
- 2) словосложение имен с глаголами;
- 3) словосложение местоимений с глаголами [175, s. 37].

Помимо отмеченных групп сложных слов, в его работах можно найти и редулицированные конструкции, образованные как по модели полной редуликации, так и частичной.

Н.Ф. Катанов в своем труде *«Опыт исследования урянхайского языка»* [67] отмечает наличие в урянхайском, т.е. тувинском, языке сложных («составных») глаголов и имен, классифицируя их по морфологическим признакам. Он указывает на то, что сложные слова урянхайского языка образованы по трем словосложительным моделям: 1) имя существительное + имя существительное; 2) имя существительное + имя прилагательное; 3) имя прилагательное + имя прилагательное. Н.Ф. Катанов рассматривает также *«удвоенные корни (аллитерации)»*, т.е. редулицированные конструкции, образованные: 1) повторением первого слога опорного слова (**кап-кара** 'черный-пречерный'); 2) заменой гласных в составе корней: **мал-мул** 'скот' и т.п., **ак-ук** 'белый'.

Некоторые сведения о сложных словах можно найти и у А. Самойловича, который приводит сложные слова, полученные способом «соединения двух именных основ» [120, с. 43-44].

В 1930 г. Н.К. Дмитриев опубликовал на основе экспедиций по изучению живых башкирских говоров и диалектов статью *«О парных словосочетаниях в башкирском языке»* [42, с. 501-522] в которой подробно исследовал парные словосочетания. Он отмечал, что

образование парно-повторных конструкций в тюркских языках является необычайно продуктивным способом словопроизводства и писал о том, «как язык пользуется синтаксическим приемом в чисто морфологических целях».

Наиболее всестороннее исследование сложных слов в тюркских языках начинается в советский период. Тюркское языкознание продвигается вперед за счет основательных трудов В.А. Гордлевского, Н.К. Дмитриева, А.К. Боровкова, Н.А. Баксакова, А.Н. Кононова, А.А. Юлдашева, В.Г. Егорова, в которых находят освещение многие спорные вопросы тюркского словообразования.

Наиболее последовательно вопросы аналитического словообразования в тюркских языках рассматриваются в работах, посвященных отдельным типам сложных слов. Парные слова и повторы обстоятельно анализируются в трудах Е.И. Убрятовой [150], С.К. Кенесбаева [69], А.Т. Кайдарова [62], Р.А. Аганина [3], Н.А. Абдурахманова [2], К.Т. Рамазановой [114] и др.

Некоторые сведения о словосложении в тюркских языках можно найти в коллективных грамматиках тувинского, узбекского, казахского, азербайджанского и других языков, однако подробного исследования в них с необходимой дифференциацией парно-повторных слов и выявлением усилительных конструкций, образованных по модели частичной редупликации, не проводится. В этих работах также отсутствуют сведения об отличительных особенностях парно-повторных слов и составных конструкций. Более всесторонне отдельные вопросы словосложения рассматриваются в «Грамматике туркменского языка» [32, с. 70-74, 309-330], в которой впервые среди тюркских грамматик подробно освещается словосложение глаголов (глагол + модифицирующий глагол).

Детальному исследованию парных слов в якутском языке посвящена статья Е.И. Убрятовой «Парные слова в якутском языке», в которой рассматриваются различные типы парных слов якутского языка, устанавливаются их основные особенности. Автор отмечает, что парные слова являются одним из способов сложения основ, образующиеся примыканием и способом сочинительного согласования. Способ примыкания предполагает, что при словоизменении и словообразовании морфологические показатели присоединяются

только ко второму компоненту парного слова, а при сочинительном согласовании – к обеим частям. По словам исследователя, парные слова образуются из слов морфологически однородных: компонент, не выявляющий самостоятельного лексического значения, чаще всего употребляется в постпозиции, однако в редких случаях может употребляться и в препозиции [150, с. 297-328; 302, 305, 313].

Исследуя усилительные конструкции в турецком и узбекском языках [72, с. 124; 154-161; 73, с. 135-138; 162-165] А.Н. Кононов отмечает, что «усилительная форма качественных прилагательных образуется путем редупликации (повторения); различаются следующие типы редупликации: а) *полная* редупликация, т.е. простое повторение одинаковых и неодинаковых прилагательных, повторение прилагательных–синонимов, служит для выражения предельной, избыточной степени качества, содержащегося в предмете, собирательность; б) *частичная* редупликация, т.е. повторение первого слога опорного слова с употреблением замыкающего согласного. Частичная редупликация, так же как и полная, выражает *предельную, избыточную степень качества*, содержащегося в предмете [73, с. 161-162].

В своей работе, посвященной каракалпакскому языку, Н.А. Баксаков наряду с морфологическими повторами и парными словами, рассматривает и формы усиления качества, образованные способом частичной редупликации, и приводит примеры: **қып-қызыл** ‘красный-красный’ [12, с. 209], **тип тике** ‘прямошенько’ [12, с. 222].

Конструкции интенсива, как синтаксическая разновидность усилительной формы прилагательных с функцией усиления потенциала качества или интенсивная степень прилагательных, встречаются и в работе. С.Н. Муратова. Формы интенсива в ней рассматриваются как прилагательные, сочетающиеся с препозиционными частицами. Начальным компонентом конструкции (частицей) выступает неполное повторение первого слога прилагательного, состоящего из двух или более слогов: **һан-һары** ‘совершенно желтый’, **бәл-бәләкәй** ‘совершенно маленький’, ‘малюсенький’, а также первый или два первых звука односложного прилагательного; **ап-ақ** ‘совершенно белый’; **күм-күк** ‘совершенно синий’; **бун-буш** ‘совершенно-пустой’; **тап-тар** ‘узкий-преузкий’ (конечные звуки **п**

или **м** замещают последний звук закрытого слога), **тып-тыгыз** ‘очень тесный’ (замыкают открытый слог). По словам С.Н. Муратова, в башкирском языке встречаются конструкции интенсификации, именного вторым. В качестве первого элемента в них употребляются двусложные предпозиционные индивидуальные частицы, отличающиеся от интенсификации первого по своей структуре, однако сходные по грамматическому значению и образующие сингармоническое единство: **Капа-Каришы//Капма-Каришы** ‘совершенно противоположный’, ‘противоположно’ (конструкция интенсификации первого **Кап-Каришы** малоупотребительна); **кәпә-көндөз** ‘среди белого дня’ (**кәп-көндөз** не употребляется); **апа-яңгыз//яп-яңгыз** ‘совершенно одинокий’, ‘совершенно одиноко’; **типә-тиң//тип-тиң** ‘совершенно равный’ (по возрасту и т.п.).

Исследователь пишет о том, что односложные частицы, сочетаясь с именами прилагательными, в некоторых случаях образуют агармоничные конструкции. В функции синонимов первых частей в отдельных случаях употребляются частицы интенсификации первого:

шар-асык ‘открытый настежь’;

өр-яңы//яп-яңы ‘совершенно новый’, **салт аяз//ап аяз** ‘совершенно ясный’ (о погоде); **Кап-уртага (бүлеу)** (делить) ‘точно пополам’;

сом Кара//сым Кара//сөм Кара//сем Кара ‘совершенно черный’; **том**

Кара ‘совершенно черный’. Некоторые частицы интенсификации могут сочетаться и с рядом слов. К примеру, частица **дөм** может присоединиться к двум словам: **дөм һуқыр// тома һуқыр// һуп һуқыр** ‘совершенно слепой’; **дөм Караңгы** (//**Кап-Караңгы//том Караңгы**) ‘совершенно темно’, ‘совершенно темный’. С двумя словами сочетается частица **шыр**: **шыр ялаңгас//яп-ялаңгас** ‘совершенно голый’; **шыр-һыу** ‘совершенно мокрый’ [90, с. 110-112].

Следуя синтаксическому толкованию тюркских сложных слов и их словообразовательной структуры, некоторые исследователи относят синтаксические конструкции в целом к синтаксическому способу словообразования, пытаясь доказать тождество сложного слова и словосочетания, не учитывая того, что во многих случаях компоненты этих конструкций теряют этимологическое значение и употребляются в едином лексикализованном значении. С другой сторо-

ны есть исследователи, которые в основном описывают, бесспорно, общепризнанные типы сложных слов и их словообразовательные модели, «игнорируя формальные сходства сложного слова и словосочетания». Все слова, образованные по сложившимся моделям, имеют индивидуальное лексическое значение.

Сложные слова, редуцированные конструкции, являющиеся составной частью морфологии, не рассматриваются в отдельных специальных исследованиях, посвященных структурным разновидностям тюркских слов. В этих работах не упоминается вообще об основах, образованных из двух морфем, о сложных формах, о междометиях и звукоподражательных сочетаниях, о частичной и полной редукации и о сочетании аффиксации с другими формами формального выражения. В этих работах всякое слово и его форма сводятся либо к корневой морфеме, либо к ее сочетанию с аффиксом или аффиксами. По мнению этих исследователей, тюркское слово без сочетания с аффиксом не выявляет морфологической структуры вообще. А.М. Щербак считает агглютинацию «единственным способом выражения грамматических значений, как в древних, так и современных тюркских языках» [164, с. 26].

А.Ю. Юлдашев отмечает, что «специфику структуры сложных слов не менее явственно отражает самая продуктивная и довольно многочисленная часть их словообразовательных моделей, которые не только по существу, но и внешне не совместимы с живыми формами тюркского синтаксиса, в частности: 1) необычайно активное во всех тюркских языках модели создания сложных слов способом морфонологизированной редукации (с наращением фонологически значимого соединительного согласного или с фонологическим использованием чередования начального согласного или первого гласного корневой морфемы) типа башк. **аҫ-маҫ** 'немного', **соКор-саКыр** 'ухабищенное место', **сатыр-сотор** 'с треском', **һирәк-мирәк** 'изредка'; 2) столь же продуктивные, но еще более разветвленные модели образования так называемых парных слов типа башк. **ағай-эне** 'родственники', **ара-тирә** 'окрестность; местами', **арымас-талмас** 'неутомимый', **ары-бире** 'туда-сюда', **ваК-тәйәК** 'мелочь всякая', **Карт-Коро** 'старик и старуха всякие', **кәпә-кәндәҫ** 'среди белого дня', **юК-бар** 'вздор; чушь', среди которых последнее имеет

взаимоисключающие компоненты, что вовсе недопустимо в осмысленных словосочетаниях»... [169, с. 74]. А.М. Щербак считает, что грамматическое значение свойственно отдельным словам в лексическом составе языка, обладающим высокой степенью обобщенности семантики и различным сочетаниям, представляющих собой изолированные, замкнутые системы и, в первую очередь, таким сочетаниям, в которых в качестве подчиненного члена употребляется служебное слово: вспомогательный глагол, послелог, редупликат и т.д. В числе лексических единиц с высокой степенью обобщенности семантики, имеющих все условия для превращения в грамматическое значение основного по своей семантике слова называют разного рода устойчивые сочетания: слова-дублиеты: *ахсак-бухсак* 'всякие хромые' (МК, Й, 465), башк. *сэй-мэй* 'чай и все относящиеся к чаепитию'; редупликативные формы, например, узб. *қоп-қора* 'совершенно черный', *қип-қизил* 'совершенно красный'; лексический инклюзив (*composite copulative*), например, башк. *ағай-әне* 'братья', (*ағай* 'старший брат', *әне* 'младший брат'), *аяк-кул* 'конечности' (*аяк* 'нога', *кул* 'рука'), *алтын-көмөш* 'драгоценности' (*алтын* 'золото', *көмөш* 'серебро'), узб. *ота она* 'родители' (*ота* 'отец', *она* 'мать'); парные слова синонимического типа (*synonym-composita*), башк. *дусиш* 'друзья', *куй-һарык* 'овцы' и т.д. [164, с. 19].

Одним из категориальных свойств сложного слова в тюркских языках является полное отсутствие актуальной связи со словосочетаниями. Несмотря на то, что новое лексическое значение возникает на основе прежних лексических значений объединяемых компонентов, сложное слово может стать его носителем. При словосложении компоненты сложных слов теряют значение тех категорий, к которым они относились, и полная утрата компонентами этимологического значения не является обязательным условием для образования сложного слова. Новое значение в большинстве случаев во многом связано с прежними значениями компонентов сложного слова.

Как пишет А.А. Юлдашев, «одним из важных внешних признаков сложного слова является относительная стабильность интонационной градации ударных и неударных слогов, исключая возможность смыслового подчеркивания какого бы то ни было компонента в зависимости от логической актуальности для данного вы-

сказывания: ср., например, *башк. Кызыл түш* 'красная грудь' и *Кызылтүш* 'зяблик', *Кызылтүштең* 'зяблика'. Данные сложные слова относятся к числу таких лексических единиц, которые при соединении определенных звуков на стыке своих компонентов претерпевают значительные расхождения» [169, с. 79]. Некоторые сложные слова в тюркских языках типа *башк. Кара һауыты* 'чернильница', *бербыуын матемт.* «одночлен» могут быть с одинаковым основанием охарактеризованы и как сложное слово, и как словосочетание.

Р. Бердыев в книге «Сложные слова в современном туркменском языке» выделяет три способа образования слов – лексический, синтаксический и способ сокращения слов. К сложным словам, образованным лексическим способом, он причисляет парные слова с обобщенно-собирательным значением и парно-повторные слова типа *хаял-хаял* 'медленно', *гаты-гуты* 'жесткие' и т.п., образованные способом полной или частичной редупликации [16, с. 92].

Следуя синтаксическому толкованию сложных слов на материале киргизского языка Ж.Ш. Шукуров под сложными словами с одной стороны подразумевает свободные словосочетания типа *кол курек* 'ручная лопата', с другой – парно-повторные слова с обобщенно-собирательным значением с пренебрежительно-ироническим или эмоционально-оценочным оттенками: *ат-мат* собир.-ирон. 'лошади (всякие)', *китап-митап* собир.-ирон. 'книги (вские)', с третьей - звукоподражательные и образоподражательные слова: *жарк-журк* – звукоподражание скрипу, а также формы усиления качества прилагательных типа *кап-кара* 'черный-пречерный', *сап-сары* 'желтый-прежелтый' и т.п. [163, с. 8, 22, 30-31].

Б. Мадалиев, рассматривая сложные слова в узбекском языке, объясняет их природу с точки зрения синтаксического способа словообразования. Он, как сторонник такого суждения, полагает, что прежде чем стать самостоятельной лексической единицей, сложное слово должно функционировать в виде свободного словосочетания в определенной степени с переносным значением вроде башкирского *тере көмөш* 'живое серебро'. В процессе лексико-семантического развития и преодоления своих синтаксических связей оно может

быть преобразовано в необратимое целое вроде башкирского *терегәмәш* 'ртуть' [120, с. 365-366].

Р.А. Аганин в своей книге *«Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке»* [3], исследуя две группы устойчивых словосочетаний, рассматривает фонетические и морфологические особенности парных слов и повторов. Однако с другой стороны в его работе не находят освещения такие вопросы, как лексическая и лексико-фразеологическая характеристика парных слов.

По утверждению автора, парные слова «не входят в разряд сложных слов» [3, с. 127] не имеют отношения к словообразовательным процессам [3, с. 127] и выступают как «свободные синтаксические конструкции» или «устойчивые фразеологические образования» [3, с. 9].

Отдельные сведения по сложным словам, парно-повторным основам и усилительным конструкциям, образованным по моделям полной и частичной редупликации, в виде попутных замечаний содержатся в грамматиках У.Д. Алиева [5], А.К. Боровкова [20], В.И. Филоненко [153, с. 27-28].

В своей работе *«Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке»*

А.Ю. Бозиев, рассматривая вопросы аффиксального словообразования, уделяет внимание и аналитическому словообразованию. В этой главе исследуются такие вопросы, как «о границах между сложным словом и словосочетанием», («...сложное слово отличается от словосочетания... только своей номинативной функцией, возможностью выступать в роли определенной части речи, т.е. соответствовать по своим грамматическим функциям простому слову...», [18, с. 59], «о типах карачаево-балкарских сложных слов» («анализ многочисленных типов сложных образований в карачаево-балкарском языке позволяет разделить их на две основные группы: 1) собственно сложные имена, построенные по принципу подчинения...; 2) парные имена, построенные по принципу сочинения, составляющие в свою очередь две подгруппы: а) «повторы и б) собственно парные имена...» [18, с. 59].

Исследуя семантические особенности сложных слов, автор не проводит дифференциации между семантически мотивированными и семантически немотивированными сложными словами: например,

в одном ряду со словами *сабан агъач* 'плуг', *бел бау* 'пояс', *чач бау* 'лента' анализирует сложные слова типа *итбурун* 'шиповник', *къозукъулакь* 'щавель', *балаууз* 'воск' и др. [18, с. 60-61].

В работе «Имя существительное в карачаево-балкарском языке» [128]. А.Х. Соттаев рассматривает различные категории имени существительного; останавливаясь на сложных словах и их разрядах, отмечает, что «сложные существительные в карачаево-балкарском языке образуются путем сложения любых знаменательных слов». В этом отношении исследователь ошибочно причисляет к сложным словам и свободные словосочетания типа *таш кёпюр* 'каменистый мост', *таш жол* 'каменная дорога', *таура сёз* 'истинное слово (прямое слово)', *керти сёз* 'правдивое слово', в которых сохраняется компонентное значение и нет лексикализации. По словам

А.Х. Соттаева, путем сочетания имен прилагательных и имен существительных образовались собственные имена людей и географические названия, которые пишутся слитно. Однако он не обращает внимания на то, что в основе этих терминов лежит мотивированная семантика их составляющих компонентов [128, с. 43].

В параграфе «парные слова и словосочетания существительных» А.Х. Соттаев подробно останавливается на всех разрядах парных слов. С другой стороны в его работе не находят отражения такие вопросы, как полные повторы типа *жер-жерде* 'повсеместно, повсюду', *жан-жанындан* 'повсеместно', *жер-жерден* 'отовсюду', отличительные особенности парных слов и субстантивных, атрибутивно-субстантивных словосочетаний.

Описывая имя прилагательное в карачаево-балкарском языке, Б.Т. Созаев рассматривает такие вопросы, как разряды имен прилагательных, словообразование имен прилагательных, степени сравнения. Особо он останавливается на характеристике таких вопросов, как полная и частичная формы редупликации, формы усиления и ослабления качества. Б.Т. Созаев отмечает, что превосходная степень в именуемом языке образуется в результате полной редупликации прилагательных. По словам автора, разновидностью превосходной степени в карачаево-балкарском языке является образование усилительных конструкций с помощью препозиционных частиц,

которые присоединяются в основном к цветообозначающим прилагательным [127, с. 69-74].

Дифференцируя сложные слова и свободные словосочетания, Б.Т. Созаев пишет, что «сложные слова внутренне не расчленимы на простые синтаксические элементы и служат в лексико-грамматическом отношении одной целой единицей» [127, с. 46].

Классифицируя имена прилагательные, образованные синтаксическим способом, автор употребляет термин «*парно-повторные слова*», не указывая, в каком случае встречаются парные конструкции, а в каком – повторы. В работе на с. 51 приводятся парные конструкции *къынгыр-мынгыр* ‘искривленный’, *къалгъан-къулгъан* букв. ‘оставшиеся’, ошибочно квалифицируемые повторами. В некоторых местах пытаюсь обосновать словообразовательные модели, функционирующий для образования сложных слов, Б.Т. Созаев подменяет модели словосложения свободными словосочетаниями, например: *тили татлы* ‘сладкоязычный’, *къолу ачыкъ* ‘щедрый’, *къолу устаракъ* ‘более умелый’ [127, с. 49].

Исследуя отличительные особенности сложных слов и словосочетаний, К.А. Левковская пишет: «Совершенно очевидно, что никак нельзя рассматривать сложное слово и отношение между его компонентами в одной плоскости со словосочетанием. Нельзя этого делать ни когда в современном языке возможно «расшифровать» сложное слово посредством какого-нибудь словосочетания, ни когда представляется возможность (это бывает далеко не всегда) доказать, что данный тип сложного слова восходит к словосочетанию, содержащему те или иные падежные формы. Ведь сложному слову свойственны другие закономерности, чем словосочетанию, а происхождение словообразовательной модели и специфика принадлежащих к ней в современном языке слов – совсем разные вещи» [77, с. 266].

Сложные слова отмечаются и в «*Грамматике карачаево-балкарского языка*» 1966 г. под названием «*сдвоенные имена*» (*эки-ленген атла*) [76, с. 80]. К их числу относятся сложные лексические единицы, образованные в результате повтора одного слова или же слова, являющиеся по отношению друг к другу либо синонимами, либо антонимами. Кроме того, к их числу относятся сложные слова, в которых часть значения одного слова дополняется значением компонентного слова. Отдельно рассматриваются несколько,

«сдвоенных имен», в составе которых первый компонент имеет конкретное лексическое значение, а второй – является *«словом-эхом»*. Приведенные виды сложных слов остаются вне классификации, т.е. не указывается на то, в каком случае речь идет о парных конструкциях, а в каком – о повторах. В работе не отмечаются словообразовательные особенности сложных имен существительных, т.е. не указывается на то, в результате чего образовались новые лексические единицы – словосложения или лексикализации – потери компонентного значения и приобретения немотивированного значения. В работе не показывается переход словосочетания в сложное слово, т.е. конверсия словосочетания в сложное слово, как правило, квалифицируемое как результат словосложения. В работе не находят отражения грамматические особенности сложных слов. Следует отметить, что сложные лексические единицы в карачаево-балкарском языке составляют значительную часть словарного состава, употребляемые в сфере всех знаменательных частей речи.

В *«Грамматике карачаево-балкарского языка»* 1966 г. в разделе *«Имя прилагательное»*, рассматриваются и формы усиления качества, образованные с помощью индивидуальных частиц **къап-, чымм, кеп-, кеппе-, тип-, топ-, къып-, сап-, кём-, жап-, сын-, топпа-** [76, с. 95-96]. Однако, с другой стороны в этой работе не освещается **ап-, аппа-**.

В разделе *«Наречие»* к парным словам относятся некоторые комбинации, структурно похожие на парные слова, но ими не являющиеся: **узыкъдан узакъгъа** ‘все дальше и дальше’, **бир бирде** ‘иногда’, **ариудан ариу** ‘все красивее и красивее’, **кюн кюннге** ‘день ото дня’ [76, с. 108].

Парные слова рассматриваются и в *«Грамматике карачаево-балкарского языка»* 1976 г. [29, с. 125-126], однако относятся они к сложным словам, или нет, в ней нигде не указывается. Кроме того, упущением этой работы является то, что в ней не описываются модели повтора.

В *«Грамматике...»*, кроме того, не исследуются словообразовательные особенности парных слов, т.е. лексико-семантические модификации в их компонентной структуре, не показывается отличие сложных слов от свободных сочетаний, в ней нет сведений относительно того, каким способом образованы парные слова – сло-

восложением или лексикализацией. В работе не рассматриваются грамматические особенности парных конструкций, что является возможным следствием того, что в тюркологии игнорировались аналитические средства выражения грамматических значений.

В «Грамматике карачаево-балкарского языка» 1976 г. в разделе «Имя прилагательное» описывается интенсивная форма, образованная с помощью препозиционных частиц: **къап-, сап-, кѣм-, чимм-, тют-, къып-, саппа-** путем сокращения полного повтора. Следует отметить, что речь идет не о сокращении полного повтора, а об употреблении усилительной частицы, являющейся повторением первого слога опорной леммы. Однако, здесь, также как и в «Грамматике...» 1966 г., не приводится внимание на один из продуктивных формальных элементов карачаево-балкарского языка – общетюрское **ап-** с фонетическим вариантом **аппа-**.

Если в «Грамматике...» 1976 г. в разделе «Имя существительное» модели потвора не рассматриваются, то в разделе «Наречие» им уделяется внимание и отмечается, что «при парном употреблении оба компонента парного сочетания теряют свое первоначальное значение той части речи, к которой они относятся, и приобретают отвлеченное значение обстоятельного слова – выразителя качественной характеристики действия и переходят в категорию наречий» [29, с. 160]. В «Грамматике...» указывается на то, что наречия-повторы, образованные способом удвоения синонимичных основ, состоят из двух больших групп:

1. В первую группу входят синонимичные наречия-повторы, имеющие одинаковые морфологические показатели. Наречия могут образоваться от имен существительных, прилагательных, выступающих в форме основного падежа ед.ч.: **кезиу-кезиу** ‘поочередно’, **къош-къош** ‘группами’, **женгил-женгил** ‘быстро’, **бир-бир** ‘по одному’, **эки-эки** ‘по двое’.

2. Во вторую группу входят синонимичные наречия-повторы, имеющие разные морфологические показатели, т.е. разные падежные формы.

Эту группу образуют наречия-повторы, состоящие:

а) из сочетания исходного падежа с направлятельным падежом имени существительного ед.ч.: **бетден-бетге** ‘лицом к лицу’, **жыл-**

дан-жылгъа 'из года в год, год от году, **кюнден кюннге** 'день ото дня', **кёзден-кёзге** 'с глаза на глаз';

б) из сочетания двух основ, одна из которых употребляется в форме основного падежа ед.ч., а вторая – в форме местного падежа ед.ч.: **бир-бирде** 'иногда', **жер-жерде** 'всюду, повсюду';

в) из сочетания основ имен существительных, первая из которых выступает в форме основного падежа ед.ч., а вторая – в форме исходного падежа ед.ч.: **жер-жерден** 'отовсюду', **эл-элден** 'отовсюду', 'из сел' **сагъат-сагъатдан** 'час от часу, через каждый час';

г) из сочетания двух основ, одна из которых модифицируется фонетически и употребляется для усиления и интенсификации наречного значения: **теппе-тенг** 'очень ровно', **боппа-бош** 'совершенно зря, попусту', **тюппе-тюз** 'прямо', **жеп-жесгил** 'быстренько' [29, с. 160-161].

Следует отметить, что примеры, приведенные в пункте 2, не подходят ни по форме, ни по содержанию для синонимичных наречий-повторов. Они вообще не являются повторами. Судя по тому, как в них употребляются усилительные частицы **теппе-**, **боппа-**, **тюппе-**, **жеп-**, следует отметить, что речь идет о формах интенсива, образованных по модели частичной редупликации. Этот ряд можно пополнить и другими примерами, из «Толкового словаря карачаево-балкарского языка», не вошедшими в «Граматику...»: **сапа-сау** 'совершенно здорово'; 'совершенно цельно', **сапа-саулай** 'совершенно целиком', **сыппа-сыйдам** 'совершенно гладко', **сын-сыйдам** 'совершенно гладко', **суппа-сууукъ** 'совершенно холодно', **жаппа-жалан** 'совершенно голо', **жаппа-жангы** 'совершенно ново', **жаппа-жангызлай** 'одинокое, в одиночку', **жап-жалан** 'совершенно голо', **жап-жангы** 'совершенно ново', **жап-жарыкъ** 1. 'очень светло, пресветло'; 2. перен. 'очень радостно', **жап-жашил** 'совершенно зелено', **жаппа-жангыдан** 'заново', **тап-такъыр** 'очень тесно'; **тап-таза** 'чисто-пречисто', **тап-татлы** 'сладко-пресладко'.

Лексико-грамматические особенности повторного слова, образованного на базе атрибутивной связи, т.е. к какой части речи относится данное слово, определяется по второму (последующему) компоненту. Семантика приведенных редулицированных основ складывается из семантики опорного слова и словообразовательного значения усилительной частицы.

Морфологической особенностью приведенных примеров является то, что они самостоятельно, в значении наречия, не употребляются, т.е. их частеречная принадлежность определяется контекстуально, в синтаксическом окружении.

В «Грамматике...» на с. 161 отмечается, что речь идет о наречиях-повторах, составляющие компоненты которых являются антонимами и приводятся примеры: *эртден-ингир* 'утром-вечером', *кече-кюн* 'ночью-утром', *онгуна-солуна* 'направо-налево', *жаз-кьыш* 'летом-зимой'. Однако, здесь также речь идет не о повторах, а о парных словах, компоненты которых антонимичны.

М.А. Хабичев в книге «Карачаево-балкарское именное словообразование» [156] отмечает, что имена существительные, помимо аффиксального способа, образуются и с помощью словосочетаний, т.е. лексикализованных словосочетаний, выражающих одно общее понятие. Он пишет, что «Существительные, образованные синтаксическим способом, подразделяются на составные и сложные» [156, с. 268]. В качестве существительных он приводит изафетные и лексикализованные сочетания типа: *белбау* 'пояс', *кьол кьап* 'перчатка', *кьайын ата* 'свекорь', 'тесть', *кьайын ана* 'теща', 'свекровь', *ыйых кюн* 'воскресенье', *баиш кюн* 'понедельник', *герге кюн* 'вторник', *орта кюн* 'четверг', *барас кюн* 'среда', *байрым кюн* 'пятница', *шабат кюн* 'суббота', *кюн ортасы* 'полдень', *юй туюбю* 'пол', *юй баишы* 'крыша', *этек баишы* 'голенище', *кюн туууш* 'восход', 'восток', *кюнбатыш* 'запад', 'закат'.

В качестве составных конструкций, образованных из сочетания имен прилагательных и имен существительных, автор рассматривает следующие примеры: *акътуякъ* 'белокопытный', *гитче бармакъ* 'мизинец'.

К числу составных конструкций, образованных из сочетания имен числительных с именами существительными, М.А. Хабичев относит следующие основы, выражающие одно общее значение: *жюз жыллыкъ* 'столетие'; *ючаякъ/ючаякъ* 'треножник'; *беж жыллыкъ/беиш жыллыкъ* 'пятилетний'.

В работе к числу составных конструкций, образованных из сочетания имен существительных и отглагольных имен на *-ыу/*

-иу, -уу/-юу; -макъ, -мек, он относит следующие основы: **алгъыш этиу** 'благословение', **салам бериу** 'приветствие', **къан алыу** 'мщение'.

В числе составных основ, образованных из сочетания имен существительных и отглагольных имен на **-ыучу, -иучю, -уучу, -юучю**, анализируются следующие конструкции: **сурат алыучу** 'фотограф', **сакъал жюлюучю** 'парикмахер' [156, с. 268-270].

Примеры, приведенные в разделе «Составные существительные», ни формально, ни семантически не подходят для данного разряда основ. Они больше подходят для разряда «Сложные существительные». Далее в разделе «Сложные существительные» М.А. Хабишев делит сложные основы на парно-собираательные и парно-повторные.

К парно-собираательным существительным он относит следующие основы: **окъ-топ** 'вооружение', **ата-ана** 'родители', **таш-агъач** 'валежник'. К этому же разряду автор относит основы, вторая часть которых не употребляется самостоятельно: **акъыл-балыкъ** 'зрелость', 'разумность', **сюек-саякъ** 'кости'.

К парно-собираательным существительным М.А. Хабишев причисляет и послеложно-именные слова: **юс-баи** 'внешность', **тюп-баи** 'постель', **къыйыр-уч** 'конец'. Эти же послеложно-именные основы, сочетаясь с аффиксами принадлежности, употребляются в тех же значениях: **юсю-баишы** 'внешность', **тюбю-баишы** 'постель', **учу-къыйыры** 'конец', **ичи-тышы** 'содержание'.

В числе парно-повторным существительных автор рассматривает и парно-повторные существительные со значением множественности и парно-повторные существительные с оттенком пренебрежительности.

К парно-повторным существительным со значением множественности в работе относятся: **джол-джол** 'дороги', **къат-къат** 'слоями', **тёбе-тёбе** 'холмами', 'кучами'.

В данном случае приведенные примеры следовало бы квалифицировать не как парно-повторные, а как повторные.

К парно-повторным существительным с пренебрежительным оттенком М.А. Хабишев относит основы **тау-мау** 'горы', **суу-муу** 'вода', **къой-мой** 'овцы'; **мал-чал** 'скот', **миз-чиз** 'шило', **мойюз-чюйюз** 'рога' и т.п. [156, с. 271]. В данном случае перечисленные

конструкции следовало бы рассматривать не как парно-повторные, а как парные, т.к. они не имеют отношения к повторам.

М.А. Хабишев отмечает, что прилагательные, образованные синтаксическим способом, подразделяются на составные и сложные.

К *составным* именам прилагательным автор относит прилагательные, образованные слиянием двух прилагательных, выражающих цвет или масть: **къызыл-ала** 'ярко-красный', **къара-тору** 'каре-гнедой', **къан-тору** 'красно-гнедой', **къара-кюрен** 'смуглый', 'темный', **ала-чуба** 'пестрый', **ала-чула** 'пестрый', 'разноцветный', **къара-къура** 'черноватый', **къолан-булан** 'темно-пестрый', **чубар-ала** 'рябой'.

В разряд составных прилагательных, образованных слиянием прилагательного с существительным, автор относит основы, **джа-ланаякъ** 'босой', 'босоногий'; **джаланбаи** 'бритый', 'открытый', **къызылууурт** 'краснощекий'.

Среди прилагательных, образованных слиянием двух прилагательных, одну часть можно было бы отнести к составным, т.к. они выражают в производной основе значения компонентов, вторую часть можно отнести к сложным прилагательным, т.к. они выражают в производной основе одно значение, т.е. значения компонентов не сохраняются или же трансформируются в другом виде. К *сложным* прилагательным, на наш взгляд, можно было бы отнести из приведенных примеров следующие: **ала-чуба** 'пестрый', **ала-чула** 'пестрый', 'разноцветный', **къара-къура** 'черноватый', **чубар-ала** 'рябой'.

Примеры, приведенные в разряде составных прилагательных, образованных слиянием прилагательного с существительным, следовало бы отнести к разряду *сложных* прилагательных.

К *сложным* прилагательным, в составе которых присутствует и значение наречия, в работе причисляются основы с усилительным значением, образованным в результате повторения одного и того же прилагательного или же полной редупликации: **къаты-къаты** 'твердый-pretвердый', 'твердо', **къысха-къысха** 'короткий-прекороткий', 'коротко', **узун-узун** 'длинный-предлинный', 'длинно'. К сложным прилагательным с собирательным значением, образованным слиянием двух прилагательных, являющихся смежными

или антонимичными по значению, в работе относятся: *къынгыр-тюз* 'кривой-прямой', *мийик-агаш/бийик-агаш* 'высокий-низкий', *су-аглат* 'целый', 'невредимый', *ташлы-агъачлы* 'каменистый-лесистый', *къарлы-бузлу* 'снежный-ледяной'. Данные примеры, приведенные М.А. Хабичевым, за исключением *сау-саламат*, в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» не зафиксированы и носят большей частью окказиональный характер. Их, даже если бы отмечались в словаре, нельзя отнести к сложным прилагательным, т.к. они имеют составную семантику.

Вопросы, связанные со словосложением, свободными словосочетаниями, детерминативными композитами, лексическими единицами, образованными по моделям полной и частичной редупликации, рассматриваются и в монографии Л.Ж. Жабеловой «Сложные имена существительные в карачаево-балкарском языке» [49]. Автор считает, что словосложительный тип, восходящий к структурной схеме Й изафета, оказался наиболее продуктивным в карачаево-балкарском языке [49, с. 14]. Однако, с другой стороны, материалы исследуемого языка свидетельствуют о том, что наиболее продуктивным является словосложительный тип, по которому образованы копулятивные композиты или парные существительные, как наиболее древняя форма словообразования. В тюркологии существует точка зрения, согласно которой парные слова не входят в разряд сложных слов, т.к. «во-первых, они допускают раздельнооформленность составных частей, а во-вторых, в них отсутствует в полном смысле слова семантическая цельность компонентов ...» [3, с. 127; 157, с. 42-44; 2, с. 28]. Л.Ж. Жабелова в этом вопросе поддерживает точку зрения тех ученых, которые считают, что парные слова признаются «вполне жизненной морфологической категорией» [41, с. 133], функционально приравниваются к «простым» словам, потому что относятся к той или иной части речи, а способны иметь соответствующие грамматические формы и выполнять в предложении функцию того или иного члена [61, с. 15]; «как по своей словообразовательной структуре, так и по написанию является полноценной самостоятельной лексической единицей, подлежащей размещению и описанию в словаре на общих основаниях» [170, с. 85].

Рассматривая отличительные особенности парных и парноповторных слов в карачаево-балкарском языке, Л.Ж. Жабелова пи-

шет, что «...каждый компонент парного слова функционирует в языке и на правах отдельной самостоятельной лексической единицы, за исключением тех, в которых один из компонентов уже утратил свое лексическое значение. А в повторах различаются ведущий компонент (полноценное слово) и «ведомый», вовсе не употребляемый как отдельное слово (например): *арба-марба* собир.-ирон. 'всякие арбы', *ахча-мыхча* собир.-ирон. 'деньги (всякие)', *кьой-мой* собир.-ирон. 'овцы и что-то в этом роде' и т.д.

Следует отметить, что подобные сочетания во всех тюркских языках квалифицируются как парные конструкции [90, с. 64], а не как повторы. В другом месте работы на сс. 69-70 Л.Ж. Жабелова подобные конструкции квалифицирует как парные, приводя примеры из других тюркских языков, и тем самым противореча сама себе.

На с. 78 исследователь считает, что такие парные существительные, как *сатыу-алыу* 'торговля', *барыу-келиу* 'хождение', *тигу-бичиу* 'рукоделие', *ашау-жашау* 'жизнь-бытие' образовались с помощью аффикса *-ыу/-иу*. Однако справедливости ради следует отметить, что с помощью данного аффикса образовались первоначально грамматические формы имени действия, впоследствии лексикализовавшиеся в составе парных конструкций.

Материалы, связанные с усилительными конструкциями, образованными по модели частичной редупликации, рассматриваются и в некоторых статьях Б.А. Мусукова, изданных в разное время. В статье «Сдвоенные наименования» с цветовыми компонентами в тюркских языках» анализируются конструкции интенсификации в личных именах и appellatives, образованные сочетанием цветообозначающего прилагательного *акъ/ак* 'белый' с препозиционной частицей *аппа-* (к.-балк.), *ап-* (башк.): *аппа акъ* 'совершенно белый' (к.-балк.), *ап-акъ* 'совершенно белый' (башк.) (ср. к.-калп. *аппақ* 'белоснежный', 'лебедь'; *аппақ мойын* 'лебединая шея'; *аппақлары* 'черещур белые' (карач. фамилия), *ситтак* 'чистобелая' (личное имя) от *сит* – усилительная частица имен прилагательных + *ак* 'белый'). Среди башкирских женских имен встречается антропоним *аппақ* 'белолицая', в средневековом художественном произведении узбеков «Бабур-намэ» можно найти женские имена: *Ақ беки* 'белая княжна', *Апақ беки* 'слишком белая княгиня', мужские имена: *Апақ хан*, *Аппақ-ходжа* [93, с. 327, 328].

Вопросы, связанные с частичной редупликацией, свободными и лексикализованными словосочетаниями, словосложением, затрагиваются в другой статье Б.А. Мусукова «*Лексико-семантическое поле слова «кызыл» (красный) в тюркских языках, написанной совместно с М.З. Улаковым*»; отмечается, что при частичной редупликации показывается предельная, насыщенная, избыточная степень качества: *кыйп-кызыл* 'ярко-красный' (к.-балк.), *дум-кызыл* 'ярко-красный' [152, с. 130]. В отдельных случаях, сочетаясь с прилагательными, «основного цветообозначения, функцию усиления выполняют и знаменательные части речи, например: *къан кызыл* 'ярко-красный цвета крови', *жингил кызыл* 'кумачевый', *ачы кызыл* 'маковый цвет', 'ярко-красный' [152, с. 130]. В статье приводятся свободные словосочетания как нарицательные, так собственные, употребляемые как в компонентном значении, например: *кызыл алма* 'красное яблоко' (к.-балк.), *кызыл аскерчи* ист. 'красноармеец', *Кызыл Аскер* 'Красная Армия', *кызыл эрик* 'красная алыча' (к.-балк.), так и лексикализованном: *Кызыл алма (ölmä)* (ост. Будагов, Радлов) 'город Рим', *кызыл кат* (тел.) 'смородина' (Радл.), *кызыл иишилди* 'брусника', *кызыл наныхъ* 'малина' (к.-балк.), *къара иишилди* 'черника' (к.-балк.), *қизилча* обл. 'свекла' (узб.), *қизилуруг* 'красномяска ананасная' (назв. сорта дыни, узб.), *кызылтёш* 'зяблик' (к.-балк.) [152, с. 130].

Формально в карачаево-балкарском и других тюркских языках существует словосложение, как способ словообразования, т.е. сложение значений компонентов, а фактически его нет, так как в результате словосложения теряется компонентное значение и приобретает новое обобщенно-метафорическое значение: *қизил суз (одам)* 'краснобай' (узб.), *қизил сузлик* 'краснобайство' (узб.), *акъ сёз* 'поэзия' (к.-балк.), *къара сёз* 'проза' (к.-балк.), *кызыл агач* 'ольха' (дерево) [108, с. 134].

В статье «*Семантическое поле цветообозначений в карачаево-балкарском фольклоре*» Б.А. Мусуков рассматривает свободные и лексикализованные словосочетания, употребляемые как в прямом, так и метафорическом значениях: *акъбийче* 'белая княгиня', *къара ийнек* 'черная корова', *акъ жабыу* 'снег', *акъбийче* 'извёстка'; *акъбет бийче* 'рассвет', *сары суу* 'пиво'. В работе отмечается, что «сдвоен-

ные наименования» большей частью употребляются в значении символического цветообозначения [95, с. 119; 120; 121].

В статье Б.А. Мусукова «*Лексико-семантическое поле слова **ит** ‘собака’ в тюркских языках*», рассматриваются наряду с односложными и двусложными этнографические термины как аппеллятивы, так и имена собственные. Сложные имена, употребляемые в различных историко-лингвистических источниках, функционируют в виде свободных и глагольно-именных словосочетаний: **куба ит** ‘белая собака’, **сары ит** ‘желтая собака’, **ит койлек** букв. ‘собачья рубашонка’, **кучук кыз** ‘маленькая девочка’, **итбай** букв. ‘богатая собака’, **италмаз** букв. ‘собака не возьмет’, **италмас** букв. ‘собака не возьмет’, **эталмас** букв. ‘собака не возьмет’, **итбас** букв. ‘собачья голова’, **итий** букв. ‘собаку отпускать’, **ит кол** букв. ‘собачье ущелье’, **ит кол баши** букв. ‘вершина собачьего ущелья’, **ит кая баши** ‘вершина собачьей скалы’. В зависимости от синтаксической позиции слово **ит** ‘собака’ в тюркских языках может быть как опорным, так и зависимым компонентом [94, с. 35-37].

Статья Б.А. Мусукова «*Формально-семантические особенности усилительных конструкций в тюркских языках*» посвящена исследованию лексико-грамматических особенностей усилительных конструкций, образованных по модели частичной редупликации, имеющих компонентную семантику и участвующих в развитии словарного состава и грамматического строя. В ней для выяснения общих закономерностей слово- и формообразования рассматриваются редуплицированные конструкции из разряда сложных слов, связанные с нарицательными именами прилагательными и наречиями; анализируются особенности фономорфологических трансформаций. В работе исследуются как полные, так и эллиптированные формы индивидуальных частиц, участвующих в качественной модификации исходных основ; особое внимание обращается на то, что формы интенсификации образуются с помощью препозиционных частиц от цветообозначающих прилагательных, значения которых при всей своей подвижности и ситуативной относительности занимают доминирующие позиции над переносными. Ср. примеры: **къяп-къара** ‘черный-пречерный’, **къяппа-къара** ‘черный-пречерный’, **къяп-къарангы** ‘темный-претемный’ и др. [97, с. 123-127].

Статья Б.А. Мусукова «*Прилагательные, порождающие особенности цветообозначения в тюркских языках*» посвящена исследованию лексико-семантических, морфологических, словообразовательных, словоизменительных особенностей цветообозначающих прилагательных в тюркских языках, участвующих, как в первичной номинации, так и в дальнейшем морфологическом и лексико-семантическом их развитии. Отмечается, что согласно теории лингвистической относительности, одни цветообозначения в создании лингвоцветового пространства и его категоризации участвуют больше, другие – меньше. Рассматриваются порождающие особенности цветообозначающих прилагательных как транспозиционных единиц, обращается внимание на участие отмеченных лексических единиц в образовании редуцированных конструкций, функционирующих по модели частичной редупликации, свободных и лексикализованных словосочетаний, форм ослабления качества, фразеологических оборотов, сращений, паремических конструкций. В работе анализируется роль метафоры и вербальных ассоциаций в создании различных сегментов лингвоцветового пространства. Приводятся лексико-семантические особенности цветообозначающих словосочетаний в тюркских языках, подчеркивается, что все «цветовые» конструкции выявляют два ведущих принципа семантического сближения, обусловленные признаком номинации. Ср. примеры: *karaaqaç* ‘вяз’ (тур.), *kizilaqaç* ‘ольха’ (тур.), *akaqaç* ‘береза’ (тур.) и др. [98, с. 77-80].

Статья Б.А. Мусукова «*Лексико-семантические особенности цветообозначающих прилагательных в тюркских языках* (на материале карачаево-балкарского языка)» посвящена изучению и семантическому анализу «основных» и «оттеночных» цветообозначений карачаево-балкарского языка. В ней выявляются общие и отдельные признаки номинации цвета, словообразовательные модели цветоименований, необходимые для составления языковых таксономий и для проверки различных вариантов гипотезы лингвистической относительности, значения категоризации цветового пространства в создании лингвоцветовой картины мира. В статье рассматриваются модифицирующие особенности качественных прилагательных, сочетающихся с денотативными и абстрактными именами существительными, определяются случаи лексикализации свободных слово-

сочетаний, теряющих компонентные значения и употребляющихся как единое слово. В работе исследуются случаи образования редуцированных конструкций, форм ослабления качества и усиления качества, функционирующих по основным моделям: обращается особое внимание на транспозиционные функции своеобразных показателей интенсификации – индивидуальных односложных частиц, вступающих в препозиции и являющихся количественным модификатором опорного слова, на формальные элементы форм ослабления качества, имеющих параллельное употребление [96, с. 1121-1126].

ГЛАВА 2. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА УСИЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО МОДЕЛИ ПОЛНОЙ РЕДУПЛИКАЦИИ

2.1. Образование парных слов с сочинительным отношением компонентов, особенности сочетания корневой морфемы и редуплицирующего элемента

Редуплицированные конструкции в тюркских языках представляют собой сложные языковые единицы, состоящие из двух слов, объединенных в неразложимые лексические единицы. Они возникают в результате словосложения. При этом модифицируются значения существующих лексических единиц, подвергаясь грамматическим преобразованиям.

Слова, входящие в состав форм усиления качества, сохраняют свое основное значение – значение качественных прилагательных, и в то же время с помощью присоединения формального элемента получают новое значение.

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации, обозначают одно сложное понятие или имеют собирательный смысл. Появление таких сложных лексических единиц связано с такими значениями, как разнообразие и множество. Здесь функционирует синтаксическое явление в чисто морфологических целях.

Первым и основным в проблеме формирования и функционирования редуплицированных конструкций является определение самой сущности редуплицированных словосочетаний.

Вторую сторону проблемы составляет выяснение закономерностей формирования редуплицированных конструкций и классификация их структурных моделей и типов. Изучению этого вопроса в тюркском языкознании уделялось очень мало внимания. Определение факторов, функционирующих при формировании редуплицированных конструкций в исследованиях, сводится в действительности к выявлению вопроса о том, на основе каких типов синтаксической связи образуются те или иные группы редуплицированных словосочетаний. Затрагивая вопрос о типах синтаксической связи, следует отметить о примыкании редуплицирующего компонента к опорному слову. Зависимость подчиненного слова выражается лексическим порядком слов и интонацией.

На самом деле закономерности образования редуцированных конструкций складываются из сложного переплетения структурно-звуковых, лексико-семантических, грамматических и синтаксических факторов, являющихся общими для всех групп словосочетаний. Эти закономерности обуславливаются как целевым назначением создания редуцированных конструкций, так и отличительными свойствами морфологической структуры слова, его лексико-семантическими особенностями.

Закономерности возникновения редуцированных словосочетаний в тюркских языках зависят от структуры слов, системы их взаимосвязей в речи, грамматического строя.

Третью сторону данной проблемы составляет исследование системы взаимосвязей категории редуцированных конструкций с другими сторонами языка (лексикой, грамматикой, фразеологией, стилистикой). Смысл данного вопроса заключается в выяснении места редуцированных основ в словарном составе языка, в системе слово- и формообразования, в выяснении взаимосвязи и взаимозависимости системы редуцированных словосочетаний и грамматического строя языка.

Редуцированные конструкции в тюркских языках должны опираться на совокупность их лексико-семантических, морфологических, синтаксико-функциональных и структурно-функциональных особенностей. Образование редуцированных словосочетаний с участием усилительных частиц в тюркских языках происходит с учетом особенностей и требований или лексики, или грамматики, или фразеологии и стилистики. Этими тремя условиями определяются их структурные особенности и формы функционирования в языке. Новые лексические единицы возникают в результате словосложения.

Показателями грамматических значений, так же как и лексико-семантических, являются редуцирующие компоненты. В отдельных случаях в процессе сочетания редуцирующих компонентов с именами существительными возникают лексикализованные словосочетания: *Кип-Кизил ахмоқ* 'круглый дурак, набитый дурак; форменный дурак; балбес' (узб.).

Все типы редуцированных конструкций можно отнести к категории словосложения. Компоненты этих конструкций состав-

ляют лексическое или грамматико-функциональное единство. Все типы редуцированных конструкций, находящиеся за пределами словосложения, составляют фразеологические единицы тюркских языков: *акКош* (букв. 'белая птица') 'лебедь' (башк.) (ср. *Кара акКош* [(букв. 'черная белоптица') 'черный лебедь' (башк.)]). Различные типы редуцированных конструкций имеют сходство с единицами, полученными в процессе словосложения, только в том отношении, что все они имеют устойчивые, неразложимые особенности. С другой стороны между ними существуют значительные расхождения.

Редупликация – это объединение опорного слова с редуцирующим компонентом с целью образования новой лексической единицы или модифицирования значения существующих лексических единиц, или выражения грамматического значения. При редупликации, хотя и достигается тесное единство сочетающихся частей, не может произойти фонетической деформации и структурно-звукового слияния слов-слагаемых. Редупликация непосредственно связана со словарным составом языка и морфологией; способом редупликации образуются новые слова или значения слов и выражаются грамматические значения. Устойчивость редуцированных словосочетаний достигается как структурно-звуковыми факторами, так и смыслом, общим для всех сочетающихся в данной морфологической единице частей слов. В результате лексикализации отдельные редуцированные словосочетания становятся обычными лексическими единицами, потеряв компонентное значение. Благодаря семантическому единству эти конструкции выявляют потенциальную возможность слияния составных частей в единое целое, в отдельную сложную лексическую единицу.

Редупликацию, как частичное повторение корня, как способ образования слов, вытекающую из синтаксического сочетания основной формы прилагательного с несамостоятельными словами-усилителями, относят обычно к морфологическому способу словообразования. В данном случае отмечается синтетическая форма усиления качества, ограниченная рамками семантики (применяется для прилагательных, обозначающих цвет) и носящая характер пережиточной категории. К аналитической разновидности формы усиления качества относится также синтаксическое сочетание ос-

новой формы прилагательного с самостоятельными словами-усилителями как в башкирском языке: *бик* 'очень', *утэ* 'чрезвычайно', *бигерэк* 'в особенности, особенно'; *бик якишы* 'очень хороший', *утэ тырышкан* 'крайне прилежный', *бигерэк матур* 'особенно красивый' [44, с. 84].

По своему происхождению *бик* – прилагательное с первоначальным значением 'крепкий', *бигерэк* – сравнительная степень от этого же слова, *утэ* – деепричастие от глагола *ут* – 'проходить, миновать, переходить', то есть дословно 'переходя' (через) [44, с. 85]. Усилительные слова *бек* 'очень сильно', *бегирек* 'особенно, в особенности' (*бегирекда* 'особенно в особенности'), *ёте* 'чрезвычайно' отмечается и в карачаево-балкарском языке. Слово *бегирек*, хотя и обозначает форму ослабления качества с точки зрения грамматики, имеет сравнительную степень прилагательного, с помощью аффикса *-ирек* и при наличии фонетических изменений на стыке корня и аффикса, в интервокальной позиции выявляет усилительные оттенки.

Одним из таких слов-усилителей в карачаево-балкарском языке является слово *эм* 'очень, сильно', с этимологическим значением 'крепкий, прочный, твердый'. В нормативной речи литературного языка вытеснило все другие значения и осознается как основной признак превосходной степени аналитического типа, то есть такой же, как русское 'самый большой, больше всего': *эм залим* 'очень сильный, могущественный', *эм уллу* 'самый большой', *эм ариу* 'самый красивый' и т.д. Слово *эм*, стоя перед прилагательным, не претерпевает никаких синтаксических изменений и может выступать в функции наречия.

Как показывает обзор научной литературы о парных словах, некоторые исследователи по тюркским языкам к категории *парного* слова относят и *повторы*. При этом, по всей вероятности, учитываются чисто внешние признаки: двучленная структура, принадлежность компонентов к одной и той же части речи. Как отмечает С.Н. Муратов, «структура парных слов и повторов, их внутренняя организация и лексико-грамматическая природа значительно отличается друг от друга. Под парными словами подразумеваются только такие сложные лексические единицы, компоненты которых являются пар-

ными как в фонетическом (ритмико-интонационном) и морфологическом, так и в лексико-семантическом отношении» [92, с. 61].

С фонетической точки зрения парность такого сложного слова характеризуется тем, что оба компонента полностью самостоятельны и имеют наличие одинаковой интонации, отдельного ударения, аллитерации, конечной или внутренней рифмы.

С точки зрения морфологии оба компонента парного слова выражены одной частью речи и имеют одинаковые грамматические особенности.

Лексико-семантической особенностью парных слов и редуцированных конструкций как грамматикализованных сочетаний слов типа повторов одной и той же основы или разных основ является то, что за счет наличия второго слова или редуцирующего компонента выражаются форма усиления качества и такие значения как значения множественности, многократности, длительности и силы действия. Повторы и редуцированные сочетания слов служат для определительной характеристики предметов, явлений и действий. Однако с другой стороны с точки зрения лексико-семантической наполняемости отличительной особенностью этих двух весьма близких семантических категорий является то, что в редуцированных конструкциях гораздо сильнее выражены формы усиления качества и значение собирательной многократности.

Некоторые исследователи считают эти синтаксические категории грамматикализованными устойчивыми сочетаниями слов. Парные слова и редуцированные конструкции могут считаться устойчивыми только в том случае, когда обнаруживают лексикализованное значение и выражают одно понятие. Однако многие конструкции из этого разряда словосочетаний выявляют компонентное значение и поэтому не могут считаться в целом устойчивыми. Устойчивыми могут считаться лишь отдельные сочетания слов, в которых отмечается модифицирующее значение.

Описывая формы отыменных образований в староузбекском языке, А.М. Щербак отмечает, что «отличительной чертой лексико-грамматической структуры прилагательных является их сочетаемость с морфологическими показателями, выражающими разную степень насыщенности признаком в сравнительном плане и безот-

носительно к чему-либо, например с аффиксами *-рак-рăк*, *-иїл* и т.д.

Аффикс *-рак/-рăк* выражает известную недостаточность или, наоборот, некоторую избыточность признака, см. БН: *кїскарак кїиї* 'недалекий человек (букв.: 'покороче')' (17), *кїчїрăк касабї* 'небольшая крепость (букв.: 'поменьше')' (6), *ташкарїракдїн* 'снаружи' (6), *кăм вбрак јѣрдур* 'бедная влагой земля' (62) [168, с. 130]. В приведенных текстовых примерах А.М. Щербака с аффиксом *-рак/-рăк*, по нашему мнению, отмечается только недостаточность признака, заложенного в опорном слове, однако, с другой стороны констатируемой автором избыточности признака в них не видно. Данный аффикс в тюркских языках, выражает форму ослабления качества, присоединяясь как к прилагательным, обозначающим цвет («оттеночное цветообозначение»), так и к другим прилагательным, показывающим сравнительную степень. Аффикс *-рак* в тюркских языках является количественно-качественным модификатором опорного слова: *аз* 'мало' - *азыракъ* - 'поменьше (к.-балк.)', *кѣп* 'много' - *кѣбюрек* 'побольше' (в интервокальной позиции на стыке корня и аффикса *п-б*, т.е. становится звонкой); *акъ* 'белый' - *агъыракъ* 'побелее' (в интервокальной позиции на стыке корня и аффикса *къ-гъ*, т.е. становится звонкой). Направление этой модификации может быть совершенно противоположным, т.е. в одних случаях *-ракъ* усиливает значение основного слова, в других – ослабляет, как в туркменском и других тюркских языках, основное качество прилагательного. В татарском языке существует двоякая позиция: одни считают – *ракъ* усиливающим компонентом, другие ослабляющим.

Модификацию значений с участием *-рак* в плане усиления качества можно увидеть и в текстовых примерах староузбекского языка в сочетании с именем в форме исходного падежа или с союзом *кїм* 'что', 'чем': *мундїн улуграк* 'больше этой', *алардїн јахшиїрак* 'лучше их', *андїн улуграк* 'больше того' [168, с. 130]. Однако, автор не указывает на наличие усиления качества в этих примерах, он отмечает, что аффикс *-рак* выражает только сравнительную степень прилагательного. Из семантики прилагательных видно, что аффикс *-рак* в них выражает усиление качества. Универсальной лексико-грамматической особенностью производных основ на *-рак/-ракъ* в тюркских языках является то, что, наряду с основами, выражающими

ми форму ослабления качества, функционируют основы, в которых употребляется форма усиления качества. В этом отношении аффикс **-рак** можно считать полифункциональным, т.к. он участвует в образовании совершенно противоположных значений.

С одной стороны, один из составителей грамматики татарского языка Ф.А. Ганиев, исследуя словообразовательные процессы, считает, что редупликация как полное, так и частичное повторение опорного слова, выражает различные грамматические значения, в частности, деривационные. Здесь изначально в самом определении сущности редупликации автор допускает путаницу, т.к. грамматическое и словообразовательное значения – это разные категории. С другой стороны, хотя и формально, с точки зрения морфологии, усилительные компоненты выражают грамматическое значение превосходной степени, на самом деле дополняют семантическими оттенками значение опорного слова: *кызыл* 'красный' - *кып-кызыл* 'ярко-красный' - *красное становится чересчур красным* (к.-балк.), *сары* 'желтый' - *сан-сары* 'желтый-прежелтый' - *желтое становится чересчур желтым*.

А.Н. Кононов отмечает, что «сравнительная степень, обозначающая различие в количественном выражении признака одного предмета в сравнении с другим, может быть представлена тремя способами: 1) морфологическим, 2) синтаксическим, 3) синтаксикоморфологическим.

1. Морфологический способ выражения сравнительной степени реализуется с помощью аффикса **-роқ**.

Аффикс **-роқ** в современном узбекском литературном языке служит для выражения: а) неполной меры качества: *майдароқ* 'мелковатый' (*майда* 'мелкий'); *совуқроқ* 'довольно холодный', 'холодоватый' (*совуқ* 'холодный'); *иссикроқ* 'довольно горячий' (*иссиқ* 'горячий')... б) повышенной меры качества без непосредственного сопоставления двух предметов (элатив). [73, с. 163]. Н. Остроумов пишет: «Частица **ракъ**-... указывает скорее на уменьшение или на незначительное увеличение качества» [107, с. 57].

«В современном узбекском литературном языке он (аффикс **-роқ** – Б.М.) в большинстве случаев употребляется для уменьшения признака (иногда выступает показателем сравнительной степени). Эти различия являются диалектными: указанный аффикс в ферган-

ских говорах – показатель сравнительной степени, в ташкентском говоре – показатель «субъективной оценки» - уменьшение» [39].

Аффикс **-роқ** «означает усиление или ограничение качества прилагательного или степени наречия» [71, с. 92]. Аффикс **-роқ** в этом языке обозначает неполноту качества в наречиях, причастиях, дееспричастиях и существительных [73, с.163].

Превосходная степень прилагательных в узбекском языке образуется:

1) способом сочетания самостоятельных лексических единиц: **энг** ‘самый’ (ср. к.-балк. **эм** ‘очень, самый’), **жуда** ‘очень’, **гоят(да)** ‘очень’, ‘весьма’, **ниҳоят(да)** ‘весьма’, ‘крайне’ и т.п. с прилагательными в положительной степени; в этом случае крайне предельная степень качества обозначается без сравнения с другими предметами: **энг яхши** ‘самый хороший’, ‘(наи)лучший’; (ср. к.-балк. **эм яхши** ‘очень хороший’, ‘самый лучший’); (слово **яхши** в карачаево-балкарском языке является заимствованием из огузских языков; вариантом кипчакских языков является **жакишы/жакъшы** со значением ‘хороший’); **жуда чиройли** ‘очень красивый’ (ср. к.-балк. **бек чырайлы** ‘очень симпатичный, привлекательный’); **гоят(да) совуқ** ‘очень холодный’; **ниҳоят(да) иссиқ** ‘чрезвычайно горячий’;

2) способом сочетания слов **барча**, **ҳамма**, **бари** ‘все’, ‘всё’ в исходном падеже с прилагательными: **барчасидан** // **ҳаммасидан** // **баридан кучли** ‘сильнее всех’ (ср. к.-балк. **барындан да кючлю** ‘сильнее всех’); **барчасидан** // **ҳаммасидан** // **баридан яхши** ‘лучше всех’ (ср. к.-балк. **барындан да яхши** ‘лучше всех’);

3) способом повторения имен прилагательных в конструкции изафета III: прилагательное-определение субстантивируется с помощью формы мн.ч. + родительный п., прилагательное-определение получает афф. принадлежности

3-го л. **яхшиларнинг яхшиси** ‘лучший из лучших’, ‘наилучший’ (ср. к.-балк. **яхшылары яхшысы** ‘лучший из лучших’, ‘наилучший’); **ёмонларнинг ёмони** ‘худший из худших’, ‘наихудший’ (ср. к.-балк. **аманлары аمانы** ‘худший из худших’, ‘наихудший’); **доноарнинг доноси** ‘мудрый из мудрых’, ‘мудрейший’;

4) способом включения прилагательного (с афф. принадлежности 3-го л.) в качестве определяемого в определительную группу,

определением, в котором является название сравниваемого предмета, стоящее в форме родительного или исходного п.: *қовунларнинг* // *қовунлардан яхияси* 'лучшая из дынь' (ср. к.-балк. *хууанланы* // *хууанладан яхиясы* 'лучшая из дынь'); *одамларнинг* // *одамлардан ақлиси* 'умнейший из людей' (ср. к.-балк. *адамланы* // *адамладан ақыллысы* 'умнейший из людей') [73, с. 164-165].

Усилительные формы (интенсив) имен прилагательных в узбекском языке, выражающие избыточную меру качества или высокую оценку качества, образуются следующими способами:

1. Полной редупликацией:

а) повторением одинаковых прилагательных (пишутся через дефис). При сочетании двух знаменательных слов, образующих сложное слово, при полной редупликации прилагательных и деепричастий главное ударение падает на первое слово: *катта-катта* 'большой-пребольшой' (*ката* 'большой'), *иссиқ-иссиқ* 'горячий-прегорячий' (*иссиқ* 'горячий'); *баланд-баланд* 'высокий-превысокий' (*баланд* 'высокий'); *ширин-ширин* 'сладкий-пресладкий' (*ширин* 'сладкий'); *яхии-яхии* 'хороший-прехороший'; *совуқ-совуқ* 'холодный-прехолодный' (*совуқ* 'холодный'), *янги-янги* 'новый-преновый' (*янги* 'новый'); б) повторение прилагательных-синонимов выражает усиленную, повышенную степень качества или собирательность (пишутся через дефис); оба слова сохраняют свое ударение (тип малопродуктивный): *қингир-қийшиқ* (кривой-согнутый) 'совсем искривленный'; *эгри-бугри* (кривой-горбатый) 'совершенно кривой', 'весь изогнутый'; *пишиқ-пuxта* (крепкий-тщательный) 'очень основательный'; *ола-чипор* (пестрый-пестрый) 'разноцветный'.

2. Частичная редупликация как явление производное от полной редупликации сводится к следующему: к первому слогу (если слово многосложное), или к первым двум звукам (если слово односложное, начинающееся согласным), или к первому гласному (если слово начинается гласным) присоединяется звук *-п*, реже *-м*, *-с*; ударение находится на первой части: *қип-қййп* 'совершенно красный'; *қоп-қорп* 'совсем черный', 'совершенно-черный'; 'черный-пречерный'; *сьп-сарип* 'совершенно желтый', 'желтый-прежелтый'; *оппоқ* (<оп-оқ) 'совершенно белый', 'белый-белый'; *ям-яшил* 'совершенно зеленый'; *қўм-қўқ* 'совершенно синий' // 'зе-

лeный', 'синий-синий' // 'зелeный-зелeный'; **тйм-қорв** 'совершенно черный'; **дум-думалоқ** 'совершенно круглый'; **бус-бутун//бут-бутун** **лйқ тўлв** 'совершенно полный'; **жйқққ**.

В отдельных случаях согласный первой части **-п** удваивается и к нему присоединяется гласный **-а**: **сбппа-сог** 'совершенно здоровый', **тўппа-тўғри** 'совершенно прямой'; **типпа-тиқ** 'совершенно отвесный'; **қуппа-қуруқ** 'совершенно сухой'.

Интенсивная степень качества имен прилагательных в узбекском языке образуется также посредством специальных частиц усиления:

тим: **тим –қора** 'совершенно черный';

лиқ: **лиқ тўла** 'совершенно полный';

жиққа: **жиққа хўл** 'совершенно мокрый';

гирт: **гирт хом** 'совершенно незрелый';

гирт саводсиз 'совершенно неграмотный'.

3. В узбекском языке, так же как и в других тюркских языках, отмечается сочетание прилагательного с особым отзвучием – «словом-эхом», обозначающим собирательность, обобщение, осложненные экспрессивной окраской, присущей разговорной речи: **ола-була** // **ола-қура** 'разноцветный', 'очень пестрый' (**ола** 'пестрый'); **қора-қура** 'мелкий-незначительный' [73, с. 161-162].

От слова **ала** в тюркских языках образовалось большое число производных, наиболее распространенными среди которых являются следующие: парное прилагательное **ала-вұла** тур. диал. DSI₁₆₆₋₁₆₉ (другие формы **alali bulali**, **alas vulas**, **alavele** и др.), аз. диал. Валиев Апшерон₃₃₀, уйг., тув. и др., **ала-була** уз. со значением 'разноцветный', 'пегий (о животных)', 'пестрый', 'разномастный' - тув. [123, с. 130].

Во всех этих парных сочетаниях вторым составляющим компонентом является отзвучие – 'слово-эхо' **вұла**. Если первый компонент **ала** имеет лексическое значение 'разноцветный', 'пестрый', 'пятнистый', 'смешанный', то второй компонент лексического значения не имеет. Его формальное употребление усиливает такие лексические значения опорного слова, как значения собирательности, обобщения, эмоционально-экспрессивной окрашенности. Материалы словаря свидетельствуют о том, что основной и формальный элементы получают дальнейшее морфологическое развитие путем

присоединения аффикса принадлежности *li*. От сочетания прилагательного *ала* с особыми отзвучиями по данным словаря В.В. Радлова, образуются различные парные прилагательные: *ала-кола* 'пестрый, разноцветный' - редулицированная форма от *ала*; *ала-сула* (киргизское наречие) 'пестрый, разноцветный' - редулицированная форма от *ала*: *ала гула сөйлөдү* 'он говорил всякий вздор'; *ала-гула етпайңиз (жемйңиз)* 'не считайте этого негодным'; *ала-була* (О.Т., джагатайский книжный язык) 'разные краски' - редулицированная форма от *ала*.

В монгольском языке также встречаются парные сочетания *ала-гула* 'пестрый, разноцветный', *ала-була* 'пестрый, разноцветный', проникшие в этот язык, по мнению В.В. Радлова, из тюркских языков.

В современном киргизском языке также употребляются парные слова, образованные от сочетания прилагательного *ала* с особыми отзвучиями, например: *ала-була* 1) 'пестрый'; 'разноцветный'; 2) то же, что *ала-кула* 2; *ала-була сүйлөбөгүн* 'говори без уверток'; *бизди-ала-була корду* 'он к нам отнесся неодинаково (одних предпочел другим)'; *ала-кула (или алагула)* 1) 'саврасо-пегий'; 2) перен. 'разброд, разлад' *ала-кула кылып жибер* - 'расстроить, внести разлад'; *ала-кула көр* - 'относиться не ко всем одинаково; предпочитать одного, унижая другого'; 3) неодинаковый; *ала-кула эли бар жер* 'страна (или местность) с многонациональным (или многоплеменным) составом' [70, с. 44].

В современном татарском языке употребляется парное слово, образованное от сочетания прилагательного *ала* 'пегий, пятнистый' с особым отзвучием, например: *ала-кола* 'пятнистый, пестрый' - редулицированная форма от *ала*; *яз башында кыр ала-кола була* 'в начале весны поле становится пестрым' [140, с. 31].

4. Форма усиления качества, выражающая избыточную меру качества или высокую оценку качества, образуются в узбекском языке, так же как и в других тюркских языках, повторением прилагательных, при котором первое прилагательное стоит в форме исходного падежа: *янгидан-янги* 'совсем новенький' [151, с. 573] (ср. к.-балк. *жангыдан-жангы* 'все новее и новее'); *тўғридан-тўғри* 'прямохонький' (*тўғри* 'прямой') [151, с. 469] (ср. к.-балк. *туурадан-туура* 'все открытое и открытое'); *совуқдан-совуқ* 'совершенно

холодный' [151, с. 375] (ср. к.-балк. *сууукъдан-сууукъ* 'все холоднее и холоднее'); *очдан оч* 'голодный-преголодный (*оч* 'голодный') [151, с. 310] (ср. к.-балк. *ачдан-ач* 'все голоднее и голоднее').

К.М. Мусаев пишет, что «сравнительная степень прилагательных образуется при посредстве аффикса ...*-рах, -ряк...*, *-рак, -рек*. Аффикс *-рах* в зависимости от семантики исходного имени прилагательного может усиливать или ослаблять качество сравниваемого предмета, т.е. семантика ослабления или усиления качества не зависит от аффикса *-рах*: *йахиш / йаксы* 'хороший', *йахишрах / йаксы-рак* 'лучше'; *йарых / йарык* 'светлый', *йарыхрах / йарыкрак* 'светлее', *уллу* 'большой', *уллурах* 'больше'...» [94, с. 180-181].

В гагаузском языке формы ослабления качества, выраженные прилагательным, образуются при помощи специальных аффиксов, присоединяемых к этим основам.

К их числу относятся *-(а)рак, -(е)рăк*, выражающие степень количественного понятия, заключенного в производном слове: *кўчўрăк* 'небольшой' - *кўчўк* 'маленький'; *азарак* 'маловатый', 'немногоу' - *аз* 'мало', *дарарах* 'узковатый' - *дар* 'узкий'; *бўўрăк, бўўжерăк* 'довольно большой' - *бўўк* 'большой'.

Значение аффиксов *-а(рак)=-е(рăк)* в этих основах близко к значению показателя сравнительной степени прилагательных и наречий [109, с. 106].

Данный аффикс, кроме того, в этом языке встречается и среди деепричастий, выражающих образ действия близких к прилагательным-наречиям [109, с. 244].

Исследуя степени сравнения имен прилагательных в турецком языке, А.Н. Кононов пишет, что «в некоторых тюркских языках сравнительная степень прилагательных образуется с помощью аффикса *-рак/-рек*; в турецком языке такой способ образования сравнительной степени непродуктивен. Этот аффикс сохраняется лишь в незначительном числе слов: *acı* 'горький', *acıрак* 'горче', *ince* 'тонкий', *incerek* 'тоньше'; *aiak* 'низкий', *aiçarak* '(по)ниже'; *küçük¹* 'маленький', *küçükек* 'меньше', *ufak* 'мелкий', *ufarak* 'мельче' [72, с. 160].

¹Именные основы, оканчивающиеся на *к* при сочетании с этим аффиксом утрачивают этот согласный.

В карачаево-балкарском языке для выражения одного понятия в более сильной форме или для выражения значения собирательности употребляется немало редуплицированных форм прилагательных. Слова, входящие в сочетания, могут относиться друг к другу по-разному.

Основное значение редуплицированного сочетания заключаются почти всегда в опорном слове, формальные элементы либо усиливают, либо ослабляют признак, заложенный в знаменательном слове. В результате сочетания значений двух компонентов – основного и формального, образуется понятие обобщенное, синтез двух понятий.

Прилагательные в карачаево-балкарском языке подразделяются на качественные и относительные. Относительные прилагательные не имеют степеней сравнения.

В.И. Филоненко отмечал, что «прилагательные качественные, кроме положительной степени, выражаемой непосредственно прилагательными, имеют еще сравнительную степень, превосходную степень и усилительную степень. Последнее, показывая наличие наивысшей степени того или другого качества, употребляется преимущественно у прилагательных, обозначающих цвета и краски. Сравнительная степень образуется при помощи аффикса *ракъ, рек*, присоединяемого к корню.

Например: *‘узун’* - длинный, *‘узунракъ’* - длиннее; *‘уллу’* - большой, *‘уллуракъ’* - больше, *‘аман’* - плохой, злой; *‘аманракъ’* - злее, хуже.

При сравнении двух предметов тот предмет, с которым сравнивается другой предмет, ставится в исходном падеже, сравниваемый же предмет – в именительном падеже, прилагательные – в сравнительной степени.

Например: *‘ёгюз къойдан уллуракъ’* - бык больше барана; *‘тюлкю бёрюден гиччерек’* - лиса меньше волка. Но нужно иметь в виду следующую особенность аффикса *‘ракъ-рек’*. Аффикс *‘ракъ’* - *‘рек’* придает значение прилагательному сравнительной степени только тогда, когда сравниваются два предмета или понятия.

Например: *эта ручка длиннее той – ‘бу ручка мындан узун-ракъды’*. Без такого сравнения аффикс *‘ракъ-рек’*, присоединяясь к прилагательному, придает последнему не значение сравнительной

степени, а меньшую даже степень, чем положительная» [154, с. 46-47].

Однако, анализируя прилагательные сравнительной степени, образованные с помощью аффикса **-ракъ/-рек** и показывающие сравнительно два признака в двух предметах, В.И. Филоненко не дифференцирует, в каких случаях аффикс **-ракъ/-рек** образует прилагательные, имеющие форму ослабления качества, в каких – форму усиления качества. Лексико-семантической особенностью прилагательных тюркских языков, образованных с помощью аффикса **-ракъ/-рек**, является то, что наличие формы ослабления качества или формы усиления качества зависит не только от аффикса, а от лексико-семантической структуры производящей основы. К примеру, если основа имеет положительные семантические оттенки, то присоединение аффикса еще больше усиливает данное значение, если основа имеет отрицательные семантические оттенки, то присоединение аффикса еще больше усиливает данное значение.

В этой связи из отмеченных В.И. Филоненко прилагательных к форме усиления качества следует отнести следующие: **узунуракъ** 'длиннее', **уллуракъ** 'больше'. К форме ослабления качества следующие: **аманыракъ** 'злее, хуже', **гитчерек** 'меньше'.

Исследуя степени прилагательных, В.И. Филоненко отмечал, что «превосходная степень образуется описательно: посредством прибавления к положительной степени слов **'эм'** - самый, **'бек-кёб'** - много, например: **'базыкъ'** - толстый, **'эм базыкъ'** - самый толстый, **'ахиш'** - хороший, **'бек ахиш'** - очень хороший; **'сууукъ'** - холодный, **'бек сууукъ'** - очень холодный.

Усилительная степень образуется следующим образом: перед данным прилагательным ставят один слог, которого первые два звука тождественны с первыми звуками прилагательного, а последний согласный звук непременно один из губных **'б'** или **'п'**.

Например: **'къара'** - черный, **'каб-къара'** самый черный, чернейший – **'къызыл'** красный, **'къып –къызыл'** самый красный; **'сары'** - желтый, **'сап-сары'** самый желтый, **'бош'** пустой, **'боб-бош'** - самый пустой; **'сау'** - здоровый, **'саб-сау'** совершенно здоровый [154, с. 47].

В.И. Филоненко в этой связи приводит только отдельные цветообозначающие прилагательные из разряда редулицированных;

следовало бы привести и другие прилагательные, такие как, например: *аппа-акъ* 'белый-пребелый', *ап-акъ* 'белый-пребелый', *чымм-акъ* 'белый-пребелый'; *кём-кёк* 'синий-пресиний'. Кроме того, в его работе отсутствует дифференциация цветообозначающих прилагательных от других прилагательных и редулицирующих элементов цветообозначающих прилагательных от редулицирующих элементов других прилагательных.

Более полное перечисление всех цветообозначающих прилагательных в сочетании с усилительными компонентами позволило бы системнее изучить семантические модификации в структуре опорных основ, способствовало бы сравнительно-сопоставительному исследованию процессов редуликации в тюркских языках в целом, выявлению их интегрирующих и дифференцирующих особенностей.

Редулицированные конструкции, приведенные В.И. Филоненко, свидетельствуют о том, что при подаче редулицирующих элементов карачаево-балкарского языка в сочетании с цветообозначающими прилагательными нет единой лексикографической интерпретации, например, в одном случае дается *каб-къара*, в другом – *кып-кызыл*.

Анализируя качественные прилагательные карачаево-балкарского языка, образованные как по модели частичной редуликации, так и полной, следует отметить их лексическую особенность, заключающуюся в выражении форм усиления качества. Грамматической особенностью качественных прилагательных, образованных с помощью аффикса сравнительной степени *-ракъ/-рек* является то, что они как в единственном, так и множественном числе, склоняются по падежам по типу имен существительных.

Другой грамматической особенностью качественных прилагательных этого разряда является то, что к ним присоединяются аффиксы принадлежности.

К числу грамматических особенностей редулицированных конструкций данного разряда относится то, что качественные прилагательные, употребляемые с аффиксами принадлежности, также склоняются по образцу имен существительных.

Помимо лексико-семантических, морфологических, грамматических особенностей в компонентах редулицированных конструк-

ций отмечаются и фонетические трансформации: во всех склоняемых формах единственного числа вместо редуплицирующего компонента **-ракъ-** аффикса сравнительной степени – употребляется фонетический вариант **-рагъ** как результат озвончения глухой согласной фонемы **къ**, расположенной в интервальной позиции. Во всех склоняемых формах множественного числа фонетический вариант **-рагъ** не употребляется, а употребляется.

К числу грамматических особенностей склоняемых форм множественного числа редуплицированных конструкций относится то, что употребляется показатель множественного числа аффикс **-лар**.

Лексико-семантической особенностью цветообозначающих прилагательных типа **къызыл** 'красный', **акъ** 'белый', **къара** 'черный', **кёк** 'синий, голубой', **жашил** 'зеленый', **сары** 'желтый' является то, что прибавление к ним аффикса сравнительной степени – **ракъ/-рек**, не усиливает, а ослабляет степень проявления признака в предметах: **къызыл** + **ыракъ** 'красноватый'; **акъ** + **ыракъ** 'беловатый'; **къара** + **ракъ** 'темноватый'; **кёк** + **юрек** 'синеватый, голубоватый'; **сары** + **ракъ** 'желтоватый'. В этом отношении аффикс – **ракъ/-рек** образует прилагательные оттеночного цветообозначения: **къыз** + **гъыл** 'красноватый', **къыз** + **гъыл** + **дым** 'красноватый'; **сар** + **гъыл** 'желтоватый', **сар** + **гъыл** + **дым** 'желтоватый'; **акъ** + **сыл** 'бледноватый', **акъ** + **сыл** + **дым** 'белесый'; **кёк** + **сюл** 'синеватый, голубоватый', **кёк** + **сюл** + **дюм** 'синеватый, голубоватый', **жашил** + **дим** 'зеленоватый'.

Лексико-семантической особенностью редуплицированных конструкций типа **къып-къызыл**, **къап-къара**, **аппа-акъ**, **сап-сары**, **кём-кёк**, **жап-жашил**, образованных по модели частичной редупликации, является то, что редуплицирующие компоненты **къып-**, **къап-**, **аппа-**, **сап-**, **кём-**, **жап-** усиливают значения опорных слов.

Сведения о степенях сравнения прилагательных можно найти и в современном татарском языке. *Сравнительная степень* прилагательных, выражающая соотношение имеющегося качества с номинативным значением данного качества, образуется с помощью присоединения к опорному слову различных формальных элементов. Сравнительная степень прилагательных образуется:

1) морфологическим способом, то есть с помощью аффикса **-рак/рэк**: **озын** 'длинный' – **озыпрак** 'длиннее', **көчле** 'сильный' –

көчлерэк 'сильнее', *матур* 'красивый' - *матуррак* 'красивее', 'красше' и т.д.;

2) описательно, т.е. синтаксически или морфологосинтаксически:

а) исходный падеж предмета, с признаком которого сравнивается что-либо, плюс прилагательное с аффиксом *-рак/-рэк* или без него: *Без сугышта юлбарыстан кочлебаз* 'Мы в бою сильнее тигра'.

б) название сравниваемого предмета в дательном падеже в сочетании с послелогом *караганда* плюс прилагательное с аффиксом *-рак/рэк* или без него: *Ул безгэ караганда олырак* 'Он старше нас' - в подобных сочетаниях перед прилагательными могут быть поставлены слова *күп* 'много' или *шактый* 'довольно'...

в) название сравниваемого предмета с послелогом *бэлэн*, за ним следует слово *чагыштырганда*, затем – прилагательное с аффиксом *-рак/рэк* или без него [128, с. 172-173].

Если во многих тюркских языках дается дифференцированная подача редуплицированных прилагательных относительно того, в каком случае аффикс *-рак/-рек* в системе сравнительной степени образует формы усиления качества, а в каком – формы ослабления качества, то авторами татарской грамматики не указывается на такое распределение.

Превосходная степень прилагательных является формой, выражающей высшую степень концентрации качества. Она передается синтаксическим способом – с помощью специальных усилительных слов (наречий и частиц): *иң* 'самый', *бик* 'очень', *нтэ* 'наиболее', 'чрезмерно', *аеруча*, *аерата* 'особенно', 'особо' и т.д.; *иң тирэн* 'самый глубокий', *бик эче* 'очень кислый', *бик акылл* 'очень умный', *бик кечкен* 'очень маленький', *нтэ ялкау* 'чрезмерно ленивый', *нтэ кыен* 'очень трудный', *аеруча житди* 'особо серьезный'.

Наиболее существенной чертой прилагательных в превосходной степени является то, что они выявляют различные экспрессивно-стилистические оттенки [128, с. 173].

В грамматике татарского языка отмечается, что *интенсивная степень* имён прилагательных является разновидностью превосходной степени и выражает как и превосходная, высшую степень концентрации того или иного качества в предмете. В отличие от пре-

восходной степени форма интенсива всегда выражает безотносительно высшую степень качества. Способ образования форм интенсива напоминает префиксацию: **ямь-яшел** ‘очень-очень зеленый’, **ап-ак** ‘очень-очень белый’, **туп-туры** ‘совершенно прямой’, **өр-яңа** ‘совершенно новый’. Интенсивная степень свойственна не всей группе качественных прилагательных. Лексико-семантической их особенностью является то, что они имеют антонимичные пары. Те прилагательные, которые имеют форму интенсива, могут иметь и форму превосходной степени:

<i>кызыл</i> ‘красный’		<i>кара</i> ‘черный’	
Интенсивная степень	Превосходная степень	Интенсивная степень	Превосходная степень
<i>кып-кызыл</i>	<i>үтэ кызыл бик кызыл жете кызыл иң кызыл</i>	<i>кап-кара</i>	<i>үтэ кара бик кара (чем) жете кара иң кара</i>

В татарском языке отмечается превосходная степень прилагательного **кара** ‘черный’ **чем-кара** ‘черный-пречерный’, отсутствующая в других тюркских языках.

Степени сравнения прилагательных отмечаются и в турецком языке. Редупликация, как частичная (явление производное от полной редупликации), так и полная, рассматриваются как один из основных способов словообразования и обогащения лексики турецкого языка как исторически, так и в современном его состоянии. Качественные прилагательные, так же как и в других тюркских языках, образованы по общетюркским интегрирующим моделям. Для выражения одного понятия в более сильной форме или для выражения значения собирательности употребляется немало редуплицированных форм прилагательных. Форма усиления качества, выражающая избыточную меру качества, образуется и в турецком языке как сочетанием двух знаменательных слов (полная редупликация), так и соединением опорного слова, обозначающего основное значение редуплицированного сочетания, с формальными элементами, усили-

вающими признак, заложенный в опорном слове (частичная редупликация).

Способ образования форм интенсификации в целом напоминает префиксацию. Качественную модификацию опорного слова с участием как формальных элементов, так и знаменательных слов в плане усиления качества, можно увидеть и в текстовых примерах турецкого языка. Некоторые сложные прилагательные, выражая свою «причастность» к опорному слову, различаются только в отношении проявления степени качества, свойства: эти формы выражают качество, свойство, связанное с представлением о цвете, то есть стабильное качество. С другой стороны цветообозначающие прилагательные часто по своей семантике сближаются с другими прилагательными с той лишь разницей, что цветообозначающие основы выражают физически осязаемое качество, свойство, а другие прилагательные обозначают отвлеченное, абстрактно-представленное качество-свойство. От качественных прилагательных в турецком языке с помощью соответствующих аффиксов, то есть морфологическим способом (путем аффиксации), образуются уменьшительно-ласкательные формы, которые можно квалифицировать как формы ослабления качества. Если в одном случае формальные элементы (редуплицирующие частицы) усиливают признак, то в другом, как в данном случае, ослабляют.

Усилительная форма качественных прилагательных образуется двумя способами:

- 1) *морфологическим* (путем редупликации, то есть путем разного рода удвоений прилагательных);
- 2) синтаксическим.

Усилительная форма качественных прилагательных в турецком языке образуется способом редупликации (повторения). Различаются следующие разновидности редупликации:

- а) *полная* редупликация;
- б) *полная* редупликация с частицей *mə/mi/mu/mü*, употребляющейся между повторяющимися прилагательными;
- в) *частичная* редупликация.

Полная редупликация качественных прилагательных, в зависимости от значения повторяющихся основ, обнаруживается в двух формах:

- а) повторение одной и той же основы;
- б) повторение разных основ.

В результате *полной редупликации* или *полного повторения* одной и той же основы, то есть простого повторения прилагательных, выражается *предельная, избыточная* степень, качества, содержащегося в предмете. Синонимом этой формы в русском языке выступают сложные прилагательные с приставкой «пре-» : ‘*большой-пребольшой*’. Определяемое слово при определении, выраженном редуплицированными прилагательными, стоит:

а) В форме множественного числа: *кара кара qözler* ‘черные-пречерные глаза’ (ср. к.-балк. *къара-къара кёзле* ‘черные-пречерные глаза’); *büyük büyük evler* ‘большие-пребольшие дома’ (ср. к.-балк. *бийик-бийик юйле* ‘большие-пребольшие дома’).

б) В форме единственного числа, употребляющейся в тех случаях, когда имя существительное-определяемое обозначает только единичный предмет или нечленимое множество: *ince ince bel* ‘тонкая-претонкая талия’ (ср. к.-балк. *инчге инчге бел* ‘тонкая-претонкая талия’), *uzun uzun yol* ‘длинный-[пре]длинный путь’ (ср. к.-балк. *узун узун жол* ‘длинный-[пре]длинный путь’), или нечто парное: *yenı yenı ayakkaбі* ‘новенькие сапоги’ (ср. к.-балк. *жангы жангы чурукъла* ‘новые-преновые сапоги’).

Редуплицированные прилагательные, так же как и односложные, могут определять и предмет и действие:

Mevlüde uzun uzun, içli aqladc (B.S.Kunt. Herkes...) ‘Мевлюде плакала долго-предолго, с большим чувством’.

В результате *полной редупликации* или *полного повторения* разных по значению основ, *полного повторения*, как правило, прилагательных, являющихся *по значению* синонимами или словами близкого значения, выражается *повышенная, интенсивная, усиленная* степень качества или собирательность. У повторяющихся разных прилагательных *по форме* компоненты рифмуются или аллитерируются: *delik deşik* 1. ‘дыра’; 2. ‘продырявленный’; *deşik* ‘имеющий дыру’) (ср. к.-балк. *тешик-телик* 1. ‘дыра’; 2. ‘дырявый’; 3. ‘раздробленный, разбитый’; 4. перен. ‘испорченный’; 5. перен. ‘не хватающий’, ‘недостаточный’; 6. перен. ‘не подходящий’); *qüçlü kuvvetli* ‘очень сильный’ (*qüçlü* ‘сильный’, *kuvvetli* ‘сильный’) (ср. к.-балк.

кючлю-къууатлы 'сильный', 'мощный'; **кючлю** 'сильный', 'мощный'; **къууатлы** 1. 'светлый'; 2. 'щедрый'; 3. 'красивый').

Известной разновидностью полной редупликации прилагательных является сочетание разных по значению основ, то есть сочетание качественного прилагательного со звуковым комплексом, с особым отзвуком - «словом-эхом», не имеющим самостоятельного значения, рифмующимся или аллитерирующим с ним, обозначающим собирательность, обобщение, осложненные экспрессивной окраской, присущей разговорной речи: **ufak tefek** 'крохотный' (**ufak** 'маленький') (ср. к.-балк. **ууакъ-мууакъ** 1. 'всякая мелочь'; 2. 'мелкий'; пишется через дефис, оба слова сохраняют свое ударение, тип малопродуктивный; **ууакъ** 'мелкий'; употребление рифмующего компонента **мууакъ** еще больше усиливает качество предмета);

yorqun arqin 'усталый', 'разбитый' (**yorqun** 'усталый') (ср. к.-балк. **бузлукъ-музлукъ** 'испорченный'; **бузлукъ** 'испорченный'; **сыныкъ-мыныкъ** 'разбитый'; **сыныкъ** 'разбитый'); **eski püskü** 'старый', 'дранный' (**eski** 'старый') (ср. к.-балк. **эсхи-бүсху** 1. 'старье-дранье'; 2. 'порванный, старый'; **эсхи** 1. 'старье'; 2. 'старый'; **бүсху** – рифмующий компонент, лишенный лексического значения); **iqri büqriü** 'искривленный', **iqri** 'кривой', **къынгыр-мынгыр** 'не ровный', 'горбатый'; **къынгыр** 1. 'кривой', 'не ровный', 'горбатый'; 2. перен. 'упрямый'; **къынгыр-чунгур** 1. 'кривой', 'не ровный'; 2. перен. 'упрямый').

Второй компонент сложного прилагательного этого типа, образованного сочетанием разных по значению основ, то есть сочетанием качественного прилагательного со звуковым комплексом, повторяет первый, но с другой, а именно – с губной огласовкой: **tek tük** 'единичный', 'редкий' (**tek** 'одиночный', 'нечетный') (ср. к.-балк. **аз-маз** 1. 'малый'; 2. 'мало'; **аз** 1. 'малый'; 2. 'мало' – без губной огласовки); **ters türs** 'противоположный', 'вывернутый наизнанку' (**ters** 'оборотная сторона', 'противоположный') (ср. к.-балк. **терс-мерс** 'кривой, противоположный' – без губной огласовки, **терс** 'кривой, противоположный'); **alik uluk** 'дурашливый' (**alik** 'слабоумный') (к.-балк. **мели-мели** 1. 'дураковатый', 'дурашливый'; 2. 'дураковато', 'дурашливо'; 3. перен. 'всякая чепуха'; **мели** 'дурной' – без губной огласовки); **çarpik çurpuk** 'искривленный', 'извилистый' (**çarpik** 'кривой').

В турецком языке употребляется несколько прилагательных, обозначающих повышенную, усиленную степень качества, содержащегося в предмете, или высокую оценку качества, представляющих собой соединение двух рифмующихся или аллитерирующих звуковых комплексов. Несмотря на то, что ни один из этих звуковых комплексов не имеет самостоятельного употребления, прилагательные в целом выражают самостоятельное лексическое значение: *abuksabuk* 'бессвязный, пустой (о разговоре)', *abullabut* 'бестолковый', 'грубый' (ср. к.-балк. *хабур-чубур* 'пустой, беспорядочный, бесполезный, бестолковый', 'разболтанный', заимствованное из кабардино-черкесского языка; *хылы-мылы* 'плохой, нехороший, бестолковый, бесполезный').

Высокая степень качества и значение собирательности в турецком языке выражаются с помощью полной формы редупликации с частицей *mə/ mi/ mu/ mü*, стоящей между повторяющимися качественными прилагательными: *kara mə kara* (=*çok kara, son derece kara*) 'очень черный', 'черный-пречерный'; *qüzel mi qüzel* 'красивый-прекрасный'; *korkunç mu korkunç* 'страшный-престрашный', *qülünç mü qülünç* 'смешной-пресмешной'.

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что редуплицированное прилагательное типа *kara mə kara* с точки зрения выражения формы усиления качества является синонимом (если, в ряде случаев, не дублетом!) редуплицированного сочетания типа *kara kara*. Их отличают лишь способы синтаксического употребления: повторяющиеся прилагательные с частицей *mi* выступают обособленным определением или сказуемым.

В карачаево-балкарском и других тюркских языках употребление частицы *mə* с фонетическими вариантами в сочетании с цветообозначающими прилагательными не встречается, редуплицированная форма *kara kara*, привычная для турецкого языка, также не имеет употребления. В карачаево-балкарском языке с участием цветообозначающих прилагательных встречаются совершенно другие редуплицированные формы, выражающие не усиление качества, а другие значения: здесь речь скорее идет о сложных прилагательных, образованных сочетанием разных по значению основ, то есть сочетанием качественного прилагательного со звуковым комплексом, повторяющим второй слог без губной огласовки и не имеющим лексического значения: *къара-мара* 'черный и другой'; 'разнообраз-

ный'; *кбызыл-мызыл* 'красный и другой'; 'разнообразный', *сары-мары* 'желтый и другой', 'разноцветный'; *кёк-мёк* 'синий и другой'; 'разноцветный'; *жашыл-машыл* 'голубой и другой, разноцветный'.

Отличительной особенностью редулицированных прилагательных в тюркских языках является то, что они употребляются с усилительными частицами и принадлежность их к категории редулицированных основ определяется их лексико-семантической структурой, выводимой из сочетания корневой морфемы и редулицирующего элемента. Благодаря морфологическим показателям, усиливающим внутрикатегориальные связи, в «сдвоенных наименованиях» происходят семантические модификации, сводимые к форме усиления качества. При семантических переходах неизменной остается категориальная принадлежность исходной основы, т.е. сдвиг осуществляется в пределах одной части речи, парадигма у мотивированного слова по сравнению с мотивирующим остается прежней, одинаковым остается сам принцип осуществления внутрикатегориальных связей, специфика функционального статуса морфологических показателей также не меняется. Морфологическая транспозиция внутри одной части речи, а в данном случае внутри качественных прилагательных, участвующих в образовании редулицированных конструкций, может быть и словообразовательной, т.к. в лексико-семантической структуре усилительных конструкций появляются дополнительные семантические оттенки. Иначе говоря, моделируются словообразовательные отношения с помощью усилительных частиц. Морфологическое переоформление основ, расширение основы основообразующим элементом может рассматриваться как особая разновидность словообразовательной аффиксации [75, с. 72].

2.2. Лексико-синтаксический параллелизм как средство организации художественного текста в карачаево-балкарском языке; лексико-грамматические особенности усилительных конструкций в составе двучленных структур

В поэтических произведениях карачаевских и балкарских художников слова часто встречается лексико-синтаксический, ритмико-синтаксический параллелизм как один из важнейших приемов организации художественного текста поэтических произведений, в

составе которых встречаются и усилительные конструкции, т.е. редуцированные конструкции, образованные по двум схемам:

- 1) по схеме частичной редупликации, когда редупликат повторяет первый слог опорного слова, сочетаясь с замыкающим согласным;
- 2) по схеме полной редупликации, когда редупликат или усиливающее слово полностью повторяет опорное слово или сочетается с ним в форме частичных фонетических трансформаций. В генезисе и структуре карачаево-балкарского стиха следует отметить организирующую роль данного языкового явления. В стихотворных произведениях обнаруживается ритмическое членение слова на созвучные слоги путем синтаксического параллелизма. Т. Ковальский считал дихотомическую структуру (по Б.М. Жирмунскому – «двучленную структуру») «одной из самых выдающихся стилистических особенностей тюркской народной поэзии: «Мысль, выраженная с наибольшей эмоциональностью, выделяется насколько это возможно, при помощи симметричных с синтаксической точки зрения предложений» [173, с. 68].

Среди целого рода специфических признаков балкарской поэзии, появившихся в недрах народного творчества, заметное место занимает повтор или лексико-синтаксический параллелизм как одна из композиционных конструкций и один из устойчивых элементов.

Лексико-синтаксический параллелизм, заключающий в себе заданность, стремление убедить, доказать, эстетическую содержательность, в построении стихотворных сочинений различных жанров наблюдался в балкарской литературе разных периодов весьма широко, в частности в стихотворных отрывках К. Кулиева. Для стихотворных строк поэтов отмечался «устойчивый параллелизм (=изоморфизм) описываемых понятий. В поэзии К. Кулиева и других поэтов в целях усиления экспрессии богато представлен наряду с приемом полного текстуального повтора или ритмико-синтаксического параллелизма, прием частичного или переосмысленного повтора слов.

Универсальной особенностью карачаево-балкарского стиха с точки зрения употребления различных форм усилительных конструкций является то обстоятельство, что формальные и содержательные особенности карачаево-балкарского стиха тождественны особенностям стиха фольклорных произведений, т.е. эти конструкции

первоначально употреблялись в произведениях устного народного творчества. Разговорные конструкции, в том числе и различные модели повторов, характерные для живой разговорной речи, стали широко проникать в язык художественной литературы.

Лексико-синтаксический параллелизм в литературных произведениях, являясь одним из способов их украшения, орнаментальным средством, выполняя основную ритмико-композиционную функцию, не отождествляется с явлением фольклорным – сильно развитым ритмико-синтаксическим параллелизмом, однако нельзя не отметить того обстоятельства, что они выявляют единые функциональные особенности. Литературный параллелизм является одним из главных средств звуковой организации художественного текста современной балкарской литературы.

Возникновение синтаксического параллелизма, связанное с рядом лингвистических законов, сыграло важную роль в формировании как народного творчества, так и литературных произведений. Повторы и параллелизм способствуют развитию силлабического равенства стихов. Для языка агглютинирующего строя свойственно материальное тождество соответствующих именных или глагольных основ. В четверостишиях или двустишиях К. Кулиева часто употребляются двучленные конструкции, в состав которых входят и усиительные конструкции, созвучные концовке другой строки и образующие с ней рифму.

***Къангасындан бир кишини
Ашамай къалгъан-къулгъан,
Хантны кесингча биширин
Алдынг юйюнгде къолгъа.***

*Из чьего-то стола
Не кушая объедков,
Сварив еду по-своему
Взял дома в руки.*

В качестве усиительной конструкции (интенсива) в данном четверостишии выступает редуцированная основа **къалгъан-къулгъан** с обобщенно-собирательным значением ‘отходы, остатки, объедки, отбросы’. В этом же значении в карачаево-балкарском языке употребляется параллельная конструкция **къалгъан-булгъан**.

В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка **кьалгъ-ан-кьулгъан** не встречается, отмечается только **кьалгъан-булгъан(ла)** 1) ‘объедки, остатки, отбросы’; 2) перен. ‘пережитки’; эски дунияны кьалгъан-булгъанлары. Конструкция **кьалгъан-кьулгъан** употребляется и в другом значении: перен. ‘отребье, подонки общества’, не зафиксированном в словаре. Усилительная форма, выражающая избыточную меру качества, или высокую оценку качества, образуется по модели полной редупликации разных основ, причем повторяющиеся собирательные имена, как правило, не являются синонимами или словами близкого значения. По форме компоненты конструкции рифмуются или аллитерируются. В данном случае собирательное имя **кьалгъан-кьулгъан** является известной разновидностью полной редупликации, когда **кьалгъан** ‘оставшийся’ сочетается со звуковым комплексом («слово – эхо») **кьулгъан**, рифмующимся или аллитерирующим с ним. Выполняя усилительные функции, так же как в карачаево-балкарском и в кумыкском языке встречается словосочетание **кьалгъан-кьулгъан** со значениями ‘остатки; объедки’.

В татарском языке употребляется усилительная конструкция **калган-поскан** собир. 1) ‘крохи’, ‘остатки’; ‘объедки’; 2) ‘отходы’; 3) перен. ‘отребья, подонки общества’ [140, с. 215].

Собирательные имена существительные-повторы в тюркских языках образуются путем фономорфологических изменений, в результате чего появляется слово-эхо. В качестве редуплицированной формы, при которой изменяется только второй гласный редупликата **а-у**, выступает собирательное имя существительное **кьалгъан-кьулгъан**. При полной редупликации прилагательные и существительные, находящиеся в конструктивных связях, имеют форму множественного числа: **кьалгъан-кьулгъан**. В данном случае функцию опорного слова выполняет причастие прошедшего времени, образованное от глагола **кьал** ‘оставаться’ с помощью аффикса **-гъан**. Слово-эхо **кьулгъан** также содержит аффикс прошедшего времени **-гъан**. Второй компонент конструкции **кьалгъан-кьулгъан** повторяет первый, но, однако усиливает а именно – с губной огласовкой.

Собирательные имена-повторы образуются в результате фономорфологического изменения редупликата. Редупликата не имеет самостоятельного лексического значения, но, однако усиливает се-

мантическую структуру опорного слова. Двучленная структура стихотворных четверостиший, распространенных у тюркоязычных народов, основана в данном случае на параллелизме двух понятий, обозначаемых двумя компонентами: причастием и словом-эхом, усиливающим значение опорного слова. Ритмико-синтаксический параллелизм соответствующих друг другу по смыслу строк имеет и грамматическое (морфологическое) оформление рифмы на конце соответствующих стихов.

В фонетическом отношении рифма в данном случае является одинаково точной: как и в тюркском народном стихе, рифмовке подвергаются сингармонические пары гласных и ассимиляторные варианты согласных, употребляемых в морфологически тождественных аффиксах. Грамматический параллелизм, т.е. наличие формообразующего аффикса (*гъан*), имеет основополагающее значение. Кроме того, сопутствующим признаком параллелизма является наличие полного или частичного звукового тождества. Отличительной особенностью трансформированного повтора, употребляемого в стихотворных строках К. Кулиева, является то, что, как опорное слово так и редупликат, оформляются аффиксом причастия *-гъан*.

Редупликат *къулгъан* самостоятельного значения не имеет и не выявляет грамматических признаков, свойственных причастию и присоединению аффикса не дает грамматического оформления. Оттеночное значение и грамматическая форма возможны только в составе усилительной конструкции *къалгъан-къулгъан*. Если опорное слово *къалгъан* в самостоятельном употреблении выступает в значении причастия, то в составе конструкции, сочетаясь со словом-эхом, трансформируется в другую часть речи с обобщенно-собирательным значением.

Четверостишия аналогичного содержания, выявляющие на двучленную структуру, широко употребляются не только у тюркоязычных народов, они распространены также в типологически похожей форме у большинства других народов мира. Многие исследователи фольклора психологический параллелизм картины природы и человеческих чувств, эмоций, в четверостишиях, характеризующий их двучленную структуру с народной основой, искали в народных истоках. Следует отметить организующую роль двучленного па-

раллелизма в генезисе и структуре не только балкарского народного стиха, но и стихотворениях современных поэтов.

В.М. Жирмунский утверждал, что «и в простейших формах эпического стиха синтаксический параллелизм (со словесными повторами) является основой метрической структуры» [52, с. 6].

Усилительным конструкциям типа **къалгъан-къулгъан** свойственно не только лексикализованное обобщенно-собирательное значение, выражающее неопределенное множество, но и грамматическое значение именных основ. К числу формальных особенностей редуцированных конструкций карачаево-балкарского языка, функционирующих по модели полного повтора, встречающихся в стихотворных четверостишиях как средство образования художественного текста относится то, что они как основообразующие причастия, употребляются в категории принадлежности, принимая притяжательные аффиксы. Употребляясь в этой категории, они склоняются по определенному типу и принимают его падежные окончания. Аффиксы присоединяются двояко: 1) они присоединяются к обоим основам одинаково; 2) присоединяются только к редуликуату, несмотря на то, что он имеет только формальное значение относительно полного повтора. Существуют два типа принадлежности: согласно первому типу аффиксы принадлежности присоединяются к обоим основам:

1-е л. ед.ч. **къалгъан-ым –къулгъан-ым** ‘мои объедки’

2-е л. ед.ч. **къалгъан-ынг –къулгъан-ынг** ‘твои объедки’

3-е л. ед.ч. **къалгъан-ы –къулгъан-ы** ‘его объедки’

1-е л. мн.ч. **къалгъан-ы-быз –къулгъан-ы-быз** ‘наши объедки’

2-е л. мн.ч. **къалгъан-ыгъыз –къулгъан-ыгъыз** ‘ваши объедки’

3-е л. мн.ч. **къалгъан-ы –къулгъан-ы** ‘их объедки’.

Отмеченные конструкции и др. выражаются словосочетанием из трех элементов: опорного слова в виде причастия прошедшего времени **къалгъан** ‘оставшийся’, усилительного компонента в виде слова-эха **къулгъан** и аффиксов принадлежности **-м**, со значением ‘мой’, **-нг** со значением ‘твой’, т.е. ‘мои объедки’, ‘твои объедки’. Следует отметить, что отношение, которым связаны эти три элемента в карачаево-балкарском языке можно квалифицировать с точки зрения морфологии, а не синтаксиса. Понятие ‘мои’ и понятие ‘объ-

едки' вполне могут быть выражены одним словом, причем понятие 'мой' будет передано специфическим аффиксом, который называется аффиксом принадлежности, поскольку основная идея, связывающая два слова 'мой' и 'объедки' может быть охарактеризована как идея принадлежности.

Относительно полного повтора, согласно второму типу, аффиксы принадлежности присоединяются только к редуликуату, основное же слово остается без изменений:

1-е л. ед.ч. *кългъан-кългъан-ым* 'мои объедки'

2-е л. ед.ч. *кългъан-кългъан-ынг* 'твои объедки'

3-е л. ед.ч. *кългъан-кългъан-ы* 'его объедки'

1-е л. мн.ч. *кългъан-кългъан-ыбыз* 'наши объедки'

2-е л. мн.ч. *кългъан-кългъан-ыгъыз* 'ваши объедки'

3-е л. мн.ч. *кългъан-кългъан-ы* 'их объедки'.

В первом случае изменению с помощью аффиксов принадлежности подвергаются оба компонента, во втором случае – только второй компонент.

Кроме исследованного типа категории принадлежности существует еще и второй тип. Его смысл состоит в том, что перед каждой из приведенных выше форм употребляется родительный падеж личного местоимения соответствующего лица. Здесь так же, как в первом случае, аффиксы принадлежности присоединяются двояко: 1) они присоединяются к обоим основам одинаково; 2) присоединяются только к редуликуату, несмотря на то, что он не имеет самостоятельного лексического значения. Относительно полного повтора существуют два типа принадлежности: согласно первому типу аффиксы принадлежности присоединяются к обоим основам.

Общая схема этого второго типа выглядит так:

1-е л. ед.ч. *мени кългъан-ым –кългъан-ым* 'мои объедки'

2-е л. ед.ч. *сени кългъан-ынг –кългъан-ынг* 'твои объедки'

3-е л. ед.ч. *аны кългъан-ы –кългъан-ы* 'его объедки'

1-е л. мн.ч. *бизни кългъан-ыбыз –кългъан-ыбыз* 'наши объедки'

2-е л. мн.ч. *сизни кългъан-ыгъыз –кългъан-ыгъыз* 'ваши объедки'

3-е л. мн.ч. *аланы кългъан-ы –кългъан-ы* 'их объедки'.

Во втором типе относительно полного повтора аффиксы принадлежности присоединяются только к редуликуату, основное же слово остается без изменений:

- 1-е л. ед.ч. *мени кьалгъан–кьулгъан-ым* ‘мои обьедки’
- 2-е л. ед.ч. *сени кьалгъан–кьулгъан-ынг* ‘твои обьедки’
- 3-е л. ед.ч. *аны кьалгъан–кьулгъан-ы* ‘его обьедки’
- 1-е л. мн.ч. *бизни кьалгъан–кьулгъан-ыбыз* ‘наши обьедки’
- 2-е л. мн.ч. *сизни кьалгъан–кьулгъан-ыгъыз* ‘ваши обьедки’
- 3-е л. мн.ч. *аланы кьалгъан–кьулгъан-ы* ‘их обьедки’.

Во втором случае особо подчеркивается специальное содержание категории принадлежности: на самом деле *мени кьалгъан–кьулгъан-ым* означает как бы ‘мои обьедки - мои’, где элемент ‘мои’ употребляется дважды. Из-за факультативного употребления личных местоимений разница между этими двумя типами стирается. В семантической структуре отмеченных конструкций трансформационного повтора выражается так называемое значение коллективной неопределенности, т.е. особой разновидности множественного числа. Лексико-семантические особенности подобного рода форм выводятся или из контекста («поле употребления») или по родительному падежу личного местоимения, которое в данном случае выполняет вполне реальную функцию: *аны кьалгъан–кьулгъаны* ‘его обьедки’. В этих примерах речь идет об указательном контексте, т.к. элементы ситуации или контекста способствуют определению содержания текста с помощью личных местоимений.

Форма трансформационного повтора *кьалгъан–кьулгъан* (3 л. мн. ч.) может иметь двоякий перевод: 1) ‘его обьедки’ и 2) ‘их обьедки’ и расшифровывается или по словесной обстановке фразы, или по употребляющимся спереди местоимениям *аны* и *аланы*. Двоякое значение формы *кьалгъан–кьулгъанлары* встречается не только в караево-балкарском, но и в других тюркских языках. На стыке корневой морфемы и слова-эха или корневой морфемы и аффиксов принадлежности, а также слова-эхо и аффиксов принадлежности не отмечается фонетических явлений типа озвончения конечных согласных, свойственных другим основам и вызванных позиционным чередованием согласных.

Усилительные конструкции, выступающие в составе двучленных структур, образованных способом лексико-синтаксического параллелизма, обладают стабильным звуковым составом и постоянным ударением, выражают полновесную семантику и выявляют грамматические особенности.

В редуцированных конструкциях, образованных по модели полного повтора, *интенсификация*, *гиперболизация* значения достигаются через форму множественности-собирательности. Выступая в качестве лексико-семантического служебно-семантического компонента, функциональный элемент усиливает субстантивно-собирательное значение опорного слова. Редуцикат в составе усилительных конструкций, как и опорное слово, изменяется по падежам.

К числу грамматических особенностей относится то, что они склоняются по падежам, имея число, по двум моделям:

1) склоняются оба компонента:

О.п. *къалгъан–къулгъан* ‘объедки’

Р.п. *къалгъан-ны–къулгъан-ны* ‘объедков’

Д.п. *къалгъан-нга–къулгъан-нга* ‘к объедкам’

В.п. *къалгъан-ны–къулгъан-ны* ‘объедки’

М.п. *къалгъан-да–къулгъан-да* ‘у объедков’

И.п. *къалгъан-дан–къулгъан-дан* ‘от объедков’.

2) склоняется только второй компонент:

О.п. *къалгъан–къулгъан* ‘объедки’

Р.п. *къалгъан–къулгъан-ны* ‘объедков’

Д.п. *къалгъан–къулгъан-нга* ‘к объедкам’

В.п. *къалгъан–къулгъан-ны* ‘объедки’

М.п. *къалгъан–къулгъан-да* ‘у объедки’

И.п. *къалгъан–къулгъан-дан* ‘от объедков’.

Склоняясь в косвенных падежах, редуцированные сочетания выступают в функции дополнения.

Грамматическим изменениям подвергаются в виде склонения по падежам и формы принадлежности во всех лицах по двум моделям:

1) склоняются оба компонента:

О.п. *къалгъаным–къулгъаным* ‘мои объедки’

Р.п. кьалгъаным-ы–кьулгъаным-ы ‘моих обедков’
Д.п. кьалгъаным-а–кьулгъаным-а ‘к моим обедкам’
В.п. кьалгъаным-ы–кьулгъаным-ы ‘мои обедки’
М.п. кьалгъаным-да–кьулгъаным-да ‘у моих обедков’
И.п. кьалгъаным-дан–кьулгъаным-дан ‘от моих обедков’.

2) склоняется только усилительный компонент:

О.п. кьалгъан–кьулгъаным ‘мои обедки’
Р.п. кьалгъан–кьулгъаным-ы ‘моих обедков’
Д.п. кьалгъан–кьулгъаным-а ‘к моим обедкам’
В.п. кьалгъан–кьулгъаным-ы ‘мои обедки’
М.п. кьалгъан–кьулгъаным-да ‘у моих обедков’
И.п. кьалгъан–кьулгъаным-дан ‘от моих обедков’.

К числу морфологических особенностей усилительных конструкций, образованных по модели полного повтора, является то, что падежные аффиксы присоединяются к основе после аффиксов принадлежности. Редулицированные конструкции с участием нового слова со значением собирательности, многократности, или близкие к ним значения, в пределах различных частей речи выражают определенные грамматические категории, выполняющие в основном стилистические функции. К их числу относится образование *форм субъективной оценки* (уменьшительность, ласкательность) с помощью *«рода парного аффикса» -чыкъ-//-чик-, -чукъ-//-чюк-*. В результате присоединения данного аффикса к основе в лексическом значении появляются разные семантические оттенки, обусловленные семантическим своеобразием лексикализованной субстантивной основы: *кьалгъан–кьулгъан-чыкъ ‘незначительные обедки’; кьалгъан–чыкъ - кьулгъан-чыкъ ‘незначительные обедки’*. Данный аффикс придает основе экспрессивный оттенок уменьшительности со стороны говорящего. Формы ласкательности, уменьшительности и т.д., относимые к словообразованию, фактически занимают место на границе его, выявляя отдельную близость и к словоизменению.

Усилительный компонент *кьулгъан*, присоединяясь к причастию переводит его в другую часть речи, в результате чего в семантической структуре основ отмечаются модифицирующие изменения. Редуликат *кьулгъан*, усиливая основу, выражает частные при-

знаки, к числу которых относится обобщенно-собирательное значение. Редупликат *кьулгъан*, не имеющий морфологической определенности, сливается с семантической структурой опорного слова, образовав неразложимую конструкцию. Одновременно с лексико-семантическими преобразованиями в виде нового семантического насыщения, трансформационные основы получают новые грамматические особенности. Некоторые компоненты, исходя из семантического принципа, выражают в основном только грамматические значения [166, с. 104-105]. С другой стороны, факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о наличии словообразовательных функций и словообразовательного значения у звуков-субститутов. Если неполная редупликация свойственна для имен прилагательных, то в полной редупликации участвуют и другие знаменательные части речи, включая и звукоподражательные основы.

Семантические особенности усилительных конструкций свидетельствуют о том, что их значения мотивируются различными морфемами, словами, словосочетаниями, входящими в состав более сложных лексико-грамматических образований. К числу грамматических особенностей усилительных конструкций карачаево-балкарского языка, образованных по модели полного повтора, выражающих формы *субъективной оценки*, относится то, что они, как и основообразующие части речи, употребляются в категории принадлежности, принимая специальные *притяжательные аффиксы*. Аффиксы принадлежности, употребляющиеся после уменьшительно-ласкательного аффикса *чыкъ*- имеют следующие формы:

Единственное число:

1-е л., ед.ч.: *-ым/-им, -ум/-юм*:

кьалгъан-кьулгъан-чыгъ-ым 'мои незначительные объедки'

2-е л., ед.ч.: *-ынг/-инг, -унг/-юнг*:

кьалгъан-кьулгъан-чыгъ-ынг 'твои незначительные объедки'

3-е л., ед.ч.: *-ы/-и, -у/-ю*:

кьалгъан-кьулгъан-чыгъ-ы 'его незначительные объедки'.

В результате словообразовательных и словоизменительных трансформаций аффикс субъективной оценки *-чыкъ*, присоединяясь к производящей основе, употребляется по закону позиционного чередования, т.е. на стыке аффикса субъективной оценки и притяжа-

тельных аффиксов в интервокальной позиции **къ** > **гъ**. Фонемы **къ** и **гъ** находятся в оппозиции друг другу и выполняют смысловозначительные функции, несмотря на то, что находятся в составе словоизменительных аффиксов, выражающих оттеночные значения. Смысловозначительные функции выполняют не только согласные фонемы по признаку глухости/звонкости, словоизменительные аффиксы, но и дублетный компонент – слово-субститут **къулгъан**, выступающий в транспозиционных функциях. Присоединение формального компонента способствует переходу одной части речи в другую.

Употребляясь в категории реальной принадлежности, конструкции, обозначающие субъективную оценку в составе усилительных конструкций, склоняются по определенному типу, принимая все его падежные формы. Если некоторые основы карачаево-балкарского языка в отдельных случаях подвергаются лексикализации, то в данном случае в форме пространственных падежей данный процесс отсутствует.

Аллитерация как ритмико-звуковая организация балкарского стиха в виде звуковых повторов как открытых, так и закрытых слогов в словах, связанных между собой, употребляется в различных усилительных конструкциях. В ритмико-синтаксическом словосочетании **къалгъан–къулгъан**, взятом из стихотворения К. Кулиева, аллitterируют два начальных слога **къал–къул**. Усилительная конструкция **къалгъан–къулгъан** образовалась не только с помощью лексико-семантического параллелизма, но и ритмико-синтаксического, когда повторяются первые созвучные слоги **къал–къул** и вторые **гъан–гъан**. Подобные конструкции проявляются в виде литературного параллелизма в продуманной организации художественного текста, участвуя в его ритмическом членении. Параллелизм на синтаксическом уровне встречается как в словосочетании, так и предложении. Многие балкарские поэты и писатели в совершенстве владеют приемами полного текстуального повтора, частичного или лексикализованного повтора компонентов текста. Ритмическое членение художественных и поэтических произведений совершается с помощью различных разновидностей параллелизма – лексического и содержательного, грамматического (морфологического) и синтаксического. Все эти приемы и навыки, созданные в балкарском стихосложении, творчески используют поэты и писатели в своих произведе-

ниях для организации как прозаического, так и стихотворного текста.

Рассматривая технику акцентированного употребления лексико-синтаксического параллелизма в поэзии К. Кулиева в пределах одного простого предложения, можно обратить внимание как на частичный словесный повтор с использованием первых слогов опорных слов в качестве усилительных частиц:

***Кыыхыда тюшюмде кёрюннген**
Агъач тауукъча, келдинг манга.
Жарыкъ танг! Сен юйюме кирген
Сагъат-дайым да жаппа-жангы
‘Ты пришел ко мне во сне зимою
В виде дятла
Час, когда ты ко мне зашел,
*Неизменно новый-преновый!’**

так и на полный словесный повтор:

***О, жылла, мен кёрген жылла-**
Насыбым эм жарсыуум!
Жара салсала да жаула.
Болдугъуз ашым-сууум.
‘О, годы, годы, увиденные мною
Счастье мое и забота!
Если даже ранят враги,
*Стали вы едой и питьем для меня’.**

Усилительная конструкция **ашыл-сууум** употребляется в форме принадлежности, когда к опорным словам присоединяется двойной аффикс 1 л. ед. ч. – **ым-//у-м-**.

Аналогичный повтор отмечается и в другом стихотворении поэта, когда опорные слова даются в форме принадлежности:

1 л. ед. ч.

***Сен болмасанг, бу затла да жазылмайын**
Къалыр эдиле, къайытмай жазым-майым.
‘Если б не ты, то и эти вещи остались бы ненаписанными,
*не возвратились бы весна и май!’**

Частичный словесный повтор в поэзии К. Кулиева, являясь как бы ступенькой к словесному повтору и лексико-синтаксическому параллелизму, придает эмоциональную окрашенность ритму и обеспечивает ритмическое членение текста, связанное с параллелизмом. В вышеперечисленных примерах приводятся как частичный словесный повтор типа *жаппа-жангы* 'новый-преновый', так и полные словесные повторы с участием имен существительных в форме принадлежности 1 л. ед.ч.: *ашым-сууум* 'мои еда и питье', *жазым-майым* 'мои весна и май'. Во всех случаях употребления частичного словесного повтора в поэзии К. Кулиева в отношении различных примеров можно говорить как об известном приближении их к лексико-семантическому параллелизму. Здесь в пределах одного простого предложения выступают однородные подлежащие с однотипной грамматической парадигмой. Это субстантивированные производные на *-ым-/-им-*, образованные от пары соответствующих именных основ, окказионально взаимодополняющих друг друга в стихотворных строках. В случае с частичным повтором употребляются определения.

2.3. Структурно-семантические модели парных слов, лексико-семантическое значение компонентов парных слов и образование общего значения

В карачаево-балкарском языке, наряду с другими разновидностями повтора, употребляются и фоно-морфологические повторы знаменательных слов, где: а) оба компонента являются самостоятельными словами; б) один из компонентов является самостоятельным словом, а другой – не имеет самостоятельного значения. Отличительной фонетической особенностью одной из моделей фоно-морфологических повторов является то, что их первый компонент начинается с гласного звука, а второй – с согласного.

Модель: основной элемент + редупликат.

В карачаево-балкарском языке к этой модели можно отнести следующие парно-повторные слова, образованные на капулятивных началах способом сложения двух основ, в результате чего создается одно слово с обобщенно-собирательным значением, компоненты, которых оторвались друг от друга и стали самостоятельными: *аш-суу* 'еда, пища', 'продукты питания', *аякъ-къашыкъ* 'посуда кухон-

ная', **оюн-кюлюк** 'забава' (смех-игра), **аякъ-къол** 'конечности' (нога-рука). Семантической особенностью парных слов является то, что они могут классифицироваться по лексико-семантическому взаимоотношению компонентов, т.е. этимологически в современном языке являются между собой синонимами. Парные слова с самостоятельными компонентами или же субстантивированные части речи (очень редко) относятся друг к другу как синонимы. Синонимичные парные слова образуются путем присоединения двух синонимов, тождественных по значениям, характеризующихся взаимозаменяемостью или предельно близких по значениям: **ахлу-жууукъ** 'родственники, родня' (**ахлу** 'родственник, близкий человек' + **жууукъ** 'родственник'). В этом отношении А.Н. Кононов пишет, что в правописании подобных слов в турецком языке нет твердо установленного правила, чаще их пишут слитно [72, с. 124].

Лексико-семантической особенностью парного слова **ата-баба** в карачаево-балкарском языке является то, что оно употребляется как фразеологическое сочетание. Следует отметить о том, что устойчивое значение в этой конструкции появляется только в том случае, когда второй компонент меняет свое грамматическое значение, т.е. употребляется в форме исходного падежа: **ата-бабадан** (**ата-баба**ладан) **бери**. 1. 'со времени зарождения мира'; 2. 'древний, прежний' [50, с. 53]; **от-суу** 'источник жизни'; перен. 'стихийное бедствие' (**от** 'огонь' + **суу** 'вода'), **от-жалын** 'грозный, агрессивный' (**от** 'огонь' + **жалын** 'пламя'), **аякъ-къашыкъ** 'посуда' (**аякъ** 'чашка' + **къашыкъ** 'ложка'); **ат-тууар** 'скот' (**ат** 'лошадь' + **тууар** 'крупный рогатый скот; скотина (корова, бык)'), **аякъ-къол** 'конечности' (**аякъ** 'нога' + **къол** 'рука').

Два имени существительных или субстантивированных слова, связанных бессоюзной связью, относятся друг к другу как синонимы. Один из компонентов парного слова, чаще второй – архаичное слово. Если синонимичные парные слова являются существительными без морфологического показателя, то они выступают в собирательном значении. Их дальнейшее лексико-грамматическое развитие зависит от аффиксов, присоединяемых к компонентам парных слов. Морфологической особенностью аффикса **-лы-/-ли-** в тюркских языках является то, что он присоединяется к парным словам в зависимости от семантической структуры производящих основ: в

некоторых случаях ко второму компоненту, а в других – к обоим компонентам одновременно. В этих парных существительных обнаруживается не только значение собирательности, но отмечаются и усилительные оттенки основного значения конструкции. Парные имена существительные, компоненты которых соотносимы со словосочетаниями, образуются путем сложения двух самостоятельных слов на основе сочинительной связи, т.е. примыкания имени существительного к имени существительному, несмотря на то, что между их компонентами отсутствуют перечислительная интонация. Если в самостоятельном употреблении компоненты парных имен существительных не имеют таких значений, как значения собирательности, обобщения, экспрессивности или стилистической модификации существующих в компонентах лексических значений, то в результате синтаксико-морфологического типа словообразования в зависимости от лексического значения и формы компонентов они приобретают эти значения. Такой тип словообразования в тюркских языках является продуктивным и употребление подобных слов в языке не является признаком эмоционально-экспрессивной окрашенности речи и функционирует в произведениях различных стилей. Парные словосочетания существительных можно классифицировать, рассматривая их с различных точек зрения: с семантической, фонетической, синтаксической. Основу некоторых парных слов составляют такие синонимы, в которых одна из частей относится к другой как часть к целому и целое к части. Данный тип является малопродуктивным, образует парные слова со значением собирательности, реже – обобщения.

Формы усиления качества употребляются и в разносистемных языках, в частности – в кабардино-черкесском языке в отыменных статических глаголах суффикс *-ж* усиливает действие глагола. Семантика усиления действия в таких глаголах достигается повторением существительного. При этом суффикс *-ж* присоединяется ко второй именной основе [41, с. 44–45].

К числу основных фонетических особенностей парных имен существительных в тюркских языках большинство исследователей [44, с. 75–76; 73, с. 136] относят созвучие их компонентов, которые располагаются следующим образом: а) основа с меньшим или равным числом слогов в конструкции употребляется перед основой с

большим числом слогов, ср. к.-балк.: *ах-лу-жуу-укъ* 'родственник, родня'; *мал-туу-ар* 'всякий скот' (*мал* 'скот, богатство', *тууар* 'крупный рогатый скот'; *тау-агъ-ач* 'горы и леса' (*тау* 'гора', *агъач* 'лес'; *эг-еч-къа-рын-даи* 'братья, сестры'; б) при одинаковом числе слогов на первом месте употребляется основа с гласным началом, ср. к.-балк. *ал-тын-кю-мюш* 'всякое золото и серебро' (*алтын* 'золото', *кюмюш* 'серебро'), *ал-ыш-бер-иш* 'торговля', *купля-продажа, спекуляция*; 'взаимообмен товарами' (*алыш* 'взятие', *бериш* 'отдача', *а-якъ-ту-якъ* 'подпорки' (*аякъ* 'нога', *туякъ* 'копыто'); в) в парных основах, в которых оба компонента начинаются на согласную фонему, первым располагается слово со звонким согласным, ср. к.-балк.: *жер-кёк* 'небо и земля, весь мир' (*жер* 'земля', *кёк* 'небо'; *жаным-кёзюм* 'душечка' (*жаным* 'моя душа', *кёзюм* 'мой глаз'). Компоненты парных имен существительных имеют свои ударения, разные по силе – более интенсивное ударение находится на втором компоненте. По способу синтаксической связи компонентов парные слова выступают, как бессоюзные, союзные парные слова не встречаются, они являются непродуктивными. Особый разряд парных слов составляют именные основы с собирательно-обобщенным значением, компоненты которых семантически близки по тематике: *алтын-кюмюш* 'всякое золото и серебро'; *аякъ-къол* 'конечности', *эл-журт* 'дом и край родной', *ёпке-бауур* 'ливер' (букв. 'легкие и печень', *айран-сют* 'молочные продукты' (букв. 'кислое молоко и молоко'), *ахча-бахча* 'денежные средства'. Значение собирательности, совокупности как способ усиления свойств, присущих именным основам, наиболее ярко проявляется в выражениях регулярной повторяемости, которые могут употребляться как с аффиксом, так и без него. В отмеченных парных конструкциях выражена идея собирательной множественности. Интенсификация, гиперболизация значения через форму множественности-собирательности наиболее отчетливо проявляется при парных именах с абстрактным значением. При парных именах существительных значение обобщения, множественности усиливается прибавлением аффикса либо к одной основе, либо к обеим. Данное значение следует рассматривать как нечленимое, однородное или сплошное множество.

Среди синонимичных парных слов, близких по тематике, но разных по значению, где первый компонент начинается с гласного звука, а второй – с согласного, где оба компонента семантически самостоятельны, помимо имен существительных, встречаются и другие части речи, например, имена прилагательные: **ахишы-аман** ‘*всякий народ*’ (букв. ‘*хороший-плохой*’), **уллу-гитче** ‘*разные люди*’ (букв. ‘*и молодые и старшие*’). Среди данного разряда фономорфологических повторов употребляются и производные двусложные имена прилагательные, образованные: 1) от имен прилагательных с помощью аффикса наличия, принадлежности **-лы**, функционирующего в различных фонетических вариантах: **акълы-кёклю** ‘*нарядный, красиво одетый*’ (букв. ‘*белый-синий*’). Употребляясь перед глаголом, в предложении выступает в позиции обстоятельства образа действия: **акълы-кёклю кийинсин** ‘*пусть одевается красиво, нарядно*’. От некоторых парных имен существительных, преимущественно с абстрактным значением и в редких случаях – с реальным значением, как и от односложных слов, аффикс **-лы** образует: 1) конкретные имена прилагательные, обозначающие полное наличие, присутствие того, что выражено исходной основой. 2) от абстрактных имен существительных с помощью аффикса наличия, принадлежности **-лы**, функционирующего в различных фонетических вариантах; **адепли-намыслы** ‘*воспитанный, учтивый, тактичный*’, см. **адетли-намыслы** ‘*сохраняющий традиции, обычаи*’; 3) от некоторых конкретно-предметных имен существительных с помощью аффикса наличия, обладания, принадлежности **-лы**, функционирующего в различных фонетических вариантах; **ахчалы-бохчалы** ‘*зажиточный, достаточный*’, **юйлю-кюню** ‘*живущий в достатке, зажиточный*’; 4) от некоторых абстрактных имен существительных с помощью аффикса отсутствия **-сыз**, функционирующего в различных фонетических вариантах: **адепсиз-намыссыз** ‘*нечестный, невоспитанный*’, **адетсиз-намыссыз** ‘*без традиций, обычаев*’. От некоторых парных имен существительных с абстрактным значением, как и от односложных слов, аффикс **-сыз** образует абстрактные имена прилагательные, обозначающие полное отсутствие того, что выражено производящей основой. Прилагательные на **-сыз** употребляются, как правило, антонимами прилагательных на

–**лы**. Парные имена прилагательные на –**сыз**, как и другие прилагательные, употребляются в предложении в качестве прилагательного определения.

Парные слова в карачаево-балкарском языке характеризуются совокупностью следующих основных признаков: 1) лексикосиментическим значением слова, т.е. наличием лексической самостоятельности как именных, так и других частей речи. Исключение составляют те случаи, когда повтору подвергаются звукоподражательные слова без самостоятельного значения компонентов типа **тыхар-тухур** – звукоподражание треску, грохоту, **тынар-тунур** – звукоподражание топоту, **тыхар-мухур** – звукоподражание треску, грохоту. Самостоятельно употребляясь в сочетании с глаголами, они выражают конкретное лексическое значение: **тынар-тунур эт** разг. ‘топать’, **тыхар-тухур эт** ‘грохотать, трескать’. Кроме того, исключение составляют те случаи, когда второй компонент конструкции повтора не имеет самостоятельного лексического значения: **къаты-маты** ‘всякое твердое’, **къызыл-мызыл** ‘всякое красное’. Несмотря на отсутствие самостоятельного компонентного значения, сочетающиеся части в составе повтора выражают синтаксическое значение.

Вторым отличительным признаком парных основ как односложных, так и морфемно нагруженных относительно именных частей речи, является наличие таких грамматических особенностей, как категория падежа (склоняется только второй компонент), категория принадлежности (ее аффиксы присоединяются или к обоим компонентам или только ко второму компоненту), категория числа (его аффиксы присоединяются к обоим компонентам). Кроме того, к парным основам присоединяются: 1) аффиксы отсутствия –**сыз** –**/-сиз-**, –**суз** –**/-сюз-** (к обоим компонентам одновременно); 2) аффикс сравнения –**ча** (присоединяется либо к обоим компонентам, либо только ко второму компоненту), аффикс субъективной оценки, уменьшительно-ласкательный аффикс **чыкъ** –**/-чик** (присоединяется только ко второму компоненту).

В исследованиях по тюркским языкам обращается внимание на грамматическое значение парно-повторных слов, однако, с другой стороны неисследованным остается вопрос о том, участвуют ли эти слова в словообразовательных процессах или нет. Анализ фактологического

гического материала свидетельствует о том, что в целом конструкции повтора не могут выступать в качестве производящих основ для новых лексических единиц. Однако в редких случаях к ним могут прибавляться и словообразовательные аффиксы, образуя новое слово и еще больше усиливая значения обобщения и собирательности, заложенные в производящих основах. В этом отношении можно привести тот небольшой круг примеров, в которых оба компонента являются производными: 1) с помощью аффикса принадлежности **-лыкь-//-лик-**: *ач-лыкь-жалангач-лыкь* 'голод, нужда', *ахиш-лыкь-аман-лыкь* 'добро и зло'; 2) с помощью аффикса профессии **-чы-//-чи-**: *бар-чы-кел-чи* 'посыльный, рассылный'; 3) с помощью аффикса взаимно-совместного залога **-ыш-//-иш-**: *ал-ыш-бер-иш* 'обмен, взаимообмен', *бар-ыш-кел-иш* 'приход-уход' (известное в разговорной речи носителей *ц*-диалекта карачаево-балкарского языка, это значение почему-то не зафиксировано толковыми словарями); 4) с помощью двойного аффикса причастий **-гъан-//-ген-**: *бар-гъан-кел-ген* 'посетители', *ал-гъан-сал-гъан* 'тот, кто берет и ставит'; 5) с помощью двойного аффикса отглагольных имен **-ыкъ-//-ик-**: *ашар-ыкъ-ичер-ик* 'пища, еда, съестное, кушанье, то, что можно есть и пить'.

В отношении словообразовательных особенностей аффикса имен действия **-ыу-//-иу-** Л.Ж. Жабелова считает, что парно-повторные слова *сатыу-алыу* 'торговля', *барыу-келиу* 'взаимное посещение', *тигиу-бичиу* 'рукоделие', *ашау-жашау* 'житье-бытьё' образовались с помощью этого компонента от глагольных основ [50, с. 78]. Следует отметить, что с помощью этого аффикса в результате трансформационных процессов образовались только формы имен действия. А в дальнейшем перечисленные выше самостоятельные лексические единицы в виде парно-повторных слов могли образоваться только в результате лексикализации перечисленных форм, а не аффиксации. Во всех исследованных парно-повторных именах существительных, именах прилагательных, наречиях, образованных, прежде всего путем удвоения простых основ, редуликат, служащий для выражения *предельной, избыточной* степени значения опорного слова, обычно стоит после этого слова, имеющего самостоятельное лексическое значение: *къатыкъ-къутукъ* 'молочные продукты (заготовленные на зиму)'; *къатхан-*

кътухан (ла) ‘засохшее, засохшие’ (напр., хлеб) [66, с. 400]; **къатын-киши** ‘люди’; **къатын-къыз** ‘женщины всех возрастов’; **къатын-къутун** ‘женщины [66, с. 401]; **къатыш-къура** 1) ‘хаос, беспорядок, путаница//беспорядочный// беспорядочно’; 2) ‘мешанина’ **къатыш-къутуш** то же, что **къатыш-къура**; **къатыш-къутушлукъ** отвл. к **къатыш-къутуш** [66, с. 402].

Компоненты анализированных парных существительных иногда могут поменяться местами, т.е. редуликат изредка может располагаться и перед самостоятельными основами: **киши-къатын** ‘люди’, **къыз-къатын** ‘женщины всех возрастов’, но с точки зрения литературного языка предпочтительным и употребительным является первый вариант.

Некоторые компоненты парных конструкций не имеют самостоятельного употребления, и поэтому не могут располагаться перед самостоятельными основами. Логическое ударение при парно-повторных основах падает на первый компонент.

В образовании парных конструкций по модели полного повтора в карачаево-балкарском языке наряду с собственными основами, участвуют и арабо-персидские заимствования, при необходимости принимая и словообразовательные морфемы. В таких сочетаниях обычно второй компонент не имеет самостоятельного употребления: **китап-митап** ‘книги, всякие книги’, **дефтер-мефтер** ‘тетради, всякие тетради’, **аракъы-маракъы** ‘водка, всякая водка’. По аналогии с данной моделью в карачаево-балкарском языке, по всей вероятности, можно образовать парные слова почти от каждой заимствованной основы. Однако, большая их часть носит характер искусственных образований и выступает не как результат языкового явления, а как результат отдельно взятого словообразования. Особенностью парно-повторных иноязычных заимствований в карачаево-балкарском языке является то, что к ним присоединяются и стилистические аффиксы, к числу которых относится двойной аффикс субъективной оценки **-чык-/-чик**, выражающий форму субъективной оценки с уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничижительным значениями, резко-пренебрежительным и другими эмоциональными значениями. Исследователи «Татарской грамматики» 1993 г. относят перечисленные значения вместе со значениями собирательности, неопределенной множественности также,

свойственных иноязычным заимствованным повторам, к грамматическому значению [138, с. 304]. Парно-повторные слова, к которым присоединяется аффикс субъективной оценки **-чыкъ-//-чик-**, относятся к эмоционально-экспрессивной лексике.

Исследуя образование общего значения парных слов, следует отметить, что оно зависит: 1) от лексико-семантических особенностей компонентов парных слов, которые могут характеризоваться разнообразными семантическими оттенками: а) оба компонента парно-повторного слова в современном языке функционируют самостоятельно и имеют конкретное значение: **кече-кюн** 'днем и ночью', **ай-кюн** 'луна и солнце', **ата-ана** 'родители', **эгеч-къарындаш** 'сестры и братья', **келин-киеу** 'невеста и зять', **ата-бала** 'отец и ребенок', **алыш-бериш** 'купля-продажа', **тау-таш** 'гористая местность'; **алыш-бериш** 'купля-продажа', **таш-агъач** 'камни и лес'; б) первый компонент парно-повторного слова употребляется в языке самостоятельно, т.к. имеет лексическое значение, второй же является «словом-эхом», его фонетически измененным вариантом без лексического значения, отзвуком, его семантическим аналогом: **ашыкъ-бушукъ** 'суета, суматоха'; **спешка**, **къынгыр-мынгыр** 'искривленный', **къынгыр-чунгур** 'искривленный'; перен. 'упрямый' (ц.-диал.), **акъсакъ-тукъсакъ** 'разные хромые', **акъса-тукъса** 'хромать, прихрамывать, ковылять', **акъсакъла-букъсакъла** балк. 'убогие, хромые и кривые'; в) оба компонента парно-повторного слова в современном языке отдельно не употребляются, т.к. являются звукоподражательными словами и не имеют лексического значения; **шырт-мырт** 'шарканье', перен. 'несобранный', 'шаркать'; **тыркъ-мыркъ** 'шарканье'; перен. 'собранный'.

Общее значение парных слов зависит кроме того: 2) от лексико-семантических взаимоотношений компонентов парных слов. С этой точки зрения в зависимости от лексико-семантической структуры в карачаево-балкарском языке встречаются следующие разновидности парных слов: 1. Компоненты парных слов этимологически или же после словообразовательных процессов выступают как синонимы, т.е. от двух основ, относящихся друг к другу как синонимы, в сложении образуется новое слово: **къагъыу-согъуу** 'битье', **тигу-бичиу** 'рукоделие', **ашау-жашау** 'жизнь-бытие', **къагъыт-къалам** 'письменные принадлежности', **арымай-талмай** 'неустанно, не

покладая рук, непоколебимо', **ёнке-бауур** 1. 'внутренности' (органы грудной полости животного) 2. перен. 'родня, родственники'; **тууун-битип** перен. 'от роду' (ц.-диал.); **кюч-кѳууат** 'сила-мощь', **табакъ-кѳашыкъ** 'тарелка, ложка', **кѳайгѳы-кѳаугѳа** 'скандал', **уруш-тѳуйюш** 'скандал', **сабий-бала** 'детвора', **сабий-балий** 'детвора', **сабий-балыкъ** 'детвора', **сабий-сѳубѳуй** 'детвора'; **дауур-гузаба** 'шум, гам, гвалт, галдеж', **дауур-дууур** 'шум, гам, гвалт, галдеж', **дауур-сѳуйюр** 'шум, гам, гвалт, галдеж'.

Лексико-семантической особенностью усилительных конструкций, образованных по модели полной редупликации, является то, что в одном значении встречаются несколько слов. Служебные компоненты, употребляющиеся в постпозиции в функции редупликата, органично вливаются в семантическую структуру знаменательного слова, с которым сочетаются выборочно. Помимо того, что они участвуют в образовании форм усиления качества, в которых просматривается больше лексических особенностей, чем грамматических, бессодержательные слова выполняют и различные грамматические функции, т.е. именно к ним присоединяются различные словоизменительные аффиксы, а не к первому компоненту:

1) аффиксы склонения:

О.п. **кѳаты-маты** 'всякие твердые'

Р.п. **кѳаты-маты-ны** 'всякого твердого'

Д.П. **кѳаты-маты-гѳа** 'ко всякому твердому'

В.п. **кѳаты-маты-ны** 'всякого твердого'

М.п. **кѳаты-маты-да** 'у всякого твердого'

И.п. **кѳаты-маты-дан** 'от всякого твердого'

2) аффиксы числа: **кѳаты-маты-ла** 'всякие твердые'. Основа множественного числа склоняется также по образцу основ единственного числа, принимая те же самые аффиксы:

О.п. **кѳаты-маты-ла** 'всякие твердые'

Р.п. **кѳаты-маты-ла-ны** 'всяких твердых'

Д.П. **кѳаты-маты-ла-гѳа** 'ко всяким твердым'

В.п. **кѳаты-маты-ла-ны** 'всяких твердых'

М.п. **кѳаты-маты-ла-да** 'у всяких твердых'

И.п. **кѳаты-маты-ла-дан** 'от всяких твердых'

2. Компоненты парных слов этимологически по значению между собой выступают как антонимы, т.е. от двух основ, относящихся друг к другу как антонимы, в сложении образуется новое слово: *алыш-берииш* 'купля-продажа', *кириу-чыгышу* 'приход-уход', *кюн-тюн* 'днем и ночью', *жер-кёк* 'вселенная' (*жер* 'земля' + *кёк* 'небо'), *жер-суу* 'земельные угодья, необходимые для ведения хозяйства', *от-суу* 'источник жизни'; перен. 'стихийные бедствия' (*от* 'огонь' + *суу* 'вода'), *дос-душман* 'друзья и недруги' (*дос* 'друг, приятель') + *душман* 'враг, неприятель', *кёул-бий* 'господа и рабы' (*кёул* 'раб, холоп' + *бий* 'господин'), *ахшылык-аманлык* 'добро и зло' (*ахшылык* 'добро' + *аманлык* 'вред, зло').

В антонимичных парных именах существительных, как и в синонимичных, отмечаются значения собирательности и обобщения. Антонимическое лексическое значение нового парного слова равно сумме антонимических составляющих его компонентов – имен существительных: *ата-ана* 'родители' (*ата* 'отец' + *ана* 'мать'), *эр-къатын* 'супруги' (*жааш* 'сын, мальчик' + *къыз* 'дочь, девочка'), *къатын-къыз* 'женщины, представительницы женского пола (вообще)', (*къатын* 'женщина' + *къыз* 'девочка, девушка'), *къол-аякъ* 'конечности' (*аякъ* 'нога' + *къол* 'рука'), *баш-аякъ* 'голова и ноги' (*баш* 'голова' + *аякъ* 'нога'), *эркек-тишии* 'самец', 'самка' (*эркек* 'самец' + *тишии* 'самка').

В образовании антонимичных парных имен существительных употребляются и другие части речи, например, отмечаются случаи участия в словообразовательных процессах по аналитической малопродуктивной модели и имен прилагательных: *уллу-гитче* 'все взрослые и дети' (букв. 'большой-маленький'), *къарт-жааш* 'стар и млад', т.е. люди всех возрастов (букв. 'старый-молодой').

В качестве специальной словосложительной модели создания антонимичных парных существительных выступают конструкции, образованные и от некоторых глагольных форм.

Кроме того, при образовании парных слов употребляются:

1. причастия прошедшего времени на *-гъан-/-ген-*: *ёл-ген-къал-гъан* 'и живые, и мертвые', *сюй-ген-суюме-ген* 'друзья и недруги', *бар-гъан-кел-ген* 'прохожие', *кир-ген-чыкъ-гъан* 'посетители, гости', *ёт-ген-сёт-ген* 'прохожие, проезжие';

2. деепричастия на **-а-/-е-**, присоединяемого к основам на согласные: **ёле-къала** 'еле-еле', 'едва', глаголы на **-ыш-/-иш**: **алыш-бериш** 'взаимообмен', **барыш-келиш** 'взаимное посещение друг друга';

3. компоненты парных слов в карачаево-балкарском языке с точки зрения лексико-семантических взаимоотношений, определяющих общее значение парных слов, относятся друг к другу как часть к целому: **тау-таш** 'гористая местность' (**тау** 'гора' + **таш** 'камень'), **таш-агъач** 'все, что попало, всякие твердые предметы' (камень, палка и т.п.). Редупликат, имеющий в одном случае частное значение, а в другом – общее, усиливает семантику опорного слова;

4. компоненты парных конструкций семантически близкие по тематике: **айран-сют** 'молочные продукты', **къатын-къыз** 'женщина', **юс-баиш** 'одежда', **адеп-намыс** 'воспитание, воспитанность, уважение', **кёз-къулакъ** 'контроль', **окъуу-билим** 'просвещение', **жууукъ-тенг** 'близкие и родные', **окъуулу-билимли** 'образованный' (данная конструкция образована комбинацией словосложения и аффиксации), **бюгюн-бюгече** 'вот-вот, скоро', **ёрге-энишге** 'вверх-вниз, туда-сюда', **тийре-къонишу** 'соседи', **саут-саба** 'военное снаряжение', **саутлу-сабалы** 'вооруженный', **уллу-гитче** 'старшие и младшие', **къарт-жаши** 'старшие и молодые', **жаулу-бишли** 'жареные в жару' (данная конструкция образована комбинацией словосложения и аффиксации), **къарлы-бузлу** 'снежные и холодные', **эртте-кеч** 'рано или поздно', **жарлы-жазыкъ** 'бедные и несчастные', **сау-саламат** 'живой-здоровый', **сау-саламатлыкъ** 'здоровье, благополучие', **сау-эсен** 'живой-здоровый', **саулукъ-эсенлик** 'здоровье, благополучие', **чийли-бишли** 'недопеченный, недоваренный, недожаренный', **къурт-къумурсха** 'насекомые', **саут-садакъ** 'вооружение, снаряжение', **саутлу-садакълы** 'вооруженный', **алма-кертме** 'фрукты', **харбыз-хууан** 'бахчевые культуры', **арпа-будай** 'злаковые', **ёпке-бауур** 'ливер', **къой-эчки** 'мелкий рогатый скот', **айыу-бёрю** 'крупные хищные звери', **тукъум-жууукъ** 'родственники', **къонакъ-тюшюм** 'гости, посетители дома', **кёлек-кёнчек** 'одежда, белье', **чарыкъ-чурукъ** 'обувь', **тёшек-жастыкъ** 'постель', **накъут-налмас** 'сокровища, драгоценности', **къагъыт-къалам** 'письменные принадлежности'.

В данном случае парные слова представляют собой особые конструкции сложных слов, образованные синтаксическим способом сочинительного соположения двух равноправных компонентов, не связанных между собой ни синонимичными, ни антонимичными отношениями, а соединенных ассоциативными компонентами. Синтаксической особенностью перечисленных слов является то, что их сочетающиеся компоненты выражают синтаксические отношения, т.е. определяют и дополняют друг друга. Парные слова, как одна из разновидностей сложных слов, имеют сочетающиеся компоненты, являющиеся морфологически однородными, синтаксически тождественными и семантически родственными. В большинстве случаев компоненты данных парных слов, как и других единиц, участвующие в их образовании, имеют и самостоятельное употребление. Морфологическая однородность парных слов заключается в том, что оба компонента относятся к одной и той же части речи, выступая в пределах определенных семантических рамок. Универсальной лексической особенностью отмеченного разряда парных конструкций в карачаево-балкарском языке является то, что в большинстве случаев они выражают единое лексическое значение, имеют неразрывное смысловое единство, выступают как семантическое целое.

Рассматривая разряды парных слов, компоненты которых семантически близки, А.Ю. Бозиев пишет: «Сочетания слов, обозначающие предметы, близкие по своему значению или выражающие однопорядковые, дополняющие друг друга понятия, образуют парное имя со значением обобщения, собирательности: **аякъ-табакъ** 'посуда' (**аякъ** 'чашка', **табакъ** 'тарелка' **ат-ёгюз** 'тягло' (**ат** 'лошадь', **ёгюз** 'вол'); **къурт-къумурсха** 'насекомые' (**къурт** 'червь', **къумурсха** 'муравей'); **кёз-къулакъ (болуу)** 'бдительность' - дословно 'следить оком и ухом'; **къан-джан** 'жизнь'; **къан-джан** берю 'самопожертвование' (**къан** 'кровь', **джан** 'душа'); **къой-эчки** 'мелкий рогатый скот' (**къой** 'овца', **эчки** 'коза'); **алтын-кюмюш** 'драгоценности' (**алтын** 'золото', **кюмюш** 'серебро'); **газет-журнал** 'периодическая печать'; **фабрик-завод** 'фабрики и заводы'; **тетрадь-карандаш** 'письменные принадлежности' и т.д. [17, с. 75].

В очень редких случаях можно отметить образование парных конструкций сочетанием глагола с глаголом (сказуемое + сказуемое): **ур-сюр** 'свалка' (**ур** 'бить', **сюр** 'гнать').

В отдельных случаях категория ассоциативных парных существительных, семантически близких по тематике, употребляются с аффиксами принадлежности 3-го лица ед. числа и аффиксом отсутствия - **сыз**: **кечеси-кюню** 'все время'; **кечеси-кюню да ол ишлейди** 'он все время работает, занят делом'; **мыстысыз-тузсуз** 'безвкусный', 'бессодержательный'; **аишсыз-суусуз** 'голодный', 'без еды и без питья'.

Семантически близкие по содержанию парные основы встречаются и среди конструкций, относящихся к имени действия: **Жаи санлагъа арыу-талыу жокъду** 'Нет усталости для молодого организма'. **Аны кёп соруу-инжсиу бар эди** 'У него было много просьб'. В этой категории парных существительных и других частей речи встречаются конструкции, в компонентах которых отмечаются аллитерация, слоговое созвучие начальных или конечных компонентов:

1) слоговое созвучие начальных компонентов: **кир-кипчик** 'мусор, сор, отбросы, хлам', **саут-саба** 'военное снаряжение', **саут-садакъ** 'вооружение, снаряжение', **бушуу-бушман** 'огорчение', **къурт-къумурсха** 'насекомые', **дарман-дары** 'лечебные средства', 'медикаменты', **дары-дарман** 'лечебные средства'; 'медикаменты', **дауур-дууур** 'шум, гам, гвалт, галдеж', **жан-жаныуар** 'все живое, все живые существа', **келек-кёнчек** 'одежда', **къатыкъ-къутукъ** 'молочные продукты' (заготовленные на зиму), **къатын-къутун** 'женщины', **сюйген-суймеген** 'добрый-недобрый', **бюген-бюгече** 'вот-вот', **жалын-жалбар** 'неоднократно обращаться с мольбой, умолять, упрашивать', **чарыкъ-чурукъ** 'обувь';

2) слоговое созвучие конечных компонентов: **тынчлыкъ-эсенлик** 'благополучие', **борч-къарч** 'долги', **алым-берии** 'взаимобмен', **къарт-къурт** 'старика, старые люди', **эсенлик-саулукъ** 'здоровье' (жизнь – самочувствие). Слоговое созвучие конечных компонентов отмечается и среди парных существительных, образованных:

1) от глаголов: **кел-им – кет-им** 'приход и уход', **ал-ым – бер-им**; слоговое созвучие конечных компонентов наблюдается и среди имен действия, образованных первоначально в виде их формы с помощью аффиксов этой категории **-ыу-/-иу-**, а в дальнейшем лекси-

кализованных в результате внутренних семантических процессов: *ар-ыу* – *тал-ыу* ‘усталость’, *жаз-ыу* – *сыз-ыу* ‘начертание’;

б) от имен существительных: *ёр-ге* – *эниш-ге* ‘вверх-вниз’. Слововое созвучие конечных частей встречается и среди неделимых первообразных парных имен существительных, компоненты которых имеют самостоятельное лексическое значение: *ах-ча* – *бох-ча* ‘денежные средства’; данная конструкция употребляется и в виде метатезы с сохранением компонентного и общего значения: *ач-ха* – *бох-ха* ‘денежные средства’; *чар-ыкь* – *чур-укь* ‘обувь’.

Слововое созвучие конечных компонентов встречается и среди имен прилагательных, один из которых имеет самостоятельное лексическое значение, а другой – не имеет: *кьы-нгыр* – *мы-нгыр* ‘кривой’, ‘изогнутый’, *а-ман* – *жу-ман* ‘плохенький, кое-какой’, *те-ли* – *ме-ли* ‘глупый’, *жа-нгы* – *ма-нгы* ‘новый’.

Слововое созвучие конечных компонентов употребляется и среди имен существительных, один из которых имеет самостоятельное лексическое значение, а другой – не имеет: *ки-тап* – *ми-тап* ‘всякие книги’, *а-гъач* – *ма-гъач* ‘вские деревья’, *чай-май* ‘всякий чай’.

Б.Т. Созаев пишет: «Прилагательные могут образоваться и таким образом: один из компонентов (первый) имеет самостоятельное значение, а второй рифмуется с ним и является его «отзвуком, отражением, словом-эхом» и самостоятельного значения не имеет. В этом виде образования прилагательных особая роль принадлежит звуку ‘м’, которым в преобладающем большинстве начинается второй компонент. С помощью этого звука теоретически можно образовывать неполные повторы от всех существительных, прилагательных, но в практике не у всех слов встречаются повторы» [129, с. 51].

В разных тюркских языках второй компонент-редупликат, может начинаться и другими фонемами, однако фонема ‘м’ в полных повторах функционирует во всех тюркских языках, т.е. ‘употребление ‘м’ в этой роли является общетюркским признаком» [4, с. 136].

При образовании полных повторов М.И. Адилов обращает внимание на следующую особенность: «Если основной компонент начинается с согласной, то этот звук в фонетическом дуплете замещается *м*, если же с гласной, то в фонетическом дуплете вставляется звук *м*: *уша-мушаг*, *зет-мазет*» [4, с. 136]. По мнению Б.Т. Созаева

«Эта закономерность приемлема и для карачаево-балкарского языка, если не считать единичные исключения (*аман-жуман* ‘плохонький, кое-какой’; *эски-бусху* ‘ветошный, старенький, рваный’). [129, с. 51].

В анализируемой форме вторые (повторные) компоненты не являются лексическими единицами, повторение не вносит какое-нибудь существенное изменение в лексико-семантическое значение слова, не образует новых лексических единиц» [129, с. 51].

Материалы толковых словарей свидетельствуют как раз об обратном: между лексическими значениями пары слов *аман* и *аман-жуман*, *эски-* и *эски-бусху* имеется существенная разница, заключающаяся в том, что первые единицы *аман* ‘плохой’ и *эски* ‘старый’ употребляются, обозначая единичный признак, а вторые единицы *аман-жуман* ‘всякое плохое’ и *эски-бусху* ‘хлам, барахло, тряпье, рухлядь, старье’ показывают значения собирательного множества как способа усиления, интенсификации, гиперболизации значений, присущих производящим основам.

Далее Б.Т. Созаев отмечает, что «единичные слова, субстантивируясь, выполняют функцию существительного, повторные же формы, в основном, носят атрибутивную функцию» [129, с. 51]. Материалы парных конструкций в карачаево-балкарском языке свидетельствует о том, что они сохраняют семантический признак тех частей речи, от которых образовались. Другое дело, когда имена прилагательные, загруженные незнаменательным редупликатом, выявляют транспозиционные особенности, т.е. переходят в разряд другой части речи, а именно, имени существительного. В этом отношении следует обратить внимание на то, что второй компонент парных конструкций выполняет словообразовательную функцию.

Б.Т. Созаев пишет, что «в карачаево-балкарском литературном языке не встречаются случаи присоединения аффиксов словообразования или словоизменения к повторным формам прилагательных» [129, с. 51]. Следует отметить, что, действительно, аффиксы словообразования к этим основам не присоединяются, а с другой стороны к повторным основам прилагательных присоединяются аффиксы словоизменения: 1) аффикс мн. числа: *аман-жуман-ла* ‘всеякие плохие’ (присоединяется ко второму компоненту); 2) аффиксы принадлежности: *аман-жуман-ым* ‘мое всякое плохое’, *аман-жуман-ынг* ‘твое всякое плохое’, *аман-жуман-ы* ‘его всякое плохое’, *аман-*

жуман-ыбыз ‘наше всякое плохое’, **аман-жуман-ыгъыз** ‘ваше всякое плохое’, **аман-жуман-ы** ‘их всякое плохое’ могут присоединиться как к первому компоненту, так и ко второму;

3) падежные аффиксы:

О.п. аман-жуман ‘всякое плохое’

Р.п. аман-жуман-ны ‘всякого плохого’

Д.п. аман-жуман-нга ‘ко всякому плохому’

В.п. аман-жуман-ны ‘всякого плохого’

М. п. аман-жуман-да ‘у всякого плохого’

И.п. аман-жуман-дан ‘от всякого плохого’;

4) падежные аффиксы могут присоединиться к притяжательным формам, образуя притяжательное склонение:

О.п. аман-жуман-ым ‘мое всякое плохое’

Р.п. аман-жуман-ым-ы ‘моего всякого плохого’

Д.п. аман-жуман-ым-а ‘к моему всякому плохому’

В.п. аман-жуман-ым-ы ‘моего всякого плохого’

М.п. аман-жуман-ым-да ‘у моего всякого плохого’

И.п. аман-жуман-ым-дан ‘от моего всякого плохого’

В образовании повторных форм, когда один из компонентов имеет самостоятельное лексическое значение, а второй рифмуется с ним, являясь его отзвуком, участвуют все качественные прилагательные, чаще корневые и реже – многокомпонентные производные основы.

Слоговое созвучие конечных компонентов встречается и среди глаголов, один из которых имеет самостоятельное лексическое значение, а второй является его отражением: **тюрт-мюрт** ‘возня, хлопоты’. Редупликация выполняет словообразовательную функцию: в результате его присоединения к глаголу **тюрт** ‘толкать’ образуется именная основа со значением собирательной множественности.

Слоговое созвучие конечных компонентов встречается и среди звукоподражательных основ, в которых обе составляющие части лишены самостоятельного лексического значения: **тыхар-тухур** – звукоподражание треску, грохоту, **тыпар-тунур** – звукоподражание топоту, **тыхар-мухур** – звукоподражание треску, грохоту.

В усилительных конструкциях карачаево-балкарского языка, образованных по модели полной редупликации, среди способов вы-

ражения синтаксических отношений важное место занимает примыкание как синтаксический прием, определяющий синтаксические функции соединения слов семантически связываемых в пределах предложения. Оно встречается в усилительных конструкциях как в сложных сочетаниях определяемого с определением.

Примыкание в них – это разновидность подчинительной связи, при котором зависимость одного слова от другого определяется с помощью семантических отношений, характеризуется местоположением компонентов и синтаксической интонации. Синтаксические отношения внутри парных слов передаются с помощью соответствующих морфологических средств. Так, например, редупликат может употребляться в одном числе и падеже с опорным словом, к обоим компонентам могут прибавляться одни и те же словообразовательные аффиксы. Примыкание как тип синтаксической связи между компонентами парных слов встречается большей частью среди грамматически неоформленных основ. Синтаксическая значимость в них, основанная на семантической связи, заключается в том, что примыкаемое слово нередко может отделяться от того слова, к которому примыкает и функционирует самостоятельно. Смысловая сторона в компонентах играет решающую роль, тем более что сама синтаксическая сторона построения парной конструкции находится в тесной от нее зависимости. Например, в конструкции *кьой-эчки* ‘мелкий рогатый скот’ редупликат *эчки* ‘коза’ в таком же неоформленном виде продолжает по смыслу конструкции примыкать к опорному слову *кьой* ‘овца’. В этом случае редупликат находится в положении явно примыкающего уже по своим семантическим с ним связям, а не по морфологическим особенностям. В результате семантического и синтаксического соединения слов примыкаемое слово употребляется в своем аморфном виде, утрачивая непосредственную связь с опорным словом.

Подчиненный элемент связывается с подчиняющим в непосредственной близости, причем такое объединение, «*соположение*» не связано с синтаксически обусловленным морфологическим оформлением. Примыкание в таких парных конструкциях, как *юс-баиш* ‘одежда’, *мен-сен* ‘я-ты’, *эл-журт* ‘дом и край родной’, *аякь-кьол* ‘конечности’ и других, выражается с помощью семантической связи подчиняющего и подчиненного компонентов. Кроме того,

особенностью примыкания в тюркских языках является то, что оно характеризуется в целом и свойственным для этих языков порядком слов: примыкающее ставится перед примыкаемым словом, а не наоборот. Местоположение компонентов парных существительных в карачаево-балкарском языке характеризуется постоянством, т.е. за редким исключением эти составляющие части невозможно переставить местами, т.к. в результате подобного преобразования теряется единое лексическое значение конструкции. В отдельных парных существительных расположение примыкающего и примыкаемого компонентов носит условный характер, т.к. в них допускается и перестановка. Такие сочетания, как *той-оюн* 'веселье, свадьба', *уруш-туйюш* 'драка, скандал', *кюч-къарыу* 'сила, мощь', *ахлу-жууукъ* 'родня', *къарт-жаши* 'и стар и млад' могут употребляться и с перестановкой компонентов: *оюн-той* 'веселье, свадьба', *туйюш-уруш* 'драка, скандал'; *къарыу-кюч* 'сила, мощь', *жууукъ-ахлу* 'родня'. Несмотря на компонентную перестановку в общем содержании конструкций сохраняется значение собирательной множественности, выраженное синтаксическим сочетанием двух однородных частей речи, характер семантико-синтаксических отношений не меняется. Кроме того, в них сохраняется первоначальный тип синтаксической связи примыкание. Зависимость между частями примыкающего словосочетания в большинстве случаев характеризуется порядком слов и соединяющей интонацией. Во всех перечисленных парных конструкциях примыкающее и примыкаемое согласуются в числе и падеже: они ставятся в ед. числе и именительном падеже. Наличие ед. числа в них выражается без морфологического показателя этой категории – лексически. В результате объединения двух лексических единиц ед. числа числовое определение не меняется, однако появляется значение семантически подразумеваемое собирательной множественности. Редуцированные конструкции, образованные с помощью приема примыкания, ограничены в своем употреблении одним важным условием – определенным лексическим значением первого компонента. Примыкающие компоненты, выраженные различными знаменательными и незнаменательными частями речи, ставятся в постпозиционном положении. Примыкаемое слово отличается от примыкающего своей аморфностью, постоянным своим местоположением при синтаксически связанном с ним компоненте

интонацией. В некоторых редулицированных конструкциях типа *кьой-эчки* оно приобретает в различных своих положениях, как в постпозиционном примыкании, так и препозиционном, различную синтаксическую значимость, допускаемую семантикой употребляемого слова. В некоторых случаях только таким образом определяется синтаксическое значение парных слов, т.е. их компоненты требуют каждый раз уточнения своей синтаксической позиции при нулевом морфологическом оформлении. Таким образом, среди полных повторов примыкание имеет две формы: 1) «примыкание по содержанию» и 2) примыкание в зависимости от синтаксической позиции примыкаемого слова, т.е. примыкание, основанное непосредственно по местоположению.

В редулицированных конструкциях типа *аш-суу* ‘еда, питье’, *кёз-кьулакь* ‘контроль’ (букв. ‘глаз-ухо’), *аякь-кьашыкь* ‘посуда кухонная’, *от-суу* ‘источник жизни’ (букв. ‘огонь-вода’) примыкающий и примыкаемый компоненты имеют самостоятельное лексическое значение и самостоятельное употребление. Однако правила примыкания в конструкции требуют того, чтобы примыкаемое слово использовалось в постпозиции. Примыкающее слово условно выполняет функцию определения, а примыкаемое – функцию определяющего. Эти позиции не меняются даже тогда, когда составляющие компоненты изменяются по падежам и принимают аффиксы множественного числа. Прием примыкания отчетливо прослеживается и при сочетании количественных числительных: *алты-жети* ‘шесть-семь’, *тогъуз-он* ‘девять-десять’.

И.И. Мещанинов пишет: «...В тюркских языках и ряде других языков, в которых за отсутствием деления имен существительных по родам или классам... трудно использовать согласование, вместо него для выражения тех же синтаксических отношений используется другой синтаксический прием, примыкание. Последнее... применяется и там, где согласование не может иметь места, например, при установлении обстоятельственного значения слова. Тем самым примыкание приобретает в этих языках особую синтаксическую значимость» [91, с. 323]. Если особенностью русского языка является то, что примыкание как вид подчинительной связи выражается в соединении неизменяемых знаменательных слов (наречия, инфинитива, деепричастия), то в тюркских языках примыканию подверга-

ются почти все знаменательные части речи, имеющие грамматическое оформление, и некоторые из числа незнаменательных.

Неоформленность примыкающего и примыкаемого компонентов вовсе не является главным условием наличия примыкания как способа выражения синтаксических отношений в редуцированных словосочетаниях. Существует целый ряд показателей, выражающих инкорпорирование (объединение): ударение, гармония звуков (сингармонизм). Отсутствие этих показателей свидетельствует о наличии примыкания в парных словах. Примыкание может наблюдаться в тюркских языках и в синтаксически соединяемых словах, не подчиняющихся функционирующим при соединении слов правилам сингармонизма. Примыкающие аморфные слова могут иметь самостоятельное употребление, но не сливаются с примыкаемыми словами (не инкорпорироваются). Однако, факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что в редуцированных конструкциях, образованных по модели полного повтора, и в которых типом синтаксической связи выступает примыкание, помимо компонентного значения, существует и общее значение, значение собирательности, обобщения, т.е. в них наблюдается лексико-семантическое объединение, несмотря на то, что компоненты этих конструкций выполняют разные функции – один компонент подчиняет, а другой – подчиняется. Не все слова карачаево-балкарского языка имеют потенциальные возможности к образованию универсалий-повторов, сочетающихся по выборочной модели. Во всех остальных случаях аморфное сочетание любых двух слов одной части речи не дает нового значения, значения собирательности. Не всякое соединение двух неоформленных и несливаемых слов по соседству может быть отнесено к рассматриваемому синтаксическому приему. Для этого необходимо, прежде всего смысловая связанность между компонентами в строе предложения.

Языковые примеры свидетельствуют о том, что соединение двух слов, синтаксически друг от друга не зависящих, не выявляет примыкания. Подчиненное положение одного слова от другого, сочетающегося с ним, может передаваться с помощью другого способа выражения синтаксических отношений – управления. Обязательным показателем примыкания должны быть не только наличие синтаксической зависимости и соседство двух лексем, но и морфологи-

ческая неоформленность подчиненного компонента. В этом отношении морфологические показатели, передающие зависимые отношения в составе одного сочетания слов, большей частью отсутствуют среди повторяющихся наречий, как в первом, так и втором компонентах, среди неизменяемых по форме наречий, тяготеющих к глаголу: *анда-мында* ‘там-сям’, ‘местами, кое-где’, ‘в разных местах’, *андан-мындан* ‘отовсюду, из разных мест’, *анда-санда* ‘иногда, изредка, временами’, *ары-бери* ‘туда и сюда’, *аз-буз* ‘немножечко, чуть-чуть, смутно, еле-еле, едва’, *аз-маз* ‘немножечко, чуть-чуть, смутно, еле-еле, едва’. Только в результате примыкания в зависимости от синтаксической позиции составляющих частей устанавливаются позиции определяющего и определяемого компонентов. Компоненты приведенных конструкций употребляются без морфологических показателей и поэтому различие в их синтаксическом применении устанавливается наличием этого синтаксического приема. Неизменяемое наречие отличается от других частей речи наличием своего рода нулевого форманта, своим словарным составом и своеобразным участием в строе предложения. По своему местоположению наречие примыкает обычно к глаголу, однако все же подобные сочетания не дают редуцированных конструкций. Для этого необходимо, чтобы сочетались два семантически связанных наречия, сохраняющие семантическую связь и соединяемые примыканием на основе подчинительной связи. Соединяемые части одного семантического содержания образуют одну семантическую и поэтому синтаксическую группу. Если нет синтаксического и семантического единства между зависимыми и господствующими словами, когда подчиненное слово не примыкает к подчиняющему слову, выявляя свои синтаксические отношения уже в лексико-семантическом примыкании, то нет и примыкания. В результате перестановки, переворачивания компонентов приведенных выше редуцированных наречных конструкций, нарушающего обычный (прямой) порядок расположения лексем, меняются синтаксические отношения, т.е. отсутствуют отношения подчинения, когда примыкание составляющих частей нарушается с изменением семантической стороны компонентов. Примыкающее слово при его перестановке занимает позицию примыкаемого, условно употребляясь в постпозиции, а примыкаемое слово передвигается на место примы-

кающего. Несмотря на то, что зависимый компонент выносится на начало конструкции, употребляется в препозиции, его синтаксические и семантические функции сведены к нулю.

Анализ редуцированных конструкций свидетельствует о том, что в результате полного повтора устанавливаются определенные синтаксические отношения в пределах группируемых слов, именуемые примыканием, способом выражения внутренней связи в тех же синтаксических группах. Им объединяются лексемы, не выявляющие синтаксически мотивированного морфологического оформления и соединенные друг с другом по семантическому признаку. Функцию объединения в тексте выполняет и частичное инкорпорирование, передающее синтаксическую связь между двумя словами приемом слияния. В данном случае речь идет о слиянии двух аморфных компонентов, а не о примыкании.

А.Ю. Бозиев, рассматривая сочетание основного компонента парных конструкций с незнаменательной частью, являющейся, по словам Н.К. Дмитриева, неким синонимическим придатком первого, значащего, элемента словосочетания [17, с. 74-75], пишет: «При сочетании основного слова с «отзвучием» образуется сложное имя, обозначающее собирательность, осложненную эмоциональной окраской с оттенком пренебрежения и пародирования.

Например: *ахча-махча* «деньги-меньги», т.е. «деньги и им подобное», *арба-марба* «арбы и прочий гужевой транспорт», *кьой-мой* «овцы и другой мелкий рогатый скот», *аз-маз* «понемногу», «мало-помалу», *эски-мески* «старье и всякий хлам» и *эски-бусху* в том же значении, *кьуш-муш* «шушуканье»; *тыкъ-мыкъ* «ни туда-ни сюда»; *кьыж-мыж* – звукоподражание скрипу, издаваемому трением деревянных частей чего-нибудь; *мулхар-чулхар* «остатки сена (соломы) и прочие подобные отходы», *мюйюз-чюйюз* «рога и прочее»; *уф-чуф* – звукоподражание звуку, издаваемому животными; *кьым-тым* «бурчание»; *сабий-балий* «дети и все остальные» и др.

Некоторые мимемы – вторые компоненты, сохраняя согласный состав первого компонента, получают новую огласовку при помощи гласного у, например: *топ-туп* «топот», *чыпал-чупул* – звукоподражание шуму, издаваемому купающимися в воде, *чыкъбар-чукъбар* – звукоподражание шуму падающего дерева; *тынар-тунур* – звукоподражание топоту; *тарх-турх* «грохот» – звукоподражание

стрельбе; **данг-дунг** – звукоподражание звону, издаваемому при ударе по металлическим предметам; **тыхар-тухур** – звукоподражание грохоту при ударах камней друг о друге. Хотя и редко, но такое явление наблюдается при повторах, составными элементами которых являются имена существительные, прилагательные. Так, например: **дауур-дуур** (**дауур** «шум») «всякий шум»; **къарт-къурт** «старые и прочие»; **эски-бүсху** «старье и всякий хлам» [17, с. 73].

На типы парных слов в карачаево-балкарском языке, участвующих в образовании имени существительного и других частей речи, обращает внимание и А.Х. Соттаев, который отмечает, что «...имена существительные, поддающиеся счету, приобретают оттенок множественности, тогда как другие части речи, образованные при помощи парного сочетания, усиливают свое значение или значение одной своей части» [130, с. 46].

В один из типов парных слов, где второе из двух слов не выявляет самостоятельного употребления и которое обыкновенно образуется из первого слова с изменением первого звука в **м**, он относит следующие словосочетания: **къыз-мыз** «девушка-мевушка», **тау-укъ-мауукъ** «курица-мурица», **аи-маи** «пища-мища», **бала-мала** «дети-меты», **эт-мет** «мясо-часо», **ат-мат** «лошадь-мошадь», **юй-мюй** «дом-мом», **чай-май** «чай-май», **сют-мют** «молоко-чолоко» [130, с. 47].

По этому поводу У.Д. Алиев пишет: «В связи с этим возник и следующий анекдот, вновь назначенному исправнику население жалуется на прежнего исправника: **баран-маран** брал, **ковер-мовер** брал, **деньги-менги** брал. Новый исправник обещает быть справедливым и все делить с населением пополам: **баран** – мне, **маран** – вам, **ковер** – мне, **мовер** – вам, **деньги** – мне, **менги** – вам и т.д.». (проф. Поливанов) [5, с. 51].

Особенностью парных слов в карачаево-балкарском и других тюркских языках является то, что, судя по внешним признакам, они имеют двучленную структуру, принадлежность компонентов к одной части речи. В системе устойчивых словосочетаний парные слова занимают особое место в виду того, что в большинстве случаев синтаксического, сочетаемого употребления они теряют компонентное значение и в новом, лексикализованном, значении, значении обобщения, собирательности.

Особенностью парных слов как сложных лексических единиц является то, что их составляющие компоненты выступают парными как в фонетическом (ритмико-интонационном) и морфологическом, так и лексико-семантическом отношениях.

С фонетической точки зрения парность подобного сложного слова заключается в том, что оба его компонента имеют такие отличительные особенности, как наличие одинаковой интонации, отдельного ударения, а также во многих случаях наличие аллитерации, слогового созвучия начальных или конечных компонентов.

С точки зрения морфологии оба его компонента имеют вполне самостоятельны, принадлежат к одной и той же знаменательной или незначительной части речи, за исключением тех случаев, когда второй компонент является всего лишь бессодержательным созвучием первого компонента, имеют одинаковое грамматическое оформление, если речь идет о наличии в составе производных основ словоизменятельных аффиксов, имеют одинаковые словообразовательные аффиксы.

С лексико-семантической точки зрения парные слова характеризуются тем, что: 1) оба компонента реальное значение, слагаемое либо из синонимического значения, либо из антонимического; 2) первый компонент имеет реальное лексическое значение, а второй не имеет; 3) оба компонента не имеют реального лексического значения. Фонетической особенностью двучленных структур является то, что, помимо созвучия, они имеют одинаковое число слогов, ритмическое членение. По морфологическим признакам компоненты парного слова также тождественны. Однако по лексико-семантическим особенностям компоненты парного слова не тождественны. Таким образом, парные слова, имеющие двучленную структуру, характеризуются тем, что их компоненты обладают фонетико-морфологической тождественностью.

Рассматривая отличительные особенности парных слов и повторов по данным различных языковых уровней, С.Н. Муратов пишет: «Устойчивые же словосочетания, возникающие в тюркских языках в результате двукратного повторения одной и той же основы, т.е. в результате объединения двух слов, тождественных как в фонетико-морфологическом, так и в лексико-семантическом отношении, получают название повторов, или редупликаций» [92, с. 63].

Повторы как разновидность устойчивых сочетаний слов, показывают такие значения, как значения множественности, многократности предметов, явлений, длительности, интенсивности и силы действия, степени качества, и употребляются для определительной оценки предметов, явлений и действий.

С.Н. Муратов характеризует повторы в тюркских языках как грамматикализованные устойчивые сочетания слов, однако с другой стороны материалы карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что встречаются и лексикализованные наречия – полные повторы, образованные от грамматических форм слов, т.е. от:

1) деепричастий: **бара-бара** ‘*постепенно, со временем*’ (букв. ‘идя-идя’), **биле-биле** ‘*нарочно, умышленно, намеренно*’, **ойнай-ойнай** ‘*легко, без труда*’ (букв. ‘играя-играя, шутя-шутя’); **бюгюн-бюгече** ‘*вот-вот, скоро*’ (букв. ‘сегодня-ночью’);

2) от количественных числительных, употребляемых в форме исходного падежа в обиходно-разговорной речи: **бирден-бирден** ‘*по одному*’ (**бир** ‘один’), **экиден-экиден** ‘*по два*’ (**эки** ‘два’), **ючден-ючден** ‘*по три*’ (**юч** ‘три’) и др. Кроме того, в карачаево-балкарском языке встречаются парные слова, сохраняющие компонентное значение, и слагаемые основы которых тождественны во всех отношениях: **акъырын-акъырын** ‘*медленно*’; **терк-терк** ‘*быстро*’; **бирге-бирге** ‘*вместе*’; **сюрюу-сюрюу** ‘*стадами*’; **къалау-къалау** ‘*кучей, грудой*’.

Способом редупликации образовано большое количество слов разных частей речи, имеющих тождественное компонентное значение. Это имена существительные: **шах-шах** ‘*мак*’, **шарх-шарх** ‘*шумовой музыкальный инструмент*’, имена прилагательные: **тешик-тешик** ‘*дырявый, прорывающийся*’, **тюрлю-тюрлю** ‘*разный, различный, разнообразный*’; наречия: **къат-къат** ‘*слоями*’, **аз-аз** ‘*мало-помалу, понемногу*’, ‘*постепенно*’; **бир-бир** ‘*по одному, порознь, поодиночке, поштучно*’, **экеу-экеу** ‘*попарно, по два, парами*’, **тёрт-тёрт** ‘*по четыре*’, **экишер-экишер** ‘*по двое*’; деепричастия: **бара-бара** ‘*со временем, постепенно, с течением времени*’, **биле-биле** ‘*нарочно, умышленно, намеренно*’; подражательные слова: **тыхыр-тыхыр** – подражание длительному треску, грохоту, **боркъ-боркъ** – подражание звуку сильно кипящей жидкости, бьющего горячего ключа; **къур-къур** – звукоподражание кваканью лягушки; производ-

ные междометия: **тоба-тоба** 'о боже!, бог мой', **оллох-оллох** (выражает сильное удивление), образованные в результате *интеръективации*, т.е. *перехода полнозначных слов в разряд междометий*, при котором слова знаменательных частей речи теряют свое лексическое значение и превращаются в слова-сигналы, выражающие эмоции и волеизъявления; первичные междометия: **ай-ай-ай!** (выражает неодобрение, упрек, удивление, восхищение).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые имена существительные, наречия, подражательные слова, междометия повторяются полностью. При этом имена существительные образуются повторением подражательных слов: **кьур-кьур** 'басы' (струны, клавиши), наречия – повторением имен существительных: **кьат-кьат** 'слоями', повторением наречий: **аз-аз** 'мало-помалу'; повторением количественных числительных: **бир-бир** 'по одному, порознь, поодиночке, поштучно'; повторением собирательных числительных: **экеу-экеу** 'попарно, по два, парами', повторением разделительных числительных: **тёрт-тёрт** 'по четыре', **экишер-экишер** 'по двое'; деепричастия: **бара-бара** 'со временем, постепенно, с течением времени', **ойнай-ойнай** 'легко, без труда, без принуждения' (букв. 'шутя-играя, шутя-шутя, вполсилы').

Парные слова, в отличие от повторов, в большинстве случаев выявляют словообразовательную природу, т.е. словообразовательное значение является результатом переосмысления, метафоризации компонентного значения в составе конструкций. В парных словах можно отметить и словообразовательные особенности: образование семантики собирательности, усиления, количественное, или стилистическое, преобразование функционирующих лексических значений, а также образование сложных наречий на основе нейтрализации компонентного значения именных и атрибутивных единиц, лексикализации трех падежных форм: дательного, местного и исходного.

Анализируя лексические особенности парных слов, наличие или отсутствие в их компонентах самостоятельных лексических значений, С.Н. Муратов пишет, что в башкирском языке, так же как и в других тюркских языках, встречаются конструкции, вторые компоненты которых не имеют самостоятельного лексического значения [92, с. 64]. Отсутствие обусловлено тем, что в определенный

период развития в результате десемантизации сочетающихся значений вторые компоненты перестали функционировать как полноценные лексические единицы. В таких случаях значение второго компонента приходится восстанавливать по данным других тюркских языков. Среди множества анализируемых сочетаний в башкирском языке обращает на себя внимание конструкция *мал-тыуар* 'скот' (*мал* 'скот'), свободно употребляемая в карачаево-балкарском языке, с прозрачной семантикой обоих компонентов.

В карачаево-балкарском языке отмечается конструкция *тууар - мал* со значением 'крупный рогатый скот', в которой в сравнении с башкирским языком второй компонент, как часть стилистического приема, выносится на ее начало. Исходя из того, что подобные сочетания с морфологической и семантической точек зрения образованы с полным соблюдением правила абсолютной парности, в момент их образования оба компонента имели самостоятельное значение. Среди «омертвевших» вторых компонентов тюркских языков, возможно, могут быть и собственно карачаево-балкарские слова, вышедшие в настоящее время из самостоятельного употребления.

Среди фоно-морфологических повторов карачаево-балкарского языка, в которых второй компонент не имеет самостоятельного употребления, отмечается и диалектная лексика, например, *жабу-жаха* 'шум, гам, гвалт, галдеж' [37, с. 37]. Данная лексема тождественна литературным повторам *жабу-жубу*, *дауур-суюур* с тем же самым собирательным значением, в которых вторые компоненты также лишены самостоятельного лексического значения. Несмотря на то, что вторые компоненты во всех конструкциях не имеют самостоятельного употребления, данные слова не являются факультативными, т.к. их опущение лишает конструкции собирательного значения. Второй компонент представляет собой рифмующийся или аллитерирующий с первым звуковой комплекс («слово-рифма», «слово-эхо»).

С ритмической точки зрения парные слова имеют отличительные особенности двучленной структуры. Каждый из двух компонентов парного слова следует рассматривать ритмически как самостоятельную единицу, которая паритетно объединяется с другим компонентом, составляя ритмическую единицу высшего разряда – парное слово. Отличительной особенностью ритмического рисунка

парного слова от ритмики предложения является то, что паузы между компонентами парного слова меньше. Как отмечает С.Н. Муратов, «Со стороны мелодики парное слово характеризуется восходящей интонацией первого и нисходящей интонацией второго компонента. Это отличает его от интонации слов в предложении, где каждый член всегда имеет нисходящую интонацию. Ударение в парном слове падает на конец каждого компонента, но при этом второй компонент имеет более сильное ударение» [92, с. 66].

Рассматривая различные замещения звуков в компонентах парных слов карачаево-балкарского языка, следует отметить, что субституции подвергаются один или несколько гласных второго компонента. В этом отношении имеют место: 1) комбинаторные случаи замещения гласных: **ы** и **а** – **у** и **у**: **тынал-тунул** – подражание шуму шагов по глубокой грязи '*шлеп-шлеп*', **тынар-тунур** – подражание шуму шагов, топоту '*топ-топ*', **чынал-чунул** – подражание плевку воды при купании, **зынгар-зунгур** – звукоподражание падающему со звоном предмету, **чыкъяр-чукъур** – звукоподражание треску чего-л. ломающегося; данное фонетическое явление встречается в основном среди парных звукоподражательных единиц;

2) комбинаторные случаи замещения гласных: **а** и **и** – **ю** и **ю**: **сабий-сюбий** '*детвора*'; 3) комбинаторные случаи замещения гласных: **а** и **ы** – **у** и **у**: **къатыкъ-къутукъ** (-гъу) '*молочные продукты*' (заготовленные на зиму), **къатын-къутун** собир. '*женщины*', **къатыш-къутуш** '*хаос, беспорядок, путаница*' // '*беспорядочный*' // '*беспорядочно*'; **чарыкъ-чурукъ** '*обувь*'; 4) замещение одного гласного: **а** – **у**: **жабу-жубу** '*шум, гам, гвалт, галдеж*', **къан-къун** I. '*вся кровь*';

2. **карач.** отходы (при забое скота); **тарх-турх** – звукоподражание грохоту; **данг-дунг** – звукоподражание **трах-бах! тарарах!**; **данг-дунг-этерге** '*барабанить, бить по чему*'. Некоторые звукоподражательные слова – вторые компоненты парных конструкций, сохраняя состав согласных фонем первого компонента, получают новую огласовку при участии фонемы **у**, **топ-тун** '*топот*', т.е. отмечается замещение одного гласного: **о** – **у**; **тарх-турх** – '*грохот*' – звукоподражание стрельбе, **дауур-дууур** (**дауур** '*шум*') '*всякий шум*' – **а** замещается на **у**, **къарт-къурт** '*старые и прочие*' – **а** замещается на **у**.

Рассматривая различные замещения звуков в компонентах парных слов карачаево-балкарского языка, следует обратить внимание

на то, что фонетическим преобразованиям подвергаются один или несколько согласных второго компонента: 1) начальный согласный первого компонента во втором компоненте замещается звуком **м**: *тели-мели* ‘глупый, взбалмошный’, *кбызыл-мызыл* ‘всякие красные’, *кбаты-маты* ‘всякие твердые’, *кбынгыр-мынгыр* ‘всякие косые’, *кбыйшыкь-мыйшыкь* ‘кривой, косой’, *сары-мары* ‘всякие желтые’, *жангы-мангы* ‘новый’, *китап-митап* ‘всякие книги’, *агъач-магъач* ‘всякие деревья’, *чай-май* ‘всякий чай’, *къуш-муш* ‘шушуканье’, *тыкь-мыкь* ‘ни туда-ни сюда’, *кбыж-мыж* – звукоподражание скрипу, издаваемому трением деревянных частей чего-нибудь; 2) к начальному гласному первого компонента во втором компоненте прибавляется звук **м**: *ахча-махча* ‘всякие деньги’, *арба-марба* ‘арбы и прочий гужевой транспорт’, *аз-маз* ‘понемногу, мало-помалу’, *эски-мески* ‘старье и всякий хлам’; 3) начальный согласный первого компонента во втором компоненте замещается звуком **ч**: *мюйюз-чюйюз* ‘рога и прочее’, *мулхар-чулхар* ‘отходы сена’; 4) к начальному гласному первого компонента во втором компоненте прибавляется звук **ч**: *уф-чуф* – звукоподражание звуку, издаваемому животными; 5) начальный согласный первого компонента во втором компоненте замещается звуком **т**: *кбьм-тым* 1) ‘желание’, 2) ‘любовная тайна, флирт’.

Рассматривая морфологические особенности парных слов, в первую очередь следует обратить внимание на морфологический состав компонентов и самих парных конструкций, изменяемость компонентов, частеречную принадлежность. По морфологическому составу парные слова состоят из двух больших разрядов: 1) первый разряд составляют парные слова, образованные способом сочетания двух корневых морфем: *аиш-суу* ‘еда, питье’ (*аиш* ‘еда’ + *суу* ‘питье’), *той-оюн* ‘свадьба, веселье’ (*той* ‘свадьба’ + *оюн* ‘веселье’), *ат-тууар* ‘скот’ (*ат* ‘лошадь’ + *тууар* ‘крупный рогатый скот, скотина (корова, бык)’), *аякь-къол* ‘конечности’ (*аякь* ‘нога’ + *къол* ‘рука’).

2) второй разряд составляют парные слова, образованные сочетанием двух производных основ: *акълы-кёклю* ‘нарядный, красиво одетый’ (букв. ‘белый-синий’), *адепли-намыслы* ‘воспитанный, учтивый, тактичный’, *адетли-намыслы* ‘сохраняющий традиции, обычаи’, *ахчалы-бохчалы* ‘зажиточный, достаточный’, *юйлю-*

кюнлю ‘живущий в достатке, зажиточный’, *адепсиз-намыссыз* ‘нечестный, невоспитанный’.

А.А. Юлдашева, характеризуя различные особенности парных слов, пишет: «Необычайно распространенные в тюркских языках окказиональные так называемые парные слова с собирательным значением, сопровождаемым пренебрежительно-иронической или юмористической оценкой:

1) так называемые парно-повторные слова вроде *башк. китан-митан* собир. ирон. ‘книги (всякие)’ и т.п., *йыртык-хартык* собир. ирон. ‘всякое рваньё’, свободно образуемые способом морфонологизированной редупликации (наращением фонологически значимого соединительного согласного или же с фонологическим использованием чередования либо начального согласного, либо первого гласного корневой морфемы, замыкающей сложное слово) по образцам стабильных лексических единиц данного назначения типа *башк. малай-шалай* собир. ирон. ‘мальчишки всякие’, *тимер-томор* собир. ирон. ‘всякое железо, железные вещи; железный лом’, *сокор-сакыр* собир. ирон. ‘ухабистое место’, которые ограничены в своем употреблении определенными условиями стиля, но характеризуются стабильностью своей структуры и лексического значения, широко употребляются во всех разновидностях национального языка и при этом не могут быть заменены другими словами без ущерба смыслу и которые в силу всего этого совершенно справедливо представлены не только в больших, но и в неполных общих словарях тюркских языков; 2) столь же свободно образуемые лексические единицы типа *башк. ат-мазар* собир. ирон. ‘лошади или существа вроде них’, *кеше-фалэн* собир. ирон. ‘кто-нибудь из людей’ и т.п. с типовым значением кто-л. или что-л. вроде того, что названо первым компонентом сложного слова. Что же касается остальных структурных типов парных слов, выражающих неуточненное множество с иронической эмоциональной оценкой, в частности таких, как *башк. карт-коро* собир. ‘старика всякие’, *карсык-корсок* собир. ‘всякие старухи’, *кыз-кыркын* собир. ‘всякие девушки’, *йәш-елкенсәк* собир. ‘молодежь’, *йәше-карты* ‘и стар и млад’, *мулла-монтагай* собир. ирон. ‘служители культа вроде муллы’, то они входят в стабильный состав лексики и на этом основании находят отражение

как в полных, так и в небольших общих словарях тюркских языков» [171, с. 84-85].

Далее отмечается, что в результате отбора для общего словаря парных слов экспрессивно-эмоциональной окрашенности лексикографы в некоторых случаях включают в словник отдельные окказиональные основы вроде башк. *агас-магас* собир. ирон. 'всякие деревья'. Кроме того, в словник включены малопродуктивные формы типа башк. *һирәк-һаяк* 'изредка' (наряду с лит. *һирәк-мирәк* 'изредка'), функционирующие только в каком-нибудь диалекте. С другой стороны общеупотребительные слова, встречающиеся и в остальных тюркских языках, типа башк. *акһаҡ-туҡһаҡ* собир. ирон. 'хромые и подобные калеки', *аяҡ-тояҡ* собир. ирон. 'не мясные части забитого скота, пригодные на студень и т.п.', остаются в стороне.

В некоторых тюркских языках, в частности, в киргизском, отмечается гнездовой способ размещения парных слов, частично практикуемый в «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина [69], ср. к примеру месторасположение *аксак-токсак* / *аксак-тексек* 'хромые и с большими ногами' и т.п., которые вполне могли бы рассматриваться как самостоятельные лексические единицы и быть выделены в отдельные словарные статьи.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что имена существительные, прилагательные, наречия и подражательные слова повторяются полностью и частично, а междометия – только полностью. При этом имена существительные образуются в результате повторения существительного: *кѣур-кѣур* 'басы (струны, клавиши)', *жан-жаныуар* 'животное, зверь, живое существо, тварь', *соруу-оруу* 'всякий вопрос'; причастия: *кѣалгъан-кѣулгъан* (булгъан) 'отходы, остатки, объедки, отбросы'; *соргъан-оргъан* 'всякие вопросы'; формы имени действия: *чачыу-кѣучуу* 'погром', *кѣчюу-мѣчюу* (прост.) 'переход, перемещение, передвижение, переезд'; формы взаимно-совместного залога: *жыртмыш-мыртмыш* (прост.) 'грызня, ссора', драка (птиц, зверей и т.п.); *бѣлюш-мѣлюш* 'всякий дележ, раздел, распределение чего-л.'; имена прилагательные образуются повторением имени существительного: *кѣат-кѣат* 'слоистый', *тешик-тешик* 'дырявый, продырявленный', прилагательного: *тюрлю-жюрлю* 'разный, различный, разнообразный', наречия

образуются повторением имени числительного: *бир-бир* 'по одному, порознь, поодиночке, поштучно', *экеу-экеу* 'попарно, парами', наречия образуются повторением наречия: *аз-аз* 'мало-помалу, понемногу', 'постепенно', *анда-санда* 'иногда, изредка, временами', наречия образуются повторением деепричастия: *бара-бара* 'со временем, постепенно, с течением времени', *къарап-къарагъынчы* 'мгновенно, быстро, мигом'; глаголы, междометия, подражательные слова образуются повторением самих себя.

Среди парно-повторных слов, образованных путем частичной редупликации, выделяются следующие разновидности:

1) редупликат является производным словом: *жан-жаныуар* 'все живое, живые существа', *жер-жерли* 'местный'. Сюда же относятся наречия – неполные повторы, образованные: а) путем сложения имен существительных в основном и косвенных падежах: *жер-жерге* 'во все стороны, повсеместно', *жер-жерде* 'всюду, везде', *жер-жерден* 'отовсюду' (лексикализованные формы пространственных падежей, т.е. изменение редуплицированных конструкций в этих падежах приводит к изменению лексического значения, образованию новой части речи; изменение редупликата в отмеченных падежах носит транспозиционные особенности); *ёмюр-ёмюрге* 'на веки вечные', *жан-жанына* 'во все стороны', *жан-жанында* 'вокруг, около кого-чего', *жан-жанындан* 'отовсюду' и др.; б) путем сложения имен числительных в основном и местном падежах: *бир-бирде* 'иногда, подчас, временами'; в) путем сложения антонимичных по значению причастий: *айтыр-айтмаз* 'быстро, сразу, мгновенно', *билир-билмез* 'быстро, тотчас', *жетер-жетмез* 'быстро, моментально', *эшитир-эшитмез* 'сразу же, мгновенно, быстро'; г) путем сложения антонимичных по значению местоименных наречий: *анда-мында* 'там-сям, местами, кое-где' - *анда-мында* 'редко, изредка, временами' - *андан мындан* 'понемногу' - *андан-мындан* 'со всех сторон, отовсюду'; *ёмюр-ёмюрге* 'на веки вечные', *жан-жанына* 'во все стороны', *жан-жанында* 'вокруг, около кого-чего', *жан-жанындан* 'отовсюду' и др.; д) путем сложения прилагательных в исходном и основном падежах: *уллудан-улла* 'все больше и больше', *амандан-аман* 'все хуже и хуже', *игиден-иги* 'все лучшие и лучшие', *ачыкъдан-ачыкъ* 'совершенно откровенно', *бекден-бек* 'все сильнее и сильнее' и др.;

е) путем фономорфологического изменения редуликата – второго компонента деепричастия: *ауа-сауа* ‘шатаюсь, вразвалку; валясь с ног, еле-еле’, *сормай-ормай* ‘без разрешения; самовольно’, *ёлюп-ёчюп* ‘с большим трудом; еле-еле’, *ёлюп-къялып* ‘с большим трудом’, *ёлюп-талып* ‘с большим трудом’, *ёлмей-къялмай* ‘еле, едва’, *акъсан-тукъсан* ‘прихрамывая, ковыляя’;

2) среди основ, образованных путем частичной редупликации, выделяются конструкции, в которых оба компонента являются производными единицами: *жылдан-жылгъа* ‘из года в год (*жылдан* ‘каждый год’ + *жылгъа* ‘в (один) год’), *артдан-артха* ‘постепенно, со временем’ (*артдан* ‘сзади’ + *артха* ‘назад, на прежнее место, обратно’, ‘впрок’, *бирден-бирге* ‘перво-наперво, прежде всего’ (*бирден* ‘вместе, одновременно, сразу’, ‘разом’ + *бирге* ‘совместно, вместе’), *башдан-башха* ‘баш на баш, голову на голову’;

3) среди словарных единиц, образованных способом полной редупликации, отмечаются конструкции, в которых один из компонентов является словарной единицей, другой – грамматической формой: *бирси-бири* ‘другие’, ‘иные’ (*бирси* ‘тот, другой’) + *бири* – притяж. форма 3 л. количественного числительного *бир* ‘один’), *баш-башынча* ‘полностью, целиком’ *баш* ‘голова’ + *башынча* ‘как чью-л. голову’) *бирси-бирича* ‘как и другие’ (*бирси* ‘тот, другой’ + *бирича* ‘как и он’), *баш-башына* обобщ. знач. ‘поголовно’ и др.;

4) в составе словарных единиц, образованных способом полной редупликации, выделяются конструкции, в которых к первому компоненту присоединяется аффикс исходного падежа: *жангыдан-жангы* ‘новый-преновый’, *ачыкъдан-ачыкъ* ‘откровенно’, *бекден-бек* ‘все сильнее’ и др.;

5) ко второму компоненту присоединяются аффиксы дательного, местного, исходного падежей: *жан-жанына* ‘во все стороны, по всем сторонам’; *жер-жерден* ‘отовсюду’, ‘со всех сторон’, *эл-элде* ‘во всех селах, в каждом селе’ и др.;

6) первый компонент употребляется в форме исходного, а второй – дательного падежей: *артдан-артха* ‘постепенно, со временем’, *кюнден-кюннге* ‘изо дня в день’, *жылдан-жылгъа* ‘из года в год’ и др.;

7) второй компонент подвергается морфонологическому изменению и не обладает самостоятельным лексическим значением и

употреблением: *ашыкъ-бушукъ* 'наспех, торопливо', *артыкъ-буртукъ* 'излишек, что-л. лишнее', *эски-мески*, *эски-бюски* 'хлам, барахло, тряпье, рухлядь, старье', *аз-маз* 'немножко, чуть-чуть', 'смутно, еле-еле, едва', *жарты-курту* 'кое-как, небрежно', *тюрюлю-мюрюлю* 'очень странный', *кирли-мирли* 'грязный, неопрятный' и др.;

8) оба компонента не имеют самостоятельного лексического значения и употребления: *чийли-бишли* 'недоваренный, недожаренный, недопеченный', *хышты-мышты* 'беспорядочный, нескладный', *хыный-сыный* 'шалость', *хырт-мырт* 'хлам', *каш-куш* (*гаш-гуш*) (прост.) 'несерьезные молодые люди' и др.

Среди парно-повторных слов последних двух типов отмечают различные морфонологические изменения:

1) к началу редуликата прибавляется согласная фонема: *арыкъ-торукъ* 'всякие тощие (о скотине)', *ётген-сётген* 'прохождение', *алда-булда* 'обмануть всяческими ухищрениями', *ала-кёула* 'пестрый; пегий; разноцветный', *ала-чола* 'поверхностный, неглубокий', *алас-булас* 'смутно, неясно (видеть)' и др.;

2) начальный согласный первого компонента меняется на другой согласный во втором компоненте: *къан-ман* 'всякая кровь', *хыный-сыный* 'шалость', *быттыр-хуттур* 'хуже худшего', *къаты-маты* 'всякие твердые', *хынч-мынч* 'сварливый, ворчливый' и др.;

3) в интервокальной позиции согласная фонема первого компонента меняется на другую согласную фонему во втором компоненте: *татыу-талыу* 'вкус (пищи)';

4) гласная фонема (или фонемы) первого компонента меняется на другую гласную фонему во втором компоненте: *къалгъан-кёулгъан* 'отходы, остатки, объедки, отбросы', *дауур-дууур* 'шум, гам'.

Среди парно-повторных слов карачаево-балкарского языка встречаются наречные конструкции, образованные путем сложения антонимичных по значению местоименных наречий: *анда-мында* 'там-сям, местами, кое-где' (*анда* 'там' + *мында* 'здесь') + *анда-мында* 'редко, изредка, временами', *андан-мындан* 'понемногу' – *андан-мындан* 'со всех сторон, отовсюду' (*андан* 'оттуда' + *мындан* 'отсюда').

Среди парно-повторных конструкций карачаево-балкарского языка, образованных по модели полной редупликации, встречаются и грамматические формы слов в виде: 1) деепричастий: *бара-бара* 'постепенно, со временем' (букв. 'идя-идя'), *биле-биле* 'нарочно, умышленно, намеренно' (букв. 'зная-зная'), *биле-биле* 'значительно, заметно', *ойнай-айнай* 'легко, без труда' (букв. 'играя-играя', 'шутя-шутя'). Примеры: *Къош да бара-бара тюзелет* 'И кош строится со временем, постепенно'. *Ол биле-биле арыкъ болгъанды* 'Он значительно похудел'. *Биз юйню ойнай-ойнай ишледик* 'Мы построили дом легко, играючи'; 2) количественных числительных, которые обычно употребляются только в обиходно-разговорной речи: *бирден-бирден* 'по одному' (*бир* 'один'), *экиден-экиден* 'по два' (*эки* 'два'), *ючден-ючден* 'по три' (*юч* 'три') и др.

Среди обстоятельственных сложных наречий выделяются:

1) наречия места: *жер-жерге, жер-жерде, жер-жерден, жан-жанына* 'во все стороны', *жан-жанында* 'вокруг', *жан-жанындан* 'отовсюду', *ёрге-энииге* 'вверх-вниз', 'взад-вперед, туда-сюда', *анда-мында* 'там-сям, местами', *андан-мындан* 'отовсюду' и др.;

2) наречия времени: *эртдеден-эртде* 'все раньше и раньше', *ёмюрден-ёмюрге* 'вечно';

3) наречия образа действия: *кёнден-кёп* 'все больше и больше', *жангыдан-жангы* 'все новее и новей', *бирден-бирге* 'друг-другу', *ауа-сауа* 'еле-еле', 'с большим трудом', *къошмай-къоратмай* 'точь-в-точь', *ойнай-кюле* 'весело, играючи', *биле-биле* 'заметно', *биле-биле* 'намеренно, умышленно, нарочно' и др.

Среди парно-повторных наречий карачаево-балкарского языка встречаются и синонимичные общеупотребительные сложные конструкции. Значения этих единиц сближаются за счет того, что у большинства из них один из компонентов общий. Нередко у таких наречий и вторые компоненты являются близкими по значению: *анда-санда-анда-мында-бир-бирде* 'иногда, временами, изредка, время от времени'. Синонимическое значение могут иметь даже антонимичные по содержанию сложные наречия: *ёле-къала-ёлмей-къалмай* 'еле-еле, кое как' (ср. *ёле* 'умирая' и *ёлмей* 'не умирая', *къала* 'оставаясь' и *къалмай* 'не оставаясь').

С точки зрения компонентного состава в синонимичных сложных наречиях: 1) сочетаются формы знаменательных слов (существительных, наречий, местоимений и существительных, существительных и наречий, числительных и существительных); 2) сочетаются слова знаменательных частей речи (существительных и наречий) с деепричастиями, 3) сочетаются деепричастия.

Схематически различные сочетания рассматриваются следующим образом: 1) имя существительное в основном падеже + имя существительное в пространственных падежах: *жер-жерге* 'всюду, везде', *жер-жерде* 'всюду, везде, кругом; там-сям', *жер-жерден* 'отовсюду' и др.; 2) наречие + наречие: *анда-мында* 'изредка, иногда'; 3) деепричастие + деепричастие: *кьошмай-кьоратмай* 'точно-точно', 'в целом', *ёлмей-кьалмай* 'еле-эле, кое-как'.

Среди парно-повторных конструкций карачаево-балкарского языка встречаются и омонимичные сложные наречия: *анда-мында* 1) 'там-сям, местами, кое-где, в разных местах' (значение места); 2) 'иногда, изредка, временами'. Такие примеры можно найти и в «Карачаево-балкарско-русском словаре»: *ары-бери* нар. 1) 'туда и сюда'; 2) мест. 'что-либо, кое-что'.

Отмеченные материалы свидетельствуют о том, что наречия со значениями места и времени можно рассматривать как полисемантические единицы. Несмотря на то, что их реальные значения выявляются контекстуально, они разошлись и стали омонимами. Определяемость по контексту не является признаком многозначности.

Антонимичные отношения между компонентами сложных наречий возникают на основе противопоставленности значений сочетаний, первых или вторых их компонентов и аффиксов падежей: *анда-санда* 'иногда', *анда-мында* 'кое-где'. К числу сложных наречий, в которых выражаются антонимичные отношения компонентов, относятся и следующие повторы: *аздан-аз* 'все меньше и меньше', *кёнден-кёп* 'все больше и больше', *игиден-иги* 'все лучше и лучше', *амандан-аман* 'все хуже и хуже'. К этому разряду лексикализованных сложных повторов относятся наречия, первые компоненты которых имеют положительное значение, вторые – отрицательное: *чыгъар-чыкъмаз* 'едва как вышел', *кирир-кирмез* 'едва как зашел'.

Рассматривая образование парно-повторных наречий, следует обратить внимание на то, что, как и сложные существительные,

сложные наречия в исследуемом языке от сложных существительных и прилагательных не образуются. Они образуются от: 1) пары сложных глаголов: *ёл-кьал* 'умереть-жить' → *ёле-кьала, ёлмей-кьалмай* 'ни жив, ни мертв, еле-еле душа в теле (о ком-л.)', *айтып айталмаз* 'восхищаться' - *айтып айталмазча* 'несказанно, невыразимо, восхитительно', *кюй-биш* 'сильно переживать' → *кюе-бише, кюйюп-бишип* 'сильно переживая, страдая', *ойна-кюл* 'веселиться' → *ойнай-кюле* 'весело' и др.; 2) сложных наречий: *жер-жерде* 'всюду, везде, кругом' → *жер-жерден* 'отовсюду' и др.; 3) сложных местоимений: *ол-бу* 'то-сё' → *анда-мында* 'там-сям, местами, кое-где', *андан-мындан* 'отовсюду, со всех сторон' и др.; 4) от повторов (полных и неполных) – падежных форм имен существительных и деепричастий: *ингирден-ингирге* 'по вечерам' (*ингирден* 'с вечера' + *ингирге* 'к вечеру') *кеchedен-кечеге* 'по ночам' (*кеchedен* 'с ночи' + *кечеге* 'к ночи') *сормай-ормай* 'самовольно' (*сормай* 'не спрашивая'), *ауа-сауа* 'вразвалку' (*ауа* 'падая'), *бара-бара* 'со временем, постепенно, с течением времени' и др.; 5) от спаренных деепричастий, синонимичных и антонимичных по значению: *кьырып-жонуп* 'еле-еле' (*кьырып* 'выскоблив' + *жонуп* 'выстругав'), *кьошмай-кьоратмай* 'точь-в-точь' (*кьошмай* 'не прибавив' + *кьоратмай* 'не убавив') и др.

Учитывая отмеченные особенности образования сложных наречий, можно выделить следующие способы их образования:

1) комбинация семантико-морфологической разновидности семантического способа со словосложением: *жер-жерден* 'отовсюду', *бара-бара* 'со временем';

2) комбинация семантико-синтаксической разновидности семантического способа с редупликацией: *ауа-сауа* 'вразвалку', *сормай-ормай* 'самовольно';

3) Комбинация лексико-морфологической разновидности семантического способа со словосложением: *анда-мында* 'иногда, изредка, временами' – *анда-мында* 'там-сям, местами, кое-где', *анда-санда* 'редко' – *анда-санда* 'мало', *андан-мындан* 'отовсюду' - *андан-мындан* 'понемногу' и др.

2.4. Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности компонентов парных слов

Универсальной лексико-семантической особенностью карачаево-балкарского языка является то, что редулицированные конструкции встречаются, помимо прилагательных, и среди других частей речи. Если среди прилагательных процесс редуликации способствует усиленному проявлению качества, свойства, заложенного в предмете, то в системе других частей речи выявляются совершенно другие особенности: **бара-келе** букв. *‘идя-приходя’*; перен. *‘много раз ходил, приходил’*, то есть в этих деепричастиях, как формах глагола, проявляется значение собирательной многократности действия, то же самое значение проявляется и среди других деепричастий типа **бере-ала** (или **ала-бере**) букв. *‘давая-беря’*; перен. *‘много раз давал и брал’*; **келе-келе** букв. *‘приходя-уходя’*; перен. *‘много раз приходил и уходил’*; ол **келе-келе турады** имеет переносное значение *он ведет себя неоднозначно и неадекватно*. Именно присоединение редулицирующего компонента к условно опорному слову способствует проявлению значения многократности действия. Данные конструкции следует рассматривать как полную разновидность редуликации, когда друг к другу присоединяются две разные по значению основы одной части речи. Универсальной особенностью этих основ, участвующих в редуликации, является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции, - в препозиции: **келе-бара** *‘приходя-уходя’*; перен. *‘много раз приходил, ходил’*, **ала-бере** букв. *‘беря-давая’*; перен. *‘много раз брал и давал’*. Универсальной особенностью процесса редуликации является то, что, несмотря на перестановку компонентов конструкции, значение многократности сохраняется.

Другой особенностью рассмотренных примеров является то, что их компоненты в отрыве друг от друга также могут создавать редулицированные конструкции, например: **бара-бара** *‘идя-идя’*; кьош **бара-бара** кьуралады *‘кош строится не сразу, а постепенно’*; **келе-келе** букв. *‘приходя-приходя’*; перен. *‘возвращаясь’*; например: **келе-келе** кьайтырбыз *‘зайдем, встретимся, увидимся на обратном пути’*; **келе-келе** турурбуз *‘будем много раз приходиться’*; в этом примере значение *возвращаясь* не отмечается, а отмечается значе-

ние многократности действия. Эти однотипные конструкции также следует рассматривать как полную разновидность редупликации.

Другой особенностью исследованных конструкций является то, что деепричастия, образованные с помощью аффиксальной морфемы **-а/-е** от глагольных основ, подвергаются редупликации, а сами эти основы – не редуплицируются.

Если лексической особенностью редуплицированных деепричастных конструкций является выражение значения собирательной многократности, то их грамматической особенностью является возможность спрягаться по лицам и числам: спрягаются одинаково оба компонента:

Мен *барама-келеме*.

Сен *бараса-келесе*.

Ол *барады-келеди*.

Биз *барабыз-келебиз*.

Сиз *барасыз-келесиз*.

Ала *барадыла-келедиле*

К числу грамматических особенностей редуплицированных конструкций глагольного типа относится то, что они могут употребляться в форме повелительного наклонения с использованием отрицательной частицы **-ма/-ме**: *барма-келме*, 'не ходи – не приходи'; *берме-алма*, 'не давай-не бери'; *келме-кетме*, 'не приходи-не уходи'. С точки зрения теоретически возможных моделей построения слов к этим отрицательным формам между корнем и аффиксом может присоединиться аффикс возможности **-ал**, в конечном итоге дающий значение аспекта невозможности, несмотря на то, что они являются малоупотребительными: *баралма-келалма* 'не имей возможности ходить-приходить'; *бералма-алалма* 'не имей возможности давать-брать'; *келалма-кеталма* 'не имей возможности приходить-уходить'. Другой грамматической особенностью отрицательных форм повелительного наклонения является то, что они могут образовать деепричастные формы с участием ее аффиксов: *бармай-келмей* букв. 'не ходя-не приходя'; *бермей-алмай* букв. 'не давая-не беря'; *келмей-кетмей* букв. 'не приходя-не уходя'.

Грамматической особенностью деепричастных форм является то, что к этим отрицательным словам между корнем и отрицатель-

ной частицей **-ма/-ме** может присоединиться аффикс возможности **-ал**, дающий в результате значение аспекта невозможности: **баралмай-келалмай** 'не имея возможности ходить-приходить'; **бералмай-алалмай** 'не имея возможности давать-брать'; **келалмай-кеталмай** 'не имея возможности приходить-уходить'. Другой грамматической особенностью, свойственной деепричастным формам, является возможность спрягаться по лицам и числам: спрягаются оба компонента:

Мен **бармайма-келмейме**.
Сен **бармайса-келмейсе**.
Ол **бармайдды-келмейди**.
Биз **бармайбыз-келмейбиз**.
Сиз **бармайсыз-келмейсиз**.
Ала **бармайддыла-келмейдиле**.

Следующей грамматической особенностью деепричастных форм в аспекте невозможности является их возможность также спрягаться по лицам и числам: спрягаются оба компонента:

Мен **баралмайма-келалмайма**.
Сен **баралмайса-келалмайса**.
Ол **баралмайдды-келалмайдды**.
Биз **баралмайбыз-келалмайбыз**.
Сиз **баралмайсыз-келалмайсыз**.
Ала **баралмайддыла-келалмайддыла**.

Лексико-грамматической особенностью деепричастных форм типа **бара-келе** является возможность образовать формы аспекта возможности: **барал-келал** 'имей возможность идти-приходить'; **берал-алал** 'иметь возможность давать-брать'; **келал-кетал** 'иметь возможность приходить-уходить'.

Следующей их особенностью является возможность образовать в языке от форм аспекта возможности с помощью аффикса **-а** деепричастные формы:

барала-келала,
берала-алала,
келала-кетала.

К числу грамматических особенностей данных деепричастных форм относится то, что они спрягаются по лицам и числам: спрягаются оба компонента:

Мен *баралама-келалама*.
Сен *бараласа-келаласа*.
Ол *баралады-келалады*.
Биз *баралабыз-келалабыз*.
Сиз *бараласыз-келаласыз*.
Ала *бараладыла-келаладыла*

Во всех деепричастных формах выражается значение многократного совершения действия. Редуцированными следует квалифицировать и причастные конструкции, образованные именно от тех же глагольных основ, что и деепричастия, с помощью аффикса *-гъан/-ген*: *баргъан-келген*, 'идуший-приходящий'; *бергъан-алгъан* 'дающий-берущий'; *келген-кетген*, 'приходящий-уходящий'. Конструкция *келген-кетген* имеет и переносное значение 'гости, посетители', появившееся в результате лексикализации и потери компонентных значений.

Универсальной особенностью этих основ является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции – в препозиции; ср.: *келген-баргъан*, 'приходящий-идуший'; *алгъан-бергъан* 'берущий-дающий'; *кетген-келген*, 'уходящий-приходящий'.

Редуцированным причастным конструкциям на *-гъан/-ган*, также как и именам действия, свойственны грамматические признаки имени существительного, т.е. они склоняются по падежам по их образцу:

Баш. б. *баргъан-келген*
Иел. б. *баргъанны-келгенни*
Бер. б. *баргъаннга-келгеннге*
Там. б. *баргъанны-келгенни*
Орун. б. *баргъанда-келгенде*
Башл. б. *баргъандан-келгенден*

Баш. б. *келген-кетген*
Иел. б. *келгенни-кетгенни*

Бер. б. *келгеннге-кетгеннге*
Там. б. *келгенни-кетгенни*
Орун. б. *келгенде-кетгенде*
Башл. б. *келгенден-кетгенден*

Баш. б. *берген-алгъан*
Иел. б. *бергенни-алгъанны*
Бер. б. *бергеннге-алгъаннга*
Там. б. *бергенни-алгъанны*
Орун. б. *бергенде-алгъанда*
Башл. б. *бергенден-алгъандан*

Если компоненты деепричастных конструкции в отрыве друг от друга могут создавать редуцированные сочетания, то компоненты причастных конструкции в отрыве друг от друга не могут создавать редуцированных основ. К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций на *-гъан/-ген* относится то, что редуцирующий и редуцируемый компоненты склоняются по падежам по типу имен существительных:

Баш б. *баргъан-келген*
Иел. б. *баргъанны-келгенни*
Бер. б. *баргъаннга-келгеннге*
Там. б. *баргъанны-келгенни*
Орун. б. *баргъанда-келгенде*
Башл. б. *баргъандан-келгенден.*

Кроме того, к числу грамматических особенностей этих конструкций относится то, что они принимают окончание множественного числа *-ла/-ле* и склоняются по падежам по типу имен существительных:

Баш. б. *баргъанла-келгенле*
Иел. б. *баргъанланы-келгенлени*
Бер. б. *баргъанлагъа-келгенлеге*
Там. б. *баргъанланы-келгенлени*
Орун. б. *баргъанлада-келгенледе*
Башл. б. *баргъанладан-келгенледен.*

Синтаксической особенностью конструкций на *-гъан/-ген* является то, что в предложении они могут выполнять: 1) функцию под-

лежащего: *баргъан-келген кёрюндю* 'ходок показался'; 2) функцию дополнения: *баргъанны-келгенни кёрдюм* 'я увидел ходока'.

Лексико-грамматической особенностью данных конструкции является то, что они употребляются в аспекте возможности, принимаемая аффикс *-ал/-ел* между корнем и аффиксом *-гъан/-ген*.

К числу грамматических особенностей редулицированных конструкций на *-гъан/-ген* относится то, что редулицирующий и редулицируемый компоненты склоняются по падежам по образцу имен существительных:

Баш б. *баралгъан-келалгъан*
Иел. б. *баралгъанны-келалгъанны*
Бер. б. *баралгъаннга-келалгъаннга*
Там. б. *баралгъанны-келалгъанны*
Орун. б. *баралгъанда-келалгъанда*
Башл. б. *баралгъандан-келалгъандан*.

Кроме того, к числу грамматических особенностей этих конструкций относится то, что они принимают окончание множественного числа *-ла/-ле* и склоняются по падежам по образцу имен существительных:

Баш. б. *баралгъанла-келалгъанла*
Иел. б. *баралгъанланы-келалгъанланы*
Бер. б. *баралгъанлагъа-келалгъанлагъа*
Там. б. *баралгъанланы-келалгъанланы*
Орун. б. *баралгъанлада-келалгъанлада*
Башл. б. *баралгъанладан-келалгъанладан*.

Синтаксической особенностью конструкции на *-гъан/-ген* является то, что в предложении они могут выполнять: 1) функцию подлежащего: *баралгъан-келалгъан кёрюндю* 'показался тот кто имел возможность идти-приходить'; 2) функцию дополнения: *баралгъанны-келалгъанны кёрдюм* 'я увидел того, кто имел возможность идти-приходить'.

К числу неотъемлемых грамматических особенностей редулицированных конструкций на *-гъан/-ген* относится то, что редулицирующий и редулицируемый компоненты спрягаются по образцу глаголов:

Мен *баргъанма-келгенме.*
Сен *баргъанса-келгенсе*
Ол *баргъанды-келгенди.*
Биз *баргъанбыз-келгенбиз.*
Сиз *баргъансыз-келгенсиз.*
Ала *баргъандыла-келгендиле.*

Грамматической особенностью редуцированных конструкций на *-гъан/-ген* в аспекте возможности является то, что редуцирующий и редуцируемый компоненты спрягаются по образцу глаголов:

Мен *баралгъанма-келалгъанма.*
Сен *баралгъанса-келалгъанса.*
Ол *баралгъанды-келалгъанды.*
Биз *баралгъанбыз-келалгъанбыз.*
Сиз *баралгъансыз-келалгъансыз.*
Ала *баралгъандыла-келалгъандыла.*

Грамматической особенностью редуцированных конструкций на *-гъан/-ген* является то, что они могут употребляться в отрицательной форме. Отрицательная частица *-ма/-ме* располагается между корнем и аффиксом *-гъан/-ген*: *бармагъан-келмеген.*

Грамматической особенностью отрицательных редуцированных конструкций на *-гъан/-ген* является то, что они склоняются по падежам по образцу имен существительных:

Баш. б. *бармагъан-келмеген*
Иел. б. *бармагъанны-келмегенни*
Бер. б. *бармагъаннга-келмегеннге*
Там. б. *бармагъанны-келмегенни*
Орун. б. *бармагъанда-келмегенде*
Башл. б. *бармагъандан-келмегенден.*

К числу грамматических особенностей этих конструкций относится то, что они принимают окончание множественного числа *-ла/-ле* и склоняются по падежам по типу имен существительных:

Баш. б. *бармагъанла-келмегенле*
Иел. б. *бармагъанланы-келмегенлени*
Бер. б. *бармагъанлагъа-келмегенлеге*

Там. б. *бармагъанланы-келмегенлени*
Орун. б. *бармагъанлада-келмегенледе*
Башл. б. *бармагъанладан-келмегенледен*.

К числу грамматических особенностей редулицированных причастных конструкций на *-гъан/-ген* с отрицательной частицей *-ма/-ме* относится то, что редулицирующий и редулицируемый компоненты спрягаются по образцу глаголов:

Мен *бармагъанма-келмегенме*.
Сен *бармагъанса-келмегенсе*.
Ол *бармагъанды-келмегенди*.
Биз *бармагъанбыз-келмегенбиз*.
Сиз *бармагъансыз-келмегенсиз*.
Ала *бармагъандыла-келмегендиле*

Редулицированными следует считать причастные конструкции, образованные именно от тех же глагольных основ, что и деепричастия, с помощью аффикса прошедшего времени *-ын/-ип*: *барып-келип* 'идуций-приходящий', *берип-алып* 'дающий-берущий', *келип-кетип* 'приходящий-уходящий'. Универсальной лексико-грамматической особенностью отмеченных основ является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции - в препозиции: *келип-барып* 'приходя-уходя'; *алып-берип* 'беря-давая'; *кетип-келип* 'уходя-приходя'. Другой особенностью перечисленных основ является то, что их компоненты в отрыве друг от друга также могут создавать редулицированные конструкции типа: *келип-келип* 'приходя', *келип-келип турдула* 'приходили много раз'; *барып-барып* 'уходя - уходя'; *алып-алып* 'беря-беря'; *кетип-кетип*, 'уходя-уходя'.

Редулицированными следует квалифицировать и глагольные основы формы взаимно-совместного залога, образованные именно от тех же глагольных основ, что деепричастия и причастия, с помощью аффикса взаимно-совместного залога *-ыш/-иш*: *барыш-келиш* 'уходить-приходить', *бериш-алыш* 'давать-брать', *келиш-кетиш* 'приходить-уходить', *алыш-бериш* 'брать-давать'. Эти основы также могут употребляться меняя свои позиции. От перемены мест слагаемых общее значение многократности не меняется.

Универсальной лексико-семантической особенностью редуплицированных форм взаимно-совместного залога является то, что они подвергаются лексикализации: *барыш-келиш* 'ходьба-хождение', *келиш-кетииш* 'ходьба-хождение', *алыш-берииш* 'калым'. Глагольные формы, лексикализуясь, переходят в имена существительные.

Редупликация – обычный и в то же время необычный прием в образовании новых значений среди всех частей речи. Повторение редуплицирующего компонента вносит новые, ранее неизвестные семантические оттенки в структуру опорного слова. Редупликация как способ словообразования встречается и в именах действия. Редуплицированными следует считать имена действия, образованные именно от тех же глагольных производящих основ, что причастия и деепричастия, формы взаимно-совместного залога, с помощью аффикса имени действия *-ыу/-иу*, например, *барыу-келиу* 'ходьба-хождение'; *барыу-келиу тохтады* 'хождение прекратилось'; *бериу-алыу* 'взаимообмен, взаимовыручка'; *келиу-кетииу* 'приход-уход'.

Редуплицированным конструкциям имени действия также свойственны, как и причастным сочетаниям на *-гъан/-ген*, грамматические признаки имени существительного, т.е. они склоняются по падежам по их образцу:

Баш. б. *барыу-келиу*
Иел. б. *барыу^{ню}-келиу^{ню}*
Бер. б. *барыу^{гъа}-келиу^{ге}*
Там. б. *барыу^{ню}-келиу^{ню}*
Орун. б. *барыуда-келиуде*
Башл. б. *барыудан-келиуден.*

Баш. б. *келиу-кетииу*
Иел. б. *келиу^{ню}-кетииу^{ню}*
Бер. б. *келиу^{ге}-кетииу^{ге}*
Там. б. *келиу^{ню}-кетииу^{ню}*
Орун. б. *келиуде-кетииуде*
Башл. б. *келиуден-кетииуден.*

Баш. б. *бериу-алыу*
Иел. б. *бериу^{ню}-алыу^{ну}*

Бер. б. *бериуге-алыугъа*
Там. б. *бериуню-алыуну*
Орун. б. *бериуде-алыуда*
Башл. б. *бериуден-алыудан*.

Данные конструкции следует рассматривать как форму полной редупликации, когда друг к другу присоединяются две разные по значению основы одной части речи. Универсальной лексико-грамматической особенностью отмеченных основ является то, что они могут употребляться меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции - в препозиции: *келиу-барыу* 'ходьба-хождение'; *алыу-бериу* 'взаимообмен, взаимовыручка'; *кетиу-келиу* 'уход-приход'.

Образование редулицированных форм с участием отмеченных выше опорных глаголов и отрицательной частицы - *ма/-ме*, располагающейся после корня и перед аффиксом имени действия -*ыу/-иу*, можно также отметить в карачаево-балкарском языке: *бармау-келмеу* 'не ходьба-не хождение, прекращение движения'; *келмеу-кетмеу* 'неприход-неуход'. Особенностью данных конструкции является то, что их компоненты могут употребляться меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции — в препозиции: *келмеу-бармау* 'не ходьба-не хождение'; *бермеу-алмау* 'не взаимодействие, не взаимовыручка'; *келмеу-кетмеу* 'неприход-неуход'. Несмотря на перестановку компонентов, общее значение многократности действия сохраняется.

К числу редулицированных основ следует отнести и конструкции, образованные от имени действия с добавлением аффикса возможности, расположенного после односложного корня и перед аффиксом имени действия -*ыу/-иу*: *баралыу-келалыу* 'возможность идти, прийти'; *бералыу-алалыу* 'возможность давать и брать'; *келалыу-кеталыу* 'возможность приходит и уходит'. Данные конструкции, также как и другие, следует рассматривать как разновидность полной редупликации, когда друг к другу присоединяются две разные по значению основы одной части речи и выражают общее значение собирательной многократности. Универсальной лексико-грамматической особенностью этих сочетаний является то, что

они могут употребляться меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции – в препозиции: *келалыу-баралыу* 'возможность прийти, идти'; *алалыу-бералыу* 'возможность брать и давать'; *кеталыу-келалыу* 'возможность уходить и приходить'. Общее значение редупликации – выражение значения собирательности: в первом и втором случаях оно выражается с позиций асимметрического дуализма, т.е. в первых примерах, когда условно опорное слово стоит в препозиции, значение редупликации проявляется больше, а во втором случае, когда функции условно опорного слова выполняет слово, стоявшее до этого в постпозиции, это значение проявляется меньше.

К числу грамматических особенностей редулицированных конструкций, образованных от имени действия, является то, что они могут употребляться в аспекте невозможности, т.е. к отрицательным формам типа *бармау-келмеу* между корнем и отрицательной частицей *-ма/-ме* присоединяется аффикс возможности *-ал*: *баралмау-келалмау*, *келалмау-кеталмау*, *бералмау-алалмау*.

В карачаево-балкарском языке в редулицированных конструкциях глагольного типа, как и в других тюркских языках, выражается категория времени, являющаяся наиболее существенным признаком глагола, которая вместе с категориями наклонения и лица характеризует его как самостоятельную часть речи. Грамматическая категория времени – это система противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих отношение действия ко времени его осуществления[117, с. 626].

Морфологическая категория времени свойственна изъявительному наклонению, остальные наклонения в отношении времени нейтральны и не выражают временных значений. В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, значение вида и времени тесно связаны. Во многих случаях временные значения принимают добавочные видовые оттенки. В отличие от русского языка, в котором в системе глагола понятия вида и времени отграничиваются друг от друга, в карачаево-балкарском языке чисто семантически в отдельных случаях граница времени и вида колеблется, несмотря на то, что грамматически (по форме и основным значениям) обе категории полностью разграничены.

В различных временах изъявительного наклонения можно семантически отметить разнообразные видовые оттенки. Видовые оттенки выступают в тех случаях, когда показывают обычное действие или состояние безотносительно к определенному моменту времени. В неопределенно-прошедшем, прошедшем длительном и настоящем длительном оттенки многократности или длительности присутствуют всегда.

Временные формы карачаево-балкарского языка, связанные с редулицированными конструкциями, характеризуются отношением действия к моменту речи. В карачаево-балкарском языке редулицированные конструкции встречаются среди глаголов давнопрошедшего времени на **-гъан/-ген**. Действие глагола в прошедшем и давнопрошедшем временах предшествует моменту речи. Форма давнопрошедшего времени характеризуется не только свойственной ей категориальным грамматическим значением, но и особым средством выражения: аффиксом **-гъан**.

В данном случае система форм прошедшего времени редулицированных глаголов карачаево-балкарского языка представлена сложными, повторяющимися, дополняющими друг друга аналитическими формами. Все эти временные формы, как и **простые** (синтетические) формы прошедшего времени, следует рассматривать с точки зрения парадигматики, т. е. с точки зрения выражения основного категориального значения формы, и с точки зрения **синтагматики**, т. е. с точки зрения выражения контекстуального значения. В этих формах, в свою очередь, выделяются два вида значения: 1) значение, не изменяющее общей временной характеристики; 2) значение переносное, связанное со значением других временных форм и наклонений.

В редулицированных конструкциях карачаево-балкарского языка прошедшего неопределенного времени на **-гъан** каждый редулицирующий глагол, присоединяемый к основному и семантически его дополняющий, является «семантическим конкретизатором» предшествующих элементов в отношении времени и способов действия. Конкретизатор является зависимым компонентом семантической структуры редулицированных конструкций и обозначает различные сопутствующие опорному слову предикативные или другие признаки.

Редуплицирующий компонент, как элемент семантической структуры редуплицированных конструкций, возникает в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики. Семантический компонент выражает значение какого-нибудь действия или качества, предоставленное как обобщенный тип множества аналогичных единичных явлений.

В результате сложного взаимодействия семантических компонентов формируется семантическая структура редуплицированных конструкций. В семантической структуре оба компонента, один из которых является формально доминантным, т. к. употребляется в препозиции, находясь в оппозиции, вовлекаются в трансформационные преобразования. Доминантность первого и второго компонентов в иерархической структуре редуплицированных конструкций типа *баргъан-келген* условна и не доказуема, так как эти компоненты могут употребляться и в другом виде. Они меняют свои позиции, отчего в их семантическом единстве нет никаких изменений.

В предикативной синтагме предикативный компонент выполняет ту же функцию, какую в атрибутивной синтагме выполняет определяемое, т.е. предикат является «хозяином». Репрезентантом любой синтагмы (или словосочетания) является определяемый или управляющий член.

Характерной особенностью редуплицированных конструкций глагольного типа является то, что они без редуплицирующего компонента не обладают информативной достаточностью. С точки зрения парадигмы спряжения глагола редуплицированные конструкции типа *баргъан-келген*, *баралгъан-келалгъан*, *бармагъан-келмеген*, *баралмагъан-келалмагъан* – это подбор небольших предложений, в которых подлежащее выступает в виде личного местоимения, сказуемое – в виде соответствующей личной спрягаемой формы глагола. Действительно универсальной синтаксической особенностью этих конструкций являются то, что парные предикатные лексемы, снабженные лично-предикативным аффиксом 3 л. ед. ч. всегда являются предложениями в миниатюре, синтаксически состоящими из одного сказуемого, выражающего своей структурой субъект (но не подлежащее) и предикат. Такие лексемы, выраженные определенным аффиксом лица, отдельно взятые в карачаево-балкарском языке осмысливаются как неполное предложение с опущенным субъек-

том. Другие «места» такого предложения могут быть заполнены в соответствии и с учетом способности глагольного слова вступать в словосочетания с другими словами. В зависимости от семантической структуры предиката, выраженного рассматриваемой парной лексемой, эти предложения могут быть различными. Редулицированные конструкции типа *баргъан-келген*, *баралгъан-келалгъан*, *бармагъан-келмеген*, *баралмагъан-келалмагъан* в спрягаемых формах выступают как односоставные простые предложения в миниатюре, выявляя такие признаки как предикативность, модальность и интонационное оформление. Эти же самые конструкции в склоняемых формах перестают быть простыми предложениями и выполняют в косвенных падежах функцию второстепенного члена предложения – дополнения и сочетаются с предикатом, выявляя тип синтаксической связи управление: *баргъанны-келгенни* кёрдюм.

Данные редулицированные конструкции, снабженные аффиксами изафетной формы, также перестают быть предложениями и переходят в разряд изафетных словосочетаний. Редулицирующий предикатный компонент, усиливающий значение собирательной многократности, так же как редулицируемый предикатный компонент, выступает в качестве элемента смысловой структуры словосочетания, который нельзя опустить. Опускание лексического средства для выражения редулицированной конструкции приводит к изменению не только ее синтаксической структуры, но и семантической структуры, т.е. теряется значение многократности. Опускание морфологического средства выражения предиката невозможно, поэтому конструкции *баргъанма-келгенме*, *баралгъанма-келалгъанма*, *бармагъанма-келмегенме*, *баралмагъанма-келалмагъанма* могут рассматриваться как самостоятельный тип предложения, в составе которого имеются личные местоимения.

Модель глагол + *-гъан/-ген* выражает значения:

- 1) многократно совершать то действие, которое обозначено производящей основой;
- 2) совершать в ограниченной степени действие, обозначенное производящей основой.

Между семантическими компонентами редулицированных конструкций устанавливаются такие основные виды семантических отношений предикации, как дополнительность, конкретизация. Со-

держательная сущность редуплицированных конструкций проявляется в этих отношениях.

Семантическую структуру редуплицированных конструкций, образованных по модели полной редупликации, можно квалифицировать как набор семантических компонентов или как совокупность элементарных смыслов. Однако смысловая структура редуплицированной конструкции определяется не только набором компонентных значений, но и их отношением, взаимосвязью. Наличие связей между семантическими элементами устанавливается на основе синтаксической и смысловой связи. Если смысл редуплицированной конструкции в ее семантической структуре представляется в расчлененном виде, то в общей ее семантике он передается целостно. Общая семантика редуплицированной конструкции, в образовании которой важное значение имеет направленность и характер отношений между компонентами, подчеркивает обобщенную структуру редуплицированной конструкции. Лексико-семантической, морфологической особенностью редуплицированных конструкций на *-гъан /-ген* является то, что они имеют компонентное значение, иногда при склоняемых и спрягаемых формах значение одной части речи теряется и появляется значение другой части речи и меняются синтаксические позиции.

В качестве второстепенных членов предложения в одних падежах они выполняют функции дополнения, в других, пространственных падежах – функции обстоятельства места. Склоняемые формы в пространственных падежах следует рассматривать как лексиколитованные формы первоначальных основ. Лексико-семантические трансформации возможны при наличии грамматических трансформаций, вызывающих и синтаксические изменения.

Общая семантика редуплицированных конструкций представляет собой не только сумму смыслов компонентов, но и качественно новый смысл, появляющийся в результате взаимодействия этих компонентов. Следует отметить, что такие понятия, как «семантическая структура редуплицированной конструкции» и «общая семантика редуплицированного словосочетания» в сущности одно и то же.

Общая семантика конструкции выражается в семантической структуре расчленено, поэлементно. Общая семантика является общим показателем семантической структуры конструкции. Особен-

ность семантической структуры представляется в специфике семантических компонентов и отношениях между ними.

Компоненты редуцированных конструкций находятся в относительно постоянных (но не стабильных) структурных и смысловых связях, выявляют лексические ограничения, как один из структурных факторов, как своеобразный формопоказатель модели. Лексические ограничения заключаются в том, что вся категория слов, способных участвовать в образовании моделей полной редукации, может быть ограничена, т. е. включает в себя определенный род лексем. Другими словами, не от всех глагольных основ на **-гъан/-ген** возможно образование редуцированных словосочетаний со значением собирательной многократности. Характером лексической ограниченности моделей конструкций, являющихся одновременно и односоставными предложениями, является отсутствие в употреблении личных форм местоимений.

В лексико-семантических ограничениях, функционирующих при построении разных синтаксических моделей, в различных изменениях в соотношениях проявляются внутренние связи конструкций. Следует отметить, что употребительность модели не зависит от ограничений и возможностей ее словесного наполнения. Не все слова из разряда глаголов на **-гъан/-ген** могут быть использованы при формировании редуцированной конструкций, т.к. такое сочетание не всегда сопровождается выявлением частных дифференцированных значений.

Форма усиления качества в карачаево-балкарском языке выражается не только в прилагательных, но и наречиях. В карачаево-балкарском языке отмечается немало редуцированных сочетаний, образованных повторением одной и той же основы, например: **акъыллыдан-акъыллы** 'все умнее и умнее'; **бийикден-бийик** 'все выше и выше'; **узакъдан-узакъ** 'все дальше и дальше; все дольше и дольше'; **аламатдан-аламат** 'все красивее и красивей'; **омакъдан-омакъ** 'все наряднее и нарядней'; **эслиден-эсли** 'все взрослее и взрослей'; **кючлюден-кючлю** 'все сильнее и сильней'; **къарыулудан-къарыулу** 'все мощнее и мощней'; **татлыдан-татлы** 'все слаще и слаще'; **бёкемден-бёкем** 'все сильнее и сильней'; **элпекден-элпек** 'все щедрее и щедрее'; **мудахдан-мудах** 'все грустнее и грустней'; **телиден-тели** 'все дурнее и дурней'; **гитчеден-гитче** 'все мельче и

мельче; *тюрлюден-тюрлю* `все интереснее и интересней`; *жен-гилден-женгил* `все легче и легче`; *ауурдан-ауур* `все тяжелее и тяжелей`; *эсирикден-эсирик* `все вышемернее и вышемерней` и др. По этой словообразовательной модели редулицированные сочетания могут образоваться от любого прилагательного, за исключением тех, которые одновременно выступают в значении существительного и прилагательного.

Редулицированные прилагательные склоняются по модели имен существительных и стоят в форме исходного падежа. Редулицирующее прилагательное стоит в форме именительного падежа. В результате соединения редулицированного компонента с редулицирующим, образуются конструкции со значением наречия. Форма усиления качества в этих сочетаниях выражается и с помощью присоединения к прилагательным аффикса усиления и ослабления качества *-ракъ/-рек*. Он присоединяется ко всем отмеченным и другим прилагательным, за исключением тех, которые выступают в значении существительного и прилагательного, например, можно повторить те же самые конструкции, в которых *-ракъ/-рек* присоединяется к редулицированному и редулицирующему компонентам одновременно: *акъыллыракъдан-акъыллыракъ* `все умнее и умнее`; *бийигирекден-бийигирек* `все выше и выше`; *узагыракъдан-узагыракъ* `все дальше и дальше; т. е. дальше того, что было; все дольше и дольше т. е. дольше того, что было`; *аламатыракъдан-аламатыракъ* `все красивее и красивей; т. е. красивее того, что было`; *омагыракъдан-омагыракъ* `все наряднее и нарядней; т. е. наряднее того, что было`; *эслирекден-эслирек* `все взрослее и взрослей; т. е. взрослее того, что было`; *кючлюрекден-кючлюрек* `все сильнее и сильней; т. е. сильнее того, что было`; *къарыулуракъдан-къарыулуракъ* `все мощнее и мощней; т. е. мощнее того, что было`; *татлыракъдан-татлыракъ* `все слаще и слаще; т. е. слаще того, что было`; *бёкемирекден-бёкемирек* `все сильнее и сильней; т. е. сильнее того, что было`; *элпегирекден-элпегирек* `все щедрее и щедрей; т. е. щедрее того, что было`; *мудахыракъдан-мудахыракъ* `все грустнее и грустней; т. е. грустнее того, что есть`; *телирекден-телирек* `все дурнее и дурней; т. е. дурнее того, что есть`; *гитчерекден-гитчерек* `все меньше и меньше; т. е. меньше того, что есть`; *тюрлюрекден-тюрлюрек* `все интереснее

и интересней; т. е. *интереснее того, что есть*; *женгилирекден-женгилирек* `все легче и легче; т. е. *легче того, что есть*`; *аууру-ракъдан-аууруракъ* `все тяжелее и тяжелей; т. е. *тяжелее того, что есть*`; *эсиригирекден-эсиригирек* `все вышемернее и вышемерней; т. е. *вышемернее того, что есть*`.

Употребление *-ракъ* или *-рек* зависит от закона сингармонизма: если основа состоит из заднеязычных гласных, то к ней присоединяется аффикс *-ракъ*, если в основу входят переднеязычные гласные, то к ней присоединяется аффикс *-рек*. В отдельных словосочетаниях среди согласных наблюдаются фонетические трансформации, например: *узагъыракъдан-узагъыракъ*, *эллегирекден-эллегирек*, *омагъыракъдан-омагъыракъ*, *кёбюрекден-кёбюрек*, *эсиригирекден-эсиригирек*.

В редуцированной и редуцирующей основах в интервокальной позиции глухие согласные фонемы становятся звонками: *къ > гъ п > б*. Если основа, к которой присоединяется формальный элемент, заканчивается на гласный, то к ней присоединяется аффикс *-ракъ/-рек*, например: *уллуракъдан-уллуракъ*, *телирекден-телирек*. Если основа, к которой присоединяется формальный элемент, заканчивается на согласный, то к ней присоединяется аффикс *-ыракъ/-ирек*, например: *эсиригирекден-эсиригирек*, *омагъыракъдан-омагъыракъ*. Присоединение аффикса *-ракъ/-рек* к редуцированным конструкциям усиливает степень правления качества или выражение значения многократности. В усилительных конструкциях, образованных по первому типу, к редуцирующему компоненту присоединяется аффикс принадлежности *-сы/-си, -су/-сю*, например: *акъыллыдан-акъыллысы* `умнее умного`; *эслиден-эслиси* `разумнее разумного`; *кючлюден-кючлюсю* `сильнее сильного`; *къарыулудан-къарыулусу* `мощнее мощного`; *татлыдан-татлысы* `слаще сладкого`; *телиден-телиси* `дурнее дурного`; *гитчеден-гитчеси* `меньше меньшего`; *тюрлюден-тюрлюсю* `интереснее интересного`.

Формы усиления качества и выражение значения многократности в тюркских языках проявляются в редуцированных конструкциях, в которых первый компонент стоит в препозиции, а редуцирующий компонент — в постпозиции. Помимо лексических особенностей, заключающихся в выражении значения усиления ка-

чества и значения многократности, редулицированные конструкции наделены грамматическими признаками, к числу которых относится значение принадлежности.

В усилительных конструкциях, образованных по первому типу, к редулицирующему компоненту присоединяется аффикс принадлежности **-ы/-и, -у/-ю**, например: **бийикден-бийиги** `выше высокого`; **узаьдан-узаьгы** `дальше дальнего; дольше длинного`; **омаьдан-омаьгы** `наряднее нарядного`; **элпекден-элпеге** `щедрее щедрого`; **эсирикден-эсириги** `высокомернее высокомерного`; **аламатдан-аламаты** `красивее красивого`; **бёкемден-бёкеми** `сильнее сильного`; **мудахдан-мудахы** `грустнее грустного`; **жснгилден-жснгили** `легче легкого`; **ауурдан-аууру** `тяжелее тяжелого`. Они, то есть попарно соединенные компоненты, обозначают односложное понятие или собирательный смысл. Создание таких сложных лексических единиц связано с модификацией значения основного компонента. Они выражают разнообразие и множество. Здесь применяется синтаксическое явление в чисто морфологических целях.

Присоединение аффикса **-ы/-и** на стыке корня и аффикса вызывает фонетические трансформации, то есть глухие согласные, стоящие в интервокальной позиции, становятся звонкими: **кь > гь**. А в некоторых других конструкциях присоединение аффикса **-ы/-и** к корню не вызывает фонетических изменений.

К числу лексических особенностей качественных прилагательных, входящих в состав редулицированных конструкций, является то, что в одном случае они являются непроеводными и обозначают признаки изначально заложенный в предмете: **бийик** `высокий`; **аламат** `превосходный`; **омаь** `нарядный`; **бёкем** `сильный`; **элпек** `щедрый`; **ауур** `тяжелый`; **эсирик** `высокомерный` и т.д. В другом случае они являются проиеводными от имен существительных с помощью аффикса **-лы/-ли** и обозначают признак приобретенный: **татыу** `вкус + лу вкусный`; **акьыл** `ум + лы умный`; **эс** `разум + ли разумный`; **кьарыу** `сила + лу сильный` и т. д. В редулицированных конструкциях изафетного типа к редулицируемому компоненту на стыке проиеводной основы и аффикса исходного падежа **-дан** присоединяется аффикс множественного числа **-ла**, например: **акьыл-лыладан-акьыллысы** `умный из умных`; **эслидеден-эслиси** `разумный их разумных`; **кьарыулуладан-кьарыулусу** `сильный из силь-

ных'; **татлыладан-татлысы** 'сладкий из сладких'; **телидеден-телиси** 'дурной из дурных'; **гитчеледен-гитчеси** 'меньший из меньших'; **тюрюледен-тюрюсю** 'интересный из интересных'; **бийикледен-бийиги** 'высокий из высоких'; **узагыладан-узагы** 'дальний из дальних; дольше длинного'; **омагыладан-омагы** 'нарядный из нарядных'; **элпекледен-элпеге** 'щедрый из щедрых'; **эсирikleден-эсириги** 'высокомерный из высокомерных'; **аламатладан-аламаты** 'красивый из красивых'; **бёкемледен-бёкеми** 'сильный из сильных'; **мудахладан-мудахы** 'грустный из грустных'; **женгилледен-женгили** 'легкий из легких'.

К числу лексических особенностей редуцированных конструкций типа **акъыллыдан-акъыллы** относится то, что прибавление аффиксальных элементов, как словообразовательных, так и словоизменятельных, приводит к расширению объема их лексико-семантической структуры, появлению семантических оттенков, ранее неизвестных. К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций типа **акъыллыдан-акъыллы** относится то, что редуцирующий компонент склоняется по падежам по типу имен существительных:

- Баш. б. **акъыллыдан-акъыллы**
- Иел. б. **акъыллыдан-акъыллыны**
- Бер. б. **акъыллыдан-акъыллыгъа**
- Там. б. **акъыллыдан-акъыллыны**
- Орун. б. **акъыллыдан-акъыллыда**
- Башл. б. **акъыллыдан-акъыллыдан**
- Баш. б. **бийикден-бийик**
- Иел. б. **бийикден-бийикни**
- Бер. б. **бийикден-бийикге**
- Там. б. **бийикден-бийикни**
- Орун. б. **бийикден-бийикде**
- Башл. б. **бийикден-бийикден**
- Баш. б. **аламатдан-аламат**
- Иел. б. **аламатдан-аламатны**
- Бер. б. **аламатдан-аламатха**
- Там. б. **аламатдан-аламатны**
- Орун. б. **аламатдан-аламатда**
- Башл. б. **аламатдан-аламатдан**

В редуплицированных конструкциях данного типа к редуплицирующему компоненту на стыке производной основы и аффикса исходного падежа **-дан** присоединяется аффикс множественного числа **-ла/-ле**. В этих конструкциях склоняется по типу имен существительных редуплицирующий компонент, так же как и в конструкциях, в которых редуплицируемый компонент стоит в единственном числе:

- Баш. б. акъыллы**ладан**-акъыллы
 Иел. б. акъыллы**ладан**-акъыллы**ны**
 Бер. б. акъыллы**ладан**-акъыллы**гъа**
 Там. б. акъыллы**ладан**-акъыллы**ны**
 Орун. б. акъыллы**ладан**-акъыллы**да**
 Башл. б. акъыллы**ладан**-акъыллы**дан**
- Баш. б. бийик**леден**-бийик
 Иел. б. бийик**леден**-бийик**ни**
 Бер. б. бийик**леден**-бийик**ге**
 Там. б. бийик**леден**-бийик**ни**
 Орун. б. бийик**леден**-бийик**де**
 Башл. б. бийик**леден**-бийик**ден**
- Баш. б. ала**матладан**-аламат
 Иел. б. ала**матладан**-аламат**ны**
 Бер. б. ала**матладан**-аламат**ха**
 Там. б. ала**матладан**-аламат**ны**
 Орун. б. ала**матладан**-аламат**да**
 Башл. б. ала**матладан**-аламат**дан**

В зависимости от наличия или отсутствия у компонентов самостоятельных лексических значений редуплицированные конструкции подразделяются на несколько типов. Исследуемые редуплицированные сочетания относятся к разряду парных слов, оба компонента которых имеют лексическое значение. Как показывают материалы, это наиболее распространенный тип, охватывающий около трех четвертей всех парных слов карачаево-балкарского языка. В качестве компонентов выступают имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, причастия и деепричастия.

К числу грамматических особенностей редуплицированных конструкций типа **акъыллыдан-акъыллы** относится то, что редуп-

лицующий компонент в постпозиции принимает аффикс множественного числа и склоняется по модели имен существительных так же, как редулицирующий компонент единственного числа:

Баш. б. акъыллыладан-акъыллыла
Иел. б. акъыллыладан-акъыллыланы
Бер. б. акъыллыладан-акъыллылагъа
Там. б. акъыллыладан-акъыллыланы
Орун. б. акъыллыладан-акъыллылада
Башл. б. акъыллыладан-акъыллыладан

Баш. б. бийикледен-бийикле
Иел. б. бийикледен-бийиклени
Бер. б. бийикледен-бийиклеге
Там. б. бийикледен-бийиклени
Орун. б. бийикледен-бийикледе
Башл. б. бийикледен-бийикледен

Баш. б. аламатладан-аламатла
Иел. б. аламатладан-аламатланы
Бер. б. аламатладан-аламатлагъа
Там. б. аламатладан-аламатланы
Орун. б. аламатладан-аламатлада
Башл. б. аламатладан-аламатладан.

В карачаево-балкарском языке встречаются редулицированные конструкции, в которых редулицируемый компонент стоит в единственном числе, а редулицирующий - во множественном:

Баш. б. акъыллыдан-акъыллыла
Иел. б. акъыллыдан-акъыллыланы
Бер. б. акъыллыдан-акъыллылагъа
Там. б. акъыллыдан-акъыллыланы
Орун. б. акъыллыдан-акъыллылада
Башл. б. акъыллыдан-акъыллыладан

Баш. б. бийикден-бийикле
Иел. б. бийикден-бийиклени
Бер. б. бийикден-бийиклеге
Там. б. бийикден-бийиклени
Орун. б. бийикден-бийикледе
Башл. б. бийикден-бийикледен

Баш. б. *аламатдан-аламатла*
Иел. б. *аламатдан-аламатланы*
Бер. б. *аламатдан-аламатлагъа*
Там. б. *аламатдан-аламатланы*
Орун. б. *аламатдан-аламатлада*
Башл. б. *аламатдан-аламатладан*

Если такие конструкции, как *акъыллыдан-акъыллы* употребляются в значении наречия, то с приобретением грамматических особенностей теряется единство компонентного лексического значения.

Лексико-семантической, словообразовательной особенностью отдельных прилагательных карачаево-балкарского языка, участвующих в образовании редулицированных конструкций, является то, что они допускают сочетания с аффиксом принадлежности *-лы/-ли, -лу/-лю; акъыл* 'ум + *лы* разумный'; *билим* 'знание + *ли* образованный'; *тизгин* 'порядок, строй + *ли* порядочный'; *битим* 'растительность + *ли* растительный'; *жетишим* 'успех, достижение + *ли* успешный'; *татыу* 'вкус + *лу* вкусный' и т. д. Все прилагательные из этого ряда, допускающие сочетания с аффиксом *-лы/-ли*, с другой стороны допускают сочетание и с аффиксом отрицания, отсутствия: *-сыз/-сиз, -суз/-сюз: акъыл* 'ум + *сыз* неумный'; *билим* 'знание + *сиз* необразованный'; *тизгин* 'порядок, строй + *сиз* беспорядочный'; *битим* 'растительность + *сиз* безрастительный'; *жетишим* 'успех, достижение + *сиз* недостаточный'. От этих прилагательных возможно образование редулицированных сочетаний с употреблением аффикса *-сыз*, когда помимо редулицируемого компонента он присоединяется и к редулицирующему: *акъылсыздан-акъылсыз* 'все глупее и глупее'; *билимсизден-билимсиз* 'все невежественнее и невежественнее'; *тизгинсизден-тизгинсиз* 'все беспорядочнее и беспорядочнее'; *битимсизден-битимсиз* 'все неурожайнее и неурожайнее'; *жетишимсизден-жетишимсиз* 'всенедедостаточнее и всенедедостаточнее'. В редулицирующем компоненте аффикс *-сыз/-сиз* употребляется в позиции перед аффиксом *-ден* и после производной основы, а в редулицирующем - в постпозиции.

К числу лексических особенностей редулицированных конструкций типа *акъылсыздан-акъылсыз* относится то, что прибавление

аффиксальных элементов, как словообразовательных, так и словоизменительных, приводит к расширению объема их лексико-семантической структуры, появлению семантических оттенков. В редуцированных сочетаниях типа **акъыллыдан-акъыллы, акъылсыздан-акъылсыз** помимо лексической антонимии, отмечается и аффиксальная антонимия: **-лы/-сыз**. Лексическая антонимия проявляется в основах именно по наличию в них аффиксальных элементов с противоположным значением. К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций типа **акъылсыздан-акъыллы** относится то, что редуцирующий компонент склоняется по падежам по типу имен существительных, а редуцируемый элемент как всегда не принимает падежных окончаний:

Баш. б. *акъылсыздан-акъылсыз*

Иел. б. *акъылсыздан-акъылсызны*

Бер. б. *акъылсыздан-акъылсызга*

Там. б. *акъылсыздан-акъылсызны*

Орун. б. *акъылсыздан-акъылсызда*

Башл. б. *акъылсыздан-акъылсыздан*

Баш. б. *билимсиэден-билимсиэ*

Иел. б. *билимсиэден-билимсиэни*

Бер. б. *билимсиэден-билимсиэге*

Там. б. *билимсиэден-билимсиэни*

Орун. б. *билимсиэден-билимсиэде*

Башл. б. *билимсиэден-билимсиэден*

Баш. б. *татыусуздан-татыусуз*

Иел. б. *татыусуздан-татыусузну*

Бер. б. *татыусуздан-татыусузга*

Там. б. *татыусуздан-татыусузну*

Орун. б. *татыусуздан-татыусузда*

Башл. б. *татыусуздан-татыусуздан*

Баш. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэ*

Иел. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэни*

Бер. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэге*

Там. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэни*

Орун. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэде*

Башл. б. *ёсюмсюэден-ёсюмсюэден*

В редуплицированных конструкциях данного типа к редуплицирующему компоненту на стыке производной основы и аффикса исходного падежа **-дан** присоединяется аффикс множественного числа **-ла/-ле**. В этих конструкциях склоняется по типу имен существительных редуплицирующий компонент, так же как и в конструкциях, в которых редуплицируемый компонент стоит в единственном числе:

Баш. б. *битимсизледен-битимсиз*

Иел. б. *битимсизледен-битимсизни*

Бер. б. *битимсизледен-битимсизге*

Там. б. *битимсизледен-битимсизни*

Орун. б. *битимсизледен-битимсизде*

Башл. б. *битимсизледен-битимсизден*

К числу грамматических особенностей редуплицированных конструкций типа **битимсизден-битимсиз** относится то, что редуплицирующий компонент принимает аффикс множественного числа и склоняется по падежам по моделям имен существительных так же, как и редуплицируемый компонент единственного числа:

Баш. б. *битимсизледен-битимсизле*

Иел. б. *битимсизледен-битимсизлени*

Бер. б. *битимсизледен-битимсизлеге*

Там. б. *битимсизледен-битимсизлени*

Орун. б. *битимсизледен-битимсизледе*

Башл. б. *битимсизледен-битимсизледен*

К числу грамматических особенностей редуплицированных конструкций типа **битимсизден-битимсиз** относится то, что редуплицирующий компонент в постпозиции принимает аффикс множественного числа **-ла/-ле** и склоняется по падежам по моделям имен существительных так же, как и редуплицирующий компонент единственного числа, а редуплицируемый компонент стоит в единственном числе:

Баш. б. *битимсизден-битимсизле*

Иел. б. *битимсизден-битимсизлени*

Бер. б. *битимсизден-битимсизлеге*

Там. б. *битимсизден-битимсизлени*

Орун. б. *битимсизден-битимсизледе*

Башл. б. *битимсизден-битимсизледен*

Если первоначальные конструкции типа *битимлиден-битимли*, *битимсизден-битимсиз* имеют более устойчивое лексическое значение, тяготеющее к метафорическому, то с приобретением грамматических особенностей эта устойчивость, связанная единством значений компонентов не сохраняется.

Лексико-грамматической особенностью редуцированных конструкций типа *битимлиден-битимли*, *битимсизден-битимсиз* является то, что они во всех лицах ед. и мн. числа принимают изафетные окончания:

Мени *битимлиден-битимли*м
 Сени *битимлиден-битимли*нз
 Аны *битимлиден-битимли*си
 Бизни *битимлиден-битимли*биз.
 Сизни *битимлиден-битимли*гиз.
 Аланы *битимлиден-битимли*лери.

Мени *битимсизден-битимсиз*м
 Сени *битимсизден-битимсиз*нз
 Аны *битимсизден-битимсиз*и
 Бизни *битимсизден-битимсиз*биз.
 Сизни *битимсизден-битимсиз*гиз.
 Аланы *битимсизден-битимсиз*лери.

К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций данного разряда относится то, что редуцирующие компоненты изафетных форм склоняются по падежам по типу имен существительных, а редуцируемые компоненты при этом не принимают падежных окончаний:

Баш. б. *битимлиден-битимли*
 Иел. б. *битимлиден-битимли*и
 Бер. б. *битимлиден-битимли*е
 Там. б. *битимлиден-битимли*и
 Орун. б. *битимлиден-битимли*де
 Башл. б. *битимлиден-битимли*ден
 Баш. б. *битимлиден-битимлин*г
 Иел. б. *битимлиден-битимлин*ги
 Бер. б. *битимлиден-битимлин*ге
 Там. б. *битимлиден-битимлин*ги

Орун. б. битимлиден-битимлингде
Башл. б. битимлиден-битимлингден

Баш. б. битимлиден-битимлиси

Иел. б. битимлиден-битимлисини

Бер. б. битимлиден-битимлисине

Там. б. битимлиден-битимлимлисини

Орун. б. битимлиден-битимлисинде

Башл. б. битимлиден-битимлисинден

Баш. б. битимлиден-битимлибиз

Иел. б. битимлиден-битимлибизни

Бер. б. битимлиден-битимлибизе

Там. б. битимлиден-битимлибизни

Орун. б. битимлиден-битимлибизде

Башл. б. битимлиден-битимлибизден

Баш. б. битимлиден-битимлигиз

Иел. б. битимлиден-битимлигизни

Бер. б. битимлиден-битимлигизе

Там. б. битимлиден-битимлигизни

Орун. б. битимлиден-битимлигизде

Башл. б. битимлиден-битимлигизден

Баш. б. битимлиден-битимлилери

Иел. б. битимлиден-битимлилерини

Бер. б. битимлиден-битимлилерине

Там. б. битимлиден-битимлилерини

Орун. б. битимлиден-битимлилеринде

Башл. б. битимлиден-битимлилеринден

В редулицированных сочетаниях изафетного типа *битимли-леден-битимлим*, *битимсизледен-битимсизм* к редулицируемо-му компоненту на на стыке производной основы и аффикса исходного падежа **-дан** присоединяется аффикс множественного числа **-ла/-ле**. Лексико-грамматической особенностью редулицированных конструкций типа *битимлиледен-битимлим*, *битимсизледен-битимсизм* является то, что они во всех лицах ед. и мн. числа принимают изафетные окончания:

Мени битимлиледен-битимлим

Сени битимлиледен-битимлинг

Аны битимлиледен-битимлиси
 Бизни битимлиледен-битимлибиз.
 Сизни битимлиледен-битимлигиз.
 Аланы битимлиледен-битимлилери.
 Мени битимсизледен-битимсизим
 Сени битимсизледен-битимсизинг
 Аны битимсизледен-битимсизи
 Бизни битимсизледен-битимсизибиз.
 Сизни битимсизледен-битимсизигиз.
 Аланы битимсизледен-битимсизлери.

К числу грамматических особенностей редуцированных сочетаний данного разряда относится то, что редуцирующие компоненты изафетных форм склоняются по падежам по типу имен существительных, а редуцируемые компоненты не принимают падежных окончаний:

Баш. б. битимлиледен-битимлим
 Иел. б. битимлиледен-битимлими
 Бер. б. битимлиледен-битимлиме
 Там. б. битимлиледен-битимлими
 Орун. б. битимлиледен-битимлимде
 Башл. б. битимлиледен-битимлимден
 Баш. б. битимлиледен-битимлинг
 Иел. б. битимлиледен-битимлинги
 Бер. б. битимлиледен-битимлинге
 Там. б. битимлиледен-битимлинги
 Орун. б. битимлиледен-битимлингде
 Башл. б. битимлиледен-битимлингден
 Баш. б. битимлиледен-битимлиси
 Иел. б. битимлиледен-битимлисини
 Бер. б. битимлиледен-битимлисине
 Там. б. битимлиледен-битимлимлисини
 Орун. б. битимлиледен-битимлисинде
 Башл. б. битимлиледен-битимлисинден
 Баш. б. битимлиледен-битимлибиз
 Иел. б. битимлиледен-битимлибизни
 Бер. б. битимлиледен-битимлибизе

Там. б. битимлиледен-битимлибизни
 Орун. б. битимлиледен-битимлибизде
 Башл. б. битимлиледен-битимлибизден
 Баш. б. битимлиледен-битимлигиз
 Иел. б. битимлиледен-битимлигизни
 Бер. б. битимлиледен-битимлигизе
 Там. б. битимлиледен-битимлигизни
 Орун. б. битимлиледен-битимлигизде
 Башл. б. битимлиледен-битимлигизден
 Баш. б. битимлиледен-битимлилери
 Иел. б. битимлиледен-битимлилерини
 Бер. б. битимлиледен-битимлилерине
 Там. б. битимлиледен-битимлилерини
 Орун. б. битимлиледен-битимлилеринде
 Башл. б. битимлиледен-битимлилеринден

К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций типа акъыллыладан-акъыллым, акъылсызладан-акъылсызым относится то, что редуцирующий компонент в постпозиции принимает аффикс множественного числа и склоняется по модели имен существительных так же, как и редуцирующий компонент единственного числа: акъыллыладан-акъыллыларым, акъылсызладан-акъылсызларым.

ГЛАВА 3. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА УСИЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО МОДЕЛИ ЧАСТИЧНОЙ РЕДУПЛИКАЦИИ

3.1. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *an-/anna-, чымм-*

Расширение семантического пространства цветообозначающих слов, участвующих в редупликации, способствуют укреплению и связи этих полисемантов с другими фрагментами семантических полей. Устанавливая исходное значение такого рода полисемантов и их связи с другими значениями при наличии редуплицирующих компонентов, можно обнаружить «спрятанные» цветовые значения. Семантическая структура редуплицированных конструкций определяется наличием в них отчетливого семантического стержня и зависящих от него метафорических и метонимических составляющих. При редупликации наблюдаются «лексико-семантические варианты» основного значения. Выражая чрезвычайно устойчивые значения, цветовые прилагательные маркируют цвет предметов и абстрактных понятий, активно участвуют в сегментации лингвоцветового пространства.

И. Лауде-Циртаутас в своей работе, посвященной исследованию цветообозначающих прилагательных в тюркских языках, свободных и лексикализованных словосочетаний, образованных с их помощью, приводит редуплицированные конструкции по модели частичной редупликации, в которых происходит не только удвоение, но и усиление качества. В анатолийском диалекте турецкого языка имеют место конструкции: *арар ақ анат.*, *ар ар ақ анат.*, *арр арр ақ анат.* со значением ‘совсем белый, чересчур белый’; употребление и других конструкций: *ау ар ау*, *ау арр ах*, *ауар ау аҗ* рядом *ақ авв ақ анат.* [174, s. 40]. Универсальной синтагматической особенностью усилительного компонента и цветообозначающего прилагательного является то, что в одних конструкциях частица *арр* употребляется дважды, как бы показывая двойное усиление качества, в других – дважды повторяется прилагательное *ақ* ‘белый’, употребляясь с двух сторон индивидуальной частицы.

В тюркских языках в процессе их исторического развития появляются новые слова и новые основы слов, из которых путем уже морфологического разложения извлекается новый (а иногда совпадающий с каким-нибудь старым) корень. Морфологическое истолкование этих слов и словосочетаний, отличающихся по своей структуре от нормы, скажем как в диалектах турецкого языка двойное употребление частицы *app*, получили истолкование в виде ряда правил. Два редуцированных имени прилагательных в одном и том же значении могут отличаться друг от друга порядком согласных звуков основы или редуцирующего компонента. Формально – это два различных корня с различным расположением согласных фонем. Такое явление можно именовать транспозицией коренных звуков в отличие от термина метатеза, употребляемого в фонетическом смысле. В отдельных случаях два слова или сочетания с транспозицией выявляют некоторые различия в значениях, не выходящие, правда, за пределы основного значения, например, *an ak* – *an aq* ‘белый-пребелый’, ‘совсем белый’; ‘заметно белый’.

Термином «удвоенные» (геминированные) обозначаются редуцирующие компоненты типа *app*, *avv*, в которых второй и третий согласные звуки одинаковы. Этот термин скорее мог бы быть применен к редуцированным корням. В этих примерах правильнее было бы говорить о «*корнях со срединным удвоением*». Фонетической сущностью удвоенных (геминированных) согласных в тюркских языках является то, что каждый согласный звук состоит из смыкания (*имплозии*) и размыкания (*эксплозии*). В удвоенном согласном слог состоит из одной лишь имплозии. Если в слове *anna*-, состоящем из двух слогов, скажем как в карачаево-балкарском, первый слог состоит из одной лишь имплозии, то второй – из одной эксплозии, а между слогами происходит незначительная задержка. Такой звук можно было бы назвать «усиленный». Этот «усиленный» согласный по существу является согласным звуком, имеющим две верхушки, из которых первая закрывает предшествующий слог, а вторая открывает следующий. Слогоразделом здесь выступает момент задержки, момент усиления». Удвоенным же звук *n* в слове *anna* считается лишь с точки зрения состава корня, т.е. при сопоставлении всех слов, связанных с данным корнем, многие имеют два одинаковых согласных звука. Удвоенным корнем или корнем со сре-

динным удвоенным согласным называется такой корень, при котором чередуются слова с усиленным вторым коренным и слова с одинаковыми вторым и третьим коренными согласными (с редупликацией) [34, с. 29]. Анализируя корни этого типа, следует отметить, что ко многим из них относятся как единицы с двумя согласными и одним гласным, например, *онн ок* ‘белый-пребелый’ (узб.), так и единицы с двумя согласными и двумя гласными, например, *анна акъ* ‘белый-пребелый’.

Рассматривая развитие корневого состава, следует отметить о том, что редупликация и геминация согласных являются одним из морфологических средств; редупликация, как в полном, так и частичном проявлении, выступает в качестве одного из средств формообразования прилагательных. Редупликация и геминация, как полное, так и частичное повторение основы, как морфологическое средство выражают удвоение второго согласного звука.

И. Лауде-Циртаутас отмечает, что усилительный компонент *ар* употребляется и в киргизском языке, например, насыщенность белого цвета сравнивается с цветом снега: *qardan ar aq* ‘белый как снег’, ‘белее снега’ [174, с. 40].

К числу интегрирующих морфологических, лексикосемантических, синтаксических особенностей тюркских языков относится то, что прилагательные и наречия имеют формы усиления качества, образующиеся выборочным присоединением к ним различных усилительно-редуплицирующих индивидуальных частиц, повторяющих первый слог редуплицируемой основы. Форма усиления качества образуется в результате частичной редупликации некоторых лексических единиц.

Препозиционные усилительные частицы *ар-* и *–чим-*, употребляющиеся в большинстве тюркских языков, являются общетюркскими, так как они встречаются первоначально в памятниках древнетюркской письменности, например: *apl* усилительная частица: *anan baši soyuqtin ar aq turur* ‘ее вершина от холода беляя-пребеляя’ (ЛОК266); *ar arɣu şıp şızık tıp tız* ‘очень чистый, очень прозрачный и очень ровный’ (Suv293₂₁) [48, с. 47]; *čim III* препозитивная усилительная частица: *čim jiq ət* ‘совсем сырое мясо’ (МК170₉); *čim öl ton* ‘совершенно мокрая одежда’ (МК 170₉) [48, с.146].

Индивидуальная усилительная частица прилагательных и наречий **-an-**, как формальный элемент частичной редупликации, расширяющий лексико-семантическую структуру качественных основ, отмечается и в «*Опыте словаря тюркских наречий*» В.В. Радлова [110, с. 611]. В современных словарях тюркских языков все усилительно-редуплицирующие частицы приводятся отдельно как формальные элементы, с указанием их синтагматических и лексико-семантических особенностей, включая и «*Древнетюркский словарь*». Однако при всей очевидности ее редуплицирующих свойств частицы **an-** в словаре В.В. Радлова она отдельно не дается, а приводится лишь в составе редуплицированных конструкций: **an-ak**, в значении '*совсем белый*' употребляется в казанском, команском и османском наречиях. В этом словаре относительно османского наречия приводится арабская лексикографическая интерпретация данной конструкции. Словосочетание **an-ak** является редупликацией к прилагательному **ak** '*белый*'.

В некоторых наречиях употребляется фонетический вариант этой редупликационной конструкции: **an-ak** со значением '*совсем белый*'. В Джагатайском книжном языке употребляется редуплицированная конструкция **an-ag** со значением '*совсем белый*', тождественная редуплицированной конструкции **an-ak**, встречающейся в джагатайско-турецком словаре шейха Сулеймана (**Scheich Suleiman. Dschaqataisch-Osmanisches Wörterbuch. Constantinopel, 1298**). Конструкция **an-ak** со значением '*совсем белый*' по словарю В.В. Радлова встречается в казанском и команском наречиях [110, с. 611].

В телеутском и шорском наречиях в том же компонентном значении употребляется вариант редуплицированной конструкции **an-ak**, **an-agaui**, в телеутском наречии данная конструкция употребляется в составе словосочетания **an agaui paistu öbögon** '*старик с головой, белой как снег*' [110, с. 612].

В образовании усилительных конструкций в карачаево-балкарском языке по модели частичной редупликации с помощью качественного модификатора **anna-**, помимо цветообозначающих прилагательных, в качестве опорного слова, редуплицируемого компонента, участвуют и другие прилагательные, а также наречия: **anna-acyk** '*совершенно открытый*' [143, с. 169]. Несмотря на то, что усилитель качества **anna** в самостоятельном употреблении не

имеет лексического значения и выполняет функцию формального элемента, в составе редуплицированного словосочетания обнаруживает значение *‘совершенно, чересчур, очень’*. В зависимости от синтагматического окружения редуплицированная конструкция **аппа-ачыкь** выступает и как наречие: **аппа-ачыкь айтханды** *‘сказал совершенно откровенно’*. Если редуплицированная конструкция **аппа-ачыкь** стоит перед именем существительным, то выступает в качестве атрибутивной конструкции, если же стоит перед глаголом, то выступает как наречие. **Аппа акь** (употребляется и как **аппакь**) *‘совершенно белый, белый-пребелый’*. В зависимости от синтаксической позиции словосочетание **аппа акь** выступает и как наречие: **аппа акь кёреди** *‘видит совершенно бело’*.

В карачаево-балкарском языке в разговорной речи отмечается редуплицированная конструкция **аппа-алай** *‘совершенно так, таким образом’*, употребляемая только в значении наречия и не зафиксированная толковым словарем. Данную конструкцию, в которой функционирует компонент интенсификатора **аппа**, несмотря на то, что он сочетается с наречием **алай** *‘так, таким образом’*, следует рассматривать так же, как и редуплицированные атрибутивные конструкции, разновидностью усилительной формы наречий с функцией усиления качества или как интенсивную степень наречий. Посредством сочетания редуплицирующего компонента с опорным словом образуется особый вид превосходной степени, которая выражает качественную и количественную модификацию понятия и вносит эмоциональный оттенок в общую семантику конструкции. Наряду с полной формой **аппа-** в карачаево-балкарском языке, так же как в башкирском и каракалпакском языках, употребляется индивидуальная частица **ап** в эллиптированной форме и присоединяемая избирательно только к определенному числу прилагательных и наречий. Другой синтагматической особенностью препозиционных частиц **аппа-** и **ап-** в карачаево-балкарском языке по отношению к наречию **алай** *‘так, таким образом’* является то, что в сочетаемости этих слов отмечаются определенные ограничения, то есть в данном случае к самостоятельной лексеме присоединяется одна из частиц, а именно **аппа-**. В башкирском, каракалпакском и карачаево-балкарском языках индивидуальная частица **ап-**, в отличие от некоторых тюркских языков, одновременно употребляется как в полной

форме, так и эллиптированной. Конструкцию интенсива, образованную по модели частичной редупликации, в тюркских языках нельзя квалифицировать как сложное слово, так как в ней не обнаруживается сочетания компонентных значений: первый компонент (частица) выявляет только функциональное значение и самостоятельно вне сочетания не употребляется и никакой синтаксической функции не выполняет, второй компонент имеет самостоятельное лексическое значение.

В составе карачаево-балкарских цветообозначающих конструкций с формой усиления качества можно отметить и личные имена, в которых в препозиции выделяются «особые частицы», например: *Аппакълары* ‘чересчур белые’ (карачаевская фамилия) [95, с. 328]. Усилительная форма прилагательных в карачаево-балкарском языке образуется в результате присоединения к первому компоненту повторяющихся прилагательных при полной редупликации аффикса – *дан/-ден*, например: *кызылдан кызыл* ‘все краснее и краснее’ *кёкден кёк* ‘все синее и синее’ и т.д.

Форма интенсива может образоваться в этом языке, помимо усилительной частицы *ап-*, и с помощью присоединения к цветообозначающим прилагательным другой усилительной частицы: *чымм-*, которая как формальный элемент в самостоятельном употреблении не встречается, но в составе редулицированного словосочетания обнаруживает значение ‘совершенно, чересчур, очень’. Частица *чымм-*, выполняющая функцию редуликата, в словарях карачаево-балкарского языка почему-то не отмечается, она приводится в сочетании с прилагательным *акъ* ‘белый’ и в целом обозначает чрезмерно насыщенные белые сегменты лингвоцветового пространства: *чыммакъ* ‘белый-пребелый’, ‘очень белый’. Словосочетание *чыммакъ* может повторно, сочетаться с прилагательным *акъ* ‘белый’ и показать двойное усиление признака, заложенного в предмете: *чыммакъ акъ* ‘чересчур белый, заметно белый’, ‘белоснежный’; *чыммакъ акъ мангылайы* ‘белый-пребелый лоб’, *чыммакъ акъ бети* ‘белое-пребелое лицо’. Словосочетание *чыммакъ* может получить дальнейшее морфологическое развитие в результате присоединения к двусложной основе аффикса принадлежности – *лыкъ*: *чыммакълыкъ (-гъы)* ‘белизна’ - отвлеч. к *чыммакъ*: *этинги чыммакълыгъы* ‘белизна твоей кожи’. В результате присоединения

к этой основе изафетного аффикса **-ы** в интервокальной позиции **кь** озвончается и переходит в **гь**.

Интенсивная форма имен прилагательных в карачаево-балкарском языке, так же как и в некоторых тюркских языках, образуется путем сокращения полного повтора. Интенсивная форма прилагательных, как и полная редупликация, показывает предельную, избыточную степень признака, качества, заложенного в предмете. Отмечаются случаи, когда для еще большего усиления признака или качества предмета повторяется вторая, т.е. значащая, часть интенсивной формы.

Если один из показателей интенсива **ап-** в различных фонетических вариантах, сочетающийся с прилагательным ахроматического цветообозначения **акъ** 'белый', встречается во всех тюркских языках и является их интегрирующим формальным элементом, то его другой вариант **чымм-**, сочетающийся также с прилагательным **акъ** 'белый', отмечается не во всех тюркских языках, хотя также является их интегрирующим элементом.

Если в карачаево-балкарском языке для особого усиления качества, содержащегося в значащей части усилительной конструкции дважды употребляется в сочетании с частицей **чымм-** прилагательное **акъ** 'белый', то в киргизском языке в целях особого усиления качества в препозиции дважды употребляется частица **ап-**: **апапак жумуртка** 'белое-пребелое яйцо'. Двойное повторение в усилительных конструкциях, с одной стороны, формального элемента, с другой – редуплицируемого, является универсальной лексикосемантической особенностью тюркских языков.

Редуплицированные конструкции, образованные по модели частичной редупликации путем повторения первого слога опорного слова, выражающие, помимо усиления качества, и значение многократности, встречаются и в карачаево-балкарских загадках, например, **чыммакъ-акъ тѣгерек-адамгъа бек керек (кюмюш сом)** 'белый-пребелый-белый круглый – человеку очень нужный (серебряный рубль)'; **чууакъ кѣлде-чыммакъ таш (хунпегиде бышлакъ)** 'в прозрачном озере – белый-пребелый камень' (сыр в сыворотке молока).

Индивидуальная частица **ап-** употребляется и в киргизском языке как усиление к словам, начинающимся на **а**: **аппачыкъ (ап-**

ачыкь) 1) ‘совершенно открытый’; 2) ‘совершенно ясный, явный’; *ап-аппак (ап-ап-ак (двойное усиление) ‘белый-белый’* [70, с. 60].

В киргизском языке употребляется эллиптированная усилительная конструкция *аппак* тоже, что *аппак (ап-ак)* ‘совершенно белый; белый-белый’; *алкымы аппак* ‘шея у нее белая-белая’; *аппак жу-мурткадай* ‘как белое-белое яйцо’. Словосочетание *аппак* в киргизском языке выступает в составе некоторых предложений и в переносном значении: *таң аппак атты* ‘совсем рассвело’; *оозун аппак кыл* ‘прижать (его) к стене (поставить в такое положение, когда тот ничего не может ответить)’; *оозу аппак болбойбу* ‘он ведь и пикнуть в ответ не посмеет’ [70, с. 61].

Форма усиления качества в киргизском языке может образоваться, как и в карачаево-балкарском, с помощью присоединения к значащей части редулицированной конструкции усилительной частицы *чым*: *чым ак* ‘чисто белый’ [70, с. 886]. В этом языке *чым* – это то же самое, что *чымкый I* (о цвете) ‘чистый, сплошной’; *чымкый ак* ‘чисто белый’ [70, с. 887]. Учитывая то обстоятельство, что частица *чымм/чым* в различных фонетических вариантах встречается даже если не во всех, то во многих тюркских языках, следует отметить ее интегрирующие общетюркские особенности.

С точки зрения функциональной парадигмы усилительно-редулицирующие частицы *ап-* и *чым-* в киргизском языке являются синонимичными, так как служат для образования интенсивной формы и обозначения избыточной, предельно-насыщенной формы качества, признака, свойства. Их синонимичность главным образом характеризуется тем, что в сочетании с качественными прилагательными они выражают одинаковые семантические оттенки ‘слишком’, ‘чересчур’, ‘совершенно’. Усилительные частицы *аппа-* и *чымм-* являющиеся синонимами, выражают инвариантное значение. Помимо обозначения светлых фрагментов лингвоцветового пространства словом *акь* ‘белый’ в карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, употребляется форма интенсивного выражения данного цветообозначения с помощью добавления к опорному слову редулицирующего общетюркского компонента *ап*, в результате чего белое становится чересчур белым и появляется форма усиления качества *аппакь* ‘совершенно белый, белый-пребелый’; *аппакь кьар* ‘белый-пребелый снег’; *аппакь мамукь* ‘бе-

лый-пребелый хлопок'. Кроме того, в карачаево-балкарском языке в свободном варьировании находится редулицирующее слово **чымм**, являющееся особенностью этого языка, и самостоятельно, так же как и доминантное слово **ап**, не употребляется. Только в составе атрибутивной или наречной конструкции эти элементы обнаруживают дополнительные семантические оттенки, усиливающие опорные слова: 'совсем', 'совершенно', 'чересчур': **аппакъ** 'чересчур белый'; **чыммакъ** 'чересчур белый'; **чыммакъ таула** 'совершенно белые горы'; **чыммакъ теппеле** 'очень белые вершины'. Сочетание редулицирующего слова **аппа** с прилагательным **акъ** употребляется в двух фонетических вариантах: **аппа акъ** и **аппакъ**. Употребление стяжательной конструкции **аппакъ** обусловлено явлением элизии или отпадением конечного гласного звука в слове на стыке с начальным гласным следующего слова.

Элемент **аппа** присоединяется еще к прилагательному **ачыкъ** 'открытый': **аппа-ачыкъ** 'совершенно открытый'; **аппа-ачыкъ эшик** 'совершенно открытая дверь', **аппа-ачыкъ жер** 'совершенно открытое место'. С точки зрения контекстуальной детерминации лексической единицы, редулицированная конструкция **аппа-ачыкъ** 'совершенно открытый' в зависимости от позиции и синтагматического окружения выступает как обстоятельство образа действия: **аппа-ачыкъ** 'совершенно открыто'; **иш аппа-ачыкъ болду** 'дело стало совершенно открытым'. С точки зрения грамматических преобразований, словосочетания **аппачыкъ** и **чыммакъ** обозначают превосходную степень прилагательного **акъ**. Присоединение редулицирующего компонента к опорному слову усиливает не только атрибутивный признак, но и наречный.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» 1989 г. отмечаются редулицированные конструкции, образованные с помощью компонента **аппа** и не вышедшие в трехтомный 'Толковый словарь карачаево-балкарского языка': **аппа-адаргы** 'малюсенький', **аппа-аджайыб** 'очень интересный, интереснейший'; **аппа-аз** 'ничтожно мало', **аппа-азгъын** 'совсем истощенный, тощий-претощий', **аппа-айбат** 'очень красивый, красивейший', **аппа-айгъыр** 'злой-презлой', **аппа-акъыллы** 'очень умный, умница', **аппа-ач** 'очень голодный, голодный как волк', **аппа-ачы** 'горький-прегорький'; **аппа-ачыкъ** 'прям., перен. 1) 'совершенно открытый'; 2) 'совершенно ясный';

аппа-аяз ‘довольно ощутительный ветерок’; *аппа-аязга чыгъаргъа* ‘разориться, вылететь в трубу’; *аппа-аязгъа чыгъарыргъа* ‘разорить кого-что’, ‘пустить кого по миру, оставить кого ни с тем’ [66, с. 69]. В этом же словаре употребляется словосочетание *чыммакъ акъ* ‘белый-пребелый; белоснежный’ (*чыммакъ акъ агъарыргъа* ‘побелеть; стать белоснежным’), отсутствующее в трехтомном ‘Толковом словаре карачаево-балкарского языка’.

Конструкция *апак* в киргизском языке получает дальнейшее морфологическое развитие в результате присоединения к этой основе уменьшительно-ласкательного аффикса *–ай*: *апакай* 1. ‘беленький’; производная основа *апакай* сочетается с препозиционной частицей *ап*, в результате чего получается двойное усиление: *апа-апакай* ‘белый-белый’; 2. в детской речи ‘красивый; хороший’ [70, с. 60]. В киргизском языке, так же как и в других тюркских языках, отмечается усилительная частица *чым-*, употребляемая в препозиции: *чым ак* ‘чисто белый’ [70, с. 886].

Универсальной интегрирующей особенностью препозиционной частицы *ап-*, в частности, и ее сочетания с прилагательным ахроматического цветообозначения *ак/акъ* ‘белый’ в целом в тюркских языках является то, что она встречается и в узбекском языке в фонетически трансформированном варианте, видимо, как результат фонетического влияния таджикского языка: *опп* – препозиционная усилительная частица, присоединяемая к словам, начинающимся на *о*: *оппоқ* (интенсив от *оқ*) ‘совершенно белый, белый как снег, белый-пребелый’. В зависимости от синтагматического окружения атрибутив – как конструкция *оппоқ* выступает и в значении наречия ‘белым-бело’.

Универсальной грамматической особенностью редуцированной формы *оппоқ* в этом языке является то, что к этой основе присоединяются изафетные аффиксы 1-го, 2-го, 3-го л. ед. и мн.ч.: *оппогим* ласк. (букв. ‘мой беленький’) ‘мой маленький’. Универсальной фонетической особенностью основ *оппоқ* и *оппогим* является то, что в интервокальной позиции отмечается озвончение: *қ>г*. Универсальной лексико-семантической особенностью изафетной формы *оппогим* является то, что она употребляется, наряду с этимологическим значением, и в переносном. Появление метафорического значения в лексико-семантической структуре данного слово-

сочетания является результатом усиления значения, собирательности, обобщения. Словосочетание **оппоқ** употребляется и в значении ‘ясный’: **оппоқ ойдин кеча** ‘ясная лунная ночь’; **бутун кечани оппоқ тонг оттириб чикдим** ‘я всю ночь не спал и не смыкал глаз до самого утра’. Словосочетание **оппоқ** употребляется и в другом, переносном, значении ‘милая’, имеющем ассоциативную связь с первоначальным значением ‘совершенно белая’: **оппоқ қиз** ласк. ‘девушка милая’; переносное значение употребляется и в другом атрибутивном словосочетании **оппоқ қизим** ласк. ‘доченька милая’, в котором к определяющему компоненту присоединяются аффиксы изафетной формы, в данном случае – аффикс **-им**. Редуплицированная форма **оппоқ** употребляется в прямом значении в узбекской пословице **қўнғиз боласини «оппоғим» дер, типратикон – «юмшоғим» дер** посл. ‘черный жук называет своего детеныша беленьким, а еж – мягоньким’. В сочетании со словом **қина** форма **оппоқ** выражает уменьшительно-ласкательное значение: **оппоқ қина** ‘беленький, беленькая’ [151, с. 305].

В узбекском языке, так же как и в других тюркских языках, усилительная частица **опп** участвует в образовании усилительных конструкций не только от цветообозначающих прилагательных, но и от других качественных прилагательных, имеющих степени сравнения: **оп-осон** ‘очень простой, несложный’ от частицы **оп-**, выявляющей в сочетании с прилагательным значение ‘очень’, и имени прилагательного **осон** ‘легкий, нетрудный’, или **оппа-осон** с тем же значением и составом компонентов. В зависимости от места синтаксического расположения редуплицированной конструкции формы **оп-осон** и **оппа-осон** могут употребляться в значении обстоятельства образа действия ‘очень просто, проще простого, несложно’.

Редко употребляемая форма интенсива в узбекском языке может образоваться сочетанием усилительной частицы **оп-** и качественного имени прилагательного **очик** ‘открытый, раскрытый’: **оп-очик** ‘очень открытый, очень раскрытый’. Частица **оп-** в составе формы усиления качества выявляет значение ‘очень’, ‘чересчур’. Редуплицированная конструкция **оп-очик** в зависимости от синтагматического окружения употребляется и в значении обстоятельства образа действия ‘очень открыто, очень раскрыто’. Частица **оп-** обстоятельственной конструкции также выявляет значение ‘очень,

чересчур'. Лексические единицы узбекского языка, сочетающиеся с индивидуальной частицей *оп-* или *оппа*, образуют формы усиления качества как в атрибутивном значении, так и обстоятельственном. Среди узбекских цветообозначающих словосочетаний с формой усиления качества отмечаются и женские личные имена, в одной из которых в препозиции в эллиптированной форме выделяется *частица ап-*. В средневековом художественном произведении узбеков «*Бабур-намэ*» можно найти женские имена: *Ақ беки*м 'белая княгиня', *Апақ беки*м 'слишком чистая, невинная княгиня', мужские имена *Апақ хан* 'слишком белый, чистый хан', *Аппақ-ходжа* 'слишком белый, чистый ходжа' [100, с. 328].

При частичной редупликации главное ударение, падающее на первый слог слова, *оппоқ* (<*оп-оқ*), не выполняет функции семантико-грамматической дифференциации. Слово *оқ* 'белый' является одним из древнейших слов узбекского языка. «В физическом значении имеет антоним – черный, а в политическом – красный». [116, с. 72].

В памятниках тюркской письменности (в словаре «*Девону луготит турк*») встречается форма интенсива *ап-ақ* 'белый-пребелый', в этом же значении употребляется форма *ўрўң* 'белый', *ўп-уруң* 'белый-пребелый'. М. Садыкова отмечает, что «приведенное Махмудом Кашгарским чигильское слово *ўрўң* позже в узбекском языке не встречается» [119, с. 6].

Рассматривая некоторые особенности интенсивной формы слов-названий цвета следует заметить, что слово *оппоқ* в узбекском языке может выражать значения: 1) 'чистый', 'совершенно чистый', 2) 'здоровый', 'бодрый', 3) 'невинный', 'безгрешный' (ирония). Слово *оппоқ* в контексте обнаруживает дополнительный смысловой оттенок: *оппоқ тонг отди*. В составе некоторых словосочетаний *оппоқ* синонимично словам *яхши* 'хороший', *севикли* 'любимый', *гўзал* 'прекрасный', *ширин* 'сладкий' и т.д. Сочетаясь с притяжательным аффиксом *оппоқ* передает оттенок ласкательности: *оппогим* – 'дитяtko мое', 'барашек мой', 'сладкий мой', 'любимый мой' и т.д.

По мнению М. Садыковой, «в составе некоторых терминов родства, бывших ранее словосочетаниями и превратившихся в современном языке в простые или сложные слова, также выделяется составной элемент *оппоқ*, совершенно утеравший свое основное

значение. Например, *опо́та* (<опо́қ ота), *опо́гдода* (<опо́қ дада) – ‘дедушка’, *опо́би* // *опо́гбу* (<опо́қ буви) – бабушка, обращение к пожилой женщине, близкой по родству, *опо́гойи* таишк. (<опо́қ ойи) – обращение к сестре мужа, старшей по возрасту; обращение к старшей по возрасту родственнице или соседке. *Опо́қи* таишк. – обращение к жене дяди (со стороны отца); *тетя* (обращение к старшей родственнице или соседке) '[119, с. 12].

А.М. Щербак отмечает, что при рассмотрении материалов восточнотуркестанского языка можно обнаружить две структурно обособленные группы прилагательных. Прилагательные первой группы не оформлены инвентарными единицами морфологии и представлены как система немотивированных знаков: *кۆк* ‘голубой’, *ал* ‘алый’, *күзү* ‘серый’. Прилагательные второй группы имеют специальные морфологические показатели и являются системой мотивированных знаков. Прилагательные обеих групп морфологически отличаются способностью образовывать формы усиления качества. Первая форма интенсива, как начально-серединная редупликация, обозначающая чрезмерную насыщенность признака, образуется с усечением повторяющейся основы: *ап-ак* ‘белый-пребелый’. Приведенный пример свидетельствует о том, что редуплицированный элемент повторяет первый слог основы с присоединенным к нему согласным *п* (< > *б*) или *м*. Трансформация согласных, наблюдаемая в некоторых случаях, не является чисто фонетическим, так как оба варианта могут быть представлены одной и той же основой.

С языком огузов и в некоторой степени кыпчаков, связано, помимо этого, озвончение конечного согласного (*п* > *б*). См. *Teleqdi: аб-ак* ‘очень белый’ (292); Сл. *Замахшари, II: аб-ак* ‘очень белый’ (129). Кроме того, форма усиления качества, выражающая высшую степень обнаружения признака, может образоваться аналитическим путем: *ЈбМ: јѣм ак* ‘совсем белый’; ср. южнохорезмское *дѣм ак* [166, с. 114-115].

Далее А.М. Щербак пишет, что следующей формой интенсива, выражающей неполноту признака, является форма, образуемая при помощи аффикса –*шѣн*, –*шѣн*; см. *КВ, II: кѣкишѣн* ‘седоватый’ (141, ср. *кѣкшѣн*, 164); *МК, I: кѣкишѣн* ‘голубоватый’ (437). Сюда же он относит и формы на –*шѣл* и –*сѣман*, см. *Сирадѣс ал-кулѣб: карашѣл* ‘черноватый’ (496); Сл. *Замахшари, II: карасѣман* ‘черноватый’ (292) [166, с.115].

Однако анализ имеющегося фактологического материала по карачаево-балкарскому и другим тюркским языкам с точки зрения грамматических и лексических особенностей свидетельствует не о наличии формы усиления качества, а о наличии формы ослабления качества.

В работе А.М. Щербака в дальнейшем указывается на то, что особое место среди форм интенсива занимает форма на **-рак, -рӑк**, которая выражает небольшую недостаточность или, наоборот, небольшую избыточность признака. Часто она употребляется для сравнительной качественной характеристики предметов или явлений и сочетается с именем в исходном падеже. В таких сочетаниях исследуемая форма является независимой, синтаксически необусловленной, т.к. имеет самостоятельную семантическую структуру.

Н.К. Дмитриев отмечает, что **-рак** в тюркских языках пока что является количественным модификатором основного значения. Направление этой модификации может быть обращено в разные стороны, т.е. в одних случаях **-рак** усиливает основное значение, а в других – ослабляет его. К примеру, в туркменском языке – **рак** обозначает ослабление основного значения прилагательного. В татарском языке одни считают – **рак** усиливающим компонентом, другие считают его, так же как туркменское **-рак**, ослабляющим компонентом [44, с. 87].

Форма интенсива, образованная присоединением специальной препозиционной частицы **ар-** к опорным словам, начинающимся на **а**, встречается и в турецком языке. Универсальной особенностью сочетания препозиционного и постпозиционного элементов является то, что, как и во всех тюркских языках, усилительная частица представляет собой повторение первого слога основы прилагательного. С точки зрения категоризации лингвоцветового пространства присоединение индивидуальной частицы **ар** к опорному прилагательному показывает наиболее насыщенные сегменты основного цветообозначения: присоединяясь к основной лексеме, частица **ар** усиливает заложенный в ней признак: **араçlık** ‘чрезмерно открытый’, ‘совершенно открытый’; ‘совершенно ясный/явный’. Редуплицированная форма **араçlık** в зависимости от синтаксической позиции выступает и в значении образа действия ‘совершенно открыто’ [147, с. 58]. Форма **араçlık** получает дальнейшее морфологическое развитие с помощью присоединения к этой двухкомпонентной ос-

нове общетюркского аффикса принадлежности *-lэк* в результате чего имя прилагательное переходит в имя существительное. Транспозиционный аффикс *-lэк* показывает наличие в новой основе отмеченного в опорном слове признака: *арақскэлэк* 'ясность, очевидность' [147, с. 58].

В турецком языке в образовании редуплицированных конструкций, помимо цветообозначающих прилагательных, в качестве редуплицируемого компонента участвуют и наречия: *apanslz*, *apanslzln* 'совершенно неожиданно, внезапно, вдруг', образуется от препозиционной частицы *ap-*, не имеющей самостоятельного лексического значения и семантических оттенков в употреблении, и наречия *anslz II* 'внезапно, неожиданно', *anslzln* 'внезапно, неожиданно, вдруг' [147, с. 58].

С помощью индивидуальной частицы *ap-* в турецком языке может образоваться усилительная редуплицированная конструкция и по гибридной модели, *apaşkar* 'совершенно открытый' // 'совершенно открыто', когда функцию опорного слова выполняет заимствованная основа из языка фарси *aşlkâ* 'открытый', 'открыто' [147, с. 58].

В результате частичной редупликации прилагательных, которая, так же как и полная редупликация, служит для выражения предельной, избыточной степени качества, заключенного в предмете, отмечаются отдельные фонетические трансформации: а) у прилагательного, начинающегося с согласного, отделяется гласный; б) у прилагательного, начинающегося с согласного отделяется согласный и следующий за ним гласный, между отделенными звуками развивается один из следующих согласных: *m, p, r, s*; образовавшееся таким образом наращение присоединяется к данному прилагательному» [72, с. 157].

Особый интерес для исследования со многих точек зрения, в том числе и с точки зрения акцентуации, представляют сложные слова, к числу которых относятся и редуплицированные конструкции, образованные с *an-*. В первую очередь следует обратить внимание на то обстоятельство, что ударение на первый слог сложного слова падает при частичной редупликации прилагательных: *apaşlk* (*a-p-aşlk* = *vüşvütün aşlk*) 'совершенно открытый' (*aşlk* 'открытый'). Однако потеря ударения первым компонентом сложного сло-

ва при имеющемся слогоразделе и перенос его на другой слог, не подвергшийся фонетическим изменениям, не имеет смысловозначительного значения.

Потеря ударения первым компонентом сложного слова отмечается и в тех случаях, когда первый компонент в сочетании с другим словом утрачивает свое первоначальное значение: *Кара qöž* 'черный глаз', но: *Караqöž* - теневой театр и комический персонаж этого театра; ср. еще: *кара дБа* 'черная гора', но: *Karadāq* 'Черногория'.

В турецком языке форма усиления качества может образоваться и по другой модели, то есть сочетанием усилительной частицы *ар-* и лексикализованной формы имени действия *ayırma/ айрмак* 'разделение, удаление': *ар- айрма/ар-айрмак* 'чрезмерное разделение, удаление' [147, с. 58].

В турецком языке, также как и в других тюркских языках, частица *ар-* может присоединяться к цветообозначающему прилагательному *ак* 'белый' и образовать редуцированную конструкцию с формой усиления качества: *ар-ак* 'чересчур белый', 'совершенно белый' [147, с. 58].

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, качественные прилагательные могут стоять в так называемой форме *интенсива*. Примером ее может служить образование усилительной формы *ан-акъ* или (*анпак*) (по-русски было бы 'бел-белый'), которая, по-видимому, возникла из повторного сочетания *акъ-акъ* за счет деформации первого слова: в этом слове, состоящем из одного слога, выпадает согласная фонема *къ*, удерживается гласная фонема *а*, которая замкнута особым согласным (*п*). Носителем лексического значения в этой группе является вторая часть (*акъ*), а первая часть (*ан-*) выполняет роль количественного усилителя или своего рода коэффициента. То обстоятельство, что *ан-* как препозиционная усилительная частица, присоединяемая к словам, начинающимся на *а*, в своем значении усилителя ставится перед несколькими кумыкскими словами: *ан-акъ* 'очень белый', *белый-пребелый*, *белейший*, *совсем белый*, *беленький*; *ан-ачыкъ а* 'совершенно открытый', 'открытый-преоткрытый'; б) 'совершенно ясный, явный; в) 'совершенно светлый' (о цвете); и отдельно от них в этом своем значении не употребляется – позволяет видеть в этом *ан-* нечто вроде префикса (приставка) европейских языков. Однако, то обстоятельство, что эти

качественные прилагательные принимают своеобразный усилитель **an** - (хотя бы и индивидуальный, не повторимый по звуковому составу, но скомпонованный по одному общему рецепту) заставляет признать особую форму *интенсива* как живую категорию кумыкских (и вообще тюркских) прилагательных. Форма обозначает качество высокого потенциала, причем момент сравнения предметов, которым присуще это качество – не обозначается.

Отличительной особенностью качественных прилагательных кумыкского языка, в отличие от относительных, является то, что они не имеют специфических аффиксов и принадлежность этих прилагательных к категории качественных определяется их лексико-семантической структурой. Принадлежность этих прилагательных к категории качественных определяется в значительной степени еще и тем обстоятельством, что большинство из них состоят в бинарной оппозиции к другим прилагательным из этого же разряда. Относительные прилагательные лишены такой особенности. Синтаксической особенностью качественных прилагательных кумыкского языка является то, что в зависимости от позиции, например, в одном случае, употребляясь перед сказуемым, они выступают в значении обстоятельства: **акъ болду** 'стал белым', в другом случае, также употребляясь перед сказуемым, выступают в значении подлежащего: **акъ келди** 'белый пришел'. Сложное прилагательное **an-ачыкъ** в форме интенсива сочетается с именем существительным **ялгъан** 'ложь' и образует особую разновидность атрибутивного словосочетания: **an-ачыкъ ялгъан** 'явная ложь' [77, с. 43]. Сочетание **an-акъ** (пишется через дефис), что по-русски переводится как 'белый-пребелый', по значению обыкновенно считают старым морфологическим типом превосходной степени. Во всех тюркских языках, где она встречается, эта форма (в результате своего развития) выражает теперь качество, несколько превышающее норму 'довольно-таки белый'. Как видно из примеров, первый элемент (усилитель) всегда состоит из одного открытого слога, который составляется из открытого (осколок с первого слога основного прилагательного) с добавлением «закрывающего» согласного **n** (**an=a** [из **акъ**] + **n**). В других тюркских языках также встречается в качестве закрывающего согласного звук **n**. Вероятная зависимость качества этого согласного от звуков основного слова пока еще не исследована. Иногда «закры-

кающий» согласный **n** первого элемента как бы удваивается (**ann**) и принимает после себя широкий гласный – обычно **a**. Синтетическая форма усиления качества, ограниченная рамками семантики, применяемая для прилагательных, обозначающих цвет, отмечается и в башкирском языке и носит, по словам Н.К. Дмитриева, характер пережиточной категории [44, с. 84]. Синтетическая разновидность формы усиления качества по своей структуре в башкирском языке та же, что и в других тюркских языках и представляет собой синтаксическое сочетание основной формы прилагательного или наречия степени с другими словами-усилителями. В башкирском языке к числу таких слов-усилителей относится индивидуальная частица **ап-**, присоединяемая к прилагательным и наречиям, начинающимся на **a** и этимологически обозначающая вместе с сочетающимися основами ‘очень’, ‘самый’, ‘наи-’: **ап-асык I**. 1) ‘очень ясный, четкий, отчетливый’; в зависимости от синтаксической позиции сочетающихся компонентов в предложении по отношению к редуцированной конструкции **ап-асык** выступает и в значении наречия: ‘очень ясно, четко, отчетливо’. Конструкция **ап-асык** в башкирском языке сочетается в основном с именами существительными и именами действия: **ап-асык эйтелеш** ‘очень отчетливое, четкое произношение’. Словосочетание **ап-асык** употребляется и во втором и третьем значениях: 2) ‘очень яркий; **ап-асык төҫ** ‘очень яркий цвет’; 3) ‘ясный, очевидный’; **ап-асык күренеш** ‘очень ясная картина’; **ап-асык эш** ‘совершенно ясное дело’. Словосочетание **ап-асык** употребляется в следующих значениях наречия: 1) ‘очень ясно, четко, отчетливо’; **ап-асык күренеү** ‘виднеться совершенно четко, отчетливо’; **ап-асык яҙыу** а) ‘писать очень ясно, отчетливо’; б) перен. ‘писать совершенно открыто’; 2) ‘ясно, отчетливо’ [14, с. 37-38].

Усилитель **ап-** в башкирском языке активно употребляется как в разговорной речи, диалектах, так и литературном языке в качестве одного из основных выразителей формы усиления качества синтетического типа, широко известная во всех тюркских языках. Этот старинный оборот из сочетания одного из показателей функциональной парадигмы башкирского языка и допускающей подобного сочетания самостоятельной лексической единицы возник, по всей видимости, из синтаксико-стилистического приема повторения, ко-

150

торое в числе своих функций имеет и одну специальную, а именно усиление потенциала качества. Так же как по-русски *‘ясный-ясный’* означает нечто более ясное по качеству, чем просто *‘ясный’*. Башкирское *асык-асык* представляет собою основное слово *асык* как бы с коэффициентом 2. Разница заключается в том, что употребление русских повторенных слов ограничено рамками стиля и поэтому отмечается в разговорной речи, в основном в детском языке и, реже, в литературе, тогда как башкирский повторенный комплекс встречается во всех жанрах письма и речи.

Н.К. Дмитриев полагает, что из такого способа полного повторения, как *һары-һары* *‘желтый-желтый’*, то есть *‘очень желтый’*, *йәшәл-йәшәл* *‘зеленый-зеленый’*, то есть *‘очень зеленый’*, очевидно, возникло неполное повторение и получились те усилительные формы, которые имеются теперь и которые употребляются параллельно с первоначальными формами полного повторения. В приведенных примерах *һан-һары* *‘желтый-прежелтый’* по-русски точная копия башкирского комплекса звучала бы: *‘жел-желтый’*, *йәм-йәшәл* *‘зеленый-презеленый’*; дословно *‘зел-зеленый’*. Семантическая мотивировка этого неполного повторения достаточно очевидна.

Индивидуальные частицы в башкирском языке участвуют в усиленной категоризации не только лингвоцветового пространства, обозначая его наиболее насыщенные, яркие сегменты, но и в усиленном выражении нецветового качества на поверхности физико-географических объектов. В редуцированной конструкции *һары-һары* *‘желтый-желтый’* основное значение в достаточной степени выражается уже одним из двух *һары*. В качественном отношении двойное употребление слова *һары* ничего не меняет: прием удвоения имеет в виду только количественную модификацию понятия или же добавление некоей эмоциональной окрашенности в общий тон повествования. Для качественной модификации достаточным является придание слову *һары* какого-либо сокращенного коэффициента. По мнению Н.К. Дмитриева, коэффициент этот развился из основного слова способом его сокращения, легкого деформирования. В результате фонетических трансформаций первое слово утрачивает свою прямую смысловую функцию. Коэффициент

качественного усиления фактически предшествует основной лексической единице, то есть говорят *һан-һары*, *ап-аК*, а не *һары-һан*,

аК-ап: во всех тюркских языках индивидуальные частицы усиления употребляются по отношению к редуплицируемому компоненту в препозиции. В этих языках наиболее значимая, весомая величина всегда ставится после усилительных частиц, имеющих второстепенное, вспомогательное значение. При деформации первого слова, переходящего в «коэффициент» при втором прежде всего сокращается число слогов (в тех случаях, где это возможно): из *һары* образуется *һан*, из *ййишел* – *ййэм*. Коэффициент, как показатель качественной модификации, является всегда односложным и образуется в результате двойного процесса: 1) сокращения слогов основы, если, конечно, основа имеет минимум два слога, и 2) оформления коэффициента особым замыкающим согласным. Приведенные редуплицированные конструкции свидетельствуют о том, что коэффициент, во-первых, буквально совпадает с первым (открытым) слогом опорного слова, во-вторых, он замыкается специальным согласным, в результате чего образуется закрытый слог. В башкирском языке в качестве специфических согласных, замыкающих коэффициент, употребляются главным образом *п*, реже *м* и еще реже *с* [44, с. 85-86].

Употребление редуплицированной конструкции *ап-аК* в башкирском языке, в котором основное слово состоит из одного слога, своеобразно опровергает точку зрения Н.К. Дмитриева относительно того, что сокращение слогов отмечается в тех основах, которые имеют минимум два слога. В редуплицированной конструкции *ап-аК* коэффициент качественного усиления образуется за счет замыкания фонемы *а* специальным согласным *п*. В этой конструкции фонема *а*, как часть усилительной частицы *ап-*, совпадает с гласной фонемой опорного слова.

В башкирском языке усилительная частица *ап-* присоединяется к прилагательному *арыу II* 1. 1) ‘довольно хороший, неплохой; сносный’ и образует редуплицированную конструкцию *ап-арыу* ‘довольно хороший, недурной, приличный, сносный’, которая может сочетаться с именами существительными: *ап-арыу кейем* ‘довольно сносная одежда’; *ап-арыу кеше икэн* ‘да оказывается он недурной

человек'; в башкирском языке усилительная частица **ап-** присоединяется к наречию **арыу II** 2. 1) 'довольно хорошо, неплохо, сносно'; 2) 'поступать хорошо' и образует редуплицированную конструкцию **ап-арыу** 'довольно хорошо, неплохо, сносно', которая может сочетаться с именем действия: **ап-арыу эшлэу** 'неплохо работать'. Форма усиления качества **ап-арыу** сочетается с усилительной частицей **ук** и выступает в двух значениях: значении имени прилагательного и наречия: 1) **ап-арыу ук а)** 'не очень уж плохой'; б) 'не так уж плохо'; **ап-арыу ук ер** 'не очень уж близкое место' [14, с. 37].

Среди усилительных конструкций на **ап-** в башкирском языке можно отметить словосочетание **ап-арык** 'худой-прехудой', употребляющееся в одном фонетическом варианте [43, с. 86].

Особенностью редуплицированных прилагательных в башкирском языке, так же как и в других прилагательных, является то, что по части словообразования с точки зрения морфологического оформления они не имеют формальных показателей. Формальные показатели из разряда формообразования имеет небольшая группа прилагательных типа **кыш-кы** 'зимний' и **калала-гы** 'находящийся в городе', относящиеся к относительным прилагательным. Универсальной особенностью редуплицированной конструкции **ап-ак** в башкирском языке является то, что к ней присоединяются особые притяжательные аффиксы, в результате чего на стыке корневой и аффиксальной морфем в интервокальной позиции отмечается озвончение: **к > г**: **аппагым** ласк. 'милый мой, светик мой'.

Качественные прилагательные башкирского языка, в отличие от относительных прилагательных, указывающих на связь (отношение) предмета с другим предметом, показывают качественную оценку (квалификацию) предмета. А их сочетание с препозиционными частицами увеличивает в коэффициентном соотношении форму усиления качества. Качественные прилагательные, составляющие многочисленную группу данной части речи, характеризуются признаками, присущими самой природе предметов, явлений, живых существ и т.д. Они могут быть корневыми – **ак** 'белый', так и производными – **ап –ак** 'белый-пребелый'.

Качественные прилагательные в большинстве своем, имея степени сравнения и интенсива, употребляются в функции обстоя-

тельств чаще, чем относительные. Взаимопереходность между указанными разрядами прилагательных существует и не всегда удается их четко разграничить. Лексико-семантической особенностью редуцированных конструкций частичной редупликации является то, что в семантической структуре опорных прилагательных появляются дополнительные значения. Следовательно, новые конструкции нужно рассматривать как самостоятельные лексические единицы. А препозиционные частицы могут в этой связи иметь словообразовательное значение, связанное с тем, что значение производной основы не дублирует значение производящей основы. Определенная часть корневых прилагательных, служащих для образования редуцированных словосочетаний, совмещает в себе признаки прилагательного и существительного, прилагательного и наречия, находясь при этом в омонимичных отношениях: **аК (таи)** 'белый (камень)' – **аК** 'молочные продукты'.

Основной синтаксической функцией редуцированных прилагательных, как и нередуцированных, является функция определения, закреплённая за ними как за частью речи, чему и соответствует их категориальное значение и назначение. Редуцированное прилагательное может быть определением при существительном, другом прилагательном и некоторых разрядах числительных. Сочетается оно с определяемым словом без оформления какими-либо грамматическими показателями, т.е. исключительно способом примыкания: **ап-аК кейем** 'белая-пребелая одежда', **ап-аК таиш** 'белый-пребелый камень' от **аК таиш** а) 'известняк'; б) 'бутовый камень, бут'.

Усилительная частица **ап-** в башкирском языке выполняет функцию редупликата в результате фономорфологического изменения первого слога опорного слова. Степени сравнения прилагательных указывают на различия в полноте проявления одного и того же признака в разных предметах и выражаются специфическими формальными показателями, отчасти же – лексическими средствами. Нулевая или исходная форма прилагательного, именуемая положительной степенью, обозначает качество, признак независимо от свойства других предметов: **аК сэсле** 'светловолосый'.

Универсальной особенностью редуцированных прилагательных в башкирском языке является то, что одно и то же слово в зависимости от контекста может осознаваться как различные части речи. Редуцированные прилагательные башкирского языка, употребляясь в определенном контексте, могут выполнять и синтаксическую функцию наречия. При квалификации каждого отдельного слова необходимо исходить из его семантики, или смыслового содержания. Некоторые слова можно было бы назвать условным термином «*прилагательное-наречие*» для того, чтобы рельефнее показать динамику их развития. Другими словами, эту формулу можно обозначить так: редуцированные конструкции семантически, а в синтаксическом плане могут быть: а) определениями, б) обстоятельствами. Таким образом, по признакам семантической и синтаксической характеристики (морфологические показатели здесь не участвуют) слова типа **ак** 'белый', **асык** 'ясный', к которым присоединяется усилитель **ап-**, можно было бы назвать условным термином «*прилагательное-наречие*». Формула «*прилагательное-наречие*» частично приемлема только для отдельного слова в составе предложения, то есть лексическое значение прилагательного раскрывается независимо от предложения, контекста в самостоятельном употреблении, в предложении же это слово выполняет синтаксическую функцию наречия – выступает как обстоятельство.

Следует отметить, что в башкирском языке, как и в других тюркских языках, категории качественных и относительных прилагательных являются неграмматическими категориями. Эти две категории, главным образом, квалифицируются в плане семантики; в плане же морфологии, и особенно синтаксиса, различие между ними стирается.

Морфологической особенностью редуцированных прилагательных, как и других качественных прилагательных, к которым усилитель **ап-** не присоединяется, в отличие от относительных и притяжательных прилагательных, которым свойственны особые формы словообразования, является то, что они имеют особые формы словоизменения.

Сравнительная степень в башкирском языке, образуемая с помощью аффикса **-ракь/-рәк** (после основ на гласный звук), **-ыракь/**

-ерәк, -орак/-өрәк (после основ на согласный звук), обозначает признак предмета большей или меньшей интенсивности, чем признак другого предмета. Среди этих прилагательных определенное место занимают и цветообозначающие: **аҡ** 'белый' - **ағырак** 'белее'.

Исходной форме прилагательного в лексико-грамматическом отношении противопоставляются формы усиления качества и формы ослабления качества предмета. Они проявляются менее последовательно, чем сравнительная степень. С другой стороны следует отметить то, что среди прилагательных сравнительной степени, образованных с помощью аффикса **-ракъ/-рәк**, в зависимости от лексического значения производящей основы в одних случаях выражаются формы усиления качества, в других – формы ослабления качества.

В башкирском языке прилагательные и наречия одинаково имеют: 1) форму сравнительной степени и 2) форму интенсива. Прилагательное показывает признак предмета, и поэтому в сравниваемых конструкциях, выражая качественное отношение между сравниваемыми предметами, выступает в функции сказуемого. Наречие же выражает признак действия или признака и поэтому в сравниваемых конструкциях показывает отношения между исполнителями, а между их действиями, выступая в функции обстоятельства.

Форма интенсива или усиления качества выражает чрезмерную меру, полноту качества, признака. Интенсивная форма наречий в башкирском языке, как и у прилагательных, образуется в результате частичной редупликации: к началу опорного слова добавляется его первый слог, на который прибавляется структурная морфема **н**, если слог открытый: **ары** 'далее' - **ан-ары** 'значительно далее', **Капыл** 'внезапно' - **Кап-капыл** 'совершенно внезапно', **күмәк** 'много' - **күн-күмәк** 'много-премного'; если слог закрытый, то его конечный согласный заменяется структурным элементом **н**: **аз** 'мало' - **ан-аз** 'мало-премало', **бушКа** 'зря, ни за что' - **бун-бушКа** 'ни за что, ни про что', **иртә** 'рано' - **ин-иртә** 'довольно рано, рано-прерано'.

Наречия, пользующиеся формой интенсива, в башкирском языке располагают незначительным числом, в то время как среди качественных прилагательных она выявляет значительное проявление.

Среди башкирских цветообозначающих конструкций с формой усиления качества отмечаются и женские личные имена, в одной из которых в препозиции выделяется в эллиптированной форме частица **ап-**: **Аппак**, 'белолицая' [95, с. 328].

Форма усиления качества, образованная присоединением индивидуальной односложной частицы **ап-** к опорным словам, начинающимся на **а**, встречается и в ногайском языке. Универсальной морфологической особенностью сочетания качественного модификатора и основного термина является то, что, как и во всех тюркских языках, усилительная частица представляет собой повторение гласной фонемы прилагательного **ак** 'белый': **ап-ак** 'белый-пребелый', 'совершенно белый', **ап-ашык а**

Интенсивная степень прилагательных в ногайском языке образуется морфологическим способом посредством частичной редупликации, т.е. удвоения первого закрытого слога с заменой конечного согласного слога глухим **п**. Частица **ап-** к другим основам не присоединяется.

Лексико-семантической особенностью редуплицированных прилагательных является обозначение качества, свойства и других признаков предметов в усиленной форме. Этот признак качественно модифицированных прилагательных можно считать отличительным, так как даже вне связи с другими основами слова, причисляемые к редуплицированным конструкциям, вызывают в нашем сознании представление об усиленном признаке, свойстве и качестве предмета. Этот признак может служить критерием для выделения редуплицированных конструкций в отдельную категорию прилагательных, именуемой усилительной формой прилагательных с функцией усиления потенциала качества или как интенсивная степень прилагательных.

Имена прилагательные, сочетающиеся с усилительным слогом **ап-**, связываются с определяемым словом путем примыкания. Отличительной морфологической особенностью качественных прилагательных и редуплицированных конструкций является то, что они обладают свойством образовывать степени сравнения: **ак** 'белый' - **ап-ак** 'белый-пребелый'. Усилительные частицы, являясь продуктивным словообразовательным средством имен прилагательных, и,

следовательно, одним из морфологических признаков этой части речи, одновременно используются и другими частями речи для тех же целей. В отличие от имен существительных, имена прилагательные в различных степенях сравнения, в форме усиления качества не имеют самостоятельных форм словоизменения.

Основная синтаксическая функция редуцированных прилагательных – это выполнять роль примычного определения в предложении. Форма связи редуцированных прилагательных с определяемыми их словами – только примыкание. Редуцированные имена прилагательные выступают, не меняя своей формы, и приименным, и приглагольным определением, т.е. используются в определительном и обстоятельственном значениях. Редуцированные имена прилагательные обозначают качество, свойство предметов благодаря употреблению индивидуальной частицы *ап-* в усиленной форме своим лексическим значением. Составители «*Грамматики ногайского языка*» [30] отмечают, что «как качественные, так и относительные прилагательные не имеют форм словоизменения. Они не принимают аффиксов числа, падежа, принадлежности и т.д. Если же присоединить к именам прилагательным эти аффиксы, то они субстантивируются. Например: *Яхшыга куьн йок, яманга оьлим йок* (посл.). '*Хорошему нет жизни, плохому – смерти*' [30, с. 130-131].

Качественные имена прилагательные обозначают качество, свойство предметов и без употребления индивидуальных усиительных частиц своим лексическим значением и имеют, в отличие от относительных, степени сравнения. Положительная степень не имеет никаких форм и совпадает с основой имени прилагательного: *ак* 'белый'. Качественные имена прилагательные обозначают качества, свойство предметов благодаря употреблению аффиксов *-рак / -рек, -рак/-ирек* в форме ослабления качества своим лексическим значением. Имена прилагательные в форме ослабления качества имеют сравнительную степень, которая образуется при сравнении качеств, признаков, свойств двух или более предметов. Сравнительная степень выражает с одной стороны неполноту меры качества, с другой стороны - повышенную меру качества одного предмета при сравнении с другим.

В туркменском языке превосходная степень образуется посредством сочетания имени прилагательного с усилительными словами и показывает увеличение признака или качества по сравнению с положительной степенью. К превосходной степени близки по значению прилагательные усилительной формы (*интенсив*), выражающие избыточную меру качества, признака, свойства. Форма усиления качества образуется морфологическим способом в результате частичной редупликации, когда от основы прилагательного отделяется начальный слог, замыкающийся специфической морфемой *п*, и прибавляется к основе аналитического прилагательного в качестве препозитивной частицы.

К числу интегрирующих формальных элементов тюркских языков относится элемент частичной редупликации туркменского языка – общетюркское *ап-* – усилительная частица для цветообозначающего прилагательного *ак* ‘белый’ и других, а также для наречий, обозначающих признак признака. *Ап-* препозитивная усилительная частица, присоединяемая к некоторым словам начинающимся на ‘а’: *ап-ажы* ‘очень горький’, ‘горький-прегорький’; *ажымың ичи ап-ажы* ‘у меня горечь во рту’; *ап-аңсат* а) ‘очень легкий, совсем нетрудный’; б) ‘очень легко, совсем нетрудно’; *ап-аңсат иш* ‘очень легкая работа’; *ап-айдың* а) ‘очень светло; совсем светло’; б) ‘совершенно ясно’; *маңа ап-айдың* ‘мне все совершенно ясно’; *ап-ак* ‘очень белый, совсем белый, белый-пребелый’; *ап-арасса* а) ‘очень чистый’; б) ‘очень чисто’; *отагың ичи ап-арасса* ‘в комнате очень чисто’; *ап-аркайын* ‘очень уверенно; совершенно спокойно’; *ол ап-аркайын гүрлейэр* ‘он очень спокойно говорит’ [148, с. 47].

Форма усиления качества в туркменском языке может образоваться, как и в некоторых тюркских языках, и с помощью присоединения к знаменательной части редуплицированной конструкции, в функции которой в основном выступают цветообозначающие прилагательные, препозитивной усилительной частицы *чым* -, прибавляемой к словам, начинающимся на буквы ‘а’, ‘г’ и имеющей значение ‘очень’, ‘чересчур’, ‘слишком’, ‘совершенно’: *чым ак* ‘очень белый’; *чым гызыл* ‘очень красный’; *чым гызыл гарпыз* ‘совсем красный арбуз’; *чым гызыл шапак* ‘багряная заря’; *иүзүң чым гызыл болмак* ‘краснеть до ушей’.

Усилительная частица **чым-** в туркменском языке может сочетаться и с составными именными сказуемыми: **чым пытрак болмак** а) 'быть уничтоженным, разгромленным в пух и прах'; б) 'разбиться вдребезги'; **чым пытрак этмек** а) 'разгромить, уничтожить'; б) 'разбить вдребезги' [148, с. 746]. С точки зрения функциональных особенностей усилительные частицы **ап-** и **чым-** в туркменском языке являются синонимичными, т.к. служат для образования интенсивной формы и выражения избыточной меры качества, признака, свойства. Их синонимичность с другой стороны обусловлена тем, что в редуцированной конструкции они имеют одни и те же семантические оттенки 'очень', 'слишком', 'чересчур', 'совершенно'.

Индивидуальная усилительная частица **ап-**, являющаяся интегрирующим элементом тюркских языков, употребляется и в татарском языке в образовании форм усиления качества. В первую очередь этому процессу подвергаются качественные имена прилагательные, включая и цветообозначающее **ак** 'белый': **ап-ак** 'белый-пребелый, очень белый'; **ап-арык** 'тощий-претощий, очень тощий'; **ап-ачык** 'очень ясный, совершенно ясный'; **ап-аяз** 'совершенно безоблачный, ясный'.

В татарском языке форма усиления качества образуется выборочно и от некоторого числа наречий: **ап-аз** 'чутьочку, совершенно мало'; **ап-ачык** 'очень ясно, совершенно ясно'; **ап-аяз** 'безоблачно, ясно'. Частица **ап** - зафиксирована и в детской речи и в сочетании со вспомогательным глаголом **итү** в значении 'делать, сделать, совершать, совершить, поступать, поступить' употребляется для образования сложного глагола **ап итү** дет.: 'упасть' [140, с. 37].

В татарском языке конструкция **ап-ак** может получить дальнейшее морфологическое развитие в результате присоединения к двусложной атрибутивной основе притяжательного аффикса – **ым**: **аппагым** ласк. 'беленький мой'; **карга да үз баласын аппагым, ди, керпе да үз баласын йомшагым, ди посл.** 'ворона и та зовет своего птенца: «Беленький мой», еж зовет своего детеныша: «Мягонький мой» [140, с. 37]. В результате присоединения аффикса принадлежности – **ым** к основе на стыке корневой и аффиксальной морфем в интервокальной позиции происходит озвончение: **к > г**.

Если в других тюркских языках усилительные частицы **ап-** и **чымм-** являются синонимичными и выражают инвариантное значение и присоединяются к прилагательному **ак** 'белый', то в татарском языке они не являются инвариантными и синонимичными, т.к. частица **ап-**, присоединяется к прилагательному **ак** 'белый', а частица **чем-** как частица превосходной степени – к прилагательному **кара** 'черный': **чем--кара** 'черный-пречерный, очень черный'.

Ж.М. Гузеев, исследуя последовательность становления значений слов, возникших по конверсии, считает, что многозначное прилагательное **ачык** 'открытый' в татарском языке приводится раньше наречия **ачык** 'открыто'. Это вполне оправдывается с генетической точки зрения. В словах, образованных от них, эта последовательность нарушается: **ап-ачык I** нар. 'очень ясно, совершенно ясно' - **ап-ачык II** прил. 'очень ясный, совершенно ясный' [36, с. 76].

Препозиционная усилительная частица **ап-** как интегрирующий элемент тюркских языков в системе функциональной парадигмы участвует в образовании форм усиления качества и в караимском языке. Главным образом в этом процессе участвуют качественные имена прилагательные, например, **акъ** 'белый' - **ап-акъ** 'белый-пребелый'; **ал** 'красный, румяный' - **ап-ал** 'алый-преалый'; **арыкъ** 'худощавый, худой, исхудалый' - **ап-арыкъ** 'очень худой', 'тощий'; **ачыкъ 1.** 'открытый'; 2. 'ясный, светлый'; 3. 'откровенный'. Формообразовательной особенностью частицы **ап-** является то, что она присоединяется к первому значению **ачыкъ**. Остальные два значения не участвуют в образовании формы усиления качества.

Прилагательное **акъ** 'белый' в этом языке употребляется в фонетических вариантах **ак** 'белый' и **ах** 'белый'. Однако, усилительная частица **ап-** присоединяется к прилагательному **ак**, например, **ак** 'белый' - **аппак** 'белый-пребелый'; **аппак хаз кар** 'белый как снег'. К первому значению прилагательного **ачыкъ** присоединяется фонетический вариант частицы **ап-аппа-**, например, **ачыкъ** 'открытый' - **аппачыкъ** 'открытый настежь, распахнутый'. К фонетическим особенностям редуцированных прилагательных **аппак** и **аппачыкъ** относится то, что на стыке препозиционной частицы и корня одна из двух гласных фонем выпадает. Усилительная частица **ап-** присоединяется не только к прилагательным, но и к наречиям, например, **ансыз** 'внезапно, неожиданно; безвременно'; **ап-ансыз**

‘совершенно неожиданно’; **апансыз** ‘вдруг, внезапно, неожиданно’. В этом языке встречается и другая форма усиления наречия: **апансыздан** ‘вдруг, внезапно, неожиданно’ [36, с.77].

Если во всех тюркологических исследованиях, касающихся редупликации, отмечается, что форма усиления качества прилагательных и наречий – это образование новой формы слова, то Г.И. Рамstedt в своей работе «Введение в алтайское языкознание» считает редупликацию способом словообразования и пишет: «Редупликация применяется в монгольском и в тюркском языках как средство словообразования, причем чаще всего образования прилагательных: она служит цели выражения интенсивности какого-либо свойства. При этом прилагательному предшествует редуплицируемый слог, который представляет собой первый слог данного прилагательного, завершенный слогом *-p ~ -b*, например: тюркск. *qap qara* «угольно-черный», *qur qyzyl* «огненно-красный», *sip sinir* «густо-киноварного цвета», *ap aq* «белоснежный» (> алт., тел. *appaq* «белый»), *jap jany* «новенький (сверкающе новый)»; монг. *qab qara* «угольно-черный»; *čav saqan* «белоснежный»; *ub ulän* «огненно-красный»; *čib čülqer* «светлый-пресветлый»; *šab šara* «ярко-желтый», *šib šine* «новехонький»; калм. *zab zalū* «молоденький-премолоденький» и т.д.

Помимо *-p, -b* редуплицированный слог может иметь в исходе и другой согласный звук, например: *kōt kōk* «ослепительно (как молния) синий». Эта тенденция к редупликации, с помощью которой в монгольском и тюркском образуются своего рода степени сравнения, в тунгусском и корейском языках не отмечается, но существует, например, в финском» [115, с. 219-220].

В качестве усилительной частицы **ap** отмечается и в памятниках древнетюркской рунической письменности: *anun vaši sozuqŋin ap aq ŋurur* ‘ее вершина от холода белая-пребелая’ (ЛОК26₆); *ap apig süp süzük tüp tüz* ‘очень чистый, очень прозрачный и очень ровный’ (Sux 293₂₁) [48, с. 47].

Препозиционная усилительная частица **čim** в значении ‘совсем’ также приводится в текстах орхоно-енисейских памятников, как элемент, образующий форму усиления качества: *čim jiq et* ‘совсем сырое мясо’ [МК 170₉]; *čim öl ton* ‘совершенно мокрая одежда’ [МК 170₈] [48, с. 146]. Индивидуальная усилительная частица **an** отмечается в кипчако-половецком памятнике ХИЙЙ в. «Codex Comanicus»,

во всех диалектах кипчако-половецкого языка: **ап-ак** ‘совсем белый’ (*арас 143₁₈*) [176, с. 7].

Суть трансформационного анализа редуплицированных конструкций *по непосредственно составляющим компонентам* сводится к сочетанию двух основных единиц: формального элемента и ядерного слова, определяющих общий «скелет» конструкций в целом, специфические особенности формы усиления качества. В любом из тюркских языков может существовать определенное число сводимых конструкций, число окончательно несводимых конструкций ограничено для каждого языка. Усилительные редуплицирующие частицы **ап** - и **чымм**-, находящиеся в составе сводимых конструкций, качественно видоизменяющие лексико-семантическую структуру производящих основ, по своему значению близки к словообразовательному значению, а по функциональным особенностям – к аффиксам. Образование формы усиления качества посредством соединения препозиционных и постпозиционных морфем отражает линейные отношения в порождающих моделях языка, близко стоящих к деривации. Порождение и преобразование ядерного компонента в конструкции сопровождаются наличием морфологической структуры любой сложности. Все многообразие редуплицированных конструкций может быть описано в терминах небольшого числа ядерных структур, небольшого числа основных трансформаций.

В результате трансформационных преобразований на морфологическом уровне происходит превращение некоторой единицы с определенным грамматическим признаком в реальное слово того или иного языка. Так, например, для карачаево-балкарского языка на этом уровне произойдет превращение слова со значением **акъ** ‘белый’ с признаком ахроматического цветообозначения в словосочетание **ап-акъ** с тем же самым значением, только в усилительной форме.

Редуплицированные прилагательные, над которыми производятся определенные трансформации, могут отличаться от обычных частей речи. Например, прилагательные **акъ** ‘белый’ и **бийик** ‘высокий’ принадлежат к разным классам, так как первое из них может трансформироваться в конструкцию с усилительными частицами **ап**- и **чымм**-, а второе – нет. Трансформационный анализ помогает разбить редуплицированные языковые единицы на более мелкие

(благодаря выяснению трансформационных возможностей для отдельных членов этих классов). Трансформационный анализ в данном случае является как бы вспомогательным методом для составления некоторой точной грамматики.

Анализ «трансформационной истории» той или иной редуцированной конструкции с участием той или иной усилительно-индивидуальной частицы обуславливает возможность построения трансформационных соответствий для каждого случая в отдельности. В данных примерах трансформационный анализ как метод оказался гораздо продуктивнее метода описания по «*непосредственно составляющим*».

Трансформационный метод может применяться при преобразовании не только целых предложений, но и отдельных словосочетаний как глагольного, так и именного характера, редуцированных конструкций. Например, усилительная конструкция *ап-акъ* трансформируется в конструкцию *бек акъ*. Подобные эквивалентные конструкции есть трансформационные преобразования одна другой. Особенности трансформационного метода анализа лингвистических процессов может найти применение и при сопоставлении различных языковых систем. Практическое применение трансформационный анализ может найти и при преподавании языка, когда учащийся, зная «*трансформационную историю*» и располагая трансформационными возможностями для большинства редуцированных конструкций, может более свободно создавать синтаксические структуры изучаемого языка. Принципы трансформационного анализа могут использоваться при переводе редуцированных конструкций, когда осуществляется «*свертывание*» синтаксической структуры при анализе переводимого языка и соответственное «*развертывание*» при синтезе переводящего языка.

Применение трансформационного анализа, как метода научного исследования, состоящего в расчленении целого на составные элементы, является одним из продуктивных и новых методов исследования лингвистических явлений, касающихся, в частности, подхода к языку можно считать единой и в достаточной степени установившейся. Однородность трансформаций заключается в том, что пассивная языковая форма преобразуется в активную, например: *акъ* 'белый' - *чымм-акъ* 'очень белый', 'белый-пребелый'. Прилага-

тельное *акъ* по определенным критериям можно считать исходной основой, а конструкцию *чымм-акъ* – производной от нее.

При трансформационных преобразованиях в связи с изучением и применением трансформационного анализа не возникает проблемы значения морфологической структуры. Если в результате отдельных трансформаций (активно-пассивной, соединения и т.д.) общее значение (смысл) лексемы в действительности остается неизменным и отмечается лишь поверхностное преобразование компонентов ядерной структуры, то при трансформации внутри качественных прилагательных трудно говорить о полной тождественности «исходной» и «преобразованной» структур. Во втором случае приходится говорить о трансформации с добавлением некоторого элемента, а именно усилительной частицы. В этих трансформациях наблюдается полное сохранение числа преобразуемых элементов.

3.2. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *къан-/кан-*

Формы усиления качества как интегрирующие словосочетания формируются постоянно и во всех языках, и поэтому сопоставительное изучение особенностей их образования и функционирования имеет важное значение для выяснения общих закономерностей слово- и формообразования, особенностей фомоморфологических трансформаций, а также для более целостного изучения грамматического строя тюркских языков. В исследованиях по тюркским языкам особое внимание уделяется общим закономерностям образования редуцированных слов и отмечается, что они относятся к разряду сложных слов, имеющих компонентную семантику. В этих работах содержатся отдельные интересные выводы и обобщения, приводятся некоторые сведения о моделях редуцированных конструкций, их значениях и грамматических особенностях.

В известной грамматике Иосифа Гиганова, изданной в самом начале XIX в., говорится о наличии сложных слов в языке сибирских (тобольских) татар. И. Гиганов отмечает, что сложных слов в татарском языке весьма мало» и дает такое определение: «Сложное слово есть то, которое составлено из двух или нескольких слов» [27, с. 264]. И. Гиганов к сложным словам причисляет также сочетания слов с некоторыми аффиксами или частицами и в целом квалифи-

цирует их в «рассуждении начертания». Сложными словами И. Гиганов называл «имена прилагательные, описующие вид или состояние вещей или лиц, при которых наперед просто полагается прилагательное имя, а существительное его принимает наращение (**лы, ле**). Среди множества примеров, написанных арабской графикой, автор приводит и единственную редулицированную конструкцию – общетюркское **апъакъ** ‘белехонек’. Исследуя данную конструкцию, И. Гиганов в то же время оставляет без внимания формально-семантические особенности усилительной частицы **ап-**, образующей форму усиления качества и превосходную степень прилагательного. В тот период, когда письменность базировалась на арабском алфавите, перед И. Гигановым в изучении состава слова стояла сложная задача по дифференциации исконно сложных слов и редулицированных конструкций.

В карачаево-балкарском языке в выборочном образовании усилительных конструкций путем повторения первого слога прилагательных и наречий по модели частичной редуликации участвует и общетюркская индивидуальная частица **къап-** с фонетическим вариантом **къаппа-**, например, прилагательных: **къап-къара** ‘черный-пречерный’, **къап-къара бухар бёрк** ‘черная-пречерная бухарская шапка’; **къап-къара кир къолла** ‘черные-пречерные грязные руки’; **къаппа-къара** ‘черный-пречерный’; **къаппа-къара бет** ‘черное-пречерное лицо’; **къап-къарангы кече** ‘темная-претемная ночь’; **къап-къарангы дорбун** ‘черная-пречерная пещера’. Занимая определенную синтаксическую позицию, т.е. употребляясь перед глагольными основами, в том числе и перед вспомогательным глаголом **бол-** ‘быть’, конструкция **къап-къара / къаппа-къара** выступает в значении обстоятельства образа действия: **къап-къара бол** ‘становиться черным-пречерным’. Вспомогательный глагол **бол** – ‘быть’ принимает спрягаемые формы: **къап-къара болдум** ‘я стал черным-пречерным’; **къап-къара болдунг** ‘ты стал черным-пречерным’; **къап-къара болду** ‘он стал черным-пречерным’; **къап-къара болдукъ** ‘мы стали черными-пречерными’; **къап-къара болдугъуз** ‘вы стали черными-пречерными’; **къап-къара болдула** ‘они стали черными-пречерными’. Частица **къап/къаппа** ‘чересчур’ со значением ‘очень’, употребляется при образовании качественных прилагательных и наречий, обозначая высшую предельную степень качества;

самостоятельно не функционирует и отмеченное значение выявляется только контекстуально.

В карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, усилительная частица **къап-къаппа** - участвует в образовании редуцированных сочетаний не только от цветообозначающих прилагательных, но и от других качественных прилагательных, имеющих степени сравнения. С одной стороны усилительные частицы присоединяются к определенному числу прилагательных и наречий, с другой - существуют некоторые ограничения в дальнейшей аффиксации, морфологическом развитии редуцированных конструкций. По этой причине в толковых словарях карачаево-балкарского языка не отражены подобные сочетания, которые выглядят несколько искусственно. Однако образование таких конструкций сочетанием редуцированных основ и аффиксальных морфем возможно в первую очередь в разговорном языке, являющемся подпиткой для нормативного языка, например: **къап-къара** 'черный-пречерный', **къап-къара** + **лык** 'чернота-пречернота'; **къап-къара** 'черный пречерный'; **къап-къарабыз** 'наши черные-пречерные', **къап-къаранг** 'твой черный-пречерный', **къап-къарасы** 'его черный пречерный', **къап-къарам** 'мой черный-пречерный', **къап-къарагъыз** 'ваши черные- пречерные', **къап-къаралары** 'их черные-пречерные'. Возможность присоединения аффиксов лица и числа к основам можно рассматривать как грамматическую особенность усилительных сочетаний, создающих парадигматическое значение по вертикали.

Словесное ударение в карачаево-балкарском языке, являясь свободным, выполняет как разграничительную, так и смысловаразличительную функции. Усилительная частица **къап-** в этом языке, как и в других тюркских языках, дополняет собой лексико-семантическую структуру корня или основы новым лексическим значением. При частичной редукации с помощью индивидуальной частицы **къап** - окончательное значение конструкции устанавливается лишь с учетом функциональных особенностей этой частицы. Редуцирующая частица **къап-**, определяющая основную идею словосочетания, произносится *интенсивнее*, находясь под ударением. В таких словосочетаниях появляется второстепенное ударение, зависящее от главного. В словах, имеющих главное уда-

рение на последнем слоге, *второстепенное ударение* падает на усилительную частицу: *къя́п-къя́ра, къя́п-къя́рангы*.

Второстепенное ударение от главного отличается более слабым проявлением особенностей составляющих частей редулицированной конструкции. В отличие от главного, оно не показывает самостоятельность слова, его границы и не дифференцирует формы созвучных слов. В редулицированных сочетаниях по частоте употребления бесспорное превосходство будет на второстепенном удареии, которое падает, например, на индивидуальную частицу *къя́п-/къя́нна-*. Только в этой позиции ударение выполняет смыслоразличительную функцию.

Если при морфологическом развитии корня или основы слова способом аффиксации ударение последовательно перемещается к концу, то при наращении корня или основы, слова индивидуальной усилительной частицей *къя́п-/къя́нна-*, ударение передвигается к началу. Следует отметить, что независимо от словесного окружения и соответствующей интонации ударение всегда падает на усилительную частицу.

Формы усиления качества в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, образуются путем присоединения к основе препозиционной частицы *къя́п-/къя́нна-*, следовательно, подвижность ударения в этих конструкциях зависит от характера этой частицы. Фонетической особенностью редулицированных конструкций является то, что все частицы, участвующие в частичной редуликации, принимают ударение. Функциональное ударение в усилительных конструкциях карачаево-балкарского языка используется как словообразовательное средство, т.е как средство дифференциации значений лексико-грамматических категорий слов. Главное ударение выполняет смыслоразличительную функцию и употребляется для различения как частей речи в целом, так и отдельных слов. Эффект ударения возникает за счет тонового и силового компонентов. Особенностью ударения является то, что оно обладает подвижностью, т.е. может перемещаться при прибавлении к слову усилительных частиц.

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» в разделе «Фонетика» на основе анализа отдельных примеров считают, что в этих языках существует фонетическое словооб-

разование. Однако, не указывают на то, что от чего образовалось и как ударение перемещается, от чего к чему. Следует отметить, что фонетическое словообразование может существовать либо в пределах одной части речи, либо разных частей речи. Однако, если один из сравниваемых компонентов является лексической единицей, например, *jázmá* 'письменный', *basamá* 'печатный', а другой грамматической формой, например, формой отрицания как здесь: *jázma* 'не пиши', *básma* 'не печатай', о словообразовании и речи быть не может. Главное ударение в подвергающемся частичной редупликации слове выполняет семантико-морфологическую функцию, выступая средством морфологической дифференциации. Словесное ударение в усилительной частице *къап-* связано с длительностью гласного, который, находясь под ударением, может быть максимально удлинён, а высота тона является признаком выделения слога, как ударного. Исследование ударения в редуплицированных конструкциях на *къап-* с точки зрения интенсивности, тона и длительности, характеризующих акцентную структуру слова, показывает, что в акустическом плане это ударение является динамическим, количественным и тоновым. В плане восприятия для носителей карачаево-балкарского языка важное значение имеет сила и протяженность ударного звука. Словесное ударение на усилительной частице *къап-* выполняет функцию интенсивности и длительности, т.е. выступает и силовым и долготным (динамико-количественным). Силовое (экспиративное) ударение в карачаево-балкарском языке в зависимости от своего характера и интенсивности состоит из главного ударения, падающего традиционно на последний слог и второстепенного, возникающего в многосложных словах со множеством слогов и падающего на первый препозиционный слог конструкции.

Составители «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (Фонетика) выдвигают гипотезу о том, что «слог в общетюркском языке-основе, находившийся под ударением, характеризовался своеобразным равновесием: более краткий гласный слононоситель обуславливал более долгий характер последующего согласного в слоге» [131, с. 411]. Эта общefonетическая закономерность, отмеченная на материале русского языка, может быть отнесена также и к тюркским языкам, поскольку данные наблюдения носят общезыковой характер.

Проблема места ударения в лексических единицах возникает по всей вероятности, с появлением двусложных основ, образованных как с помощью словообразовательных аффиксов, выступавших в прошлом как самостоятельные односложные слова, так и препозиционных усилительных частиц. Причины, вызвавшие перемещение силового (динамического) ударения с первого слога на усилительную частицу несомненно связаны с процессом становления агглютинативного строя общетюркского праязыка, т.е. чем больше развивается агглютинация и растет число слогов в слове, тем активнее развивается второстепенное ударение. В этом отношении устанавливается определенная зависимость в развитии структуры слов агглютинативного типа и второстепенного ударения. В результате превращения отдельных слогов-моносиллабов в усилительные частицы и «прилипания» к словам-основам, появилась естественная необходимость в использовании второстепенного ударения. Оно появляется только за счет приклеивания к словам как словообразовательных и словоизменяемых аффиксальных морфем, так и усилительных частиц типа *кѡап-/кѡаппа-*.

Под редуцированными конструкциями подразумеваются такие словосочетания, значения которых выводятся из значений морфем, составляющих эти конструкции. Так, значение формы *кѡап-кѡара* ‘*черный-пречерный*’ однозначно выводится из значения соответствующей атрибутивной основы и препозиционной частицы. Точно так же выявляются значения и всех других форм, образованных выборочно с помощью частицы *кѡап-*. Таким образом, соотношение по смыслу между прилагательными и наречиями, от которых образованы эти редуцированные основы, однозначно и стандартно. Достаточно знать значение прилагательного или наречия, чтобы понять значение деривационного дерева. Соотношение же по смыслу между словами *кѡара* ‘*черный*’ и *кѡап-кѡара* ‘*черный-пречерный*’ и *кѡара* ‘*черно*’ и *кѡап-кѡара* ‘*черно-пречерно*’ такое же как, например, между словами *кѡарангы* ‘*темный*’ и *кѡап-кѡарангы* ‘*темный-претемный*’ и *кѡарангы* ‘*темно*’ и *кѡап-кѡарангы* ‘*темно-претемно*’. Из значений атрибутивных и наречных корней и препозиционной частицы *кѡап-* можно непосредственно вывести значения редуцированных сочетаний в целом без определенных дополнительных сведений. Для установления всех значений подобных

форм усиления качества, для определения того, между какими словами и усилительными частицами существует однозначное, стандартное соотношение по смыслу, или какие слова можно считать связанными отношениями производности, используется метод трансформаций. Под трансформацией применительно к редулицированным конструкциям следует понимать любое преобразование значения опорного слова с целью усиления качества по определенным правилам с помощью индивидуальной частицы, являющейся первым слогом этого слова.

Употребляясь позиционно, такие производящие основы, как *къара* 'черный' и *къара* 'черно', *къарангы* 'темный' и *къарангы* 'темно', принадлежат к различным морфологическим классам, т.е. одно из этих слов является прилагательным, а другое – наречием. Редулицированные сочетания, семантическая структура которых состоит из наречных значений, следует рассматривать контекстными. Подобные словосочетания, преобразуясь по определенным правилам, связаны отношением производности, т.к. все деривационные единицы, полученные в результате преобразования, являются осмысленными.

В таких словосочетаниях, как *къап-къара* 'черный-пречерный', *къап-къарангы* 'темный-претемный', каждая морфема, как корневая, так и препозиционная, участвует в преобразовании признака, изначально заложенного в основе. Они имеют существенные лексико-семантические признаки, изменяющиеся в процессе трансформации. Исходные конструкции преобразуются не произвольно, а согласно заранее заданным правилам. Каждая трансформация представляет собой процесс, включающий совокупность отдельных частных изменений. В результате присоединения к прилагательным и наречиям редулицирующей частицы *къап-* и в результате внутренних преобразований конструкции сохраняется осмысленность значения.

Предполагаемые компоненты некоторых словосочетаний становятся неосмысленными из-за того, что не связаны между собой отношением производности и не делятся на составные части. Слова *къара* и *къап* - следует считать связанными отношением производности при всех значениях этих слов только в том случае, если ни с одним, ни с другим словом нельзя подобрать ни одного осмыслен-

ного словосочетания, которое становилось бы неосмысленным в результате заданной трансформации. Усилительная частица **кап-**, помимо карачаево-балкарского, употребляется и в киргизском языке, присоединяясь в основном к именам прилагательным и наречиям, образуя формы усиления качества: **кап I** усиление к словам, начинающимся на **ка**: **капкара** 'черный-черный', **капкайдагы** 'бог весть где находящийся, бог весть какой'; **капкайдагыны айтат** 'он бог весть что говорит'; **капкайдагы сырын айтты** 'он выложил все свои сокровенные тайны' [69, с. 319]; **капкаранкы** 'тьма-тьмуца, тьма непроглядная'; **капкачанкы** 'давний, давнишний' [69, с. 342].

Выступая в значении цветообозначения, прилагательное **кара** 'черный' в сочетании с усилительной частицей **кап-** в киргизском языке употребляется в значении обстоятельства образа действия: **капкара** 'черным-черно' [69, с. 946]. Усилительная частица **кап-**, встречающаяся во многих тюркских языках, имеет интегрирующие особенности, т.к. присоединяется к одним и тем же прилагательным и имеет одни и те же значения. Обозначая избыточную, предельно-насыщенную форму качества, признака, свойства, редулицирующая частица **кап-** в киргизском языке с точки зрения функциональной парадигмы выражает семантические оттенки 'слишком', 'чересчур', 'совершенно', 'очень'. Если частица **ап-** в этом языке в целях особого усиления качества в препозиции употребляется дважды, то частица **кап-** употребляется однажды. Редулицирующие конструкции на **кап-** в киргизском языке, кроме значения интенсификации, выражают и значение многократности.

Сочетание наречия **кайда** 'где, куда' и усилительной частицы **кап-** в киргизском языке употребляется в двух фонетических вариантах: **капкайда** и **кап-кайда** со значением 'далеко-далеко, бог весть где, бог весть куда'; **капкайда (кап-кайда) бардым** 'я был очень далеко' [70, с. 318]. Частица **кап-** сочетается и с наречием **качан** 'когда', обозначающим время, и образует конструкцию, употребляющуюся в одном фонетическом варианте: **капкачан** 'давным-давно' [70, с.343]. Словосочетание **капкайдагы** образуется сочетанием наречия **кайдагы** 'где-либо находящийся' и усилительной частицы **кап** - и употребляется в одном фонетическом варианте: **кап-кайдагыны айтат** 'он бог весть что говорит'; **капкайдагы сырын**

айтты ‘он выложил все свои сокровенные тайны’ [70, с. 319]. Наречие **кайдагы** является лексической единицей вторичной номинации, образованной от наречия **кайда** ‘где, куда’ и аффикса **-гы**. Словосочетание **капкара**, употребляющееся в киргизском языке в одном фонетическом варианте, кроме значения усиления качества ‘*черный-черный*’, выступает и в другом значении: ‘*как название птицы – один из видов беркута*’ [70, с. 343]. Редулицированное словосочетание **капкачанкы** со значением ‘*давний, давнишний, давным-давно происходивший*’ образуется сочетанием имени прилагательного **качанкы**, имеющего производящую основу **качан** ‘*когдашний*’; ‘*к какому времени относящийся*’, и усилительной частицы **кап -**. Употребляется в одном фонетическом варианте: **капкачанкы иш** ‘*давнишнее дело*’; **капкачанкы сөзүмдү кайродан эми эстеттин фольк.** ‘*давние-давние слова мои ты мне опять напомнил*’ [70, с. 343]. В словаре В.В. Радлова отмечается редулицированное словосочетание **кап катты** (kir.) со значением ‘*совсем твердый*’, не зафиксированное в «*Киргизско-русском словаре*» [111, с. 403].

В узбекском языке от прилагательных, обозначающих цвет и некоторые свойства, предельную степень качества или признака, с помощью усилительной частицы **қоп-** образуются особые редулицированные формы, заключающие в себе момент экспрессии: выделяется первый открытый слог, усиливается согласным **п** в односложных основах и основах с первым закрытым слогом тот же **п** появляется после первого гласного, например, **қоп-қора** ‘*черный-пречерный*’. Частица **қоп-** самостоятельно не употребляется, но в составе редулицированных сочетаний обнаруживает значение ‘*совершенно*’, ‘*очень*’, ‘*абсолютно*’; **қоп-қора** ‘*совершенно темный, абсолютно черный*’; ‘*черный-черный*’, ‘*черный-пречерный*’; **қоп-қора соч** ‘*черные, как смоль, как вороново крыло, волосы*’; **қоп-қора ис** ‘*черная-пречерная сажка*’. При наращении корня или основы усилительной частицей ударение последовательно перемещается к началу. В узбекском языке встречается словосочетание с частицей **қоп-**, выступающее в глагольном значении: **қопқораймоқ** ‘*стать совершенно черным, абсолютно черным; совершенно почернеть*’ [151, с. 622]. Словосочетание **қоп-қоронғи** выступает в одном фонетическом варианте и употребляется в значении двух частей речи:

1) прилагательного со значением *‘совершенно темный’*; *‘темный-претемный’*; 2) наречия со значением *‘совершенно темно, абсолютно темно; темно-темно’*; *қоп-қоронғи хужра* *‘темная-претемная келья’*; *қоп-қоронғи кеча* *‘темная ночь’* [150, с. 624].

Форма усиления качества, образованная присоединением специальной препозиционной частицы **кар** - к опорным словам, начинающимся на **ка-**, встречается и в турецком языке. Отличительной особенностью сочетания усилительной частицы и качественного прилагательного является то, что, как и во всех тюркских языках, формальный элемент представляет собой повторение первого слога производящей основы.

Особый интерес со многих сторон, в том числе и с точки зрения акцентуации, представляют сложные слова. В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что ударение на первый слог сложного слова падает при частичной редупликации прилагательных: *къркара*. Частичная редупликация, так же как и полная редупликация, употребляется для обозначения предельной, избыточной степени качества, содержащегося в предмете. Частичная редупликация прилагательных происходит следующим способом: у прилагательного, начинающегося с согласного, отделяется согласной и следует за ним гласный. Между отдельными звуками развивается согласный **р**. Образовавшееся таким образом наращение присоединяется к тому или иному прилагательному. Частичная редупликация как явление производное от полной редупликации, заключается в следующем: к первому слогу (если слово многосложное) или к первым двум звукам (если слово односложное, начинающееся согласным), или первому гласному (если слово начинается гласным) присоединяется звук – **п**.

Интегрирующей морфологической особенностью тюркских языков, включая и турецкий, является то, что частица **кар** - присоединяется к цветообозначающему прилагательному *кара* *‘черный’* и образует редуплицированную конструкцию с формой усиления качества. В турецком языке с помощью данной усилительной частицы образованы две основы с формой усиления качества. Словосочетание *каркара* в турецком языке употребляется в двух значениях:

1) этимологическом *‘черный-пречерный, совершенно черный’* и

2) переносном ‘*мрачный-премрачный*’. Второе словосочетание *каркаranlik (-qi), karanlik, -qi* ‘темный’, употребляется в одном значении: ‘*совершенный мрак, кремешная тьма*’ [147, с. 510]. Как видно из примеров, первый элемент (усилитель) всегда состоит из одного закрытого слога, который составляется из закрытого (осколок с первого слога основного прилагательного) с добавлением «замыкающего» согласного *р* (*кар=ка [из кара] + р*). Сочетание *каркара* (пишется без дефиса) ‘*черный-пречерный*’ по значению считается старым морфологическим показателем превосходной степени.

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, наиболее часто прилагательные, обозначающие цвет, употребляются в форме интенсива: *къап-къара* (по-русски было бы ‘*чер-черный*’), которое, по мнению Н.К. Дмитриева, возникло из повторного сочетания *къара-къара* (то же и по-русски, например, в детском языке: ‘*черный-черный*’) за счет деформации первого слова: из двух слогов (*къа-ра*) удержан первый (*къа*), который замыкается особым согласным (*п*). Основное лексическое значение в этой конструкции заключено во второй части (*къара*), а первая незначительная часть (*къап*) включает функцию количественного усилителя качества. То обстоятельство, что *къап* в своем значении усилителя ставится перед кумыкскими словами и отдельно от них в этом своем значении не употребляется (функционирующее в языке слово *къап* ‘*мешок*’ не имеет никаких связей с усилителем *къап*), - не позволяет рассматривать *къап* как префикс (приставку) европейских языков. То обстоятельство, что качественные прилагательные кумыкского языка принимают этот своеобразный усилитель, скомпонованный по индивидуальному звуковому составу, свидетельствует об особой форме интенсива, как живой категории кумыкских (и вообще тюркских) прилагательных.

Как отмечает в дальнейшем Н.К. Дмитриев, в одном из стихотворений М.Ю. Лермонтова встречается выражение ‘*канкар молодой*’, где *канкар* происходит из *къап-къара*, как это своевременно разъяснено в журнале «Восток» [44, с. 71].

Сочетание *къап-къара* ‘*черный-пречерный*’, обозначающее качество высокого потенциала, в кумыкском языке употребляется в одном фонетическом варианте и пишется через дефис. Н.К. Дмитриев, ссылаясь на исследователя поволжско-татарского языка Ф.Г. Исха-

кова, в отношении интенсификации утверждает, что в некоторых тюркских языках эта форма (в результате своего развития) выражает теперь качество, несколько уступающее норме или только приближающееся к ней (т.е. *‘довольно-таки черный’*) [43, с. 72], с чем вряд ли можно согласиться. В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, усилительная частица **къап** состоит из одного закрытого слога, который включает в себя открытый слог с добавлением «закрывающего» согласного **п**. В других тюркских языках в качестве «закрывающего согласного» выступают также звуки **м** и **с**. Возможная зависимость качества этих согласных от звуков качественных прилагательных и других частей речи, к которым присоединяется этот усилитель, пока еще остается неизвестной. Образование формы усиления качества в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, можно рассматривать как морфологическое развитие слова.

Морфологические процессы, к числу которых относится и частичная редупликация, тесно связаны со словообразованием и словоизменением. Морфологическое развитие слова сопровождается одновременно специальными семантическими и фонетическими показателями.

Отдельное редуплицированное сочетание, входящее в состав той или иной части речи, характеризуется тремя основными признаками: 1) полновесной семантикой или реальным смысловым содержанием, связанным с признаком определенного предмета. Употребляясь самостоятельно эти сочетания, могут выступать в определенном контексте или вне его; 2) редуплицированные конструкции на **кап-** обладают стабильным звуковым составом, т.е. не могут иметь звуковых вариаций своего состава, как это отмечается в формантах, подчиненных процессу сингармонизма; 3) редуплицированные конструкции имеют свое самостоятельное ударение, смещенные с опорного слова на усилительную частицу. В редуплицированной конструкции знаменательная часть является безударным словом, стоящим после слова, имеющего ударение, и примыкающим к этому слову в отношении ударения. С морфологической точки зрения формы усиления качества имеют способность полного морфологического изменения по всем грамматическим категориям данной части речи. Так, например, сочетание **къап-къара**, принадлежащее к

группе имен прилагательных, может изменяться по схеме категории склонения, принадлежности.

В отличие от качественных прилагательных усилительные частицы, в том числе и **къап-** не обладают способностью полного или частичного морфологического изменения, хотя и обладают стабильным звуковым составом и постоянным ударением. Иначе говоря, усилительные частицы как служебные слова отличаются от самостоятельных лексических единиц с точки зрения формы. Между ними есть существенная разница с точки зрения смыслового содержания. В противоположность чисто атрибутивной семантике отдельных слов усилительные частицы, состоящие из одного слога, либо открытого, либо закрытого, не обладают полновесной семантикой и выражают только грамматические понятия или грамматические отношения между словами. Как грамматический элемент, как служебно-грамматический материал, они усиливают атрибутивное значение, заключенно в опорном слове. Усилительные частицы как отдельно, так и в составе редуцированных конструкций не изменяются по падежам. По падежам может изменяться либо атрибутивный компонент, либо усилительная конструкция в целом. Склоняясь в косвенных падежах, редуцированные сочетания выступают в функции дополнения:

Основной падеж **къап-къара** ‘*черный-пречерный*’

Родительный падеж **къап-къараны** ‘*черного-пречерного*’

Дательный падеж **къап-къарагъа** ‘*к черному-пречерному*’

Винительный падеж **къап-къараны** ‘*черного-пречерного*’

Местный падеж **къап-къарада** ‘*у черного-пречерного*’

Исходный падеж **къап-къарадан** ‘*от черного-пречерного*’.

Такие цветообозначающие прилагательные, как **къара** ‘*черный*’, **къап-къара** ‘*черный-пречерный*’ и другие, в кумыкском и других тюркских языках употребляются только в одной функции, функции отдельного слова или в функции отдельного слова с формой усиления качества. Частица **къап-**, так же как и другие усилительные элементы, присоединяющиеся к цветообозначающим прилагательным, выступает только в функции служебного слова. Грамматическая функция усилительной частицы сводится к тому, что прилагательное **къара** ‘*черный*’, в комбинации с этой частицей указывает на чрезмерное выражение цветообозначающего значения, на

форму усиления качества. Усилительная частица **къап** - присоединяется к прилагательным выборочно, сохраняя ограничительные условия морфологического порядка.

Из признаков отдельного слова имена прилагательные сохранили только стабильный звуковой состав. В остальных отношениях имена прилагательные характеризуются: 1) отсутствием «окаменевшей» формы, т.е. наличием морфологического изменения, иначе говоря, полной изменяемостью; 2) наличием своего ударения, которое может перейти на усилительную частицу в случае комбинации с этой частицей. Тип ударных частиц основан, очевидно, на необходимости семантической дифференциации категорий.

Если в карачаево-балкарском языке отличительным признаком усилительной частицы **къап** является отсутствие стабильного звукового состава, т.е. принятие ею звуковых вариаций при единой функции, например, **къаппа**-, то в кумыкском языке частица **къап** имеет стабильный звуковой состав, т.е. не принимает звуковых вариаций. В данных примерах фонетическая сторона подчеркивает – и это типичная черта тюркских языков – смысловую несамостоятельность усилительной частицы, т.е. ее чисто грамматическую функцию. Являясь формальным показателем определенных морфологических категорий, частица, естественно, не может употребляться самостоятельно в отрыве от корня или основы отдельных слов, которые она оформляет.

К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций в кумыкском языке, так же как и в других тюркских языках, относится то, что они, как и основообразующие прилагательные, склоняются по определенному типу и принимают падежные окончания. Аффиксы склонения в кумыкском языке принадлежат к так называемому северному типу тюркского склонения, т.е. начинаются на согласный (в южном типе аффиксы родительного, дательного и винительного падежей начинаются на гласный, остальные – на согласный). К числу грамматических особенностей редуцированных конструкций кумыкского языка, образованных с помощью усилительной частицы **къап** -, относится то, что они, как и основообразующие прилагательные, употребляются в категории принадлежности и принимают ее аффиксы. Употребляясь в катего-

рии принадлежности, эти конструкции склоняются по определенному типу и принимают падежные окончания.

Такие конструкции, как *къап-къарам*, *къап-къаранг* и др. выражаются словосочетанием из трех элементов: усилительной частицы *къап-*, опорного прилагательного *къара* 'черный' и аффиксов принадлежности *-м* со значением 'мой', *-нг* со значением 'твой', т.е. 'мой черный', 'твой черный'. Причем отношение, которым связаны эти три элемента, в кумыкском языке, как и во всех тюркских, может быть разобрано исключительно в плане морфологии, а не в плане синтаксиса. Понятие 'мой' и понятие 'черный' вполне могут быть выражены одним словом, причем понятие 'мой' будет передано специфическим аффиксом, который называется аффиксом принадлежности, поскольку основная идея, связывающая два слова 'мой' и 'черный' может быть определена как идея принадлежности. Понятие «принадлежность» в кумыкской грамматике и в грамматиках других тюркских языков условно объединяет не только понятие собственности, но и целый ряд отношений, функционирующих на связи одного предмета с другим. В данных примерах кумыкского языка речь идет о конкретной принадлежности, т.к. идея принадлежности выражена в связи с тем понятием, на которое она направлена, логически и грамматически неотделима от объекта, на который она направлена. В кумыкском, как и в других тюркских языках, конкретная принадлежность выражается с помощью различных грамматических средств.

В выражении *къап-къарам* различают три элемента: усилительную частицу *къап* -, атрибутивное слово *къара*, являющееся объектом принадлежности и аффикс принадлежности *-м*, выступающий обозначением субъекта, реализующего принцип принадлежности в отношении слова *къара* 'черный'. Объект принадлежности *къара* называется еще предметом обладания, а выражение субъекта называется еще именем обладателя (*-м* со значением 'мой' есть обозначение субъекта 'я'). И предмет обладания, и имя обладателя могут употребляться и в единственном числе и во множественном.

Анализируя аффиксы принадлежности, присоединяющиеся к редулицированным цветообозначающим прилагательным кумыкского языка, следует отметить, что предмет обладания остается в единственном числе, а изменяется в числе лишь имя обладателя.

Единственное число

1-е л. ед.ч.	<i>м</i>		<i>къап-къара-м</i>	‘мой черный-пречерный’
2-е л. ед.ч.	<i>нгъ нг</i>		<i>къап-къара-нг</i>	‘твой черный-пречерный’
3-е л. ед.ч.	<i>сы си</i>	<i>су суй</i>	<i>къап-къара-сы</i>	его черный-пречерный’

Множественное число

1-е л. ед.ч.	<i>быз буз</i>		<i>къап-къара-быз</i>	‘наш черный-пречерный’
2-е л. ед.ч.	<i>гъыз нг</i>	<i>гъуз гуыз</i>	<i>къап-къара-гъыз</i>	‘ваш черный-пречерный’
3-е л. ед.ч.	<i>сы си</i>	<i>су суй</i>	<i>къап-къара-сы</i>	‘их черные-пречерные’

Кроме рассмотренного типа категории принадлежности, существует и второй тип. Его смысл состоит в том, что перед каждой из приведенных выше форм ставится родительный падеж личного местоимения соответствующего лица.

Общая схема этого второго типа выглядит так:

- 1-е лицо ***мени къап-къара-м*** ‘мой черный-пречерный’
 2-е лицо ***сени къап-къара-нг*** ‘твой черный-пречерный’
 3-е лицо ***ону къап-къара-сы*** ‘его черный-пречерный’

Во втором типе особо подчеркивается специальное содержание категории принадлежности: на самом деле ***мени къап-къара-м*** ‘мой черный-пречерный’, где элемент ‘мой’ употребляется дважды. Функционирование личных местоимений является факультативным, из-за чего разница между этими двумя типами стирается.

В других тюркских языках отмечается еще третий тип: сочетание личных местоимений с безаффиксной формой имен. Однако он среди редуцированных конструкций не встречается. Форма ***къап-къарасы*** и все другие конструкции, подобные им, имеют двоякое значение: *его/их ‘черный-пречерный’*. Такое совпадение, связанное с тем, что показатель множественного числа –***лар/-лер*** есть явление, исторически сравнительно позднее, можно увидеть во многих тюркских языках. С другой стороны, следует отметить то, что первоначально именные формы слишком часто употреблялись и

употребляются для обозначения так называемой коллективной неопределенности, т.е. особой разновидности множественного числа. Значение такого рода форм выводится или из контекста, или по родительному падежу личного местоимения, которое в данном случае выполняет вполне реальную функцию: *ону-къап-къа-расы* ‘его черный-пречерный’, *оланы-къап къарасы* ‘их черный-пречерный’.

Если имена прилагательные, как в данном, так и других случаях, заканчиваются на гласную основу, аффиксы принадлежности имеют слегка измененный фонетический вариант; в 3-м лице обоих чисел употребляется единый аффикс. Общая схема:

Единственное число(предмет обладания)

1-е л. ед.ч.	<i>м (мени)</i>		<i>къап-къара-м</i>	‘мой черный-пречерный’
2-е л. ед.ч.	<i>нгъ (сени) нг</i>		<i>къап-къара-нг</i>	‘твой черный-пречерный’
3-е л. ед.ч.	<i>сы си</i>	<i>су (ону) суб</i>	<i>къап-къара-сы</i>	‘его черный-пречерный’

Множественное число (имени обладателя)

1-е л. ед.ч.	<i>быз буз (бизин) биз буъз</i>		<i>къап-къара-быз</i>	‘наш черный-пречерный’
2-е л. ед.ч.	<i>гъыз гиз</i>	<i>гъуз (сизин) гуъз</i>	<i>къап-къара-гъыз</i>	‘ваш черный-пречерный’
3-е л. ед.ч.	<i>сы си</i>	<i>су (оланы) суб</i>	<i>къап-къара-сы</i>	‘их черные-пречерные’

Когда же предмет обладания употребляется во множественном числе (с аффиксом – *лар/-лер*), то этим нейтрализуется формальное различие между гласными и согласными основами, и аффиксы принадлежности расположены так, как в простой основе на согласный.

Множественное число (предмет обладания):

а) Единственное число (имени обладателя)

- 1-е лицо (*мени*) *къап-къаралар-ым* ‘мои черные-пречерные’
 2-е лицо (*сени*) *къап-къаралар-ынг* ‘твои черные-пречерные’
 3-е лицо (*ону*) *къап-къаралар-ы* ‘его черные-пречерные’.

б) Множественное число (имени обладателя)

- 1-е лицо (*бизин*) *къап-къаралар-ыбыз* ‘наши черные-пречерные’

2-е лицо (*сизин*) **къап-къаралар-ыгъыз** ‘ваши черные-пречерные’

3-е лицо (*оланы*) **къап-къаралар-ы** ‘их черные-пречерные’.

Редулицированная форма типа **къап-къаралары** может иметь двойкий перевод: 1) ‘его черные-пречерные’ и 2) ‘их черные-пречерные’, и расшифровывается или по контексту фразы, или по употребляющимся спереди местоимением: *ону* и *оланы*. Двойкое значение **къап-къаралары** отмечается не только в кумыкском, но и во всех тюркских языках, а двойное значение формы **къап-къарасы** характерно только для некоторых из них (в частности, казахского, киргизского, ногайского и карачаево-балкарского). На стыке корневой морфемы, усилительной частицы **къап-** и аффиксов принадлежности ед. и мн. чисел не отмечается фонетических явлений типа озвончения конечных согласных, свойственных другим основам. Образованию форм принадлежности в усилительных конструкциях с помощью частицы **къап-** не сопутствуют некоторые звуковые явления, которые в основном относятся к разделу фонетики и в морфологии рассматриваются для классификации основ.

Рассматривая морфологические особенности склонения форм принадлежности в редулицированных конструкциях с частицей **къап-** в кумыкском языке, следует обратить внимание на то, что падежные аффиксы следуют после аффиксов принадлежности. Оставившись на некоторых особенностях этого склонения, следует отметить, что в родительном падеже единственного числа редулицированных слов с аффиксом принадлежности 2-го лица и употребляется падежный аффикс – **ы** вместо –**ны** (т.е. собственно по южному типу, в котором аффиксы родительного, дательного и винительного падежей начинаются на гласный): *сени къап-къарангъ-ы* ‘твоего черного-пречерного’, вместо ожидаемых форм *сени къап-къарангъ-ны*. То же касается и предмета обладания во множественном числе: *сени къап-къараларынгъ-ы* ‘твоих черных-пречерных’. Та же форма естественно наблюдается и в винительном падеже, который в кумыкском языке всегда совпадает с родительным.

В дательном падеже единственного и множественного числа редулицированных слов с аффиксом принадлежности 2-го лица ед. числа употребляется –**а** вместо –**гъа** (так же по южному типу склонения): *сени къап-къарангъ-а* ‘твоему черному-пречерному’, *сени къап-къараларынгъ-а* ‘твоим черным-пречерным’. В редулициро-

ванных конструкциях с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа в род. и вин. падежах часто употребляется аффикс **–ы** вместо ожидаемого **–ны**, а в дательном **–а** вместо ожидаемого **–гъа**: *мени къап-къарам-ы* ‘моего черного-пречерного’, *мени къап-къараларым-ы* ‘моих черных-пречерных’, *мени къап-къарам-а* ‘моему черному-пречерному’, *мени къап-къараларым-а* ‘моим черным-пречерным’. В старом языке можно встретить формы: *къап-къарам-ны* ‘моего черного-пречерного’, *къап-къараларым-ны* ‘моих черных-пречерных’ и *къап-къарам-гъа* ‘моему черному-пречерному’, *къап-къараларым-гъа* ‘моим черным-пречерным’.

Отличительной особенностью склонения редуцированных цветообозначающих прилагательных с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа в кумыкском языке является то, что они склоняются по обычному образцу имен существительных.

Примеры: *бизин къап-къарабыз-ны* (не: *къап-къарабыз-ы*) ‘наших черных-пречерных’, *сизин къап-къарагъыз-ны* (не: *къап-къарагъыз-ы*) ‘ваших черных-пречерных’, *бизин къап-къарабыз-гъа* (не: *къап-къарабыз-а*) ‘нашим черным-пречерным’, *сизин къап-къарагъыз-гъа* (не: *къап-къарагъыз-а*) ‘вашим черным-пречерным’.

В зависимости от того, на какую фонему заканчивается редуцированная конструкция, присоединяются к основе различные типы аффиксов, указывающие на тот смешанный тип склонения, свойственный кумыкским формам принадлежности.

Склонение редуцированных конструкций на *къап-* с аффиксами принадлежности 3-го лица единственного и множественного числа одинаково выявляет еще одну отличительную особенность. Здесь, как и во всех тюркских языках, кроме чагатайского, узбекского, современного уйгурского, в косвенных падежах вместо аффикса **–ы** и **–сы** употребляется аффикс **–ын** и **–сын** с соблюдением всех их звуковых вариантов по гармонии гласных. Таким образом, конструкция *къап-къарасы* ‘его черный-пречерный’ склоняется так: *къап-къарасыны* (родительный падеж), *къап-къарасына* (дательный падеж), *къап-къарасын* (винительный падеж), *къап-къарасында* (местный падеж), *къап-къарасындан* (исходный падеж).

Обычный тип склонения среди прилагательных можно отметить только в родительном падеже, который совпадает с типом склонения существительных по наличию единого окончания **ны**. Склонение во всех остальных падежах резко отличается от обычного кумыкского склонения существительных. Кроме того, следует обратить внимание на то, что здесь нарушается типичная особенность кумыкского склонения: совпадение родительного падежа с винительным, имеющим совершенно другой аффикс.

В некоторых учебниках кумыкского языка к особенностям склонения форм принадлежности относят употребление в дательном падеже аффикса **на**, местном – аффикса **нда**, исходном – аффикса **ндан**: **къап-къарасына, къап-къарасында, къап-карасындан**. Н.К. Дмитриев отмечает, что попытка видеть здесь особый тип падежных аффиксов несостоятельна, т.к. тип склонения в кумыкском, как и во всех тюркских языках, морфологически единый и объяснить наличие этого «особого» типа аффиксации именно в этом случае склонения решительно нечем. Рассматривая употребление фонемы **н** в составе аффиксов **нда** и **ндан**, приходится отбросить старую попытку объяснить здесь **н** как звук, вставленный для благозвучия, поскольку формы местного и исходного падежей **къап-къарасы-да** и **къап-къарасы-дан**, реально функционирующие в тюркских языках Средней Азии, никакого благозвучия не нарушают, и объяснить здесь появление **н** таким образом – нельзя. В этих основах, как и в других, аффикс принадлежности был «прикрыт» падежными аффиксами [43, с. 72].

В кумыкском языке **къап-** - препозиционная усилительная частица, присоединяемая к словам, начинающимся на **къ, о, я**: **къап-къара** ‘*черный-пречерный, очень черный*’; **къап-къарангы** ‘*темным-темно; тьма-тьмущая; тьма кромешная*’; **къап-ортасы** ‘*самая середина чего-л.*’; **къап-яртасы** ‘*ровно половина чего-л.*’ [77, с. 188]. Если в первых двух примерах усилительная частица **къап-**, не считая фонемы **п**, являющейся замыкающей, повторяет первый слог опорных лексем, то в двух последующих не выводится из их первых слогов.

Конструкция **къап-къара**, образованная сочетанием усилительной частицы **къап-** и цветообозначающего прилагательного **къара** ‘*черный*’, употребляется в прямом значении и одном фонетическом

варианте. Словосочетание **къап-къарангы**, образованное соединением усилительной частицы **къап-** и наречия **къарангы** ‘темно’, употребляется в прямом значении и одном фонетическом варианте. С другой стороны данная конструкция употребляется и в значении существительного ‘тьма’. Словосочетание **къап-ортасы** образовалось в результате соединения частицы **къап-** и имени существительного **орта** ‘середина’ в сопровождении аффикса принадлежности 3-го л. ед.ч. **сы**; употребляется в одном фонетическом варианте, пишется через дефис. Усилительная конструкция **къап-яртысы** образовалась сочетанием частицы **къап-** и имени существительного **ярты** ‘половина’ с аффиксом принадлежности. Форма усиления качества, образованная присоединением индивидуальной односложной частицы **Кан-** к самостоятельным словам, начинающимся на **Ка**, встречается и в башкирском языке. Исходной форме прилагательного или наречия в лексико-грамматическом отношении противопоставляется форма усиления качества, которая проявляется менее последовательно, чем сравнительная степень. Интенсивность признака проявляется в результате редупликации первого слога прилагательного или наречия с вставкой в структуру усилительной частицы морфемы **-н**, а в единичных случаях – **-м**. При этом ударение переходит на редупликат: **Кън-кара каш** ‘черные-пречерные брови’; **Кън-коро ел** ‘очень сухой ветер’; **Кън-каты** ‘совершенно твердый’, ‘твердый-претвердый’; **Кън-карт** ‘старый-престарый’.

Редуплицированные прилагательные выражают такие дополнительные семантические оттенки, как неодинаковость, разнообразие признаков предмета. Данная форма прилагательных не выполняет функции сказуемого. Форма усиления качества образуется только от качественных прилагательных, относительные прилагательные в этом процессе участия не принимают. Формы усиления качества, так же как и формы ослабления качества, можно рассматривать в разделе словообразования прилагательных, т.к. эти формы тяготеют больше к словообразовательному уровню, нежели грамматическому как по семантике, так и по функционированию. Усилительная частица **Кан-** может присоединяться не ко всем прилагательным.

В башкирском языке частица **Кап-** она присоединяется выборочно лишь к некоторым прилагательным и наречиям, начинающимся на **Ка-:** **Кап-Кара** а) *‘черный-пречерный’*, б) *‘совершенно темный’*; в) *‘темно-темно’*; **Кап-Каты** *‘совершенно твердый’*. Морфологической особенностью первых двух основ является то, что они выступают одновременно в значении двух частей речи: прилагательного и наречия. Усилительная частица **Кап-** в башкирском языке, сочетаясь с некоторыми основами, в составе конструкций обнаруживает значение *‘как раз, точно, ровно’*: **Кап урта** *‘ровно, точно, как раз посередине’*, **Кап ярты** *‘ровно половина’*; **Кап урталай бүлеу** *‘поделить ровно пополам’*. Редупликат не имеет самостоятельного значения, но усиливает семантику основного прилагательного или другой части речи. Описание формы усиления качества прилагательных и наречий как в памятниках древнетюркской письменности, так и современных тюркских языках, образованной в результате частичной редупликации, предполагает четкое разграничение атрибутивно-наречного словообразования и словоизменения. Атрибутивные и наречные корни-основы, взаимодействуя с усилительными частицами, участвуют в создании новых лексических единиц, каковыми являются редуплицированные конструкции. Исследуя лексико-семантическую структуру редуплицированных основ, следует обратить внимание на сочетаемость корней-основ с различными единицами словообразовательной и словоизменительной системы. Анализ сочетаемости показывает формирование лексико-семантической структуры усилительных конструкций. Усилительные частицы своеобразно способствуют установлению демаркационной линии между словообразованием и словоизменением прилагательных и наречий.

Редуплицированные словосочетания, так же как и прилагательные, находят своё формальное выражение, изменяясь по таким грамматическим категориям, как категория падежа, числа, лица, принадлежности.

Усилительные частицы, так же как и словообразовательные морфемы, примыкают к корневой морфеме препозиционно, в то время как морфемы словоизменения, к числу которых относятся

аффиксы падежей, числа, лица, принадлежности, располагаются в конечной части слова за аффиксами словообразования. Словоизменительные аффиксы ни в коем случае не предшествуют словообразовательным. Если словообразовательные морфемы участвуют в образовании новой единицы с новым лексическим значением, то словоизменительные морфемы выражают лишь определенные грамматические категории и отношения в лексических единицах.

Несмотря на то, что усилительные частицы, в том числе и **Kan-**, не переводят прилагательные и наречия и другие части речи, внутри, в семантической структуре основ отмечаются транспозиционные изменения в пределах одной части речи.

Усилительные конструкции, так же как и прилагательные сами по себе, т.е. в исходной форме, не имеют особых морфологических показателей, а частицы формально и семантически закрепляют взаимосвязь между компонентами. Несмотря на отсутствие самостоятельного употребления, усилительные частицы имеют определенную семантическую нагрузку. У частиц появляются новые оттенки, характеризующие их развитие по пути передачи часто отвлеченных значений во взаимосвязи с содержанием производящей основы. Исследование многочисленных случаев употребления усилительной частицы **Kan-** в тюркских языках позволяет установить, что среди значений, выражаемых ею, большой удельный вес имеет значение цвета. Частица **Kan-**, усиливая основу, выражает частные признаки, к числу которых относится и цветовой признак. Примеры тюркских языков показывают, что частица **Kan-** выражает форму усиления качества или близкие к ней значения. Если в ряде случаев аффиксы прилагательных утратили свою морфологическую определенность и слились с основой, образовав неразложимые единицы, то среди редуцированных конструкций все формы легко, без этимологической путаницы подвергаются морфологическому членению на составные части.

Анализ текстов позволяет делать вывод о том, что редуцированные сочетания, помимо значения усиления качества, содержат понятие собирательности и множественности, значение многократности. Вместе с тем усилительные частицы, выступая в составе атрибутивных основ, придают им значение определенности. С помо-

шью усилительных частиц в тюркских языках образуются привативные формы, т.е. формы, обозначающие отсутствие предмета или признака, выраженного именной основой.

Морфологическое своеобразие редуцированных конструкций заключается не только в наличии специфических форм словообразования (например: *Кап-Кара*, *Кап-Кара-лы*, *КапКара-лы-К*), но и форм словоизменения. Оно создается также функционированием особых редуцированных прилагательных и наречий, сочетающихся определенными аффиксами.

Редуцированные основы могут быть первичными и вторичными, т.е. непроеизводными и производными. Производные основы образуются от непроеизводных при помощи словообразовательных аффиксов. При этом усилительная частица остается в их лексико-семантической структуре.

Словообразовательные основы следует рассматривать с двух сторон: со стороны передаваемого ими содержания и с точки зрения границ их употребления. Отличительной особенностью словообразования в отличие от словоизменения является выражение нового понятия во всех случаях. А.М. Щербак отмечает, что «значительный ряд форм, относимых к словообразованию (формы ласкательности, уменьшительности и т.д.), фактически занимают место на границе его, обнаруживая некоторую близость к словоизменению [166, с. 101]. Формы усиления качества в этом ряду занимают особое место, т.к. обнаруживают больше словообразовательных признаков, чем словоизменительных.

Что касается границ употребления усилительных форм частичной редукации, то можно, например, встретить формы, объединяющие незначительные группы слов, два-три слова, представляющие отдельные типы словообразования. В соответствии с этой особенностью форм интенсификации следует говорить или о грамматических формах словообразования, или о лексических. О грамматических формах словообразования приходится говорить в том случае, когда к усилительным конструкциям присоединяются аффиксы падежей, числа, лица, принадлежности, о лексическом в том случае, когда к усилительным конструкциям присоединяются словообразовательные аффиксы. Лексические формы словообразования – это условный термин, объединяющий редуцированные конструкции с

разной степенью слияния их компонентов. К ним относятся усилительные слова, внутреннее сочетание которых характеризуется рядом фонетических явлений (гармоний гласных, расположенностью к звуковым трансформациям преимущественно в месте слияния). В этих сочетаниях, как свободных, так и устойчивых, сохраняются семантико-синтаксические связи, усилительные частицы своим общим значением дополняют опорные слова, исчерпывая и всесторонне раскрывая компонентные значения, выступая в предложении в качестве определения. Присоединение словообразовательных аффиксов в отдельных случаях приводит к образованию лексикализованных форм, переходу одних частей речи в другие, появлению новых семантических оттенков в структуре опорного слова.

Рассматривая семантические особенности усилительных конструкций, следует отметить, что их значения мотивируются самыми различными терминологическими-морфемами, словами, словосочетаниями, входящими в состав более сложных лексико-грамматических образований. Исследование усилительных словосочетаний свидетельствует о том, что некоторые из них имеют относительно более высокую степень смысловой нагрузки, другие, более низкую.

При образовании редуцированных конструкций с помощью усилительных частиц и лексико-семантической трансформации прилагательного или наречия связь новых значений лексем с прежними не теряется, структура значений словосочетаний несколько видоизменяется, появляются новые компоненты, становится употребительной какая-либо из сем. Несмотря на лексико-семантические преобразования производящих основ, их грамматические особенности сохраняются. Трансформируясь в усилительные формы, общеупотребительные слова проходят стадию преобразования первичного значения, заключающегося в формировании абстрактного значения на основе абстрактного содержания. Они получают новое семантическое насыщение в составе усилительных словосочетаний. К числу лексико-семантических особенностей форм интенсификации, позволяющих представить наиболее полную семантическую характеристику, относится то, что вхождение лексических единиц в состав усилительных конструкций сопровождается процессом сохранения архисемы, усилением архисемы общеупотребитель-

тельной лексемы, в отдельных случаях переосмыслением значения (метафорические переносы, метонимия), расширением или сужением значения.

Исследуя слова-дублеты в языке тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, под которыми подразумеваются такие сочетания, в которых второе слово воспроизводит с незначительным фонетическим изменением начальной части первое слово, имеющее определенное лексическое значение, А.М. Щербак отмечает, что сюда же можно отнести и случаи редупликации с усечением одного из компонентов: в третьей части уйгурских текстов на стр. 104 встречается словосочетание с усилительной частицей: *кан караңуда 'в сильном мраке'* [166, с.104]. Далее в его работе указывается на то, что «неполная редупликация для имен существительных нехарактерна и ее необходимо рассматривать как необычное, исключительное явление» [166, с. 104].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в формальном отношении слова-дублеты типа *чар чабук 'очень скоро'*, *чар чармак 'семья'* ('жена и дети'), *бәт бәр әкәт 'благословение'* очень близки к редупликативным формам типа *кан-кара, кін-кзїл* и отличаются от последних только тем, что дублетный компонент в них употребляется не в препозиции, а в постпозиции.

Сравнение усилительных частиц и дублетов позволяет высказать предположение о произвольном характере изменения дублетного компонента, который сам по себе, являясь звуком-субститутотом, так же как и усилительные частицы, не выражает никакого значения.

А.М. Щербак, рассматривая различные типы устойчивых сочетаний и сложных слов по семантическому принципу, отмечает, что дублетные слова в основном выражают грамматические значения, в то время как детерминативные композиты и лексический инклюзив (сочетания слов с разными или противоположными значениями, составляющими в сумме более общее понятие) выполняют в языке преимущественно стилистические и словообразовательные функции [166, с. 104-105]. К числу грамматических значений, передаваемых редуплицированными конструкциями с участием усилительной частицы *кан-* в тюркских языках, относятся *формы субъективной оценки* (уменьшительность, ласкательность). Одним из

сложных вопросов как тюркологии, так и общего языкознания в определении лексического значения слова является вопрос о том, считается ли экспрессивно-эмоциональная семантика компонентом лексического значения слова. Одни лингвисты решают этот вопрос положительно (Виноградов, 1953; Шмелев, 1964; Фомина, 1973, 1983), а другие – отрицательно [56, с. 180]

М.И. Фомина отмечает, что «коннотацию, видимо, не следует считать в собственном смысле компонентом семантической структуры слова (т.е. частью его значения); тем не менее, ее роль в эмоционально окрашенной речи, особенно в таком жанре, как поэзия, иногда весьма велика» [156, с. 213].

В другой, более ранней, работе она пишет, что стилистическая окраска может быть неразрывно связана с семантикой слова, но чаще всего она создается разными дополнительными средствами (уменьшительными или увеличительными суффиксами, приставками) [155, с.118]. Н.А. Лукьянова считает эмоционально-оценочное значение как значение лексической единицы [80, с. 181].

В.А. Звегинцев подчеркивает, что «не представляется возможным включить экспрессивно-эмоциональные элементы в лексическое значение слова» [56, с. 180].

В карачаево-балкарском языке, как и любом другом языке, имеются слова, в значении которых эмоционально-экспрессивный оттенок закреплен его структурой. К ним относятся и редуцированные конструкции, которые не только обозначают усиленный признак, но и выражают с помощью формальных элементов чувства говорящего, отношение его к обозначенному понятию (денотату). Однако в лексическое значение слова может входить не всякое эмоционально-экспрессивное его уточнение. Являясь закрепленным элементом семантической структуры, эмоционально-экспрессивная окраска в слове выражается различно:

- 1) переносным или прямым лексическим значением слова без каких-либо дополнительных формальных признаков;
- 2) с помощью аффиксов субъективной оценки, т.е. морфологической формой слова.

В усилительных конструкциях с помощью «рода парного аффикса» **-чыкъ-/-чюк-** (к.-балк.), присоединяемого к основе, появляются разные семантические оттенки, обусловленные семантическим

своеобразием атрибутивной основы: **къап-къара-чыкъ** 'черный-пречерненький'. Редулицированные основы, имеющие в своем составе данный аффикс, придают слову экспрессивный оттенок ласки, нежного чувства со стороны говорящего. К числу грамматических особенностей редулицированных сочетаний карачаево-балкарского языка, выражающих *формы субъективной оценки*, относится то, что они, как и основообразующие прилагательные, употребляются в категории принадлежности, принимая специальные *притяжательные аффиксы*. Аффиксы принадлежности карачаево-балкарского языка, употребляющиеся после уменьшительно-ласкательного аффикса **чыкъ-**, имеют следующие формы:

Единственное число

1-е лицо: -ым/-им, -ум/-юм:

къап-къарачыгъ-ым 'мой черный-пречерненький';

2-е лицо: -ынг/-инг, -унг/-юнг:

къап-къарачыгъ-ынг 'твой черный-пречерненький';

3-е лицо: -ы/-и, -у/-ю: къап-къарачыгъ-ы 'его черный-пречерненький'.

Множественное число

1-е лицо: -ыбыз/-ибиз, -убуз/-юбюз:

къап-къарачыгъ-ыбыз 'наши черные-пречерненькие'

2-е лицо: -ыгъыз/-игиз, -угъуз/-югюз:

къап-къарачыгъ-ыгъыз 'ваши черные-пречерненькие'

3-е лицо: -лары/-лери:

къап-карачыкъ-лары 'их черные-пречерненькие'.

На стыке аффикса субъективной оценки и притяжательных аффиксов в интервокальной позиции **къ>гъ**.

Употребляясь в категории конкретной принадлежности, конструкции, выражающие субъективную оценку в составе редулицированных основ, склоняются по определенному типу, принимая все его падежные окончания:

1-е лицо ед. ч.

О.п. **къап-къарачыгъ-ым** 'мой черный-пречерненький'

Р.п. **къап-къарачыгъ-ым-ы** 'моего черного-пречерненького'

Д.п. **къап-къарачыгъ-ым-а** 'к моему черному-пречерненькому'

В.п. **къап-къарачыгъ-ым-ы** 'моего черного-пречерненького'

М.п. **къап-къарачыгъ-ым-да** 'у моего черного-пречерненького'

И.п. кѡп-кѡарачыгъ-ым-дан 'от моего черного-пречерненького'

2-е лицо ед. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг 'твой черный-пречерненький'

Р.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг-ы 'твоего черного-пречерненького'

Д.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг-а 'к твоему черному-пречерненькому'

В.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг-ы 'твоего черного-пречерненького'

М.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг-да 'у твоего черного-пречерненького'

И.п. кѡп-кѡарачыгъ-ынг-дан 'от твоего черного-пречерненького'

3-е лицо ед. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы 'его черный-пречерненький'

Р.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы-н 'его черного-пречерненького'

Д.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы-на 'к его черному-пречерненькому'

В.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы-н 'его черного-пречерненького'

М.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы-нда 'у его черного-пречерненького'

И.п. кѡп-кѡарачыгъ-ы-ндан 'от его черного-пречерненького'

1-е лицо мн. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз 'наши черные-пречерненькие'

Р.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз-ны 'наших черных-пречерненьких'

Д.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз-гъа 'к нашим черным-пречерненьким'

В.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз-ны 'наших черных-пречерненьких'

М.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз-да 'у наших черных-пречерненьких'

И.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыбыз-дан 'от наших черных-пречерненьких'

2-е лицо мн. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз 'ваши черные-пречерненькие'

Р.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз-ны 'ваших черных-пречерненьких'

Д.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз-гъа 'к вашим черным-пречерненьким'

В.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз-ны 'ваших черных-пречерненьких'

М.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз-да 'у ваших черных-пречерненьких'

И.п. кѡп-кѡарачыгъ-ыгъыз-дан 'от ваших черных-пречерненьких'

3-е лицо мн. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары 'их черные-пречерненькие'

Р.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары-н 'их черных-пречерненьких'

Д.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары-на 'к их черным-пречерненьким'

В.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары-н 'их черных-пречерненьких'

М.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары-нда 'у их черных-пречерненьких'

И.п. кѡп-кѡарачыкъ-лары-ндан 'от их черных-пречерненьких'

Отличительной особенностью склонения субъективных форм в редулицированных конструкциях является то, что, как в русском языке, совпадают формы родительного и винительного падежей. Отдельные падежные формы имеют редулицированные конструкции с аффиксом субъективной оценки:

ед. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыкѡ ‘черный-пречерненький’

Р.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ны ‘черного-пречерненького’

Д.п. кѡп-кѡарачыкѡ-гѡа ‘к черному-пречерненькому’

В.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ны ‘черного-пречерненького’

М.п. кѡп-кѡарачыкѡ-да ‘у черного-пречерненького’

И.п. кѡп-кѡарачыкѡ-дан ‘от черного-пречерненького’

мн. ч.

О.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла ‘черные-пречерненькие’

Р.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла-ны ‘черных-пречерненьких’

Д.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла-гѡа ‘к черным-пречерненьким’

В.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла-ны ‘черных-пречерненьких’

М.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла-да ‘у черных-пречерненьких’

И.п. кѡп-кѡарачыкѡ-ла-дан ‘от черных-пречерненьких’

К субъективно-оценочным значениям, выражаемым с помощью аффикса – **чыкѡ**–, относятся: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное значение. Образования с аффиксами субъективной оценки характерны в основном для разговорной речи. Аффикс – **чыкѡ**– имеет уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности или усиленной степенью ласкательности. Редулицированные конструкции с ласкательным значением широко употребляются в разговорной речи для создания общей подчеркнуто – вежливой окраски. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется, распределение по типу склонения у мотивированного слова такое же, как в первооснове.

Особое место в ряду морфологических средств, характерных для атрибутивных основ, участвующих в процессах частичной редуликации, занимает уподобительный аффикс –**ча** со значением ‘*подобно тому*’. Аффикс уподобления –**ча** в карачаево-балкарском языке может присоединяться как к первооснове **кѡара** ‘*черный*’ + **ча** = **кѡарача** ‘*подобному черному*’, так и к редулицированной конст-

рукции **къап-къара** ‘черный-пречерный’ + **ча**=**къап-къарача** ‘подобно черному-пречерному’.

Употребляясь в форме уподобления, редулицированные конструкции склоняются по определенному типу, принимая все его падежные окончания:

О.п. **къап-къарача** ‘подобно черному-пречерному’

Р.п. **къап-къарача-ны** ‘того, кто подобен черному-пречерному’

Д.п. **къап-къарача-гъа** ‘к тому, кто подобен черному-пречерному’

В.п. **къап-къарача-ны** ‘того, кто подобен черному-пречерному’

М.п. **къап-къарача-да** ‘у того, кто подобен черному-пречерному’

И.п. **къап-къарача-дан** ‘от того, кто подобен черному-пречерному’

Аффикс уподобления – **ча** в карачаево-балкарском языке может присоединяться, кроме того, и к формам принадлежности в составе усилительных конструкций частичной редуликации, употребляясь после них и принимая все падежные окончания. Аффикс местного падежа – **да** употребляется неизменно с гласным заднего ряда. При присоединении аффикса этого падежа гармония согласных не нарушается. Случаи употребления местного падежа в функции исходного в редулицированных конструкциях не отмечены, т.к. рамки такого употребления строго ограничены.

Исследование всех материалов по редулицированным конструкциям, в которых отмечается усилительная частица **къап-**, показывает, что в карачаево-балкарском языке аффикс – **да/-де**, помимо основного значения (место, время, объектные отношения), не выражает некоторых побочных значений исходного падежа, как значение партатива, свойственных тюркским текстам X-XIII вв. Восточного Туркестана. Случаи употребления формы местного падежа в значении направительного не отмечаются. Генетическая разделенность местного и исходного значений этих падежей сказывается на семантической структуре пространственных отношений. В этих конструкциях отмечается значение дистрибутивности, свойственное современным тюркским языкам. Указывая на эту особенность местного падежа, П.М. Мелиоранский писал: «Иногда временной местный падеж сам по себе имеет значение «*всякий год, день и т.д.*» [89, с. 23].

В тюркских языках местный падеж иногда называют местновременным падежом, выражающим пространственные, временные и другие отношения [168, с. 106]. Форма исходного падежа в реду-

лицированных конструкциях образуется при помощи аффикса – *дан* и выражает в основном *пространственные отношения*, а иногда употребляется в речи также для выражения грамматических отношений. Как пишет А.М. Щербак, «основное значение исходного падежа – исходное, как в смысле обозначения одного из пределов материала или среды действия, движения и времени, так и в своеобразном восприятии того, с чем что-либо сравнивается» [168, с. 107]. По его мнению, форма исходного падежа с вокализацией аффиксов посредством *а* в зависимости от качества гласного звука в основе и независимо от этого – относительно новое образование. Она отсутствует в рунических надписях Орхона и Енисея, где свойственные ей значения передаются формой местного падежа [168, с. 82].

Особое место форма исходного падежа занимает в устойчивых сочетаниях, образованных по модели полной редупликации, сочетанием одного и того же прилагательного в исходном и основном падежах: *къап-къарадан къап-къара* ‘все чернее-пречернее’.

Семантическая соотнесенность форм качественных прилагательных, которую можно передать определенной схемой, показывает, что степень качества у прилагательных в этой форме значительно выше, чем у исходной основы прилагательных. Особенностью употребления данных усилительных конструкций является то, что они приобретают те же самые грамматические особенности, что и прилагательные первоосновы. В частности, они склоняются по падежам, принимая все окончания:

О.п. *къап-къарадан къап-къара* ‘все чернее-пречернее’

Р.п. *къап-къарадан къап-къараны* ‘того, кто все чернее и пречернее’

Д.п. *къап-къарадан къап-къарагъа* ‘к тому, кто все чернее и пречернее’

В.п. *къап-къарадан къап-къараны* ‘того, кто все чернее и пречернее’

М.п. *къап-къарадан къап-къарада* ‘у того, кто все чернее и пречернее’

И.п. *къап-къарадан къап-къарадан* ‘от того, кто все чернее и пречернее’.

Падежные формы данной редулицированной конструкции имеют определенное «поле употребления» или контекст. Вопрос заключается в том, можно ли выводить общее грамматическое значение на основе нескольких частных значений, т.е. значение, осуществляемое в нескольких употреблениях. Здесь легко устанавливаются контексты в большинстве случаев и для косвенных падежей.

Употребление того или иного косвенного падежа обусловлено или глаголом: *къап-къарачыкъдан къап-къарачыкъны кёрдюм* 'я увидел того, кто сильнее все чернёного-пречернёного' или семантикой глагола в тесной связи с зависимым от него существительным: *мен къап-къарачыкъдан къап-къарачыкъны кёрдюм* 'я увидел того, кто сильнее все чернёного-пречернёного'.

Морфологической особенностью склонения редуцированной конструкции *къап-къарадан къап-къара* является то, что форма исходного падежа встречается дважды в обеих ее частях. Такое сочетание сопровождается появлением разделительного значения как у разделительных числительных, выражающего разные доли. Разделительное сочетание образовалось от усилительных прилагательных, употребляющихся в исходном падеже при участии словоизменительного аффикса – *дан*. Важной особенностью разделительных усилительных прилагательных является то, что аффикс исходного падежа – *дан*, являющийся в данном случае и аффиксом разделительности, прибавляется к обеим частям конструкции.

Разделительные конструкции выражают и синтаксическое значение: прилагательные, употребляясь в косвенных падежах, выступают в функции дополнения. Разделительность в исследованном примере выражается парными разделительными усилительными прилагательными в исходном падеже. Сочетание формы исходного падежа с формой основного или неизвестного падежа можно рассматривать как форму усиления качества, образованную по модели полной редупликации, когда одно и то же слово повторяется дважды, усиливая значение основы. Особенностью подобных сочетаний является то, что в них участвуют и редуцированные конструкции, образованные по модели частичной редупликации при участии усилительных частиц. При склонении редуцированной конструкции, образованной из сочетания форм исходного и основного падежей изменению подвергается только второй компонент-редупликат. Форма исходного падежа при этом остается неизменной во всех падежных позициях. Особое место форма исходного падежа занимает в устойчивых сочетаниях, образованных по модели полной редупликации, сочетанием одного и того же прилагательного, к которым перед аффиксами исходного и основного падежей присоединяется «*род парного аффикса*», показатель формы субъективной

оценки – **чыкъ-//-чик-:** *кѡап-кѡарачыкъдан кѡап-кѡарачыкъ* ‘все сильнее черненького-пречерненького’.

Экспрессивно-эмоциональные оттенки значения безоговорочно включаются в лексико-семантическую структуру редулицированных конструкций. Наряду с производным (оказиональным) значением различаются и эмоциональные моменты (или эмоциональное содержание). Редулицированные сочетания заключают в себе эмоциональную окраску, составляющую постоянный элемент их значения. Если в некоторых словах, словосочетаниях выражаются различные эмоционально-экспрессивные отношения к одним и тем же прилагательным, то в редулицированной конструкции **кѡап-кѡарачыкъдан кѡап-кѡарачыкъ** констатируется наличие уменьшительно-ласкательного значения, которое включается в значение слова и которое следует рассматривать как постоянный эмоциональный элемент значения. Постоянный и оказиональный элементы также входят в значение слова, расширяя его семантические границы. Значение редулицированной конструкции **кѡап-кѡарачыкъдан кѡап-кѡарачыкъ** раскрывается как сложное структурное целое, состоящее из суммы различных признаков, в том числе и основного значения слова. Если для одних лексем эмоциональность находится в самом их лексическом значении, то в данном случае она придается посредством применения аффикса **-чыкъ-//-чик-**. Экспрессивно-эмоциональные «созначения» находят свои выражения в том, что редулицированные сочетания занимают места в том или ином стилистическом слое языка. Редулицированные конструкции достаточно конкретно свидетельствуют о том, что эмоциональные оттенки, связанные со словом, функционируют независимо от предметно-лексического значения слова, отслаиваются от основного содержания слова.

В.А. Звигинцев относительно конкретного случая отмечает, что, несмотря на невозможность включения экспрессивно-эмоциональных элементов в лексическое значение слова, они могут оказывать влияние на изменение значения слова. В силу того, что эмоциональный момент проявляется в употреблении слова, эмоциональная окраска слова как своеобразный психологический субстрат может оказывать прямое воздействие на изменение значения слова. Влияние эмоциональных моментов на изменение значения слова

можно ставить в один ряд с такими семантическими явлениями, как расширение, сужение значений [56, с. 180].

Лексико-семантическое значение редуцированного словосочетания *къап-къарачыкъдан къап-къарачыкъ*, являющегося в значительной степени стилистически нейтральным, включая все падежные формы, связывается с отчетливо выраженными эмоциональными элементами. Это значение имеет широкое поле применения, которое выходит за пределы его основного значения. Отмеченное словосочетание наделяется положительной эмоциональной окраской, позитивными «созначениями», которые способствуют его употреблению в связи с положительными явлениями. Оно показывает, как эмоциональные элементы, связанные со словом, оказывают влияние на семантическое развитие слова.

Редуцированное словосочетание *къап-къарачыкъдан къап-къарачыкъ*, выражающая форму субъектной оценки, может употребляться в значении принадлежности, присоединяя к себе аффиксы этой формы. Редуцированная форма типа *къап-къарачыкъдан къап-къарачыгъы*, в которой отмечаются формы субъективной оценки, усиления качества, принадлежности, может иметь двоякий перевод: 1) ‘его черненький-пречерненький’ и 2) ‘их черненький-пречерненький’ и расшифровывается или по контексту (по «полю употребления» или по употребляющимся спереди местоимениям *аны* ‘его’ и *аланы* ‘их’).

Двоякое значение формы *къап-къарачыкъдан къап-къарачыкъ* отмечается не только в карачаево-балкарском языке, но и в других тюркских языках.

Характеризуя грамматические особенности исходного падежа и особенности употребления усилительных конструкций в падежных формах, следует обратить внимание на то обстоятельство, что склонению подвергается постпозиционный компонент. Отмечается продуктивная сочетаемость в одной лексической единице аффиксов субъективной оценки, форм усиления качества и аффиксов принадлежности.

К числу грамматических особенностей усилительных конструкций типа *къап-къарачыкъдан къап-къарачыгъым* относится то, что к первому компоненту после аффикса субъективной оценки присоединяется аффикс множественного числа – *ла*. Эти усили-

тельные формы склоняются по образцу имен прилагательных, принимая их падежные аффиксы.

Отличительной особенностью склонения форм принадлежности является то, что, как и в русском языке, совпадают формы родительного и винительного падежей.

3.3. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *къып-/кып-*

В карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий участвует и индивидуальная частица **къып**: **къып-къызгъанч** ‘очень жадный’ (**къызгъанч** 1. ‘скряга, м, ж, скупец’; 2. ‘жадный, скупой’); **къып-къызыл** ‘красный-красный, очень красный’, ‘красный-прекрасный’; **къып-къызыл болургъа**:

а) ‘раскалиться докрасна’; б) ‘раскраснеться; покраснеть до корней волос’; **къып-къымыжа** карач. ‘совершенно голый’; **къып-къымыжа болургъа** ‘раздеться догола’, **къыппа-къымыжа** балк. ‘совершенно голый’. В алломорфах морфемы чередуются не только отдельные фонемы, но и сочетания фонем с отдельными фонемами (**ры-п**): **сары + сары – сап – сары** ‘желтый-желтый’, (**зыл-п**): **кызыл + кызыл – къып-кызыл** ‘красный-красный’, а также между собой (**са-ппа**): **сау + сау – саппа – сау** ‘совершенно здоровый’, (**нгы-ппа**); **жангы+жангы-жаппа-жангы** ‘новый-новый’.

К числу грамматических особенностей относится то, что эти усилительные конструкции могут склоняться по падежам, принимая их аффиксы, также как и производящие основы. К числу других грамматических особенностей относится и наличие категории числа: как единственного, так и множественного. Категория единственного числа не имеет специального форманта и состоит из основы имени прилагательного. Поэтому в карачаево-балкарском языке основу любого имени прилагательного нужно считать формой его единственного числа. Форма множественного числа имеет специальный аффикс – аффикс множественности. Качественные имена прилагательные в единственном числе обозначают один конкретный признак, свойственный предмету, в то время как имена прилагательные во множественном числе обозначают два и более призна-

ков. Употребляясь *во множественном числе*, формы усиления качества, так же как и их производящие основы, приобретают особенности лексикализованных единиц и переходят в разряд другой части речи, например: **къып-къызыл-ла** 'красные-прекрасные', **къып-къымыжа-ла** 'совершенно красные'. В результате употребления единиц подобного рода во множественном числе в некоторой степени теряется атрибутивно-качественный признак и приобретается в такой же степени денотативное значение. Основы множественного числа склоняются так же, как и основы единственного числа.

К числу грамматических особенностей усилительных конструкций с частицей **къып-/къыппа-** относится наличие категории принадлежности, которая выражается при помощи специальных притяжательных аффиксов.

Аффиксы принадлежности карачаево-балкарского языка, употребляющиеся в редупликациях после согласной основы, имеют следующие формы:

1-е лицо ед.ч. —**ым/-им, -ум/-юм**:

къып-къызыл-ым 'мой красный-прекрасный',

2-е лицо ед.ч. — **ынг/-инг, -унг/-юнг**:

къып-къызыл-ынг 'твой красный-прекрасный',

3-е лицо ед.ч. —**ы/-и, -у/-ю**:

къып-къызыл-ы 'его красный-прекрасный',

1-е лицо мн.ч. —**ыбыз**:

къып-къызыл-ыбыз 'наши красные-прекрасные',

2-е лицо мн.ч. — **ыгъыз**:

къып-къызыл-ыгъыз 'ваши красные-прекрасные',

3-е лицо мн.ч. —**ы**:

къып-къызыл-ы 'их красные-прекрасные'.

К числу грамматических особенностей усилительных конструкций на **къып-/къыппа-**, относится наличие и *притяжательной формы*, которая образуется присоединением аффиксов — **ныккы, -ники, -нукъу, -нюкю; -ккы, -ккы, -ки, -ккю**. Имя прилагательное с данными аффиксами выражает абстрактную принадлежность, не указывая на предмет обладания. Например, формы имен прилагательных **къып-къызыл-ныккы** 'красного-прекрасного', **къып-къымыжа-ныккы** 'голового-преголового'.

Другой грамматической особенностью данных редулицированных конструкций является наличие *относительной формы*, которая образуется путем прибавления аффикса *–дагъы/-деги*. Он в свою очередь состоит из аффикса местного падежа *–да/-де* и аффикса отношения *–гъы/-ги*. Аффиксы *–дагъы/-деги*, *–гъы/-ги* указывают на местонахождение лица, предмета, на время.

Относительная форма образуется от имен прилагательных так же, как и от имен существительных: *къып-къызыл-дагъы* ‘то, что находится у красного-прекрасного’. Здесь аффикс *–дагъы/-деги* выступает как формообразующий элемент.

Отдельной грамматической особенностью редулицированных конструкций с частицей *къып-/къыппа-* является наличие и *сравнительной формы*, образуемой при помощи сравнительного аффикса *–ча*: *къып-къы-зыл-ча* ‘как красный-прекрасный’. Аффикс *–ча*, хотя и рассматривается как формообразующая морфема, имеет словообразовательное значение, т.к. переводит имя прилагательное в наречие.

Одной из грамматических особенностей отмеченных редулицированных сочетаний является наличия уподобительной формы, образованной при помощи аффикса *–лай/-лей*. Относительно качественных прилагательных следует отметить, что они указывают на подобие одного качества другому качеству: *къып-къызыл-лай* ‘подобно-красной-прекрасной’, *къып-къымыжа-лай* ‘подобно голый-преголой’. Аффикс *–лай*, хотя и является формообразующей морфемой, выявляет и словообразовательное значение, так как переводит имя прилагательное в наречие.

Редулицированные конструкции на *къып-/къыппа-* могут употребляться и в *форме обладания имени*, которая образуется с помощью аффикса *–лы/-ли, –лу/-лю*. Этот аффикс выступает только в формообразующей функции: *къып-къызыл-лы* ‘изобилующий красным-прекрасным цветом’. Редулицированные конструкции на *къып-/къыппа-* могут употребляться и в *форме отсутствия имени*, которая образуется с помощью аффикса *–сыз/-сиз, –суз/-сюз*: *къып-къызыл-сыз* ‘без красного-прекрасного цвета’.

Аффикс *–сыз*, употребляемый в формообразующей функции, в усилительных именах прилагательных указывает на отсутствие признака.

Редуцированные сочетания на **кыйп-/кыйппа** - употребляются и в уменьшительной форме, которая образуется с помощью формообразующего аффикса **-чыкь/-чик, -чук/-чук**. Аффикс **-чыкь** образует уменьшительную форму имени прилагательного, дополняя значение производящей основы уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничижительными оттенками значения: **кыйп-кыйзыл-чыкь** 'красный-прекрасенький'.

Усилительные конструкции на **кыйп-/кыйппа**- употребляются и в форме *ослабления качества* в результате прибавления ее аффиксов **-(ы)ракь/-(и)рек**, выражающих качество неполной меры, к производящим основам: **кыйп-кыйзыл-ыракь** 'красный-прекрасноватый'.

Кроме того, отмеченная разновидность усилительных конструкций может употребляться и в *уменьшительной степени*: **кыйп-кыйзыл-гыйл** 'красный-прекрасноватый', **кыйп-кыйзыл-гыйл-дым** 'красный-прекрасноватый'. Указанные аффиксы, за исключением **-дым**, присоединяются к первичной основе прилагательного.

Отличительной особенностью киргизского языка является то, что и в ней, также как и в других тюркских языках, отмечаются редуцирующие элементы, образующие лексические единицы от различных частей речи. К их числу относится общетюркское **кип** – усилительная частица к словам, начинающимся на **ки**: **кипкичине** (**кип кичине**) или **кипкичинекей** 'малюсенький, крохотный' [70, с. 388].

В киргизском языке функционирует редуцирующий элемент **коп** – усилительная частица к словам, начинающимся на **ко**: **копкоюу** (**коп-коюу**) 'густой-густой' [70, с. 405] и отсутствующий в некоторых тюркских языках. В киргизском языке употребляется общетюркский редуцирующий элемент **көп**- усилительная частица к словам, начинающимся на **кө**: **көпкөк** 'синий-синий', 'голубой-голубой'; (о растительности) 'зеленый-зеленый' [70, с. 426].

Другой отличительной особенностью киргизского языка является то, что в нем имеет употребление отсутствующий в некоторых тюркских языках редуцирующий элемент **кун** - усиление к словам, начинающимся на **ку**: **кункургак** 'сухой-сухой'; **кункургак кар жаай баштады** 'начал падать сухой-сухой снег'; **кункургак кылын** 'сухо-насухо', **кункуу** 'бледный-бледный'; **оңу кункуу** 'он бледный-бледный'; **кункуу карагай** 'сухая-сухая ель' [70, с. 446]

В киргизском языке употребляется общетюркский редулицирующий элемент **кып**, являющийся усилением к словам, начинающимся на **кы**: **кып** (или **кыпа**) *жыланап* ‘совершенно нагой, совершенно голый’; **кыпкызыл** (**кып-кызыл**) ‘красный-красный’; **кыпкызыл жылаңач** ‘совершенно голый’ [70, с. 492].

Универсальной лексико-грамматической особенностью отмеченных редулицирующих элементов в тюркских языках является то, что они употребляются как частицы только в препозиции.

Как видно из примеров, усилительная частица **кип-** функционирует в нескольких фонетических вариантах: **көп-, көп-, күп-, кып-**.

В киргизском языке, как и в других тюркских языках, встречается несколько разновидностей частицы **кып-**, не связанных с ней вариантностью, например: 1) **көп** – усиление к словам, начинающимся на **кө**: **көпкөң** ‘широкий-широкий’; **көпкөңөн** ‘просторный-просторный’; **көпкөңдөй** ‘маленький-маленький, малюсенький’; **көңүптүр, көпкөң жолунуз** фольк. ‘еще шире стала ваша широкая-широкая дорога’ [70, с. 375].; 2) **көп** – усиление к словам, начинающимся на **ко**: **көпкоюу** (**көп-коюу**) ‘густой-густой’; **көпкоюу сакал** ‘густая-густая борода’ [70, с. 405]; 3) **күпө^й** – усиление к словам, начинающимся на **кү**: **күпө-күңгүз** ‘среди бела дня’ [70, с. 468].

Усилительная частица **кип-** употребляется и в узбекском языке в составе нескольких лексических единиц, являясь в них усилением к словам, начинающимся на **қи**: **кип –ялангоч** прям. и перен. ‘совершенно голый, голёхонький’; // ‘догола’; **кип-қизармоқ** ‘сильно покраснеть’; ‘алеть’; **кип-қизил** 1. ‘совершенно красный, очень красный, ярко-красный’; ‘алый’; ‘румяный’; **кип-қизил олма** ‘ярко-красное яблоко’; **кип-қизил юзлар** ‘румяные щеки’; 2. перен. ‘настоящий, явный, форменный’; **кип-қизил аҳмоқ** ‘круглый дурак, набитый дурак; форменный дурак; балбес’; **кип-қизил ёлгон** ‘форменное вранье, настоящая ложь’; **кип- қизил тухмат ам** ‘явная клевета’ [151, с. 614].

В узбекском языке употребляется разновидность частицы **кип-**, связанная с ней вариантностью: **күп-/күппа** – частица усилительная к словам, начинающимся на **кү**: **күп-уруқ, күппа-қуруқ** 1) ‘совершенно сухой, абсолютно сухой’; ‘пересохший’; 2) ‘совершенно пустой’; 3) перен. ‘пустой, напрасный’; ‘безрезультатный’ [151, с. 632].

Усилительная частица **kır-**, как свидетельство существования общетюркской интегрирующей лексики, употребляется и в турецком языке: **kırkırmızı** ‘огненно-красный, багровый’; **kırkırmızı kesilmek/olmak** ‘залиться краской, побагроветь’; **sevinçten kırkırmızı oldu** ‘она зарделась от радости’, **yüzü kırkırmızı kesilmişti** ‘лицо ее запылало’ [147, с. 540].

Kırkızıl ‘ярко-красный; весь красный’ [147, с. 540]. Формальный элемент **kır-**, как и во всех тюркских языках, представляет собой повторение первого слога производящей основы с присоединением замыкающего согласного **p**. Частица **kır-** в своем значении усилителя ставится перед турецкими словами выборочно и отдельно от них в этом своем значении не употребляется. Частица **кып-** как усиление к прилагательным, начинающимся на **кы**, употребляется и в казахском языке: **кып-кызыл** ‘красный-прекрасный’; **кып-кысқа** ‘короткий-прекороткий’ [60, с. 566].

В казахском языке употребляется несколько разновидностей частицы **кып-**, не связанных с ней отношениями вариантности, например: 1) **қоп-** усилительная частица к словам, начинающимся на **қо**: **қоп-қоңыр** ‘бурый-пребурый’, ‘смуглый-смуглый’, **қоп-қою** ‘густой-густой’ [60, с. 527]; 2) **құп** – усилительная частица к словам, начинающимся на **құ**: **құп-қу** 1) ‘сухой, очень сухой’; **мына жердің шөбі де құп-қу екен** ‘и травы [в этих местах] очень сухие’; 2) **перен.** ‘бледный-бледный, очень бледный’; **оның өні құп-қу** ‘у него лицо очень бледное’; **құп-қунақ** ‘бодрый-бодрый, очень бодрый, полный сил’; ‘очень крепкий, очень проворный’; **шал жасына қарамай құп-қунақ** ‘старик, несмотря на свои годы, очень бодрый’; **құп-құйттай** ‘малюсенький, крохотный, крошечный’; **құп-құрғақ** ‘очень сухой, сухой-сухой’ [60, с. 548].

Исследователь Х.Х. Махмудов – составитель «Краткого очерка грамматики казахского языка» в составе «Казахско-русского словаря» [88, с. 420] считает, что изменение по числам, падежам не характерны для прилагательных в казахском языке. Прилагательные в казахском языке, грубо говоря, неизменяемая часть речи» [88, с. 420]. С данным положением вряд ли можно согласиться.

Качественные прилагательные казахского языка имеют три степени сравнения. Превосходная степень образуется:

1) путем сочетания прилагательных в положительной степени со служебными словами, например: *өте жаксы* (очень хороший), *тым бийік* (слишком высокий), *ең әдемі* (самый красивый), *аса мықты* (крепчайший, очень сильный);

2) путем удвоения начального слога прилагательного или прибавления частицы *-ақ*, например: *жап-жақсы* (весьма хороший), *бiп-бийік* (весьма высокий), *жақсы-ақ* (очень хороший) и др. [88, с. 420-421].

В кумыкском языке, так же как и в других тюркских языках, встречается интегрирующий редуликат *къып* - препозиционная усилительная частица, прибавляемая выборочно к некоторым прилагательным, начинающимся на *къы*: *къып-къызыл* 'ярко-красный', 'совершенно красный'; *къып-ялангъач* 'совершенно голый'; *къып-къызыл болмакъ* 'побагроветь' [77, с. 212].

В кумыкском языке отмечается разновидность частицы *къып*-, не связанная с ней варианностью: *къуп*- препозиционная усилительная частица, присоединяемая к слову *къуру* 'сухой': *къуп-къуру* 'совершенно сухой'; *къуп-къуру ялгъан айта* 'все время, постоянно врет'; *юрегим къуп-къуру сизин булан* 'сердце мое постоянно с вами' [77, с. 205].

Форма усиления качества, образованная присоединением индивидуальной односложной частицы *Кып* – к самостоятельным словам, начинающимся на *Кы*, встречается и в башкирском языке: *Кып-Кыска* а) 'коротенький, очень короткий, короткий-прекороткий'; б) 'очень коротко, коротко-прекоротко' [14, с.394].

Прилагательные в усилительной форме, как и в других степенях, склоняясь, легко субстантивируются, вследствие чего часть прилагательных отходит от своей категории и примыкает к именам существительным. Если при сочетании двух знаменательных слов, образующих сложное слово, главное ударение падает на последний слог сложного слова, то при частичной редуликации главное ударение приходится на первый слог.

В башкирском языке встречается несколько разновидностей частицы *Кып*-, не связанных с ней варианностью, например,

- 1) **Коп** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **Ко-:** **Коп-Коро** ‘*совершенно сухой, сухой-сухой*’ [14, с. 369];
- 2) **Куп** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **Ку-:** **Куп-Куйы аш** ‘*густой-прегустой суп*’; **Куп** – **Куйшу итен бешереу** ‘*сварить что-л. густо-прегусто*’ [14, с. 382].

В татарском языке, так же как и в других тюркских языках, встречаются усилительные конструкции, образованные выборочно с помощью формального компонента **Кып** – усилительной частицы к самостоятельным словам, начинающимся на **Кы**, например: **кып-кызыл** ‘*красный-прекрасный, совершенно красный*’; **кып-кыска** ‘*очень короткий*’; **кып-кытырыш** ‘*очень шершавый, шероховатый*’ [140, с. 310]. Отмеченные прилагательные употребляются в интенсивной степени, являющейся разновидностью превосходной степени. Интенсивная степень, как и превосходная, выражает самую высшую степень сосредоточения того или иного качества в предмете. Степень качества у прилагательных в этой форме значительно выше, чем у производящей основы прилагательных. Но в отличие от превосходной степени усилительные формы всегда выражают при любых условиях высшую степень качества. Способ образования форм интенсива внешне напоминает префиксацию.

В татарском языке интенсивная степень свойственна не всей группе качественных прилагательных. Но те прилагательные, которые употребляются в форме интенсива, могут иметь и форму превосходной степени, выражаемую морфологическим способом [126, с. 174]:

кызыл ‘красный’	
Интенсивная степень	Превосходная степень
кып-кызыл	утэ кызыл бик кызыл жете кызыл иң кызыл

В саларском языке семантическую соотнесенность форм качественных прилагательных Э.Р. Тенишев передает такой схемой: *piza quzul/quzulzux/quzuynt* 'их красноватый', *quzul* 'красный' *xutu quzul* 'самый красный, краснейший' [141, с. 119].

В ногайском языке форма интенсива с частицей **кып-**, специфическая для тюркских языков, образуется при частичной редупликации, когда первое из повторяющихся прилагательных сокращается, усекается до первого слога и прибавляется замыкающий согласный звук **п** [106, с. 133]. В ногайском языке **кып** – частица усиительная к словам, начинающимся на **кы**, например, **кып-кызыл** 'совершенно красный', 'красный-прекрасный, ярко-красный'; **кып-кыска** 'очень короткий'. В этом языке употребляется фонетический вариант **кыппа**: **кыппа яланъаш** 'совершенно голый' [106, с. 201].

В ногайском языке встречается разновидность частицы **кып-**, не связанная с ней вариантною: **куп-** частица усиительная к словам, начинающимся на **ку**: **куп-куры** 'совершенно сухой'; **куп куры этип суъртуъв** 'вытереть насухо что-л.' [106, с. 187].

Редулицированные прилагательные в тюркских языках, в отличие от имен существительных, не подвергаются морфологическим преобразованиям в контексте фразы и служат в предложении определением к существительному и подчиняются своему определяемому, примыкая к нему, например: **кып-кызыл алма** 'красное-прекрасное яблоко', **кып-кызыл турма** 'красная-прекрасная редиска' (к.-балк.). Редулицированные конструкции в тюркских языках как слова с грамматическим значением качества примыкают к существительному и не подвергаются словоизменению. Примыкание к имени существительному является основным грамматическим признаком редулицированных основ, так же как и односложных прилагательных.

Рассматривая степени сравнения в тюркских языках, Ф.Г. Исхаков считает, что нельзя назвать форму интенсива одной из форм превосходной степени. По его мнению, ее можно назвать формою полноты качества [59, с. 166]. В качестве замыкающего согласного в конце препозиционного элемента данного типа прилагательных больше всего употребляется **п**, но в отдельных случаях в некоторых тюркских языках отмечается также и употребление **м**, **с**,

р, т, н. Примеры: **ямяшил** ‘совершенно зеленый’ (аз.), **бүсбүтүн** ‘совершенно целый’ [59, с. 166].

Суть высокой степени концентрации признака, обозначаемой и путем частичной редупликации основы, заключается в том, что от основы отделяется первый слог. Если он закрытый, замыкающий согласный отбрасывается, и к гласному присоединяется **п** или **м**. Получившийся в результате подобных преобразований закрытый слог присоединяется к прилагательному в качестве препозиционной частицы: **хып-хызыл** ‘очень красный’ (хак., с. 94) – **хызыл** ‘красный’; **кып-кызыл** ‘красный-прекрасный’ (шор.) – **кызыл** ‘красный’; **кып-кызыл** ‘совершенно красный’ (алт.) – **кызыл** ‘красный’, **кып-кызыл** ‘совершенно красный’ (тув.) – **кызыл** ‘красный’ **кып-кызыл** ‘совершенно красный’ (туркм.) – **кызыл** ‘красный’; **қип-қизил** ‘красный-прекрасный’ (уйг.) – **кизил** ‘красный’; **кып-кыһыл** ‘совершенно красный’ (як.).

Формы усиления качества с помощью общетюркской препозиционной частицы **кып-/къып-** в фонетическом варианте огузских языков **гып-** встречается и в азербайджанском языке: **гыпгырмызы** ‘совершенно красный’ от **гырмызы** ‘красный’ [59, с. 166].

Форма интенсива, обозначающая полноту качества, образуется в результате прибавления специальных частиц к основной форме прилагательного. Эти частицы употребляются выборочно, присоединяясь препозитивно к определенным прилагательным. В качестве примера на подобный тип интенсива можно привести примеры из азербайджанского языка. В этом языке к таким частицам можно отнести частицы **дүм** и **түнд**: **дүм гырмызы** ‘совершенно красный’ от **гырмызы** ‘красный’ [28, с. 69], **түнд гырмызы** ‘густокрасный’ (т.е. совершенно красный) от **гырмызы** ‘красный’ [59, с. 169]. Частица **дүм**, по всей видимости, этимологически соответствует татарскому **дөм**, карачаево-балкарскому **дум**-. В этих языках отмеченная частица как самостоятельное слово не сохранилась. Форма усиления качества в тюркских языках выражается еще синтаксически: когда препозиционная морфема употребляется в форме исходного падежа, а постпозиционная – в форме основного падежа: ср. аз. **гырмызыдан да гырмызы** ‘краснее красного’ [28, с. 70], салар. **quzyłtan quzył** ‘самый красный, краснейший’ [28, с. 119].

В туркменском языке отмечаются редуцированные прилагательные, образованные при помощи функциональной морфемы **чым-** – препозиционной усилительной частицы, прибавляемой к словам, начинающимся на буквы «а», «г» и употребляемой в значении ‘очень, чересчур, слишком, совершенно’: **чым ак** ‘очень белый’; **чым гызыл** ‘совершенно красный’, **чым гызыл гарпыз** ‘совсем красный арбуз’; **гызыл шапак** ‘багряная заря’; **йүзүң чым гызыл болмак** ‘краснеть до ушей’; **чым пытрак болмак а)** ‘быть уничтоженным, разгромленным в пух и в прах’; б) ‘разбиться вдребезги; **чым пытрак этмек а)** ‘разгромить, уничтожить’; б) ‘разбить вдребезги’ [32, с. 746].

Для выражения формы усиления полноты качества кроме того в казахском языке, например, употребляется частица **шымқай** ‘сплошь, сплошной, чистый’, в киргизском – **чымкый** (о цвете) ‘чистый, сплошной’, присоединяемые к прилагательным, обозначающим цвет: каз. **шымқай кызыл** ‘чисто красный, совершенно красный’ [60, с. 975]; **чымкый ак** ‘чисто белый’, **чымкый кызыл** ‘чисто красный’ [70, с. 887].

В башкирском языке функционирует усилительная частица **сөм**, употребляемая также с прилагательными, обозначающими цвет; **сөм Кара** ‘черный-пречерный, очень черный’, **сөм йәшәл** ‘зеленый-презеленый, очень зеленый’ [14, с. 550]. Надо полагать, что частица **сөм** имеет прямую этимологическую связь со словом **чымкый**.

Ф.Г. Исхаков полагает, что в одних языках данная частица сочетается лишь с несколькими прилагательными, обозначающими цвет, а в других – со всеми прилагательными [59, с. 170]. К числу фонетических разновидностей данной частицы относится, возможно, так же шорская частица **сум**, о которой Н.П. Дыренкова в своей «Грамматике шорского языка» пишет, что форма усиления качества в шорском языке образуется также в результате сочетания прилагательного со словом **сум** и приводит примеры: **Сум кара тайга көрүңди** ‘виднелась совершенно черная тайга’. **Сум ак апиый одурча** ‘сидит совсем седой (белый) старик’ [49, с. 78].

Л.Н. Харитонов в работе «Современный якутский язык», обращая внимание на одну из форм образования интенсификации, пишет: «Для выражения степени признака иногда употребляются парные

сочетания, состоящие из основы прилагательного и названия предмета, для которого характерна определенная степень данного признака. Эти сочетания по значению соответствуют русским сложным прилагательным типа 'снежно-белый', 'пепельно-серый': **чох-хара** 'черный как уголь', **хаар-манган** 'белый как снег', **мас-көно** 'прямой как дерево', **туос-ала** 'пегий как береста'; **үүт-кэрэ** 'молочно-белый' (про масть) [161, с. 133].

Учительные частицы в тюркских языках выборочно употребляются в сочетании лишь с отдельными основами, типа цветообозначающих прилагательных, и наречиями, выступающими в функции усиления качества. Они могут иметь такие значения, как 'очень', 'весьма', 'чрезвычайно', 'особенно', 'изумительно', 'слишком', 'чрезмерно', 'чересчур'. С другой стороны их можно уподобить таким наречиям, которые употребляются в усилительных значениях 'сильно', 'ужасно', 'совсем', 'вовсе'.

В азербайджанском языке к таким усилительным словам относятся слова **чох** и **лап**. Слово **чох**, употребляемое самостоятельно, выступает в значении 'много'. Помимо этого, оно часто сочетается с качественными прилагательными и как усилительное слово в значениях 'очень', 'весьма': **чох мунбитдир** 'очень плодородный', **чох ярашыглыдыр** 'очень красивый' [85, с. 33; 49].

Слово **лап** употребляется в азербайджанском языке как усилительная частица со значениями 'совершенно', 'вполне' 'совсем': **лап яхшы** 'вполне хороший', 'очень хороший', **лап гырмызы** 'совершенно красный', 'очень красный' [59, с.171].

Качественные прилагательные тюркских языков, включая и редуплицированные конструкции по модели частичной редупликации, обозначают непроцессуальный, статичный признак предмета в широком смысле этого слова: свойства, качества.

Только качественным прилагательным, выражающим признак, свойство предмета непосредственно, без отношения к другим предметам и явлениям, свойственно обозначение степеней сравнения.

К числу интегрирующих слов тюркских языков относится и редуплицирующий элемент караимского языка **кип** – фонетический вариант элемента **кьып-**, являющийся многозначным: 1. 'крепкий, сильный'; 2. 'очень, весьма, совсем'.

В караимском языке редуплицирующий элемент *кип-* встречается в составе нескольких усилительных конструкций, являясь усилением к словам, начинающимся на *ки /кы /кэ:* *кип кызыл/кызыл* ‘ярко-красный’; *кип кэк* ‘синий’. Редуплицирующий элемент *кип-* сочетается и с другими лексическими единицами и выражает интенсивную, предельную форму качества: *кип карт* ‘совсем старый’; *кип куватлы* ‘очень сильный’; *кип ухугъан* ‘очень начитанный’; *кип ходза адам* ‘очень богатый человек’; *кип йуку* ‘летаргия’; *кип кэнэтэ* ‘неожиданный, внезапный’ [63, с. 321].

В караимском языке употребляется еще и другой редуплицирующий элемент *кўппэ* в сочетании: *кўппэ-кўндўз* ‘среди бела дня’; *кўппэ кўндўзўн* ‘среди бела дня’ [63, с. 354].

В.В. Радлов отмечает употребление данной частицы в своем словаре только в турецком наречии, однако материалы современных тюркских языков свидетельствуют о том, что она употреблялась в большинстве этих языков.

К числу интегрирующих слов в тюркских языках относится еще редуплицирующий элемент *kin* (*krm.*, *osm.*) – «усиливающий слог пред прилагательными, начинающимися на *ki*: *kin kilägüi* ((*krm.*) ‘совсем гладкий’ [111, с. 1397].

Выражение *повышенной, интенсивной, усиленной* степени качества или собирательности здесь проявляется с помощью модели частичной редупликации, как явления производного от полной редупликации. Определяемое при определении, выраженном редуплицированным прилагательным, стоит в препозиции и употребляется в функции усилительной частицы. Смысл частичной редупликации в данном случае сводится к тому, что к первым двум звукам односложной основы, начинающейся согласным, присоединяется звук *-n*: *kin-*. Все прилагательные тюркских языков, образованные по модели частичной редупликации, с точки зрения семантической наполняемости входят в словарный состав этих языков с определенной лексикографической интерпретацией.

Усилительные прилагательные, образованные по модели полной редупликации, также составляют словарный состав этих языков и исследуются на всех языковых уровнях. Однако с точки зрения контекстуальной детерминированности лексической единицы не все фиксируются словарями.

По словарю В.В. Радлова, в некоторых тюркских наречиях встречается редулицирующий элемент **коп** (*krm.*, *osm.*) – «слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **ко**»: **коп-колай** ‘совсем легко’ [111, с. 650].

В отдельных тюркских наречиях употребляется усилительная частица **куп-** (*krm.*, *kir.*, *osm.*) – «слог, приставляемый перед именами прилагательными, начинающимися на **ку**, для усиления значения»: **куп-куру** (*osm.*, *kir.*).

В словаре В.В. Радлова приводится и другой редулицирующий элемент: **кып-** (*osm.*), относящийся к числу интегрирующих слов тюркских языков – «слог, усиливающий имена прилагательные, начинающиеся на **кы**: **кып-кызыл**, **кып-кырмызы** ‘совсем красный’ [111, с.839].

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редуликации с помощью формального элемента **кып-**, встречаются и в ногайском языке – усилительной частицы к словам, начинающимся на **кы**, например: **кып-кызыл** ‘совершенно красный’; **красный-прекрасный**, **ярко-красный**; **кып-кыска** ‘очень короткий’.

В ногайском языке, кроме того, употребляется, как и в некоторых тюркских языках, фонетический вариант данной усилительной частицы **кыппа-**: **кыппа яланъаиш** ‘совершенно голый’ [106, с. 201].

Форма усиления качества, образованная присоединением индивидуальной односложной частицы **кып-** к самостоятельным словам, начинающимся на **кы**, встречается и в гагаузском языке. **Кып-** – представляет собой неполное повторение основы прилагательного: **кып-кырмызы** ‘красный-прекрасный’, ‘ярко-красный’; **кып-кырмызы олмаа** ‘багровеет, становится красным (от стыда)’ [106, с. 308].

В «Очерке грамматики каракалпакского языка», под редакцией Н.А. Баскакова, отмечается, что усилительные конструкции по модели частичной редуликации образованы синтаксическим способом словообразования и относятся к разряду сложных имен прилагательных, т.е. к парно-повторным усилительным словам с усеченной первой основой, образующим усилительную степень имени прилагательного, например: **апнақ** (<**ап-ақ**) ‘белый-пребелый’; **қып-қызыл** ‘красный-красный’; **сап-сары** ‘желтый-прежелтый’ [12, с. 812]. В каракалпакском языке **кып** – является усилительной частицей к

словам, начинающимся на **қы-**: **қып-қызыл** ‘красный-прекрасный’, ‘ярко-красный’; **қып-қысқа** ‘очень короткий’. В каракалпакском языке, кроме того, употребляется фонетический вариант данной усилительной частицы **қыппа**: **қыппа жалаңаш** ‘совершенно голый’ [12, с. 428].

В каракалпакском языке функционирует несколько форм частиц, не связанных с **кып-** вариантностью, например, 1) **қоп** – усилительная частица к словам, начинающимся на **қо**: **қоп-қойыу** ‘очень густой-прегустой’ [12, с. 400]; 2) **қуп** – усилительная частица к словам, начинающимся на **қу-**: **қуп-қуу** ‘совершенно седой’ [12, с. 411]. Усилительные формы качественных имен прилагательных могут быть образованы путем присоединения к корням предпозиционных частиц, создающих новые слова и новые оттенки внутри признаков имен.

Имена прилагательные в уйгурском языке, как и в других тюркских языках, по своим грамматическим особенностям слабо дифференцированы с существительными и наречиями. Выступая в функции определений, они не согласуются с определяемыми словами ни в числе, ни в падеже. Именам прилагательным в этом языке свойственны следующие грамматические признаки: а) прилагательные имеют свои словообразовательные и словоизменятельные аффиксы, при помощи которых образуются; б) прилагательные имеют свои аффиксы при помощи которых они образуются от других частей речи: **уял** ‘стесняться’, **уялчак** ‘стеснительный’, ‘застенчивый’; б) прилагательные имеют степени сравнения: **қизил** ‘красный’, **қизилрақ** ‘краснее’, **аң яхиш** ‘самый хороший’, **көкүч** ‘чуть синий’, **қип-қизил** ‘очень красный’, а также образуют парные (**алайошил** ‘пестрый’, ‘разноцветный’) и парно-повторные (**аппақ-аппақ** ‘белый-пребелый’) конструкции слов [152, с. 300].

3.4. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *сан-*

Сочетание с усилительными частицами, как односложными, так и двусложными, является отличительной особенностью цветообозначающих прилагательных. Однако в некоторых случаях с этими частицами сочетаются и другие прилагательные, не имеющие отношения к цветообозначению. Помимо прилагательных, эти час-

тицы присоединяются и к наречиям, т.е. имена прилагательные в превосходной степени, употребляясь в определенном синтагматическом окружении, выступают в позиции обстоятельства.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий участвует и препозиционная общетюркская частица *сап-* вместе с фонетическим вариантом *саппа-*. Самостоятельно не употребляется, однако в семантическую структуру производящих основ, сочетающихся с ними, вносит усилительные оттенки.

В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» (Т. ЙЙЙ) зафиксированы несколько основ с участием данной усилительной частицы: 1) имена прилагательные: *саппа-сау*¹ 'совершенно целый' (невредный, не разбитый и т.п.), превосходная степень прилагательного *сау*³ 'целый, неначатый, нераздельный', *саппа-сау*² 'совершенно здоровый', 'превосходная степень прилагательного *сау*¹₂ 'здоровый', *сап-сары* 'желтый-прежелтый', превосходная степень прилагательного *сары* 'желтый'; 2) наречия: *сапа-саулай* 'целиком, полностью' [145, с. 68-69].

В карачаево-балкарском языке по данным «Толкового словаря...» и других источников употребляются отдельные усилительные частицы по внешней форме близкие рассмотренной *сап-*, однако не являющиеся ее фонетическими вариантами. Они не являются вариантами и между собой. В «Толковом словаре...» отмечаются следующие усилительные конструкции: 1) с частицей *суппа-*: *суппа-сууукъ* 'холодный-прехолодный', превосходная степень имени существительного *сууукъ* 'холод', употребляемого в позиции определения со значением 'холодный' [145, с. 223]; 2) с частицей *сыппа-*: *сыппа-сыйдам* 'гладкий-прегладкий', превосходная степень имени прилагательного *сыйдам* 'гладкий, ровный'; *сып-сыйдам* 'гладкий-прегладкий', превосходная степень имени прилагательного *сыйдам* 'гладкий, ровный' [145, с. 278].

К числу лексико-семантических особенностей приведенных форм усиления качества относится то, что в семантической структуре производящих основ, сочетающихся с частицами, появляются усилительные оттенки основного значения.

Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке является изменяемой частью речи. Ему свойственны те же самые грамматические признаки, что и имени существительному. Грамматические признаки характерны и усилительным конструкциям. В первую очередь к их числу относится возможность склоняться в падежных формах и принимать их аффиксы также, как и их производящие основы:

О.п. **сап–сары** ‘желтый-прежелтый’

Р.п. **сап–сары-ны** ‘желтого-прежелтого’

Д.п. **сап–сары-гъа** ‘к желтому-прежелтому’

В.п. **сап–сары-ны** ‘желтого-прежелтого’

М.п. **сап–сары-да** ‘у желтого-прежелтого’

И.п. **сап–сары-дан** ‘от желтого-прежелтого’

К числу других их грамматических особенностей относится и наличие категории числа: как единственного, лишенного специального форманта, так и множественного, имеющего специальный аффикс – аффикс множественности. Качественные имена прилагательные в единственном числе, обозначают один конкретный признак, свойственный предмету, в то время как имена прилагательные во множественном числе обозначают несколько признаков. Употребляясь *во множественном числе*, формы усиления качества, так же как и их производящие основы приобретают особенности лексикализированных единиц и переходят в разряд другой части речи, например:

сап–сары-ла ‘желтые-прежелтые’

саппа–сау-ла ‘совершенно-здоровые’

суппа–сууукъ-ла ‘холодные-прехолодные’

сыппа–сыйдам-ла ‘гладкие-прегладкие’

сын–сыйдам-ла ‘гладкие-прегладкие’

Основы множественного числа склоняются так же, как и основы единственного числа.

К числу грамматических особенностей, свойственных усилительным конструкциям с частицей **сап-/саппа-** и другими, относится наличие категории принадлежности, выражаемой при помощи специальных притяжательных аффиксов.

В редуцированных конструкциях аффиксы принадлежности карачаево-балкарского языка, употребляющиеся после гласной основы, имеют следующие формы:

- 1-е лицо ед.ч. –**м:** *сап-сары-м* ‘мой желтый-прежелтый’,
- 2-е лицо ед.ч. –**нг:** *сап-сары-нг* ‘твой желтый-прежелтый’,
- 3-е лицо ед.ч. –**сы:** *сап-сары-сы* ‘его желтый-прежелтый’.

В редуцированных конструкциях аффиксы принадлежности карачаево-балкарского языка, употребляющиеся после согласной основы, имеют следующие формы:

- 1-е лицо ед.ч. –**ым/-им, -ум/-юм:** *саппа-сау-ум* ‘мой совершенно целый’,
- 2-е лицо ед.ч. – **ынг/-инг, -унг/-юнг:** *саппа-сау-унг* ‘твой совершенно целый’,
- 3-е лицо ед.ч. *саппа-сау-у* ‘его совершенно целый’.
- 1-е лицо мн.ч. –**ыбыз/-ибиз, -убуз/-юбюз:** *саппа-сау-убуз* ‘наш совершенно целый’,
- 2-е лицо мн.ч. – **ыгъыз/-игиз, -угъуз/-югюз:** *саппа-сау-угъуз* ‘ваш совершенно целый’,
- 3-е лицо мн.ч. –**у:** *саппа-сау-у* ‘их совершенно целый’.

Другой грамматической особенностью, свойственной усиленным конструкциям на *сап-/саппа-*, является наличие *притяжательной формы*, которая образуется присоединением аффиксов – **ныкъы, -ники, -нукъу, -нюкю; -къы, -къу, -ки, -кю**. Имя прилагательное с данными аффиксами в усиленной форме, как и в первоначальной, производящей форме, выражает абстрактную принадлежность предмета обладания, не указывая на него, например, *сап-сары-ныкъы* ‘желтого-прежелтого’.

К числу грамматических особенностей редуцированных сочетаний на *сап-* относится употребление *относительной формы*, образуемой путем прибавления к основе аффикса –**дагъы/-деги**. Он в свою очередь состоит из аффикса местного падежа –**да/-де** и аффикса отношения –**гъы/-ги**. Аффиксы –**дагъы/-деги, -гъы/-ги** указывают на местонахождение лица, предмета в пространстве, на время.

Относительная форма образуется от имен прилагательных так же, как и от имен существительных: *сап-сары-дагъы* ‘то, что нахо-

дится у *жёлтого-прежёлтого*'. Здесь аффикс *-дагы/-деги* выступает как формообразующий элемент.

Отдельной грамматической особенностью редуцированных конструкций на *сап-/саппа-* является *сравнительная форма*, образуемая при помощи сравнительного аффикса *-ча*: *сап-сары-ча* 'как *жёлтый-прежёлтый*'. Аффикс *-ча* переводит имя прилагательное в наречие.

Одной из грамматических особенностей редуцированных конструкций является наличие уподобительной формы, образованной при помощи аффикса *-лай/-лей*. Качественные прилагательные указывают на подобие одного качества другому качеству: *сап-сары-лай* 'подобно *жёлтому-прежёлтому*'. Несмотря на то, что аффикс *-лай* является формообразующей морфемой, выявляет и словообразовательное значение, так как в целом переводит имя прилагательное в наречие.

Редуцированные сочетания на *сап-/саппа-* могут употребляться и в *форме обладания имени*, которая образуется с помощью аффикса *-лы/-ли, -лу/-лю*. Этот аффикс выступает как формообразующий элемент: *сап-сары-лы* 'изобилующий *жёлтым-прежёлтым*'.

Редуцированные конструкции на *сап-/саппа-* могут употребляться и в *форме отсутствия имени*, которая образуется с помощью аффикса *-сыз/-сиз, -суз/-сюз*: *сап-сары-сыз* 'без *жёлтого-прежёлтого*'. Аффикс *-сыз*, употребляемый в формообразующей функции, в усилительных именах прилагательных указывает на отсутствие признака.

Редуцированные основы на *сап-/саппа-* употребляются и в уменьшительной форме, которая образуется с помощью формообразующего аффикса *-чыкь/-чик, -чукь/-чюк*. Аффикс *-чыкь* участвует в образовании уменьшительной формы имени прилагательного, дополняя значение производящей основы уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничижительными оттенками значения: *сап-сары-чыкь* 'жёлтый-прежёлтенький', *сыппа-сыйдам-чыкь* 'гладкий-прегладенький', *саппа-сау-чукь* 'здоровый-прездоровенький'.

Усилительные конструкции на *сап-/саппа-* употребляются и в *форме ослабления качества* в результате прибавления ее аффиксов –

(ы)ракъ/-(и)рек, выражающих качество неполной меры: **сап-сары-ракъ** 'жёлтый-прежёлтоватый', **сыппа-сыйдам-ыракъ** 'гладкий-прегладковатый', **саппа-сау-уракъ** 'целый-прецеленький'.

Кроме того, формы усиительной конструкции могут употребляться и в *уменьшительной степени*: **сап-сар-гъыл** 'жёлтый-прежёлтоватый', **сап-сар-гъыл-дым** 'жёлтый-прежёлтоватый'. Отмеченные аффиксы, кроме **-дым**, присоединяются к первичной основе прилагательного.

Усиительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации, с участием формального элемента **сап-** отмечаются и в киргизском языке – усиительной частицы к словам, начинающимся на **са-**, например, **сап-сары** 'жёлтый-прежёлтый, очень жёлтый'; **сапсакалдуу баиыңменен** 'ты со своей бородицей' [70, с. 634].

Усиительная частица **сап-** употребляется и в узбекском языке в составе одной конструкции, являясь в ней усилением к слову, начинающемуся на **са-**, например, **сап-сариқ** 'очень жёлтый, совершенно жёлтый' [151, с. 356].

Усиительные конструкции, образованные с помощью препозиционной частицы **sap-** встречаются и в турецком языке, образуясь в результате легкой деформации первого слога опорного слова, например: **sapsari** 'совершенно жёлтый, весь жёлтый'; **sapsari kesilmek/olmak** 'сильно побледнеть', 'стать белым как полотно' [147, с. 752]. **Сариқ** является древней формой слова **сары** 'жёлтый, бледный'.

Частица **сап-** как усиительный слог к прилагательным, начинающимся на **са-**, употребляется и в казахском языке: **сап-сай** 'соответствующий, подходящий; впору'; **оның пальтосы өзіне саппа сай** 'пальто ему впору'; **сап-салқын** 1) 'холодноватый' // 'холодновато'; **бүгін күн сап-салқын** 'сегодня холодно'; 2) 'весьма холодный' // 'весьма холодно'; **көлдің суы сап-салқын, жаға да мұздай** 'вода в озере весьма холодная', а песок на берегу тоже очень холодный'; **сап-салмақты** 1) 'тяжеловатый'; 2) перен. 'очень солидный, весьма серьезный (о человеке)'; **сап-сары** 'ярко-жёлтый'; **сап-сарыкөйлек киген қыз** 'девушка в ярко-жёлтом платье'; **сап-сау** 'живой-здоровый'.

В казахском языке встречаются и другие, самостоятельные частицы, не являющиеся вариантами частицы **сап-/саппа-**, например,

1) **сеп-Й** – усиление к словам, начинающимся на **се-:** **сеп-семіз** ‘совершенно жирный; совершенно упитанный’; ‘совершенно тучный’; **сеп-сергек** ‘совершенно бодрый’, ‘совершенно бодрствующий’; ‘совершенно живой’ [60, с. 715]; 2) **соп-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **со-:** **соп-солгын** ‘очень бледный’; ‘очень блеклый’; **оның жүзі соп-солгын** ‘у него лицо бледное-бледное’ [60, с. 726]; **соп-сопақ** ‘очень продолговатый, вытянутый’ [60, с. 726]; 3) **сұп-** – усиление к словам, начинающимся на **су-, сұ:** **сұп-суық** ‘холодный-прехолодный’; **оның қолы сұп-суық** ‘у него руки холодные-прехолодные’; **сұп-сұлу** ‘очень красивый’; **сұп-сұр** ‘совершенно серый’; **сұп-сұр болып кет-** ‘помрачнет лицом’ [60, с. 738]; 4) **сүп-** – усиление к словам, начинающимся на слог **сү:** **сүп-сүйкәмдә** ‘милейший’; **сүп-сүйрәк** ‘острый-преострый’ (о наконечнике); **сүп-сүйәр** ‘тонкоострый’ [60, с. 744]; 5) **сын Й** – усиление к словам, начинающимся на **сы-:** **сын-сида** ‘стройный’; **сын-сида жәгіт** ‘стройный парень’; **сын-сылдыр** ‘очень жидкий’; **сын-сылдыр былмық** ‘очень жидкая похлебка’; **сын-сынық** ‘весьма скромный, учтивый’; **сын-сыпайы** ‘очень вежливый, скромный’, учтивый, весьма галантный, деликатный’ [60, с. 753].

Форма усиления качества, образованная присоединением препозиционной односложной частицы **сап-** к прилагательным и наречиям, начинающимся на **са-**, встречается и в башкирском языке: **сап-салыш** ‘совершенно кривой, косой’; **сап-сатак** ‘очень ветвистый’, развилыстый’ [14, с. 529].

Кроме того, в башкирском языке употребляется форма **сеп-** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **се-:** **сеп-сей** ‘совершенно сырой’; **сеп-серек** ‘очень гнилой, прогнивший’ [14, с. 537].

В башкирском языке употребляется, помимо отмеченных, и другая форма интенсификации, связанная с **сын-** частицей усилительной к прилагательным и наречиям, начинающимся на **сы-:** **сын-сыбар** ‘очень пестрый, пестрый-препестрый’ [14, с. 564].

В башкирском языке, кроме рассмотренных, употребляются и другие формы интенсификации, связанные с усилительными частицами:

1) **шап ЙЙ** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **ша-:** **шап-шақтай бала** ‘большой, здоровенный ребенок’ [14, с. 764].;

2) **шып ЙV** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **шы-:** **шып-шыыйк** ‘жидкий-прежидкий, совершенно жидкий’; **шып-шым** ‘тихий-претихий, совершенно тихий’ [14, с. 777];

3) **шәп-ЙЙ** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **шә-:** **шәп-шәрә** ‘совершенно голый’ [14, с. 780].

В татарском языке, как и в других тюркских языках, отмечаются усилительные сочетания, образованные выборочно с помощью формального элемента **сап-** – усилительной частицы, присоединяемой к прилагательным, начинающимся со слога **са-** и придающей им высшую степень качества, например: **сап-салкын** ‘холодный-прехолодный, очень холодный’; **сап-сары** ‘желтый-прежелтый’ [140, с. 469].

В татарском языке, кроме того, функционирует и другой элемент – **сип-** частица усилительная к прилагательным, начинающимся со слога **си-**, которая выражает высшую степень качества, например: **сип-симиз** ‘жирный-прежирный’ [140, с. 479].

В татарском языке помимо отмеченных форм интенсива, употребляется форма на **соп-** – частицы усилительной к прилагательным, начинающимся со слога **со-**, которая выражает интенсивность качества, например: **соп-соры** ‘серый-пресерый’ [139, с. 483].

Усилительная частица **сап-** употребляется и в ногайском языке в составе нескольких конструкции, являясь в них усилением к именам прилагательным, начинающимся на **са-:** **сап-сары** ‘совершенно жёлтый, жёлтый-прежелтый’; **са-сав** ‘цел и невредим’; ‘совершенно здоров’; **сап-сай** ‘очень мелкий (о реке)’ [140, с. 288].

В ногайском языке, как и в других тюркских языках, встречаются несколько разновидностей частиц, не связанных с частицей **сап-** вариантностью, например: 1) **сын-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **су-, сы-;** **сын-сувык** ‘совершенно холодный’; **сын-сык** ‘совершенно крепкий’ [106, с. 321]; 2) **сен-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **се-:** **сен-семиз** ‘жирный-прежирный’ [106, с. 295]. Препозитивная усилительная частица **сап-**, прибавляемая к словам, начинающимся на букву «с», употребляется и в туркменском языке, например: **сап-сары** ‘совершенно жёлтый, желтый-прежёлтый’ [148, с. 564]. Составители «Туркменско-

русского словаря» считают, что в туркменском языке функционируют и другие частицы, являющиеся вариантами, например: *сон-, сен-, сон-, сун-: сун-сүйжи* ‘очень сладкий’ [148, с. 600].

Усилительная частица *сан-* имеет место и в каракалпакском языке в составе нескольких конструкций, выступая в них усилением к словам, начинающимся на *са-: сан-сау* ‘здоровёхенек’; *сан-сары* ‘жёлтый-прежёлтый, очень жёлтый, жёлтый-жёлтый’ [64, с. 564].

В каракалпакском языке, кроме того, употребляется и другая частица – *сын Й* – усилительная частица к словам, начинающимся на *сы-: сын-сынык а)* ‘очень учтивый, очень вежливый’; *б)* ‘очень кроткий’ [64, с. 605]. Усилительная частица *сан-* отмечаются и в работе В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» как слог, усиливающий прилагательных: *сан сары* ‘совсем жёлтый’ [113, с. 401]. В словаре В.В. Радлова встречаются и другие частицы – 1) *сін-* - слог, усиливающий значение прилагательных: *сін сіврі* ‘совсем острый’ [113, с. 726]; 2) в казанском наречье имеет место усилительная частица *шан-* - слог усиления прилагательных: *шан шадра* ‘совсем рябой’ [113, с. 980].

3.5. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *жап-/яп-*

В тюркских языках к числу усилительных частиц, присоединяющихся выборочно к именам прилагательным и наречиям, относится общетюркская частица *жап-/яп-*.

В карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий участвует и препозиционная общетюркская частица *жап-/жаппа-*. Самостоятельно не встречается, но в семантическую структуру производящих основ, сочетающихся с ней, добавляет усилительные оттенки: *жап-жалан* ‘совершенно голый’; *жап-жангы* ‘совершенно новый’; *жап-жарыкь* 1. ‘очень светлый, пресветлый’; 2. перен. ‘очень радостный’; *жап-жашил* ‘совершенно зеленый, зеленый-презеленый’ [143, с. 822]; *жаппа-жалан* ‘совершенно голый’; *жаппа-жангы* ‘совершенно новый’, *жаппа-жангыдан* ‘заново’, *жаппа-жангыз*¹ ‘единственный’;

*жаппа-жангыз*² 1) 'пребывающий где-л. совершенно отдельно от других' [143, с. 817].

В карачаево-балкарском языке употребляется усилительная частица *жып жыппа-*, по внешней форме близкая к частице *жап-*, однако не являющаяся ее фонетическим вариантом. Частица *жып-* встречается в составе нескольких конструкций, которые могут функционировать и как наречие, например: *жып-жылы* 'совершенно теплый' / 'совершенно тепло'; *жыппа-жылы* 'совершенно теплый' / 'совершенно тепло', *жыппа жыяу* 'совершенно пешком'. Данные основы в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» не зафиксированы.

Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке является изменяемой частью речи и поэтому ему свойственны те же самые грамматические признаки, что и имени существительному. Грамматические признаки характерны и усилительным конструкциям, к числу которых относятся: категории падежа, числа, принадлежности, притяжательные формы, относительная форма, сравнительная форма, форма обладания имени, форма отсутствия имени, уменьшительная форма, форма ослабления качества.

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации, с участием формального элемента *жап-* отмечаются и в киргизском языке – усилительной частицы к словам, начинающимся на *жа-*: *жап-жаман* 'очень плохой'; *жапжакшы* 'очень хороший'; *жапжаңы* 'совершенно новый'; *жапжаңы чапан* 'новенькое пальто'; *жапжалгыз* 'оди́нёшенек, совершенно один'; *жапжашыл* 'ярко-зеленый'; *жапжаш* 'совсем молодой, молоденький'; *жапжанаша* 'совсем близко, сбоку' [70, с. 231].

В киргизском языке употребляется и фонетический вариант отмеченной частицы *жапа Й* – усиление к слову *жалгыз*: *жапа жалгыз* или *жападан жалгыз* 'оди́н-оди́нёшенек' [70, с. 231].

В киргизском языке, кроме рассмотренных, употребляются и другие формы интенсификации, с участием других усилительных частиц:

1) *жеп* – усиления к словам, начинающимся на *же*: *жепжеке* 'оди́н-оди́нёшенек, совершенно один'; *жепжеңил* 'очень легкий; очень легко'; *жепжеңил көтөрүп алды* 'он поднял очень легко' [70, с. 249];

2) **жсуп** – усиления к словам, начинающимся на **жсу-:** **жсуп-жука** ‘тонкий-тонкий’; **жсупжсумшак** ‘мягкий-мягкий’; **жсуп-жсумуру** ‘круглый-круглый’ [70, с. 269];

3) **жсып ЙЙ** – усиления к словам, начинающимся на **жсы-:** **жсып-жсылма** 1) ‘совершенно гладкий, скользкий’; 2) перен. ‘внешне любезный, дипломатичный, увёртливый’; **жсып-жсылас** ‘сгинувший, пропавший бесследно’; **жсыпжсылмакай** 1. ‘гладкий, скользкий’; 2. перен. ‘начисто, подчистую’ (напр. ‘ограбить’) [70, с. 283].

Частица **жап-** как усилительный слог к прилагательным, начинающимся на **жа-**, употребляется и в казахском языке: **жап-жазық** ‘очень ровный’, **жап-жақсы** а) ‘очень хороший’; б) ‘приличный’; **жап-жақын** ‘совсем близко’; **жап-жсалаңаш** ‘совершенно голый’; **жап-жсалпақ** 1) ‘очень плоский’, 2) ‘очень широкий’; **жап-жсалпақ жсауырын** ‘очень широкие плечи’; **жап-жсаман** ‘очень плохой, плохонький’; **жап-жсаңа** 1) ‘новенький, совершенно новый, с иголки (об одежде)’; 2) ‘только что, сейчас’; **ол жап-жсаңа келіп кетті** ‘он только что приходил сюда (и ушел)’; **жап-жсарық** ‘очень светлый, совершенно светлый’ // ‘очень светло’; **айнала жап-жсарық болып кетті**; **жап-жсас** ‘очень молодой; молоденький’, **жап-жсасыл** ‘очень зеленый; зеленый-зеленый; зелёньенький’; **жап-жсасыл жсапырақтар** ‘ярко-зеленые листья’ [60, с. 283].

Кроме того, в казахском языке встречаются и другие усиленные частицы, близкие по форме к частице **жап-**, но не являющиеся ее фонетическими вариантами: 1) **жсеп-** – усиление к словам, начинающимся на **жсе-:** **жсеп-жсеңіл**

1) ‘совершенно легкий, легонький’ // ‘легко, без трудностей’: **емтиханнан жсеп-жсеңэл от** ‘легко сдавать экзамен’ [60, с. 303];

2) **жсұп-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **жсұ-, жсу-:** **жсұп-п-жсуан болып семір** – ‘растолстеть’; **жсұп-жсуас** ‘очень смирный, тихий; тихий-тихий’; **жсұп-жсуас ат** ‘очень смирный конь’; **жсұп-жсуас бола қал** ‘сразу присмиреть, стать тихим’; **жсұп- жсұбымен** ‘по двое, парами, попарно’; **балаларды жсұп-жсұбымен тұрғыз-** ‘построить детей парами’; **жсұп- жсұқа** ‘очень тонкий’; тоненький, легкий’; **жсұп-жсұқа көйлек** ‘легкое платье (очень тонкое)’; **жсұп-жсұмсақ** 1) ‘очень мягкий; пушистый’; **жсұп-жсұмсақ төсек** ‘очень мягкая постель’; 2) перен. ‘мягкий, приятный; душевный’; **жсұп- жсұмсақ мінез** ‘мягкий, добрый характер’;

жсұп- жсұмыр ‘гладкий, ровный’; **жсұп-жсұмыр ат** ‘упитанный (гладкий) конь’; **жсұп- жсұмыр сөздер** ‘складные (букв. гладкие) речи’ [60, с. 319];

3) **жсып-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **жсы-, жси-: жсып-жсинақы** 1) ‘очень аккуратный, собранный, подтянутый (о человеке)’; **жсып-жсинақы әйел** ‘очень аккуратная женщина’; **оның тұла-бойы жсып-жсинақы** ‘подтянутая фигура’; 2) ‘уютный, прибранный (о квартире)’; **үй-іші жсып-жсинақы** ‘в доме уютно, прибрано’; **жсып-жсылас: жсып-жсылас бол-** ‘исчезать моментально’, **жсып-жсылдам** ‘очень быстро, моментально’, **жсып-жсылмағай** 1) ‘совершенно гладкий, пустой (о поверхности чего-л.)’; **жсып-жсылмағай бол** – ‘стать гладким (без чего-л.)’; **үстелдің үчті жсып-жсылмағай болды** ‘стол был опустошен, очищен от еды (т.е. кто-то быстро все съел)’; **жсып-жсылмағай болып жсатқан кең дала** ‘гладкая (без гор, холмов, бугров) широкая степь’; **бет-аузы жсып-жсылмағай көсе адам** ‘безбородый человек, человек с совершенно гладким лицом’; 2) перен. ‘безобидный, беззубый, гладкий’; **жсып-жсылмағай мақала** ‘гладкая, обтекаемая статья (никого не критикующая, ничего не задевающая)’.

Жып-жсылтыр 1) ‘совершенно гладкий, отполированный’; **жсып-жсылтыр мұз** 1) ‘совершенно гладкий лед’; **күректің сабы жсып-жсылтыр** ‘гладкая (как отполированная) рукоятка лопаты’; 2) ‘гладкий, блестящий’; **жсып-жсылтыр тақыр басты адам** ‘человек с совершенно лысой головой’; **беті бұзау жсалағандай** чаще пренебр. ‘лицо его, гладкое, словно теленок вылизал’ (о безбородом, безусом мужчине).

Жып-жсылы 1) ‘очень теплый’; **күн бүгін жсып-жсылы** ‘день сегодня очень теплый’; 2) перен. ‘приветливый, приятный, сердечный’; **жсүзі жсып-жсылы** ‘лицо очень приветливое’; **жсып-жсылы сөздер** ‘приятные, сердечные слова’; **жсып-жсылы ұя** ‘теплое гнездо, приятная семья’ [60, с. 331].

4) **жсіп-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **жсі-: жсеп-жсиэ** ‘очень частый; густой // очень часто, густо’; **жсеп-жсиэ өскен жсас ағатыр** ‘густые, частые заросли молодых деревьев’; **жсіп-жсирен** ‘очень рыжий’; **оның шашы жсіп-жсирен** ‘волосы у него рыжие-рыжие’; **жсіп-жсіңішке** ‘очень тонкий; тоненький’; **жсіп-жсіңішке бел** ‘очень тонкая талия’; 2) ‘очень узкий, узенький’;

жэп-жэңзшке темір төсек ‘узенькая железная кровать’ [60, с.334].

В татарском языке как и в других тюркских языках, отмечается несколько усилительных сочетаний, образованных выборочно с помощью формального элемента *жип-/жып-* – усилительной частицы, присоединяемой к прилагательным и наречиям, начинающимся со слога *жи-/жы-* и придающей им высшую степень качества, например: *жип-жиңел* ‘очень легкий, легкий-прелегкий’ // ‘очень легко, очень просто’ [140, с.766]; *жып-жылы* ‘очень теплый, теплый-претеплый’ [140, с. 773].

Форма усиления качества, образованная присоединением препозиционной односложной частицы *йоп-* к прилагательным и наречиям, начинающимся на *йо-*, встречается и в башкирском языке: *йоп-йока* ‘очень тонкий, тонюсенький’; *йоп-йомро* ‘круглый-прекруглый’ [14, с. 231].

В башкирском языке в образовании усилительных конструкций участвуют и другие модифицирующие частицы, по внешней форме близкие к *йоп-*:

1) *йып-* – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на *йы-*: *йып-йылы* ‘очень теплый’, *йып-йылыр* ‘ярко блестящий’ [14, с. 244];

2) *йәп-* – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на *йә-*: *йәп-йәш* ‘очень молодой, молоденький’; *йәп-йәшел* ‘зеленый-презеленый, ярко-зеленый’ [14, с. 253];

3) *әп-* – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на *ә-*: *әп-әз* ‘очень мало, совсем мало’; *әп-әкрән* ‘тихий-тихий, очень тихий; тихо-тихо, тихо-претихо, очень тихо’; *әп-әсе* ‘кислый-кислый, очень кислый, горький-горький, очень горький’ [14, с. 818];

4) *яп-* – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на *я-* ‘очень, пре-’: *яп-якты* ‘светло-пресветло’; *яп-якын* ‘очень близко’; *яп-якын ту-ған* ‘очень близкий родственник’; *яп-якшы* ‘прехороший; очень хороший’; *яп-ялтыр* ‘очень блестящий’ [14, с. 842].

В башкирском языке, кроме того, встречается фонетический вариант *япа-* – частица усилительная к прилагательным и наречиям,

начинающимся на **я-** ‘очень, пре-’: **япа-яңғыз** 1. ‘совершенно одинокий, совсем одинокий; один-одинёшенек’; **япа-яңғыз кеше** ‘совершенно одинокий человек’; 2. ‘совершенно одиноко, совсем одиноко’; **япа-яңғыз Калыу** ‘остаться в одиночестве’; **япа-яңғыз йәшәү** ‘жить совершенно одиноко’ [14, с. 842].

Усилительная частица **яп-** употребляется и в узбекском языке в выборочном образовании нескольких редуцированных конструкций, являясь в них усилением к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **я-** ‘очень, пре-’: **яп-яйлоқ** ‘неоседланный, разнузданный’; **яп-яланғоч** ‘совершенно голый, нагой, оголенный, раздетый’, ср. **қип-яланғоч** ‘совершенно голый’; 2) ‘догола’, **яп-янги** ‘совершенно новый, новенький, новёшенький’; ‘с иголки’; **кўйлагим ҳали яп-янги** ‘платье у меня еще совершенно новое’ [151, с. 573].

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации с участием формального элемента **яп-**, отмечается и в кумыкском языке – усилительной частицы к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **я-** ‘очень, пре-’: **яп-янги** ‘совершенно новый, новёхонький’; **яп-янғыз** ‘совершенно один, один-одинёшенек’ [77, с. 394].

Усилительная частица **яп-** употребляется и в ногайском языке в составе нескольких лексических единиц, являясь в них усилением к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **я-** ‘очень, совершенно, пре-’: **яп-яман** ‘очень плохой’; **яп-яланъаиш** ‘совершенно голый’, **яп-ярык** ‘очень светлый’; **яп-ялғыз** ‘совершенно одинокий, один-одинёшенек’; **яп-янгы** ‘совершенно новый, новёхонький’; **яп-ясыл** ‘очень зеленый, зеленый-презеленый’ [106, с. 466].

Усилительная частица **яп-** имеет место и в туркменском языке в составе нескольких конструкций, выступая в них усилением к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **я-** ‘очень, совершенно, пре-’: **яп-ягты**: а) ‘очень светлый, светлый-пресветлый’; б) ‘очень светло, светло-светло’; **яп-яңы** ‘только что, недавно; вот-вот, только-только’; **яп-яңы сени бири сорап гелди** ‘только что кто-то спрашивал тебя’ [148, с. 816].

Препозиционная усилительная частица **жап-** – усиление к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **жа-** ‘очень, совершенно, пре-’, употребляется и в каракалпакском языке в соста-

ве нескольких редуплицированных конструкций: *жап-жаңа* ‘совершенно новый’; *жап-жақын* ‘совсем близко’, *жап-жасыл* ‘зеленый-презеленый, очень зеленый, совершенно зеленый’ [64, с. 228].

В каракалпакском языке, кроме того, встречается и другая усилительная частица, внешне напоминающая элемент *жап-: жуп-* – усилительная частица к словам, начинающимся на *жу-*: *жуп-жуқа* ‘тонкий-претонкий, очень тонкий’; *жуп-жумсақ* ‘мягкий-мягкий, очень мягкий’; *жуп-жумыры* ‘круглый-круглый, очень круглый’; *жуп-жууан* ‘толстый-претолстый, очень толстый’ [64, с. 262].

Усилительные конструкции, образованные с помощью частицы *jän-* (*osm.*), встречаются и в «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова: *jan-* – слог, функционирующий для усиления прилагательных, начинающихся со слога *ja*: *jan jaşыл (osm.)*, *jan jажыл (Üig.)* ‘совсем зеленый’; *кызыл кыргу аңлар голур jan jажыл (Üig.)* ‘красные лица сделаются совсем зелеными’; *jan jалыңыз (osm.)* ‘совсем один’ [с.258, т.ІІІІ, ч.ІІ]; *jän (osm.)* – слог, поставляемый перед именами прилагательными, начинающимися на *ja*, для усиления значения: *jän jauıl* ‘совсем зеленый’, *jän jani* ‘совсем новый’ [112, с.384].

Особенностью употребления усилительных конструкций в словаре В.В. Радлова является то, что они с точки зрения современных тюркологических исследований не орфографированы, т.е. не ставится дефис между опорным словом и редупликатом.

Усилительные конструкции с употреблением частицы *jar-* отмечаются и в современном турецком языке, однако они также не орфографированы, как и в словаре В.В. Радлова. Употребляясь в сочетании с прилагательным, усиливает его значение, выступает в двух фонетических вариантах; 1) литературном *yapa* и 2) разговорном *yap*: *yarayainiz* ‘один-одинёшенек; одинокий’; *yapainiz bir ev* ‘одинокий дом’; *yapayalniz bir insan* ‘совсем одинокий человек’ [112, с. 910].

3.6. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *tap-*

Одним из употребительных средств в образовании усилительных конструкций в тюркских языках по модели частичной редупликации является общетюркская частица *tap-* в различных фонетических вариантах. К числу ее отличительных особенностей, как и дру-

гих усилительных частиц, относится то, что она присоединяется не ко всякому прилагательному или наречию, а только к тем, с которыми обнаруживает синтаксическую и семантическую общность.

В карачаево-балкарском языке также в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий участвует препозиционная частица **тап-**. Самостоятельно не употребляется, но зато вносит усилительные оттенки в семантическую структуру производящих основ, сочетающихся с ними: **тап-таза** ‘чистый-пречистый’, является превосходной формой прилагательного **таза** ‘чистый’; **тап-таза** ‘чисто-пречисто’; **тап-такъыр** ‘очень тесный, тесный-претесный’ [145, с. 367]. Конструкция **тап-таза** участвует и в словообразовательных процессах путем присоединения к основе аффикса наличия –**лыкъ**: **тап-таза-лыкъ** ‘абсолютная чистота’ [145, с. 367]; **таппа-тамам** ‘совершенно точный’; ‘совершенно точно’.

В карачаево-балкарском языке употребляются и другие формы интенсификации, связанные с усилительными частицами:

1) **тепе-** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **те-**: **теппе-тенг**; 1) ‘совершенно одинаковый, равный’; 2) ‘точь-в-точь соответствующий, подходящий’; **теппе-тенг** ‘совершенно одинаково поровну’ [146, с. 447]; **теп-тенг** ‘точь-в-точь; тютельница в тютельница, как раз’; **теп-тенг** **юлюшле** ‘совершенно равные доли’ [66, с. 622];

2) **тён-** частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **тё-**: **тён-тёгерек** ‘круглый-прекруглый, совершенно круглый’, **тёнпе-тёгерек** ‘круглый-прекруглый’ [66, с. 629]; **тён-тёгерекде** ‘кругом, везде’ [66, с. 629]; **тён-тёгерекден** ‘отовсюду, от всех окрестностей’ [66, с. 629];

3) **тип-** частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **ти-**: **типпе-тик** ‘очень крутой’, **тип-тик** ‘очень крутой’ [66, с. 636];

4) **топ-** – частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **то-**: **топпа-толу** ‘полный-полный, полный-преполный, наполненный до отказа, переполненный’, превосходная степень прилагательного **толу** ‘полный, наполненный’; **топпа-толу** **эт** ‘наполнить до предела’; **топ-толу** ‘полный-полный, полный-

преполный; полный до краев; битком набитый; **топ-толу эт** ‘наполнить до предела’ [145, с. 560]; ко вторым компонентам редуцированных конструкций **топпа-толу** и **топ-толу** присоединяется формообразующий аффикс прошедшего категорического времени **ду-**, изменяющий их частеречную принадлежность: **топпа-толу +ду** и **топ-толу+ду** ‘полным-полно, полнѣхонько; кишмя-кишит’ [66, с. 645];

5) **туп-** - частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **ту-**: **туппа-туура** ‘совершенно точный, верный, правильный’, превосходная степень прилагательного **туура** ‘правильный, прямой’ [145, с. 586]; **туппа-тузлу** ‘пересоленный’, **туп-тузлу** ‘солёный-пресолёный’; **туп-туру** ‘совершенно открыто, гласно’ [66, с. 652]; в этих примерах также возможно присоединение ко вторым компонентам формообразующего аффикса прошедшего категорического времени **ду-**;

6) **тып-** - частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **ты-**: **тыппа-тынч** ‘очень спокойный, спокойный-преспокойный’; **тып-тынч** ‘очень спокойный, спокойный-преспокойный’ [66, с. 662]; **тыппа-тынгылы** ‘совершенно обстоятельный, подробный, исчерпывающий’;

7) **тюп-** частица усилительная к прилагательным и наречиям, начинающимся на **тю-**: **тюппе-тюз** 1) ‘совершенно верный’, ‘правильный’; 2) ‘совершенно ровный, прямой’; **тюппе-тюз** 1) ‘совершенно верно, правильно’; 2) ‘совершенно ровно, прямо’; ‘точь-в-точь’ [66, с. 660]; **тюппе-тюз айтады** ‘он говорит совершенно верно’.

Частица **тап-** как усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **та-**, употребляется и в казахском языке: **тап-таза** ‘совершенно чистый’, **үй іші тап-таза** ‘чисто убранная квартира’; **үстіндегі киімі тап-таза** ‘на нем чистая одежда’; **тап-тақыр** 1) ‘совершенно голый (без растительности)’; **айналасы тап-тақыр жұмысшылар кенті жасыл бақты қалаларға айналды** ‘вокруг совершенно голые рабочие поселки превратились в зеленые города’; 2) **басы тап-тақыр** ‘бризоголовый, лысый’; **тап-тастай** 1) ‘очень твердый’; **нан кеуіп, -тап-тастай болып қалыпты** ‘высохший хлеб сильно затвердел’; 2) ‘очень холодный’;

кұдықтың суы тап-тастай ‘вода в колодце очень холодная’ [66, с.781]; **тап-тату** ‘очень дружный’; **тап-тату жанұя** ‘очень дружная семья’; **таптаурын** 1) ‘сильно растоптанный, затоптанный’; **ат тұяғынан таптаурын болып қалған жер** ‘вытоптанное лошадиными копытами место’; 2) ‘банальный, избитый, заезженный’; **тап-таяу** ‘очень близко’, ‘вблизи’; **біздің ауыл қалаға тап-таяу** ‘наш аул очень близок к городу’; **тап-тұйнақтай** ‘убранный, аккуратный’; **үй іші тап-тұйнақтай** ‘в квартире все прибрано’; **үсті-басы тап-тұйнақтай** ‘он одет чисто и аккуратно’ [66, с. 781].

В казахском языке встречаются и другие формы интенсификации, связанные с усилительными частицами: 1) **тәп-** – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на **тә-**: **тәп-тәттә** ‘очень сладкий’; **тәп-тәттә бүлдірген** ‘очень сладкая земляника’, **тәп-тәуэр** ‘сносный, совсем неплохой, замечательный’; **олардың балалары тәп-тәуэр екен** ‘у них замечательные дети’; **тәп-тәуэр адам** ‘совсем неплохой человек’ [60, с. 793];

2) **теп-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **те-**: **теп-тегән** 1) ‘совсем дешево; задёшево’; **осы борікті теп-тегін алдым** ‘эту шапку [я] купил совсем дешёво’; 2) ‘просто; просто так; зря, напрасно’; **теп тегән келмеген шығарсын** [‘ты, наверное не пришел просто так’]; **теп тегән дүре болма** ‘не возись зря, напрасно’; 3) ‘абсолютно бесплатно; ни за грош’; **теп-тегәс** ; 1) [совершенно] ровный, гладкий’; **ат семіз, сырты теп-тегәс** ‘конь жирный и весь гладкий’; **асфальт көше айнадай теп-тегәс** ‘асфальтированная улица ровна, как зеркало’; **жол теп-тегәс еді** ‘дорога была гладкая-гладкая’; **теп-тегәс жер** ‘абсолютно ровная местность’; 2) ‘весь, все, сплошь; полностью, целиком’; **егістік жер теп-тегәс көктедә** ‘засеянные поля сплошь позеленели’; **жиналысқа жұрт теп-тегәс келіпті** ‘на собрание пришли все’ [60, с. 802]; **теп-тез** ‘очень скоро, быстро; немедленно’; **ауа райы теп-тез бұзылды** ‘погода быстро испортилась’ [60, с.802];

3) **топ-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **то-**: **топ-толық** ‘очень полный’; **топ-томпақ** ‘очень выпуклый’; **топ-толық қыз** ‘пухленькая девочка’ [60, с. 820]; **топ-тобымен** ‘группами, толпами’; **топ-тобымен кел** ‘прийти группами’ **топ-толық** 1) ‘очень полный’; 2) ‘пухленький’; **топ-толық адам** ‘пухленький человек’; **топ-томғақ** ‘пухлый, пухленький’; **топ-томақ бала** ‘пух-

ленький ребенок' [60, с. 821]; 4) **тұп-** усилительная частица употребляется со словами, начинающимися на **тұ-**: **тұпа-тура** 1) 'совершенно правильно'; 2) 'прямо-прямо, напрямик'; **тұп-тура** 'со всем, совершенно правильно; прямо'; **тұп-тұқыл** 'совершенно лысый'; **оның басы тұп-тұқыл** 'на [его] голове ни единого волоска, он совершенно лысый'; **тұп-тұнық** 'совершенно прозрачный, совершенно чистый'; **тұп-тұтас** 'целиком, полностью'; **қазды тұп-тұтас тас пісіру** 'отварить гуся целиком'; **тұп-тұтасымен**, то же, что **тұп-тұтас** [60, с. 845]; 5) **түп-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **тү-**: **түп-түзу** 1) 'совершенно прямой'; 2) 'прямёхонько, прямо'; **түп-түгел** 'целиком, полностью, сполна' [60, с. 861]; **түп-түгел** 'совершенно целый; целенький; весь полностью, все целиком, как есть' [60, с. 862]; 6) **тып-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **ты-**: **тып-тығыз** 'перенасыщенный'; **тып-тынық** 'преспокойный'; **тып-тыныш** 'безмолвная тишина'; **тып-типыл** 'начисто (никого и ничего нет), окончательно'; **тып-типыл қылып кет** 'очистить, забрать все начисто'; **үйлері тып-типыл болып қалыпты** 'дом у них остался пустым, все начисто забрали'; **тып-тиянақты** 'собранный, аккуратный, безупречный'; **тып-тынық** 'преспокойный'/'совершенно тихо, безмолвно'; **тып-тығыз** 'очень густой уплотненный'; **тып-тыныш** 'совершенно спокойно; абсолютная тишина'; **тып-тыныш ұйықта** 'спать спокойно, безмятежно'; **тып-тың** 'очень бодрый' [60, с. 874-875]; 7) **тәп-** – частица усиления, употребляющаяся и словами, начинающимися на **ті-**: **тәп-тік** 'совершенно прямой, вертикальный'; **тәп-титтей** 'крошечный, маленький'; **тәп-тәке** 'прямой/прямо; прямехонько'; **тәп-тәке жол** 'совершенно прямая дорога' [60, с. 885].

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации с помощью формального элемента **тап-** и его фонетического варианта **тапа-** – усилительной частицы к прилагательным и наречиям, начинающимся на **та-**, отмечаются и в киргизском языке: **тап-таза** 'чисто-начисто, чистёхонько (без неровностей)'; **таптақы башка** 'совершенно другой, ничего общего'; **таптақыр карама каршы** 'диаметрально противоположный'; **таптатынакай кыз** 'премиленькая девушка или девочка'; **тапа-** усиление к словам, начинающимся на **та-**: **тапатал** 'ровно в пол-

день', **тапатак** 'совершенно точно', 'отчетливо, четко, точнѣхонько, ровно'; **тапатак жуз** 'ровно сто'; **сен кудайдан тапатак жуз дилде сурагансың** 'ты у бога просил ровнѣхонько сто золотых'; **тапатак ажырат** 'четко разговаривать'; **тапатакта** 'уточнять, делать точным' и т.п. [70, с.704].

В киргизском языке, как и в некоторых других тюркских языках, встречается несколько разновидностей частиц, не связанных с частицей **тап**- вариантностью, например: 1) **теп**- — усиление к словам, начинающимся на **те**-: **тептегерек** 'совершенно круглый'; **тептегиз** 'совершенно ровный'; **тептең** 'совершенно равный'; **тепе**- то же, что **теп**-: **тепетең** 'совершенно равный'; **тепетегиз** 'совершенно ровный'; **дүнүйөнү тепетегиз кыдырып** 'исколесив весь мир'; **үчөө тепетең айткандай болушту** 'все трое будто разом сказали' [70, с.726]; 2) **тип**- — усиление к словам, начинающимся на **ти**-: **тип-тируу** 'живѣхонек'; **типтик** 'совершенно вертикально', 'совершенно отвесно'; **типе**-: **типе-тик** 'торчком, прямо стоящий' [70, с.737]; 3) **топ**- — усиление к словам, начинающимся на **то**-: **топтолук** 'совершенно полный'; **топтолтура** 'наполненный до отказа, полным-полнѣхонек' [70, с. 751]; **топо**-: **топ тоноп** 'совершенно ограбив, ограбив начисто' [70, с. 751]; 4) **туп**-, **тупа**- — усиление к словам, начинающимся на **ту**-: **туптуура** или **тупатуура** или **тупадан-туура** 'прямехонько'; **тупатуура байдын бедесине кириптир** (лошадь) 'прямехонько вошла в байский клевер'; **тупадан-туура жетекчилик** 'непосредственное руководство'; **тупадан-туура таасир** 'непосредственное влияние' [70, с.767]; 5) **түп**- — усиление к словам, начинающимся на **тү**-: **түптүгөл** 'все целиком; как есть, все и все полностью' [70, с.782]; 6) **тып**- — усиление к словам, начинающимся на **ты**-: **тып-тырмактай** 'с ноготок'; **тыптыйпыл** 1) 'чисто-начисто, дочиста'; **тыптыйпыл талап кетти** 'он ограбил начисто'; **керимсел гүлдөрдү тыптыйпыл кылып, күбүп түшүрдү** 'суховея начисто, сбил все цветы'; 2) 'хоть шаром покати' [70, с. 793].

Форма усиления качества, образованная присоединением предпозиционной односложной частицы **тап**- к прилагательным и наречиям, начинающимся на **та**-, встречается и в башкирском языке: **тап-таза** 'совершенно чистый'; **тап-такыр** 'совершенно гладкий';

тап-таман ‘как раз, точно; в аккурат’ прост.; *тап-тар* ‘очень узкий, узенький’ [14, с. 586].

В башкирском языке, как и в некоторых тюркских языках, кроме частицы *тап-*, употребляются и другие формы интенсификации, связанные с усилительными частицами: 1) *теп-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *те-*: *теп-текэ* ‘очень крутой; прекрутой’; *теп-теүэл* ‘точно, ровно’ [14, с. 604]; 2) *тип-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *ти-*: *тип-тигез* ‘совершенно гладкий, гладкий-прегладкий’; *тип-тиз* ‘быстренько’; *тип-тиң булгу* ‘быть совершенно одинаковым’ [14, с. 614]; 3) *топ-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *то-*: *топ-тоғ* ‘абсолютно прямой’; *топ-топош* ‘совершенно, очень низкий’ [14, с. 631]; 4) *туп-* частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *ту-*: *туп-тулы* ‘полный-преполный’; *туп-тумалак* ‘круглый-прекруглый’ [14, с. 645]; *түп-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *тү-*: *түп-түбән* ‘очень низкий’; *түп-түңәрәк* ‘круглый-прекруглый’ [14, с. 651]; 5) *тып-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *ты-*: *тып-тығыз* ‘очень тугой, плотный’; *тып-тымык* ‘совершенно тихо, спокойно’; *тып-тыныс* ‘совершенно спокойный’. В одном из диалектов башкирского языка употребляется усиленная частица *тыпа*, являющаяся синонимом частицы *шыпа* ‘совсем, совершенно’: *шыпа күренмәй* ‘совсем не видно’; *шыпа ят* ‘совершенно чужой’ [14, с. 656; 777]; 6) *тәп-* – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на *тә-*: *тәп-тәмһез* ‘очень невкусный, совершенно невкусный’; *тәп-тәпһәк* ‘очень низкий’ [14, с. 664].

В татарском языке, как и в других тюркских языках, отмечается несколько усиленных конструкций, образованных выборочно с помощью формального элемента *тап-* – частицы, служащей для образования превосходной степени от прилагательных и наречий, начинающихся на *та-*: *тап-таза* ‘совершенно здоровый (крепкий)’; *тап-такыр* ‘совершенно ровный (гладкий)’; *тап-такыр итеп* ‘ровно, начисто, полностью; наголо (напр. обрить голову)’; *кесә төбә тап-такыр* погов. ‘в кармане пусто’ [140, с.516].

В татарском языке, как и в некоторых тюркских языках, помимо частицы **тан-**, употребляются и другие усилительные конструкции, связанные с индивидуальными частицами: 1) **тун-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **ти-**: **тун-тигез** ‘совершенно ровный, гладкий’; **тун-тигез итү (ясау)** ‘делать совершенно ровным (гладким)’; **тун-тиң булу** ‘быть совершенно одинаковым’ [140, с. 539]; 2) **туп-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **ту-**: **туп-туры** ‘прямо-прямо’; **туп-тулы** ‘полным-полно’ [140, с. 556]; 3) **тын-** – частица усилительная, употребляющаяся перед словами, начинающимися на **ты-**: **тын-тыгыз** ‘очень плотный, очень тесный’// ‘очень плотно, очень тесно’; **тын-тыгыз итеп** ‘туго-натуго (напр. набить мешок)’; **тын-тымызык** ‘совершенно тихо, спокойно’ (напр. у реки во время рыбной ловли); **тын-тын** ‘совершенно тихий’; // ‘совершенно тихо’; **тын-тыныч** ‘совершенно спокойный’; // ‘совершенно спокойно’ [140, с. 562]; **түп-** – частица усилительная к словам, начинающимся на **тү-**: **түп-түгәрәк** то же самое, что **түм-түгәрәк** ‘абсолютно (совершенно) круглый’ [140, с. 581].

В некоторых случаях в татарском языке употребляются и другие усилительные частицы, например: **дөп-** частица усилительная к прилагательным, начинающимся на **дө-**: **дөп-дөрес** ‘совершенно правильно, точно’ [140, с. 143].

Препозиционная частица **тан-/тана-** употребляется и в узбекском языке в составе нескольких лексических единиц, являясь в них усилительным слогом к словам, начинающимся на **та-**: **тан-тайер//тана-тайер** 1) ‘совершенно готовый; готовёхонький’; 2) ‘совершенно определённо’ [151, с. 399]; **тан-тайин//тана-тайин:** 1) ‘совершенно определённый’; 2) ‘совершенно определённо’ [151, с. 399]; **тана-тах** ‘как раз, ровно’; **тана-тах беи юз сўм пул** ‘ровно (как раз) пятьсот рублей’; **тана-тақир** то же, что **тан-тақир** 1) ‘совершенно гладкий или голый’; 2) ‘абсолютно лишенный (чего-л.)’ [151, с. 418].

В узбекском языке встречаются и другие усилительные частицы, не связанные вариантносью с частицей **тан-**, а являющиеся самостоятельными компонентами:

1) **теп-** – усилительный слог к словам, начинающимся на **те-**: **теп-текис** 1) ‘совершенно ровный, гладкий’; **теп-текис майдонча**

‘совершенно ровная площадка’; **теп-текис тахта** ‘совершенно гладкая доска’; 2) перен. ‘дружный’; 3) ‘дружно’ [151, с.422];

2) **топ-** – усилительный слог к прилагательным, начинающимся на **то-:** **топ-тоза** 1) ‘совершенно чистый, исключительно чистый, чистейший’; 2) ‘совершенно чисто, исключительно чисто’; **топ-тоза кийим** ‘совершенно чистая одежда’; **кирни топ-тоза қилиб ювмоқ** ‘исключительно часто выстирать белье’ [151, с.440];

3) **туппа-** – усилительная частица, употребляющаяся со словами, начинающимися на **ту-:** **туппа-тузук** 1) ‘вполне исправный’; 2) ‘вполне исправно’; 3) ‘неплохой; вполне хороший’; 4) ‘неплохо, ладно’; 5) ‘здоровый, вполне здоровый’ [151, с.450];

4) **тўп-/тўппа-** – усилительная частица, употребляющаяся со словами, начинающимися на **тў-:** **тўппа-тўсиндан** ‘совершенно неожиданно, совершенно внезапно’; **тўп-тўсиндан оғриб қолди** ‘он внезапно заболел’ [151, с.467]; **тўппа-тўғри** или **тўп-тўғри:**

1) ‘совершенно прямой, прямёхонький’; **тўппа-тўғри йўл** ‘совершенно прямая дорога’; 2) ‘совершенно прямо’; **тўпп-тўғрига кетаверинг** ‘идите все прямо’, **тўппа-тўғри директор хузурига кирдим** ‘я прямо зашел к директору’; **намойишдан кейин тўп-тўғри бизникига кела веринг** ‘прямо после демонстрации зайдите к нам’;

3) ‘совершенно правильный, совершенно верный’; **тўп-тўғри жавоб** ‘совершенно проавильный ответ’; 4) ‘совершенно правильно, совершенно верно’ [151, с. 469]; **тўп-тўла** ‘полный, целый’ // ‘полно’//‘полностью’ [151, с. 463].

Усилительная конструкция **тўғридан-тўғри**, пересекающаяся своими значениями с конструкцией **тўппа-тўғри**, имеет следующую лексико-семантическую структуру: 1) ‘прямёхонько; напрямик’; 2) ‘прямо, непосредственно’; 3) ‘без дальних разговоров’ [151, с. 469].

Усилительная частица **тап-** имеет место и в кумыкском языке в составе нескольких конструкций, выступая в них усилительным слогом к словам, начинающимся на **та-:** **тап-(те-п)** – препозиционная усилительная частица, служащая для образования превосходной степени от имен прилагательных и наречий, начинающихся на **та-:** **тап-таза** а) ‘совершенно чистый’; б) ‘совершенно чисто’; **тап-такъыр** ‘совершенно голый, совершенно лишенный расти-

тельностью'; **теп-тегиш** а) 'гладкий-прегладкий'; б) перен. 'гол как сокол' [77, с. 328].

В кумыкском языке в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации участвуют и другие индивидуальные частицы, например, **тюп-/тюппе-** – усилительный слог к прилагательным, начинающимся на **тю-**: **тюппе-тюз** см. **тюп-тюз**; **тюп-тюз он эки** 'ровно двенадцать'; **тюп-тюз уьстюне юремек** 'идти прямо на кого-л.'; **сени кьаравуллай-гьаным тюп-тюз бир сагьат бола** 'ровно час, как я тебя поджидаю' [77, с. 328].

Усилительная частица **тап-** отмечается и в ногайском языке в составе отдельных конструкций, употребляясь в них усилительным слогом к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **та-**: **тап-** – частица, служащая для образования превосходной степени от некоторых основ на **та-**, например, **тап-таза** а) 'совершенно чистый'; б) 'чисто-начисто'; **тап-такыр**: а) 'совершенно гладкий, совершенно ровный'; б) 'совершенно лишенный растительности'; **тап-тар** 'очень узкий, узкий-преузкий'; **тап-таьтли** 'очень сладкий, сладкий-пресладкий' [106, с.334-335].

В ногайском языке в выборочном образовании усилительных сочетаний по модели частичной редупликации участвуют и другие препозиционные частицы, не являющиеся фонетическими вариантами частицы **тап-**: 1) **теп-** – частица усиления для слов, начинающихся на **те-**, например, **теп-тегис** 'совершенно ровный, ровный-преровный' [106, с.345]; 2) **топ-** – частица усиления для слов, начинающихся на **то-**: **топ-ток** 'очень сытый', **топ-токал** 'совсем безрогий', **топ-топал** 'совсем тупой'; **топ-толы** 'полным-полно' [106, с.357]; 3) **тоьп-** – частица усиления для слов, начинающихся на **тоь-**: **тоьп-тоьгерек** 'совершенно круглый'; **тоьп-тоьмен** 'совершенно низкий' [106, с.361]; 4) **туьп-** – частица усиления к словам, начинающимся на **туь-**: **туьп-туьз** а) 'совершенно прямой'; б) 'совершенно верно' [106, с.370].

Препозиционная усилительная частица **топ-** – усиление к именам прилагательным и наречиям, начинающимся на **то-** 'очень, совершенно', употребляется и в каракалпакском языке в составе нескольких конструкций: **топ-тамалақ** а) 'совершенно круглый';

б) *перен.* ‘очень полный (о человеке)’; **тон-томпақ** а) ‘очень полный, толстый’; б) ‘выпуклый’ [64, с. 648].

В каракалпакском языке в выборочном образовании усилительных сочетаний по модели частичной редупликации участвуют и другие препозиционные частицы, не являющиеся фонетическими вариантами частицы **тон-**: 1) **тун-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **ту-**: **тун-туўра** ‘прямохонько; непосредственно’; **туппа-туўра** ‘прямохонько, непосредственно’ [64, с.654]; 2) **тун-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **ту-**: **тун-тамырынан өзгерт-** ‘изменять коренным образом’ [64, с. 662]; **тын-** – усилительная частица к словам, начинающимся на **ты-**: **хаўа тын-тынық** ‘небо совершенно ясное, небо совершенно безоблачное’ [64, с.669].

Усилительная частица **тон-**, согласно работы В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» [112], отмечается и в османском наречье: **тон** – слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **то-**: **тон толу** ‘совсем полный’ [112, с. 1221].

В казанском наречье по словарю В.В. Радлова употребляется и другая частица: **тіп-** слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **ті-**: **тіп тікә** ‘совсем прямой, крутой’; **бу тав тіп тікә** ‘эта гора очень крута’ [112, с. 1420].

В этой же работе в казанском наречье встречается частица **тун-** – слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **ту-**: **тун тупа** ‘очень тупой’ [112, с. 1512].

В джагатайском книжном языке, киргизском и телеутском наречьях по материалам В.В. Радлова употребляется частица **тўп-** – слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **тў-**: **тўп тўс, тўп тўз** ‘совсем ровный’; **тўп тўмән** ‘бесчисленный’ [112, с. 1595].

В османском наречье по словарю В.В. Радлова имеют место частицы: 1) **дон-** – слог для усиления значения прилагательных, начинающихся на **до-**: **дон долу** ‘совсем полный’ [112, с. 1725];

2) **дін-** слог, усиливающий значение прилагательных, начинающихся на **ді-**: **дін-дірі** ‘совсем живой, здоровый’ [112, с. 1776-1777]; 3) **дўп-** – слог для усиления значения прилагательных, начинающихся на **дў-**: **дўп дўз** ‘совсем гладкий’ [112, с. 1821]. В османском наречье синонимом частицы **дўп** выступает **дўм-** со значением ‘очень’ – слог,

усиливающий значение прилагательных, начинающихся на *дү-*: *дүм дүз сја* ‘совсем черный’ [112, с. 1822].

В крымском наречье по материалам В.В. Радлова отмечается усиленная конструкция *дүбүдүз* ‘совсем гладкий’, состоящая из усилительной частицы *дүн-* и опорного слова *дүз* ‘ровный’ [112, с. 1822].

3.7. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций, образованных с помощью частицы *бон-*

В тюркских языках к числу усилительных средств, присоединяющихся выборочно к именам прилагательным и наречиям, относится общетюркская частица *бон-*.

В карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий, начинающихся на *бо-*, участвует и индивидуальная частица *бон*, *бон-боз* ‘очень серый, серый-пресерый’; *бонпа-бош* ‘совершенно зря, напрасно, ни за что, ни про что’; *бонпа-бошуна* ‘нипочем, по очень дешевой цене’ [143, с. 477]; *бонпа-бошуна ачыуланаса* ‘ты зря сердишься’; *бизни кьошха хош келдинг*, *бонпа-бошха бош келдинг* шутл. ‘добро пожаловать в наш кош, да зря ты пришел – кош пустой’ (о негостеприимном человеке) [66, с. 159]. Частица *бон-* самостоятельно не употребляется, но в семантическую структуру производящих основ, сочетающихся с ней, добавляет формы усиления качества. Грамматические признаки, свойственные имени прилагательному, свойственны и усилительным конструкциям. К их числу относятся: категории числа, падежа, принадлежности, притяжательные формы, относительная форма, сравнительная форма, форма обладания имени, форма отсутствия имени, уменьшительная форма, форма обладания качества.

Усилительные конструкции, образованные по модели частичной редупликации, с участием формального элемента *бан-* отмечаются и в киргизском языке – усилительной частицы к словам, начинающимся на *ба-* или *па-*: *банбалпак* ‘совершенно расплющенный’ [70, с. 107].

В киргизском языке, кроме рассмотренной, употребляются и другие формы интенсификации с участием различных усилительных частиц: 1) *бен-* – усиление к словам, начинающимся на *бе-*:

мактанганың бепбекер ‘ты совершенно зря хвалишься’ [70, с. 128]; 2) **бип-**

– усиление к словам, начинающимся на **би-:** **бипбирдей** ‘совершенно одинаковы’; **бип-бийик** ‘высокий-высокий, очень высокий’ [70, с. 135];

3) **боп-** – усиление к словам, начинающимся на **бо-:** **боп-боз** ‘сивый-сивый, землисто-серый’ [70, с. 146]; 4) **бұп-** – усиление к словам, начинающимся на **бұ:** **бұпбұтүн** ‘совершенно целый, целёхонький’; **башын кеспей, бұпбұтүн шыралгага бергемин** ‘я и голову (у дичи) не отрезал, целиком отдал в качестве подарка охотника из добычи’ [70, с. 168].

Одним из употребительных средств в образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации в казахском языке является общетюркская частица **бан-**, как усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **ба-:** **бан-байсалды** ‘очень степенный, уравновешенный’; **бан-бақал** ‘очень низкий, низкорослый, коротенький (о человеке)’; **бан-баяғы** ‘все по-старому, по-прежнему’ [60, с. 122].

Кроме того, в казахском языке отмечаются и другие усилительные частицы, близкие по форме к частице **бан-**, но не выступающие ее фонетическими вариантами: 1) **бен-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бе-:** **бен-бекер** ‘совершенно зря’; **мұның бен-бекер болды** ‘это ты сделал совершенно зря’; **бен-белгәлэ** 1) ‘очень знакомый, очень известный’; 2) ‘абсолютно известно, бесспорно’; **бұл бен- белгәлэ эс болды** ‘это дело стало абсолютно известно’; **бен-берэк** ‘крепкий-прекрепкий’; **біздің достығымыз бен-берэк** ‘наша дружба крепкая-прекрепкая’ [60, с. 143]; 2) **боп-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бо-:** **боп-боз** ‘совершенно серый, совершенно бледный (о лице)’; **боп-боз болып кет** – ‘стать совершенно бледным (о лице)’; **боп-бос** 1) ‘совершенно пустой’ // ‘пусто’; 2) ‘совершенно слабый, вялый’ // ‘слабо, вяло’ [60, с. 156]; 3) **бөп-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бө-:** **бөп-бөлек** 1) ‘совершенно другой, иной’; 2) ‘совершенно отдельно’ [60, с. 162]; 4) **бұп-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бұ-:** **бұп-бұйра** ‘кудрявый-прекудрявый’ [60, с. 172]; 5) **біп-** – усилительный слог к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бі-:** **біп-биік** ‘высокий-превысокий’; **біп-**

биэк тау ‘высокая-превысокая гора’, *бэн-биэк терек* ‘высокий-превысокий тополь’ [60, с. 183]. Форма усиления качества, образованная присоединением препозиционной односложной частицы **бон-** к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бо-** встречается и в башкирском языке: **бон-бойок** а) ‘унылый-преунылый, очень унылый’; б) ‘очень уныло’ [14, с.97]. Кроме того, в башкирском языке употребляются и другие усилительные частицы, присоединяемые к прилагательным и наречиям: 1) **бөн-** – усиление к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бө-**: **бөн-бөтөн** ‘целенький’; **бөн-бөкрө** ‘совершенно сугулый’ [14, с. 103]; 2) **бун-** – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бу-**: **бун-буш** а) ‘совсем пустой, совершенно пустой’; **бун-буш һауыт** ‘совсем пустой сосуд’; **бун-буш бүлмә** ‘совершенно свободная комната’; б) ‘совсем пусто, совершенно пусто’; **кеҫә бун-буш** ‘в кармане совершенно пусто’ [14, с. 110]; 3) **бын-** – частица усиления к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бы-**: **бын-бысрак** ‘очень грязный, грязный-прегрязный’ [14, с. 119]; 4) **бән-** – частица усиления употребляется с прилагательными, начинающимися на **бә-**: **бән-бәләкәй** ‘очень маленький, маленький–премаленький, малюсенький, крошечный’ [14, с. 125].

В татарском языке в отличие от других тюркских языков встречается одна усилительная частица: **бун-** – усиление к прилагательным и наречиям, начинающимся на **бу-**: **бун-буш** ‘совсем пустой, свободный’ // ‘пусто, свободно’ [140, с. 84].

Препозиционная частица **бўб-** употребляется и в узбекском языке в составе одной усилительной конструкции, являясь в ней усилительным слогом к слову, начинающемуся на **бў-**: **бўб-бўш** ‘совершенно пустой, абсолютно пустой’ [151, с. 98]. В этом же значении употребляется усилительное сочетание **бўм-бўш**.

В караимском языке частица **бун-** не встречается, вместо нее употребляется **бам-** усиление к прилагательным, начинающимся на **бо-**: **бам-бош** ‘совершенно пустой’ [63, с. 130].

Усилительная частица **бон-** имеет место и в кумыкском языке в составе одной синтаксической конструкции, выступая в ней усилительным слогом к слову, начинающемуся на **бо-**: **бон-бош** ‘совершенно пустой’, **орам бон-бош** ‘улица совершенно пуста’ [77, с.81].

Усилительная частица **бон-** отмечается и в ногайском языке в составе одной конструкции, употребляясь в ней усилительным слогом к имени прилагательному, начинающемуся на **бе-:** **бон-бес**

а) *‘совершенно пустой; совершенно свободный’*; б) *‘совсем впустую’* [106, с. 84].

ГЛАВА 4. АЛЛИТЕРАЦИЯ КАК ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БАЛКАРСКОГО СТИХА И КАК ФОРМА УСИЛЕНИЯ КАЧЕСТВА

Аллитерация как древний принцип звуковой организации стиха в балкарской поэзии, как в начале, так и середине стиха, является одним из способов его украшения. Она не распространяется на большое число строк. Преимущественно аллитерации подвергается начало двух-трех строк. В начале и середине стиха аллитерация употребляется не только как орнаментальное средство, но и выступает в главной ритмико-композиционной функции.

В поэзии К. Кулиева встречается наиболее законченная форма балкарского аллитерационного стиха. Следует предположить, что грамматическое ударение, совпадавшее с ударением на конце слова, не имело особого значения в организации балкарского аллитерационного стиха. Можно с достаточным основанием допустить, что факты аллитерирования звуков наиболее выразительно просматриваются в фольклорной поэзии балкарцев, являясь следом исчезнувшей в древности аллитерационной системы тюркских народов.

При аллитерации как способе стихосложения звуковая организация текста наилучшим образом сопоставляется с его ритмической организацией. Анализ аллитерационного стиха свидетельствует о том, что его нужно связывать с той функцией, которую аллитерация в начале стиха осуществляет в качестве регулятора ритма.

Особенности балкарского стиха, как и стиха других тюркских народов, характеризуются, по-видимому, «агглютинативным строем языка, в котором главенствует корневая смысло-различительная морфема, подчиняющая себе звуковую окраску следующих за ней аффиксов» [133, с. 83].

Далее И.В. Стеблева пишет: «...Стихотворная практика тюркских народов показала, что агглютинативный строй языка не препятствует культивированию на его почве иноземных поэтических норм» [133, с. 83].

Некоторые фонетические явления следует связать с агглютинативным строем тюркских языков, которые имеют отношение и к построению поэтической формы: редукция гласных, выпадение звуков или группы звуков внутри слова, метатеза, явление синдхи, а также явление фузии. При такой нестабильности гласных и согласных фонем языка, связанной и со словообразованием и со словоиз-

менением, позиция корневой морфемы считается наиболее сильной, т.к. меньше всего подвергается звуковым изменениям в потоке речи. В этой ситуации корневая морфема выступает главным словообразовательным материалом стихотворных строк.

Аллитерация звуков, как фиксатор ритма, соединяет корни слов, заключающих в себе основную семантическую нагрузку. Если у некоторых тюркских народов аллитерация или ритмико-синтаксический параллелизм, встречается в начале стиха с переходом от аллитерационного стиха к стиху с конечной рифмой, то в стихах балкарских поэтов, например, К. Кулиева, она встречается:

1) в начале:

Чалгъы тартхан кючлю кьолларым

Игисиз-кючсюз болдугъуз арым

‘Руки мои держащие косу,

Стали безработными, уставшими’;

2) в середине:

Танг атар-атмаз шахарлагъа кирейик.

Юйле къалай кюйгенлерин бир кёрейик

‘Едва рассвет наступит,

Мы войдем в города.

Увидим, как горят дома’;

3) в конце:

Сени чёп ачитханлагъа жалына,

къуйругунгу булгъайса ары-бери,

‘Заискивая перед теми,

кто делал себе много плохого,

машешь хвостом в разные стороны’.

также с сохранением конечной рифмы. Появлению и развитию аллитерационной системы, как в различных стилях литературного языка, так и художественных текстах, включая и поэтические произведения, способствовала благоприятная для нее почва, условия реализации в них аллитерационной системы, принципиально новый способ образования стихотворной формы, основанной на взаимосвязи теории и практики поэзии. Аллитерация как способ звуковой организации стиха участвует в построении структуры ритма.

В ритмико-синтаксических поэтических словосочетаниях *иш-сиз-кючсюз, атар-атмаз, ары-бери* аллитерируют: 1) два *ат-ат* (сс); 2) два конечных слога: *ры-ри* (сз). В этих усилительных конструкциях созвучие концов состоит: 1) из двух морфологических повторов; 2) звукового повтора согласных *-с-, -з-, -а-, -т-, -р-*.

Аллитерация используется как стилистический прием усиления звуковой выразительности стиха подбором, повторением одинаковых или однородных согласных звуков, слогов [125, с. 32].

Аллитерация как ритмико-звуковая организация балкарского стиха относится к числу употребительных средств звукового повтора. В ритмико-синтаксическом параллелизме одновременно участвуют гласные и согласные звуки, однако согласные звуки в поэтике балкарского языка имеют больше смысловых особенностей, чем гласные звуки. Согласные звуки значительно больше участвуют в фонетических преобразованиях, чем гласные звуки, выполняя доминирующую роль в передаче определенной информации, предметно-семантических ассоциаций. Аллитерация является отличительной особенностью не только балкарского стиха, но и всей тюркской поэзии в целом. По мнению исследователей тюркской аллитерационной системы, аллитерация является результатом ритмико-синтаксического параллелизма и вытекает из него.

Среди балкарских поэтов аллитерация как языковое явление наиболее часто встречается в поэзии К. Кулиева, И. Бабаева, выражающих черты балкарского стиха. Аллитерация употребляется в их стихах в различных формах и проявлениях. Поэты всесторонне применяют фонетические средства балкарского языка, достигая особенной выразительности в стихах с помощью художественного подбора согласных звуков.

Аллитерация как синтаксическое явление употребляется во всех позициях стихотворной строки, отличающейся лексико-семантической устойчивостью. Аллитерация согласного *-к* в середине слова применяется К. Кулиевым наиболее часто:

Ат аякъ тауушугъуз кѣн жерни
Титирете, кече-кюн бардыгъыз...
‘Вы шли днем и ночью,
сотрясая землю лошадиными копытами’

В этом четверостишии, повторяясь, в начале двух строк употребляется согласная фонем **-к** в составе усилительной конструкции **кече-кюн** 'день и ночь, днем и ночью', образуя двухстрочную аллитерацию. Во второй строке представлена горизонтальная аллитерация согласного **-к**: **титирете, кече-кюн бардыгъыз**. В некоторых стихотворениях поэта отмечаются случаи удвоенной аллитерации, когда повторяется звуки в начале и внутри строк, например:

Бек улду адамлыкды ол,
Бек улду батырлыкды ол
'Это очень большая человечность,
Это очень большое мужество'.

Аллитерацию согласного **-к** в начале слова можно увидеть и в другом стихотворении поэта:

Анам! Тапханым олду-тюшдюм
Мени кюл-кёмюр этер отха.
'Мать! То, что я нашел – это,
Попал я в огонь испепеляющий'.

Здесь во второй строке согласный **-к** повторяется дважды, чем акцентируется внимание читателя на реальных предметах или образе. Аллитерационный повтор в усилительной конструкции **кюл-кёмюр**, наряду с лексико-синтаксическим параллелизмом способствует более конкретному и обобщенному восприятию художественного образа, придает тексту особую эстетическую содержательность. К числу характерных особенностей тюркского стиха относятся аллитерация или рифма.

В.В. Радлов, присоединяясь в целом к известной в тюркологии точке зрения, называет аллитерацией созвучие отдельных согласных в любой части слова. Для созвучия гласных фонем он применяет термин «*vokalischer Gleichklang*» [177, s. 85-114.].

Т. Ковальский подразумевает под аллитерацией любые созвучия, имеющие место только в начале слова. Определяя характерные особенности тюркского стиха, он впервые в тюркологии сделал попытку системного исследования и сумел проследить за их развитием. Рассматривая значение рифмы в аллитерации и их возникновение в тюркских стихах, он приводит некоторые случаи образования и употребления аллитерации и рифмы.

А.М. Щербак, придерживаясь в основном традиционной точки зрения, рассматривает «аллитерацию как точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп (resp. слогов), а также как созвучие определенных качественных признаков, исходящее от первого слога каждого стиха или каждой строфы и основанное на законе гармонии гласных» [167, с. 143].

Аллитерация как звуковая организация балкарского стиха является дополнительным средством в построении стиха, заключающимся в повторении начальных согласных или гласных звуков лексических единиц.

В структурно-композиционном плане аллитерация в карачаево-балкарском языке состоит из междусловной или внутренней (полной и неполной), в зависимости от включающих в себя слов). Внутренняя аллитерация соединяет в составе одной строки слова, расположенные по соседству или на двух строках, находящиеся рядом и разделенные другими словами (строки 1, 4):

***Жыр да сьюеди таза жюреклени,
Къанатлы сьюеди чууакъ бийикни,
Кёк сьюеди тумансыз ачыкъ жерни,
Жер сьюеди жулдузну жаннганын.***
*‘Песня любит чистые сердца,
Птица любит ясные высоты,
Небо любит безоблачное ясное небо,
Земля любит небо, освещенное звездами’* [184, с. 162].

Или, например, как в карачаево-балкарской загадке:

***Тау артында - Тауай,
Тау аллында - Шауай***
*‘В Закавказье – Тауай
Перед Закавказьем – Шауай’* [180, с. 91].
***Таулары элтип баргъан
Кибик мюйюзлеринде.
Киредиле арбазгъа
Ёсюзле тынч, эрине***
*‘Словно унося горы
На своих рогах
Заходят во двор
Волы тихо, лениво’* [185, с. 155]

и междустиховую или строфическую (которая объединяет обычно два или четыре стиха, как в карачаево-балкарской загадке:

*Таудан-тюзден жыйылама,
Минг тешике кьююлама,
Мени чайкъап ашайдыла,
Мени махтап жашайдыла.
'Собираюсь я из гор-степей,
В тысячи скважин вливаюсь я
Едят меня взбалтывая,
Живут меня хваля'.* [180, с. 50].

*Сенг-сенг сенг бара.
Сегиз теке тенг бара,
Суу агъачы сууда бара
Сакъалчыгъы бура бара
'Идут с шумом сенг-сенг сенг,
Восемь козлов идут ровно,
Коромысло идет в воде
Бородка идет вращая'.* [180, с. 124].

Междусловная аллитерация, употребляемая в стихотворениях в ряде случаев, служит в основном для эстетического воздействия, украшая структуру стиха.

Исследуя сферу применения аллитерации в карачаево-балкарском языке, следует отметить, что аллитерация как ритмическое явление встречается главным образом в жанрах народной песни, имея широкое распространение.

В некоторых случаях обе разновидности аллитерации употребляются, сочетаясь, вместе, например, как в карачаево-балкарской загадке. Внешняя аллитерация объединяет соседние строки, в особенности – их начальные слова (строки 1-3):

*Сууда – терек ауанасы
Къарайдыла чапыракъла
Суугъа бла ауанагъа.
Ауананы сюе суу.
'В воде – тень дерева.
Смотрят листья*

*На воду и на тень.
Вода любит тень'* [184, с. 182].

С другой стороны в поэзии К. Кулиева, как и других поэтов, конечная рифма может усиливаться аллитерацией рифмующихся (созвучных) слов (строки 1, 3, 4):

***Жаз сюрюлюп, къаралгъан
Жерни, жол узунун да,
Санга ал жол къарагъан
Кырдыкда къозуну да***
*'Ставишую черной вспаханную весной
Землю, длину дороги
И ягненка на траве
Смотрящую на тебя, как на
переднюю дорогу'* [184, с. 335]

или еще более объемным звуковым параллелизмом: ср. стихи К.Кулиева:

***Кён шахарлада тургъанма
Энтда кён жерге барырма
Мен таулу элде туугъанма,
Таулу эллилей къалырма***
(строки 1-3: ... ***тургъанма: туугъанма***).
*'Бывал я во многих городах,
Еще побываю во многих местах.
Я родился в балкарском селе,
Останусь балкарцем в селе'* [184, с. 335].

Особо важное значение в стихосложении отводится грамматическому параллелизму: наличию звукового тождества, полного или частичного, между словом и его формой или формами слова. В результате повторения слова или его варьирующей грамматической формы возникают глубокие созвучия аллитерирующих фонем:

***Кёк, санга баиш урабыз,
Биз баиш къуса турабыз.
Сау бол жауун,
Сен чомарт жаудунг***
*'Небо, тебе мы поклоняемся,
Мы стоим колосясь.*

Спасибо тебе дождь.

Ты щедро полил землю [184, с. 464].

Помимо словесного повторения в карачаево-балкарском языке встречается и повторение с вариацией аффикса, например, в случае со словами *жауун* 'дождь' и *жаудунг* 'полил дождь' в первом случае употребляется вариация отглагольного аффикса *-ун*, а во втором – вариации формообразующих аффиксов *-ду* (показатель «вневременного значения») и *-унг* (аффикса 2 л.ед.ч.), в форме которого ведется повествование.

В карачаево-балкарском богатырском эпосе активно употребляется и рифма грамматическая, построенная на синтаксическом параллелизме конечных слов стиха, большей частью глагольная или глагольно-именная (предикативные причастия и деепричастия), исходя из того, что в тюркских языках предложения заканчиваются предикативной формой.

Ёрюзмек баргъанды, къара орамланы жырып,

Бошагъады алайда эмегнелени кырып.

‘Ёрюзмек шел по черным улицам, разрывая их,

Уничтожил он там всех великанов’ [186, с. 297].

Жаны, къаны отдан болгъанд къуралып,

Къолу жетсе, таш эригенд, кызарып

‘Душа его, кровь были созданы из огня,

Если рукой тронет, плавился камень, краснея’ [186, с. 69].

В эпических стихах форма на *-ып/--ип-* выступают как предикативное деепричастие прошедшего времени, употребляемое для выражения сопутствующего действия.

Кёп айланнганд къара орамда абына,

Амалсыздан жер Тейриге табына

‘Много ходил он по черным улицам, спотыкаясь

От безысходности поклоняясь земному богу’ [185, с. 72].

Ариулугъу ташины, тауну жарыта,

Хар бир затны ол кесине къарата

‘Красотой своей покоряя камни и горы,

Он заставляет смотреть на себя’.

В карачаево-балкарском народном стихе с течением времени произошли качественные изменения, связанные с отказом от традиционного синтаксического параллелизма как от реликтового явления. Однако эти изменения не затронули одну сторону стиха, связанную с этим языковым явлением: «строка почти всегда семантически и синтаксически завершена - мысль начинается и кончается в одной строке с соответствующим грамматическим оформлением» [21, с. 38].

В ритмически-звуковой структуре стиха рифма указывает на границу строки, на конец ритмического ряда. Абсолютным окончанием строки выступает последний слог рифмующегося слова.

Значительная часть рифм в фольклорных стихах образуется с помощью употребления аффиксов, которые при рифмующихся основах сохраняют единую форму, другими словами, в их составе гласные и согласные фонемы либо полностью тождественны, либо при отдельных несовпадениях фонологически совпадают.

Грамматическая рифма в балкарском народном стихе, независимо образованная под влиянием *синтаксического параллелизма*, могла охватить несколько последних слогов в конце стиха, в результате чего отмечается тенденция к расширению рифмы, к тому, чтобы рифмовать не только последний («ударный») слог, а два или три слога, т.е. не один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов» [54, с. 656-657]. Например, в фольклорном произведении «*Нарты*» имеются:

1. Слова-рифмы с одним созвучным параллельно сочетающимся аффиксом-созвучным слогом-аффиксом;

Къарашауай-Алауганны деу жаши-ы

Чыран бузла болдула суу, аш-ы

‘Карашауай – сын могучего Алаугана

Ледниковые льды стали его водой, питьем’ [186, с. 193].

Здесь параллельно рифмуются с одной стороны имена существительные *жаши* ‘сын’ и *аш* и без аффикса принадлежности *-ы*. С другой стороны рифмуются эти же имена существительные *жаши-ы* и *аш-ы*, в составе которых выступает аффикс принадлежности *-ы*.

2. Слова-рифмы с двумя созвучными параллельно употребляющимися аффиксами – созвучными слогами-аффиксами:

*Аланы кючлерин киши сез-ме(й)-ди
Къаран кёрген а, кюлмейин тёз-ме(й)-ди*

‘Никто не догадывается об их силе

А увидевший, не удерживается от смеха’ [186, с. 194].

Здесь в глаголах *сезмейди*, *тёзмейди* параллельно рифмуются с одной стороны глаголы *сез* ‘догадаться’ и *тёз* ‘терпеть’ и без аффиксов *ме(й)* (аффикс отрицания), *-ди* (предикативный аффикс прошедшего времени, изъявительного наклонения). С другой стороны рифмуются эти же глаголы с участием отмеченных аффиксов: *сез-ме(й)-ди*, *тёз-ме(й)-ди*.

3. Слова-рифмы с тремя созвучными параллельно употребляющимися аффиксами – созвучными слогами-аффиксами:

Сырпыны да къулач-къулач соз-ул-гъан-ды

Керек болса, ол ызына жый-ыл-гъан-ды

‘Волшебный меч растянулся на размах руки

При необходимости он собирается обратно’ [186, с. 100].

В поэтических формах фольклора многокомпонентные слова с участием четырех и более созвучных параллельно употребляющихся аффиксов – созвучных слогов-аффиксов не встречаются, а если и встречаются, то и редко:

Андан сора нартла Тебен элге бар-гъан-ды-ла

Жерни къазып, жел гыбытны чыгъ-ар-гъан-ды-ла

‘После этого нарты пошли в Нижнее село,

Выкопав землю, достали ветровой бурдюк’ [186, с. 77].

В некоторых случаях в рифмующихся окончаниях двустийши встречаются фонетические варианты одного и того же аффикса:

Ариулугъу ташны, тауну жарыта,

Хар бир затны ол кесине къарата.

‘Красотой своей освещая камни, горы

Каждую вещь привлекая на себя’ [186, с. 72].

В отдельных случаях встречаются и причастные созвучия, основанные на синтаксическом параллелизме начальных слов нартского стиха:

Бетин бояп, чыкъгъанд тенгиз жагъагъа,

Излей, барып, миннгенд къайын къангагъа

*‘Украсив лицо, вышел к берегу моря,
Разыскивая он сел на березовую доску’ [186, с. 72].*

В более редких случаях в богатырском эпосе встречаются и именные созвучия в строках в виде одинаковых падежных окончаний, притяжательных аффиксов (*-сы-//си-, -ны-//ны-*):

***Кюндю Сатанайны атасы,**
Айды аны тапхан татлы анасы.
‘Солнце у Сатаная отец,
Луна, родившая ее любимая мать’ [186, с. 71].*

***Орайда, Ёрюзмек да болгъан эди нартла батыр уланы,**
Орайда, кёп зулмудан, кёп палахдан къутхаргъан эд ол нартланы
‘Орайда, Ёрюзмек был смелым сыном нартов
Орайда, от многих притеснений, гнета, беды спас он нартов’ [186, с. 73].*

Можно привести примеры употребления именных созвучий в виде одинаковых падежных окончаний в конце строки:

***Сатанай чапханлай келди нартлагъа**
- Бу не къайгыды? – деп, сорду ныгышыда къартлагъа
‘Сатанай пришла к нартам бегом
- Что за волнения? – спросила она у стариков на беседе’
[186, с. 77].*

***Нарт Ёрюзмек чыкъгъан эди, къарай жолгъа,**
Жыйыны бла кирген эди бир наратлы къоллагъа
‘Нарт Ёрюзмек вышел смотря на дорогу,
С отрядом зашел он в сосновый бор’ [186, с. 297].*

В эпических стихах и народных лирических песнях встречаются с высокой частотностью созвучия, характеризующиеся ассимиляцией согласных, фонетические варианты формообразующих аффиксов, например: *-ды-//ди-, -ду-//дю-* (аффикс глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения, в форме которого ведется повествование и одновременно аффикс 3 л. ед.ч.).

***Уллу Дыхдан энишге, къуш кирик, учханды,**
Нарт Жыйынына ашыгышлы чапханды,*

*‘Из Большого Дыха полетел вниз словно орел
На группу нарттов прибежал поспешно’ [186, с. 296].*

***Нарт Ёрюзмек токъсан кюнню уруиханды,
Кёк да ЖерТейриси да анга болуиханды
‘Нарт Ёрюзмек воевал девяносто дней
Небо и Бог Земли помогали ему’ [186, с. 297].***

В богатырском эпосе в конце рифмующихся двестишый встречаются одинаковые глагольные созвучия в форме множественного числа на **-ла**, т.е. данный аффикс является дальнейшим морфологическим развитием глаголов прошедшего времени на **-ды**, например:

***Ура-бере нартла Къуф таулагъа киргендиле
Тёбелеча, эмегенлени кёргендиле
‘Нарты торопясь вошли в горы Къуф
Увидели больших как холмы великанов’ [186, с. 296].***

***Нарт батырла садакълагъа болдула
Жартылары атларына къондула
‘Богатыри нартмы взяли луки,
А половина их села на лошади’ [186, с. 296].***

В эпических текстах в конце рифмующихся двестишый, наряду с литературными, встречаются и разговорные эллиптированные формы одинаковых глагольных созвучий, в которых употребляется аффикс множественного числа **-ла**:

***Эмегенлени кырыргъа излей эле
Къылычларын чыгъаргъанлай келе эле.
‘Они хотели уничтожить великанов,
Держа сабли наготове’ [186, с. 296].***

В некоторых случаях в фольклорных текстах встречаются и более сложные созвучия, состоящие из комплекса *параллельно употребляющихся словообразовательных и словоизменительных аффиксов, присоединяемых в определенной последовательности с сохранением закона сингармонизма к корневому элементу*, например:

***Кюндюзледе ачыкълагъа чыкъ-ма-гъыз
Кечеледе жолда отла жакъ-ма-гъыз
‘Днем не выходите в открытые места***

Ночами на дороге не зажигайте огней' [186, с. 296].

Такие же глубокие и полные созвучия параллельно сочетающихся аффиксов можно отметить и в современной балкарской поэзии, в частности, стихах К. Кулиева:

*Андан сюеме ырахат-лыкь-ла-рын,
Къыш акъ болун, жай жашил бол-гъан-ла-рын
Жерге, кёкге сабыр къара-гъан-ла-рын
Керексиз къаугъа этмей тур-гъан-ла-рын.*

*'Поэтому я люблю их спокойствие,
Зимой их белизну, а летом - зелень
То, что на землю, небо спокойно смотрят
То, что они не поднимают шума'* [185, с. 515].

Здесь рифмуются начиная со второй строки корни **бол-**, **къара-**, **тур-** + **-гъан-** - аффикс причастия + **-ла-** - аффикс множественного числа + **-ры** притяжательный аффикс 3 л. ед. ч. + **-н** - аффикс родительного падежа. В первой строке рифмуются корень **ырахат** 'спокойный' + **-лыкь** - аффикс принадлежности + **-ла** - аффикс множественного числа + **-ры** - притяжательный аффикс 3 л. ед. ч. + **-н** - аффикс родительного падежа [185, с. 515].

К числу более сложных и глубоких созвучий, сочетающих в себе различные параллельно употребляющиеся формообразующие аффиксы, относятся рифмованные конструкции, в составе которых участвуют и аффиксы отрицания:

*Аллыгъызда къузгъун, къаргъа къычыр-ма-сын
Жер Тейриси жаныгъызны кёрге чакъыр-ма-сын*

*'Пусть перед вами не кричит ворон,
И не позовет Земного Бога увидеть вашу душу!'* [186, с. 295].

Здесь рифмуются корни **къычыр-**, **чакъыр-** + **-ма-** - аффикс отрицания + **-сын** - аффикс 3 л. ед. ч. Эквивалентом рифмы в богатырском стихосложении часто выступает простое повторение слов. В конце строки повторяются обычно служебные слова, причем в таких случаях рифмуется и предпоследнее слово. Данное языковое явление называется *параллелизмом без рифмы*. Особенно активно в этой позиции функционируют глаголы *дейди* 'говорит', *деди* 'сказал',

дейле ‘говорят’, *дейле да* ‘говорят же’, *ден* ‘сказав’. В 23 двустиших на с. 109-110 слово *дейди* употребляется 30 раз:

*Ол ура, бере да кетгенди дейди,
Бийик сыртлагъа да жетгенди, дейди,
‘Говорят, что он ушел поспешно
Говорят, что дошел до высоких холмов’* [186, с.295].

Слово *дейди* употребляется 9 раз:
*Ёрюзмек даг кыйналып да ёсгенди, дейле,
Кён кыйынлыклагъа да тёзгенди, дейле.
‘Говорят, что Ёрюзмек вырос в тяжелой жизни,
Говорят, что он выдержал много трудностей*

Слово *дейле да*- употребляется два раза, слово *ден* ни разу не встречается, оно употребляется в других двустиших:

*Анга бир амал этейим, - ден
Айтды батыр Ёрюзмек
‘Сказал, что окажет ему помощь, смелый Ёрюзмек’* [186, с.111].

Явным свидетельством параллелизма без рифмы может служить и следующее двустишие:

*- Ёрюзмекни атын а тагъыгъыз! – дейди
- Ёрюзмекни атын а тагъайыкъ! – дейле
‘Говорит: «Привяжите лошадь Ёрюзмека!»
Говорят: «Привяжем лошадь Ёрюзмека!»* [186, с. 110].

В созвучиях подобного рода, отмеченные служебные глаголы объединяют целые конструкции стихов, в отдельных случаях выносятся эти единицы за пределы метрического ряда. К числу повторяющихся служебных глаголов, участвующих в параллелизме без рифмы, в карачаево-балкарском эпосе относится глагол *бар* ‘имеется’, ‘есть в наличии’:

*Онг жауурунумда къачым бар,
Быллай жерлеге, кьоркъуп,
Бармай кьалмазгъа да антым бар!
‘На правой лопатке есть крест
В такие места из-за страха*

Есть у меня клятва сходить ' [186, с. 110].

Данная цепочка одинаковых рифм перебивается одной нерифмованной строкой. В героическом эпосе балкарского народа в рифмующейся части строки употребляется узкий круг «служебных слов», встречающиеся в этой функции в связи с общим принципом повторения и параллелизма.

Основу грамматической рифмы в большинстве случаев составляет глагольная обычного типа. С точки зрения наполняемости фонетической структуры рифмы расширяются за счет включения в состав корня группы аффиксов («глубокие рифмы»):

Ай, тутулуп, кёзю, бети-къара-л-гъан-ды,

Ачыуундан жюрегинден тара-л-гъан-ды

'Из-за лунного затмения у него глаза, лицо почернели,

Из-за горя испытывал он сердечные муки ' [186, с. 71].

Здесь рифмуются корни *къара* 'черный', *тара* 'теревить, терзать' + - *л*- – аффикс возможности + -*гъан* – аффикс причастия прошедшего времени + -*ды* – аффикс глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения.

Исследователь балкарского стихосложения К.К. Бауаев отмечает, что «балкарская поэзия с ранних времен не знала стиха без звукового повтора, который не задерживал бы внимание читателя на тех или иных словах и не заставлял бы его запомнить их [13, с. 51]. Но дальше почему-то он пишет, что «в современной балкарской поэзии аллитерационные стихи почти не наблюдаются» [13, с. 51], в то время как факты современной балкарской поэзии свидетельствуют как раз об обратном. Наряду с аллитерацией в отмеченных стихах участвуют в образовании точных и неточных созвучий в составе рифмующихся слов и различные аффиксы. Аффиксальный звуковой повтор усиливает смысловые оттенки рифмы, придает тексту экспрессию и модальность. Объединение слов в звуковые пары происходит не только за счет повторения единичных аффиксальных морфем, но и за счет повторения группы аффиксов, создающих тождественные созвучия. Рифмовке подвергаются однородные члены предложения: существительное с существительным, глагол с глаголом, к которым также присоединяются грамматические показатели:

Чыпчыкъла жый-ыл-ды-ла

Доппаннга къуй-ул-ду-ла
Башлалла жырны, той-ну
Бир тамаша оюн-ну [187, с. 47].

В глагольной рифме, наиболее употребительной в балкарской поэзии, построение простого предложения носит стандартный характер: подлежащее находится в препозиции сказуемого, выраженного чаще личной формой глагола.

Как пишет В.М. Жирмунский: «Смысловой и ритмико-синтаксический параллелизм стихов часто приводит к усилению конечной рифмы рифмами внутренними, т.е. словесными повторами или грамматическими рифмами между соответствующими членами предложения в начале и в середине стиха» [52, с. 15].

Пример равноценного рифме словесного повтора дается в стихотворении «Ёрюзбек бла акъ марал» из нартского эпоса, в котором в окончаниях строк неизменно встречается глагол служебного характера – традиционное *дейди* ‘говорит, думает, размышляет’. В 93 строках слово *дейди* употребляется 82 раза [186, с. 106-108]. Рифма здесь образована с помощью применения глагольной формы 2 л. ед. ч. изъявительного наклонения, а именно: корень *de(n)* ‘говорить’ + *-ди-* (аффикс предикативности). Здесь в 82 строках грамматическая глагольная рифма фонетически усилена наличием звука *-д* в глагольном корне. Объединяя, как в приведенном стихотворении, большие группы стихов, рифма с одной стороны является результатом полного повтора, параллелизма, их тематического содержания, синтаксической формы, с другой стороны параллелизм охватывает только грамматические формы конечных слов, обозначая одно последовательное действие или однородное явление – речевую деятельность.

Параллелизм в эпических стихах охватывает только грамматические формы замыкающих строки слов, обозначающих определенные действия или однородные явления (например, частотный аффикс *-ды-/-ди* – обозначает действия, совершаемые в повествовании в прошедшем времени, деепричастия на *-ын-/-ин-*, обозначающие сопутствующие действия). Рифмы в нартском эпосе строятся с помощью различных морфологических средств, например, аффикса множественного числа *-ла-/-ле-*:

Нарт батырла жортууулгъа чыкьдыла

Ала жолда отсуз, кѳуусуз кѳалдыла
‘Нартские богатыри вышли в поход
Они остались в дороге без огня, фитиля’ [186, с. 121];

аффиксов глагольно-причастной предикативной формы –*гъан*//–*хан*–:

Кѳк Тейрисиди жасуубузгѳа болушхан,
Нарт эллег ариу кѳзден кѳарагъан!
‘Помогающий нашим врагам небесный Бог,
В нартские села добрым глазом смотрящий’ [186, с. 126];

словообразовательного аффикса понудительного залога –*ер*–:

Саутланып, Ёрюзмек анга минер,
Анга минип, учуп барып, Фукну уясына жетер
‘Ёрюзмек, вооружившись, сядет на него
Сев на него, полетев, доберется до места Фука’ [186, с.77];

аффикса принадлежности –*лю*–:

Кѳонгур мыйыкѳлы, кѳой кѳзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сѳзлю.
‘С бурьими усами, овечьими глазами
Правдивый, верный слову’ [186, с. 78].

Довольно обычные подобные примеры часто встречаются в «Нартах» и подтверждают звуковое обособление рифмы как самостоятельного способа метрической организации стиха от ее источника – синтаксического параллелизма.

Основы глаголов *чыкѳдыла*, *кѳалдыла* употребленных в конце некоторых строк, *чыкѳды*, *кѳалды*, рифмуются и без аффикса мн. числа –*ла*, оформленного одним фонетическим вариантом и образующего грамматическую рифму. С другой стороны основы глаголов *болушхан*, *кѳарагъан*, *минер*, *жетер*, употребленных в конце других строк, соответственно *болуш*, *кѳара* и *мин*, *жет* не рифмуются и в первом случае оформлены двумя фонетическими вариантами аффиксов предикативных причастий –*хан*, –*гъан*, а во втором – одним фонетическим вариантом аффикса глаголов –*ер*.

Основы имен существительных *кѳзлю*, *сѳзлю*, употребляемых в конце некоторых строк, *кѳз*, *сѳз* рифмуются и без аффикса принадлежности –*лю*, оформленного одним фонетическим вариантом и образующего грамматическую рифму. В отмеченных примерах алли-

терация как звуковая организация стиха, имея случайный характер, не играет особо важной роли и употребляется как стилистический прием. Аллитерация и параллелизм в произведениях архаического стиля, утратив первоначальное метрическое значение, применяются в стилистическом употреблении.

При стихотворном повествовании в богатырском эпосе обнаруживается ритмическое членение стихотворных частей текста, осуществляемое с помощью синтаксического параллелизма и грамматической рифмы различных частей речи. В отличие от чисто стихотворных конструкций эпические партии в виде синтаксических групп не выявляют, какой-бы то ни было закономерной последовательности, располагая различным числом слогов. В поэме «Нарты» как традиционном типе эпической поэзии тюркских народов, обнаруживающем архаическую ритмико-синтаксическую структуру, часто употребляется точная грамматическая рифма с использованием морфологических показателей, например, *-ди* – аффикса прошедшего времени изъявительного наклонения основного действия, в форме которого ведется постоянное повествование, *-ын-/-ин-* – аффикса глагольного деепричастия, с фонетическими вариантами, чередующимися в определенной последовательности, обозначающего ряд последовательных или сопутствующих событий или действий.

В эпических стихах встречаются более развитые формы синтаксического параллелизма, когда одновременно употребляются рифмы начальные и конечные:

Ала бла оное, кенгеш этгенди,

Ташла алып, ол элине жетгенди

‘С ними он беседовал, принимал решение

Взяв камни, он вернулся в родное село’ [186, с. 69].

В конечной рифме, повторяющей внутреннюю, выражено главное действие; наряду с рифмованными остаются и нерифмованные строчки.

В большинстве двустиший богатырской эпической поэзии аллитерация употребляется как господствующий способ звуковой организации стиха: часто встречаются звуковые повторы во внутренних словах строки:

Къарашауай эсюрюйд, жсамычысын кийгенлей,

Гемуда да асхайд, кѳулакѳларын ийгенлей

‘Карашауай ходит, надев бурку,

Гемуда хромает, уши, опустив’ [186, с. 194].

Нарт жортуул, жсел ургѳанлай, барады.

Юч-тѳрт кюнню ашсыз, жукѳусуз кѳалады

‘Богатырский поход идет, словно удар ветра,

Три-четыре дня остается без еды, сна’ [186, с. 195].

В приведенных примерах внутренняя аллитерация объединяет соседние слова. С другой стороны звуковые повторы объединяют начальное слово с конечным, замыкая строку как метрическую конструкцию:

Нартла бѳлек атчыкѳ сюрюп келдиле,

Кючден-бутдан от жарыкѳны кѳрдюле

‘Нарты пригнали несколько лошадей,

С трудом увидели свет от костра’ [186, с. 197].

Внешняя аллитерация соединяет соседние стихи созвучием начальных слов как в стихотворении К. Кулиева:

Менде - жер жашиллиги,

Кѳк бийиклиги – менде,

Жауун болуп, гюллеге

Жаудум кечеде – кюнде.

‘У меня – зелень земли,

Высь небесная – у меня,

Став дождем, на цветы

Лил я ночью, днем’ [184, с. 542].

Внешняя аллитерация связывает созвучием начальных слов как в стихотворении К. Кулиева и более отдаленные стихи:

Адамла бир бирлерине

Ариу да аман да айта,

Кѳууана жаз кюнлерине,

Арбазларына чыкѳ жата

‘Люди друг другу

Говорят и хорошее и плохое,

Радуюсь весенним дням,

В их дворы ложась роса’ [185, с. 126].

Кроме того, созвучие начальных слов при внешней аллитерации может иметь место одновременно и во внутренней части тех же стихов. В стихотворениях эпической поэзии, К. Кулиева, И. Бабаева имеются самые разнохарактерные формы соединения стихов: усиленное употребление рифмы, созвучная концовка стихов, аллитерация и ассонанс, в них акустически выделяются как начала, так и концы стихов.

Исследователь киргизской эпической поэмы «Манас» Мухтар Ауэзов, отмечая ведущую роль аллитерации и ассонансов в стихотворной композиции тех ее частей, особое внимание обращает на наличие и употребление рифмы [7, с. 71].

В балкаро-карачаевском нартском эпосе с исторической точки зрения в качестве звуковой организации стиха, обозначении его границ с одной стороны преобладающе употребляется конечная рифма. С другой стороны она не имеет устойчивого характера и функционирует, сочетаясь с более архаическими способами метрической организации стиха, построенными на смысловом и ритмико-синтаксическом параллелизме, в число которых входит и аллитерация, выступающая как внутри стиха, так и вначале стихового и смыслового ряда.

Аллитерация, выступая как частный случай словесного повтора, развивалась в качестве звукового повтора из более древнего словесного повтора.

В строфической композиции архаического жанра балкарской народной эпической поэзии господствуют индивидуальные особенности, к числу которых относятся: большая свобода и многообразие, а структура ее характеризуется наличием смыслового и ритмико-синтаксического параллелизма. В этом отношении исследователь карело-финской богатырской поэзии В. Штейниц отмечает решающее значение стихового параллелизма: «Стиховой параллелизм, т.е. совпадение двух (или нескольких) стихов в смысловом и формальном отношении представляет важнейшее и наиболее существенное стилистическое средство карело-финской стихотворной народной поэзии» [179, с. 1]. Следствием ритмико-синтаксического параллелизма (большей частью стихообразующего, двучленного) в карачаево-балкарском языке, как языке агглютинирующего типа, и его народных стихах является наличие грамматической рифмы, в кото-

рой независимо от лексико-семантической структуры стихов и синтаксических особенностей число слогов метрически строго регламентировано.

Как новое средство метрической организации стиха грамматическая рифма существует благодаря морфологической однозначности аффиксов. С тех пор, как звуковые средства организации стиха обособляются и становятся автономными, аллитерация и параллелизм выполняют как бы стилистические функции. Нерегулярные особенности самой аллитерации, отсутствие четкой нормы и конкретной модели связаны с начальным слогом в тюркских языках (ввиду отсутствия префиксов) всегда корневым, за исключением тех случаев, когда в препозиции употребляются различные усилительные частицы, дублирующие первый слог знаменательного слова, усиливая его качественно.

Аллитерация широко известна во всех жанрах поэзии и выступает как обязательная ее составляющая часть. Как в устном народном творчестве, так и современной поэзии балкарцев, аллитерация употребляется как организующая основа звуковой части стиха. Аллитерация в поэзии балкарцев тесно связана с сохранением такой формы стиха, в которой на первый план выдвигается конечная часть стихотворной строки, т.е. все внимание сосредоточивается на ней. Балкарский стих обращает внимание не только на окончания строк, но и следит за начальными слогами, подвергающимся аллитерации. Аллитерация может встречаться одновременно в поэтических строках, как в именных основах, так и глаголах, находящихся на окончаниях строк.

«О хвостах (рифмах), - отмечает по этому поводу также В.И. Вербицкий, - алтаец не тужит, у него были согласны головы» [22, с. 167]. Основной отличительной особенностью аллитерации, так же как и лексико-синтаксического параллелизма, является усиление экспрессии в результате повтора. Если в лексико-синтаксическом параллелизме повтору подвергаются как однотипные, так и разнооформленные основы, то в аллитерации повторяются однотипные фонемы, расположенные и по горизонтали, и по вертикали. Определение стилистической роли звуковых повторов, связанных с лексико-фразеологическими составляющими частями, выявление синтаксических функций слов и словосочетаний имеют

особое значение для полиаспектного изучения структуры балкарского стихосложения.

Исследований по аллитерации в балкарском поэтическом языке нет, за исключением одного параграфа в монографии Х.Х. Малкондуева [83, с. 225-232], что придает данному вопросу еще большую актуальность.

В художественных строках балкарских поэтов так же, как и в других тюркских языках, по мнению исследователей, аллитерация используется издревле, являясь средством усиления выразительности стиха в звуковой организации.

Исследователи стихосложения тюркских языков отмечают, что аллитерация в них как ритмико-композиционное средство занимала особое место. Однако, как считает А.М. Щербак, в настоящее время соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении подверглось изменениям в пользу рифмы, в результате чего аллитерация остается на втором плане, а рифма выявляет господствующие позиции [167, с. 143-153]. Данную точку зрения разделяет и В.М. Жирмунский, который допускает, что рифма «как звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения, не выполняет той значительной роли, которая ей свойственна в настоящее время [55, с.243-247].

А.М. Щербак пишет: «Эстетическая значимость повтора в поэзии первоначально основывалась, по-видимому, на воспроизведении целого слова, так что одинаковую роль должны были играть и формальная сторона слова и его значение» [167, с. 146]. Выдвигая данную точку зрения, он присоединяется к предположению Т. Ковальского о том, что древнейшей формой тюркской аллитерации являлось аллитерирование целых слов [173, с. 151-181]. Работа Т. Ковальского прореферирована А.Н. Лениным. (См. А.Н. Ленин. К вопросам формального изучения поэзии турецких народов «Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета. «Востоковедение», т. II, 1926, с. 139-201). Исследуя звуковую организацию тюркского стиха, связанную с повтором одинаковых фонем одновременно как по горизонтали, так и вертикали, автор рассматривает степень формально-звукового совпадения аллитерирующих слов, переход ритмико-эмфатической функции повтора в чисто-ритмическую функцию. И

показывает как сам повтор, состоящий из одного-двух звуков, трансформируется в своеобразную начальную рифму, полностью совпадающую по своему употреблению с рифмой конечной.

Исследуя начальную рифму с аллитерацией, изучая структуру стихосложений классической тюркской поэмы «*Кутадгу Билиг*», И.В. Стеблева пишет, что ее автор Юсуф. Баласагунский (ХЙ в. н.э.) в структуре своих двустиший и бейтов использует форму начальной рифмы, образованную с помощью аллитерации [133, с. 81-84]. Начальная рифма с аллитерацией встречается не только в тюркской поэзии, но и в современной, в том числе и в карачаево-балкарской, сохраняя старые традиции и связь времен].

Подобное созвучие начала стихотворных строк характеризуется наличием двух его основных разновидностей:

1. Полное аллитерационное созвучие начала строк, заключающееся в повторе одних и тех же слова или звуков (звуковых комплексов):

2. Частичное аллитерационное созвучие начала строк, в котором совпадают только первые согласные. Начальное аллитерационное созвучие стихотворных строк, хотя и занимало в карачаево-балкарской народной поэзии значительное место, в современной поэзии все время увеличивает сферы своего употребления и распространения.

Начальную рифму можно найти и в поэтических строках Даут-Хажи Шаваева:

Акъ таула барырла санга

Къара болуп кёрюнед

Не этгин сен къарт Шауай

Ёлю кюнюнз билинед

‘Белые горы придут к тебе

Виднеется в черном образе

Что ты можешь сделать старый, Шауай,

Смертный час твой настает’ [83, с. 236-237].

Противопоставление цветообозначающих прилагательных *акъ* ‘белый», *къара* ‘черный’ в начале строк придает стихотворению эмоционально-оценочный оттенок значения.

Х.Х. Малкондуев на основе анализа фольклорных текстов отмечает, что отличительной особенностью карачаево-балкарского

стихосложения в общетюркской системе является отсутствие начальной рифмы. Она заменяется аллитерацией-анафорой [83, с. 236-237].

Следует отметить, что особо важную роль аллитерация выполняет в нартском эпосе балкарцев. Аллитерация встречается и в других фольклорных текстах, в которых степень ее употребления не одинакова. Карачаево-балкарский нартский эпос существует в поэзии и прозе. В данном случае рассматриваются стихотворно-поэтические тексты, которые строятся на аллитерации, метрике, рифме. Наиболее древней формой тюркского стиха, как подчеркивают многие ученые, является аллитерация как звуковая организация стиха. То, что аллитерация встречается в эпосе, в основном в поэтической форме и редко употребляется в прозе, не может служить основанием для каких-либо общих выводов. Аллитерация в основном встречается в тех произведениях богатырского эпоса, в которых применяется достаточно развития и более совершенная рифма. Во многих строфах основным композиционным средством выступает аллитерация. Как пишет Г.М. Васильев, «аллитерация в узком значении слова – это созвучие консонансов, т.е. повторение однородных согласных, усиливающих художественную выразительность речи. Однако так называемый аллитерационный стих как система основан на гораздо более широком толковании этого термина. В аллитерационном стихе предполагается не только созвучие согласных, но и созвучие гласных (ассонансы)» [20, с. 26].

В карачаево-балкарской устной и письменной поэзии рифма выполняет значительную роль, однако, с другой стороны и аллитерация активно употребляется в народном стихосложении, для которого свойственны однородные звуковые элементы в виде гласных и согласных.

Исследователь карачаево-балкарского фольклора Х.Х. Малкондуев отмечает, что одной из широко известных форм аллитерации в карачаево-балкарской народной поэзии является смежная аллитерация, употребляющаяся по схеме *а, а, б, б*. Здесь между собой созвучны начальные гласные фонемы первой и второй, третьей и четвертой (т.е. смежных) строк. Ср. куплет из популярной любовной песни «*Айджаякъ*», в которой функционирует смежная аллитерация [83, с. 236-237]:

*Айджаякъ, ала жаудугъунг,
Ариу жарашады бойнунга.
Мен сукъланама, ёлеме,
Мамукъдан жумушакъ къойнунга*

*‘Айджаякъ, твой пестрый платок
Красиво сидит на твоей шее.
Я завидую, умираю
По твоей мягкой как хлопок груди’ [182, с. 69].*

В карачаево-балкарской народной поэзии, это – одна из самых немногих песен, где практически отсутствует рифма и роль, которой выполняет аллитерация [83, с. 236-237]. В этом отношении В.В. Жирмунский пишет, что «с рифмой часто конкурирует аллитерация» [54, с. 667].

В некоторых лирических песнях в составе изобразительных средств балкарской поэтики и фоники смежная аллитерация наряду с рифмой, занимающей основное место, выполняет такую же заметную роль. Следует усматривать, что недочеты рифмовки устраняются благодаря различным комбинациям аллитерации, особенно в тех строках и слогах, которые употребляются без рифмы. В случаях со смежной аллитерацией аллитерирование прослеживается в начале стихотворения. В таких текстах аллитерация используется как дополнительное средство звуковой организации стиха, находящее параллели как в древней, так и современной тюркской поэзии.

Если исходить из того, что рифма – это любой ритмический или звуковой повтор, то аллитерацию можно рассматривать как одну из разновидностей рифмы.

По поводу аллитерации и рифмы своеобразную точку зрения выдвигал В.В. Радлов. Все созвучия, функционирующие в поэзии алтайских тюрков (во всех частях стиха) он распределял на четыре группы:

- 1) аллитерацию (созвучия согласных),
- 2) акростишную рифму (созвучия слогов),
- 3) стиховую рифму (созвучия слов) и 4) созвучия (сочетания) гласных звуков разной высоты [177, с. 87, 88, 89, 96].

Исследователь стихосложения Риза Нур характеризует рифму по двум параметрам: 1) по месту (рифма внутренняя и внешняя);

2) по структуре (рифма консонантная, рифма, образованная на созвучии гласных, и рифма слоговая). В сущности, тюркской он считает вслед за В.В. Радловым рифму согласных в первом слоге начального слова стихов, т.е. аллитерацию [178, р. 59, 61, 63].

А.М. Щербак противопоставляет рифму аллитерации и рассматривает первую как звуковой повтор в конце ритмических групп (конечная рифма) или подгрупп (внутренняя рифма) [167, с. 148]. Примеры конечной рифмы можно найти в поэзии К. Кулиева:

***Бек эски жыр-зурнукла учханлары
Алып кетип барасыз узакъ жары
Жюрегими, турнала, бийикледе,
Бу жашау сизге берген бийликледе.***

*‘Очень старая песня о том, как летят журавли
Вы уходите, унося в далекие края,
Журавли, мое сердце
В этих высотах, данных вам жизнью’* [185, с. 206].

В поэзии К. Кулиева можно найти также примеры внутренней рифмы:

***Мен кёкденми эштеме ёнюгюзню?
Не ёмюрледенми эштеме сизни?
‘Из неба ли я слышу ваш голос?
Из столетий ли слышу я вас’*** [185, с. 206].

Размер созвучных частей в конце стихотворных строк является разной. Встречаются более или менее полные повторы, в составе которых рифмовый коэффициент, т.е. отношение созвучной части и диссонирующей, близок к совершенно полной величине:

***Бек эски жыр-зунукла учханлары,
Эшитип турдула Чегемни чаллары
Бек жангы жыр-зурнукла учханлары
Ала алып кетдиле узакъ жары
‘Очень старая песня о том, как летят журавли,
Слышали седые люди Чегема
Очень новая песня о том, как летят журавли
Они ушли, унося, в далекие края’*** [185, с. 206].

Конечная и внутренняя рифма как звуковая организация созвучных концов стихотворных строк придает экспрессию тексту, украшает его смысловую структуру. Гласные и согласные фонемы или их сочетания могут повторяться в разных строках как без созвучия (аллитерация), так и в рифме. В рифме по сравнению с аллитерацией за счет созвучия конечных фонем больше эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Степень распространения рифмы и аллитерации, как в балкарской поэзии, так и устном народном творчестве является разной. Чем меньшую роль в них играет аллитерация, тем больше представлена рифма, и наоборот. Рифма в одинаковой степени употребляется как в фольклорных текстах, так и произведениях современных поэтов. Аллитерация как звуковой прием организации художественного текста также имеет распространение в этих разновидностях литературного творчества.

А.М. Щербак считает, что источником возникновения рифмы у тюркских народов являются двучленные параллелизмы, выражающие характерную особенность художественного повествования [167, с. 149]. Двучленный параллелизм помимо стихотворных строк, встречается в ряде случаев в стихе пословиц и загадок:

Къазан аууз жыйылмаз

Озгун аууз тыйылмаз

‘Рот, подобный казану, не соберется

Бесцеремонный рот не остановится’ [40, с. 66].

Сууну ууагъы – шууулдар,

Адамны ууагъы – дууулдар

‘Мелкая речка шуршит

Мелкий человек гудит’ [40, с. 44].

В языке пословиц и поговорок встречаются случаи трехчленного параллелизма:

Къышхыда жатхан-базыкъ,

Жазгъыда жатхан-жазыкъ

‘Тот, кто лежит зимой – толстый,

Тот, кто лежит весной – несчастен’ [40, с. 44].

В отдельных случаях в пословицах и поговорках повтору подвергаются и четырехчленные структуры:

***Ариу сѣз жан тыяр,
Жаныу сѣз жан къыяр***

*‘Доброе слово душу спасет,
Грубое слово расточит душу’* [180, с. 62].

В пословицах и поговорках, обнаруживающих двучленную структуру, отмечается смысловой параллелизм, построенный на контрастном сравнении, в загадках — на описании особенностей подразумеваемого предмета. Смысловой параллелизм сопровождается появлением грамматической рифмы или словесным повтором в конце синтаксической конструкции или же однотипными грамматическими явлениями на расположенных внутри ряда местах в смысловом и синтаксическом отношении. Данное соотношение внутри строки характеризуется регулярной аллитерацией.

Двучленный параллелизм отмечается и в древних текстах тюркских народов и в современных произведениях фольклора. На функционирование их в орхонских и енисейских рунических надписях, обратил внимание П.М. Мелиоранский: «Особенно характерною чертою стиля надгробных надписей является так называемый параллелизм, причем друг другу соответствуют не только отдельные части предложений или периодов, но даже отдельные части надписей» [90, с. 280]. Эта особенность встречается и в «прозаических» отрывках карачаево-балкарского эпоса, а именно в загадках:

Джукъа терек джукълай бара,

Бутакълары бокълай бара

а) Къанга къобхан тауда бара,

Чачакълары сууда бара.

б) Терек джаркъа джатыб бара,

Булчукълары аты бара.

в) Терек джаркъа джарыб бара,

Джетеклери къырыб бара.

‘Тонкое дерево спит,

А ветки его загрязняют.

а) Оторванная доска идет в горах,

А клочья идут в воде.

б) Щепка дерева идет лежа,

А крона утопает.

в) Щепка дерева идет раскалывая,

А побеги идут уничтожая [180, с. 63].

Т. Ковальский считал, что основой всех метрических форм тюркского народного стиха является «двучленная структура» тюркских народных двустушии и четверостишии. По этому поводу В.М. Жирмунский отмечал, что предпринятая Т. Ковальским попытка возведения стиховой основы алтайского богатырского эпоса с богатырскими сказками к рифмованным двустушиям с «двучленной структурой» представляется малоубедительной [52, с. 6], особенно сти двучленного параллелизма, распространенного у всех тюркских народов, в балкарской поэзии можно встретить и в строках И. Бабаева:

*Таулада къарланы,
Аулакъда къайынны
Кёл сууда къанкъазны
‘В горах снега
В степи березу
В озере лебеда’* [181, с. 108].

В данном стихотворении помимо двучленного параллелизма можно отметить еще и другую, известную в тюркских языках, особенность строить вторую строку подобно первой, а третью подобно второй, в результате чего образуются случайные созвучия. Они являются своеобразным преломлением ритмико-синтаксического параллелизма. На эту особенность поэзии тюркских народов указывал Т. Ковальский [173, с. 24].

Балкарская рифма, также как и тюркская, образованная на основе синтаксического параллелизма, в отношении состава морфем имеет соответствие тождественных морфологических показателей. Можно привести строки из стихотворения К. Кулиева «*Эки къуш*» («*Два орла*»):

*Эки къуш тубедиле кёк кенгинде,
Кюн жарытхан къаяланы тенгинде.
Бир къуш уясындан чыгъып келеди,
Бирсини ырмах болгъанын кёреди.
‘Два орла встретились в небесной дали
На границе гор, освещенных солнцем,
Один орел выходит из гнезда
И видит усталость другого орла’* [184, с. 280].

Характерной особенностью карачаево-балкарского фольклора, так же как и балкарской поэзии, с точки зрения звуковой организации стиха является преобладающее употребление структурно-морфологической и, в частности, глагольной рифмы.

Древнейшие образцы рифмованной балкарской поэзии с разнообразными приемами встречаются и в материалах загадок:

Джолум узун, джеталмайма,

Бармай кьоюб кеталмайма.

‘Дорога моя длинная, не могу добраться,

Не могу не поехать, не могу оставить’ [180, с. 63].

Бир къызым барды да

Ол киймеген кийим жокъду

‘Есть у меня одна дочь

Нет одежды, которой она не одевает’ [180, с. 66].

В начальной стадии развития рифма балкарского стиха (проявление произвольных звуковых повторов, образованных на основе параллелизма структуры стихотворения) участвует в стихосложении в такой же степени, что и аллитерация. Аллитерация в результате внутреннего развития выступает как отработанное ритмическое средство (выполняет функцию фиксирования границ между ритмическими рядами), а употребительность рифмы снижается, отходя на задний план. Под влиянием арабо-персидской поэзии почти во всех жанрах поэзии у тюркских народов, в результате взаимодействия рифма становится главным средством ритмической организации стиха, которое, по мнению Т. Ковальского, повлияло на вытеснение аллитерации на второй план [173, с. 36].

Рассматривая соотношение аллитерации и рифмы, следует обратить внимание на то, что аллитерация и рифма выступают не только как ритмическое средство, но и как композиционное.

Рифма и аллитерация в балкарском поэзии, в частности, в двустишиях К. Кулиева имеют единую форму (*аа, вв, сс...*):

Мен отунчу болгъанымда

Не кьой кютюн тургъанымда

‘Когда я был дровосеком

Или когда пас овец’.

Къаяла, терекле бла,

Шауданла, черекле бла

*‘Скалы с, деревьями
родниками, реками’.*

Хапар айта, ушакъ эте

Кёк сыртдан кёк сыртха ёте

‘Разговаривая, беседуя

Переходя из зеленого холма на зеленый» [184, с. 211].

Аллитерация в балкарском стихосложении – это не только отдельные звуковые повторы гласных и согласных фонем, но и звуковые повторы слогов разных моделей в словах, связанных между собой в усилительные конструкции. В этих конструкциях аллитерируют как начальные, так и конечные слоги. Слоги, выступающие в составе редуцированных сочетаний и аллитерирующие друг другу, с одной стороны составляют бинарную оппозицию, с другой – выполняют определенные смысловозначительные функции.

Употребление в конце стихотворных строк одинаковых аффиксов, как словоизменительных, так и словообразовательных, участвующих в создании ритмико-композиционной структуры стихотворения, следует рассматривать как своеобразные показатели интенсивности. Повторение созвучных компонентов, на конце стихотворных строк, с одной стороны следует квалифицировать как ритмико-синтаксический параллелизм, т.к. повторяются самостоятельные части речи, с другой – как ритмико-морфологический, т.к. к этим основам присоединяются однотипные аффиксы, создающие экспрессию.

Употребление различных аффиксов на двух параллельных строках стихотворений, помимо сочетания созвучий, можно рассматривать и как вертикальную аллитерацию, как при членении их на фонемы, так и в целостной форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование парных слов в тюркских языках является результатом соединения двух функционально самостоятельных и синтаксически равноправных лексических единиц, значения которых контаминируются и создается новое слово с обобщенно-собирательным значением. Между компонентами парных слов, которые пишутся через дефис, употребляется сочинительная связь, т.е. для наиболее правильного отражения языковой природы данных слов унифицирована и их орфография. В данной работе рассматриваются как структура парных слов, образованных с сочинительным отношением компонентов, так и их лексико-семантические, грамматические и словообразовательные особенности. В образовании парных слов по своему лексико-семантическому характеру участвуют компоненты самых различных частей речи.

В тюркских языках существуют и искусственные парноповторные образования как результат индивидуального словотворчества. По данной модели в карачаево-балкарском языке, как и во всех тюркских языках, второй компонент которого, как правило, в речи отдельно не употребляется, теоретически можно образовать парное слово почти от каждого конкретного слова, например, *китап-митап, къаты-маты, жылы-мылы, тели-мели*. В этом отношении вызывает сомнение точка зрения Ф.А. Ганиева, который считает, что «данный вид парно-повторных существительных едва ли можно считать словарными лексическими единицами с новой семантикой» [26, с. 39]. Он считает, что «здесь имеет место такое значение, которое возникает при присоединении стилистических суффиксов к основе: *кыз-кыз + -чык, малай-малай + -чык, ат-ат + чык*» [26, с. 48], с чем вряд ли можно согласиться. Кроме того, вызывает сомнение другая точка зрения Ф.А. Ганиева, в которой он утверждает, что оттенок собирательности, неопределенной множественности относится к грамматическому значению, так же как и значения пренебрежительности, уничижительности, свойственные стилистическим суффиксам в парно-повторных существительных [26, с. 39].

Рассматривая лексико-грамматический характер парных слов и их компонентов, исследуя тип «звукотрагическое слово + зву-

коподражательное слово», он почему-то относит к данному разряду полные повторы типа *гөр-гөр* 'жмурки', *һөq-һөq* 'удар', *кәк-кәк* 'кукушка' [26, с. 40], выражающие единое значение и имеющие даже переносную семантику.

В тюркских языках есть парные основы, компоненты которых имеют два значения, объединенных каким-либо инвариантом, и самостоятельное употребление. Между их компонентами можно употребить союз *эм* 'и' (например *ата-ана*, *ата эм ана*), показывающий относительную самостоятельность компонентов и наличие сочинительной связи между ними, что является одним из основных особенностей парных слов.

В тюркских языках встречаются основы, по внешней структуре напоминающие парные лексические единицы и якобы имеющие сочинительную связь *ачы кызыл* 'огненно-красный', *тат. лимон сары* 'желтый лимонного цвета'. Однако в действительности они не относятся к парным словам, а представляют собой сложные парные основы.

Некоторые тюркологи относят усилительные конструкции типа *кып-кызыл* 'очень красный, краснейший' к парно-повторным прилагательным [62, с. 97]. Однако, следует отметить, что данная форма представляет собой форму превосходной степени, образованную с помощью специальных препозиционных частиц. Эти конструкции, как по структуре, так и по семантике не дотягивают до уровня парно-повторных прилагательных [160, с. 111-112].

В тюркских языках отдельными учеными, писателями и журналистами некоторые атрибутивные сложные прилагательные ошибочно орфографируются как парные прилагательные, а их компоненты пишутся через дефис, например, *кара-көрән* 'темно-коричневый', *кызгылт-көрән* 'красно-коричневый', *карасу-кызыл* 'темновато-красный'; *саргылт-зәңгәр* 'серовато-голубой', *саргылт-күк* 'серовато-синий', *зәңгәрсү-сары* 'серовато-зеленый', *саргылт-көрән* 'сери-бурый', *урт-кызыл* 'ярко-красный' и т.д. Здесь атрибутивное отношение между компонентами принимается за сочинительную связь [25, с. 42].

По теории орфографии между компонентами сложных лексических единиц с атрибутивной (определяющей) связью не может

употребляться дефис, так как он применяется для соединения самостоятельных компонентов с сочинительной связью.

Таким образом, между компонентами в вышеперечисленных прилагательных употребляется не сочинительная, а атрибутивная связь. Дефис между их компонентами является лишним, искажающим их лексико-грамматическую структуру. Его появление связано со слепым переносом дефиса при калькировании русских сложных прилагательных.

Модель «*прилагательное с аффиксом -лы + прилагательное с аффиксом -сыз*» представляет собой редупликацию антонимичных прилагательных, при которой значения обоих компонентов сохраняются, например, **къылыкь-лы-къылыкь-сыз** 'тактичный-нетактичный' (к.-балк.).

При удвоении прилагательных отмечается в определенной степени усиление признака в результате чего появляется значение множественности. В этой связи Ф.А. Ганиев считает, что подобные образования типа **озын-озын** 'длинный-длинный', не являются лексическими единицами и тяготеют к грамматике как своеобразные сложные формы интенсификации и множественности [26, с. 46]. Такие основы встречаются и в карачаево-балкарском языке.

Среди множества парных конструкций имеет место модель «*имя прилагательное + слово-эхо*». К их числу относятся к.-балк. **тели-мели** 'придурковатый', **къаты-маты** 'всякие твердые'.

Прилагательные данной модели помимо основного значения, содержащегося в первом компоненте, заключают в себе и дополнительные значения, именуемые стилистически-пренебрежительными или уничижительными оттенками. По этой причине эти конструкции можно назвать парно-повторными прилагательными.

В тюркских языках встречаются и парные имена числительные, образованные по модели «*имя числительное + имя числительное*». Следует заметить, что не из всякого сочетания образуются парные числительные. Для этого, во-первых, необходимо, чтобы у компонентов было одно общее значение и, во-вторых, чтобы они воспринимались как одно целое. Парные числительные, образованные не от всяких двух основ, а образованные выборочно от лексически сочетающихся основ, выражают значение приблизительности с оттенком собирательности. Например, парное числительное **тёрт-беи** в

сочетании *тёрт-беи адам* 'четыре-пять человек, несколько человек' может обозначать и четыре человека и пять человек, и шесть человек, т.е. приблизительно то количество, которое обозначают компоненты парного числительного. К числу парных числительных можно отнести следующие сочетания: *сегиз-тогъуз* 'восемь-девять', *тогъуз-он* 'девять-десять', *он-онбир* 'десять-одиннадцать', *онтёрт-онбеиш* 'четырнадцать-пятнадцать' и т.д.

В тюркских языках употребляются и парные местоимения, образованные по модели «местоимение + местоимение». К их числу относятся сочетания, являющиеся своеобразной формой множественного числа определенных основ, выражающие значение групповой собирательности: *мен-сен* 'я-ты', *биз-сиз* 'мы-вы', *бу-ол* 'этот-тот', *ала-была* 'те-эти' (к.-балк.). Каждое слово отмеченных сочетаний выражает самостоятельное значение и в предложении выступает как отдельный член предложения.

В тюркских языках употребляются и парные слова с семантикой наречия, образованные по модели «имя существительное + имя существительное» при наличии сочинительных отношений. К их числу относятся следующие сочетания, компоненты которых выступают как имена существительные: *эрттен-ингир* 'утром-вечером', *жаз-къыш* 'весной и зимой', два разных существительных сочетаются между собой сочинительной связью и приобретают значение парного наречия.

В тюркских языках функционируют и парные слова с семантикой наречия, образованные: 1) по модели «деепричастие на -а + деепричастие на -а», например: *бара-бара* 'со временем'; 2) по модели «деепричастие на -ай + деепричастие на -ай», например: *жырлай-жырлай* 'радостно'; 3) по модели «деепричастие на -ып + деепричастие на -ып», например: *тууун-битип* 'от роду' (к.-балк.).

В тюркских языках употребляются парные слова с семантикой наречия, образованные по модели сочинительной связи «наречие + наречие», например, *алай-былай* 'и так, и сяк' (к.-балк.), *алай-болай* 'кое-как' (тат.), *ары-бери* 'туда-сюда' (к.-балк.), *ары-біре* 'туда и сюда' (тат.), *анда-мында* 'кое-где' (к.-балк.), *анда-монда* 'кое-где' (тат.), *андан-мындан* 'отовсюду' (к.-балк.), *аннан-моннан* 'оттуда и отсюда' (тат.).

В тюркских языках встречаются повторы с семантикой наречия, образованные по модели сочинительной связи «наречие + наречие», т.е. «наречие в исходном надежде + наречие в исходном надежде», например: *аздан-аздан* 'мало-помалу' (к.-балк.). Примеры свидетельствуют о том, что в результате редупликации наречий отмечается интенсификация их значений, усиление признака заложенного первоначально в исходной основе.

К числу структурных особенностей парных конструкций в тюркских языках относится то, что они могут быть разноструктурными словами: корневыми, аффиксальными и сложными. В тюркских языках в образовании парных конструкций участвуют и арабо-персидские заимствования по модели парного образования заимствующих языков. Другой особенностью образования парных конструкций является то, что один их компонент выступает как заимствование, а другой представляет собой исконное слово. Эти конструкции также функционируют по модели тюркских языков, несмотря на то, что являются гибридными.

В качестве компонентов парных слов употребляются не только лексические единицы в основной форме, но и грамматические формы слов. Например, к их числу относятся причастные формы на *-гъан/-ген*: *келген-кетген* 'посетители' (к.-балк.), *алгъан-ургъан* 'напористо', деепричастные формы на *-ып/-ип*: *къырып-жонуп* 'соскоблив дочиста', *алып-салып* 'беря-ставя'; отрицательные формы деепричастий на *-ый*; *арымай-талмай* 'неустанно' (к.-балк.); формы категорического прошедшего времени: *алдым-бирдем* 'обручение' (тат.). Не все парные слова, относящиеся к разряду деепричастных форм, образованы сочетанием простых деепричастий. Значения таких конструкций, как *бара-бара* 'постепенно, со временем' возникли не в результате сложения значений компонентов, а в результате появления переносной семантики на основе переосмысления и метафоризации первоначального значения. Переосмыслению подвергается не отдельное слово, а вся конструкция. Показателем того, каким способом словообразования возникло значение парного слова: словосложением или лексикализацией, является наличие новой семантики в изоморфной глагольной основе. Словообразовательной особенностью многих парных слов является то,

что они могут выступать и как производящие основы и сочетаться с такими аффиксами, как **-лы, -сыз, -лыкь**.

В тюркских языках многими исследователями к парным словам относятся некоторые комбинации, структурно близкие к парным словам, но ими не являющиеся.

Первая модель – «форма исходного падежа + форма дательного падежа»: **таудан-таугъа** 'из гор в горы', **элден-элге** 'из села в село', **кюнден-кюннге** 'изо дня в день'.

Вторая модель – «форма исходного падежа + форма именительного падежа»: **уллудан-уллу** 'все больше и больше', **игиден-иги** 'все лучшие и лучшие'. Между компонентами приведенных конструкций употребляется не сочинительная, а подчинительная связь, выражающаяся с помощью аффиксов, а именно аффикса **-дан**.

Ф.А. Ганиев такие конструкции не рассматривает как парные слова, а рассматривает как обыкновенные словосочетания, «приобретающие в отдельных случаях некоторую устойчивость» [26, с. 56].

Следует отметить, что эти конструкции являются моделями полного повтора, обнаруживающими усилительные семантические оттенки. Орфографирование компонентов указанных конструкций через дефис является результатом понимания языковой сущности и характера данных единиц.

Некоторая часть парных слов в языке образовалась для выражения значения множественности, собирательности предметов. Для передачи этого значения употребляются также редупликации одной и той же основы.

Для выражения значения множественности, повторяемости, для усиления экспрессивного значения служат и парные звуко- и образоподрожательные слова с подобной удвоенной основой.

Парные слова, компоненты которых в тюркских языках лексически значимы, создавались для выражения собирательного, более обобщенного и абстрактного значения: **сют-айран** 'молочные продукты', **кёз-кёулакь** 'присмотр' (к.-балк.). Не все парные слова представляют собой лексические единицы языка.

Вторые компоненты парных слов, фонетически измененные, лексически незначимые, являющиеся отзвуком, асемантическим аналогом первого компонента, изменяющие лишь стилистическую окраску комбинации, напоминают стилистические аффиксы. Второй

компонент придает первому лишь оттенок обобщенной неопределенности. Анализируя образование общего значения парных слов, следует обратить внимание на следующие группы:

1. Общее лексическое значение парных слов представляет собой примерно сумму лексических значений, составляющих их компонентов: *ата-ана* 'родители', *кече-кюн* 'днем и ночью' (к.-балк.), *алыш-бериш* 'купля-продажа', *ахлу-жууукъ* 'родственники' (к.-балк.). У некоторой части парных слов метафорический характер связан с появлением переносного значения.

2. Общее лексическое значение парных слов шире суммы лексических значений составляющих их компонентов *баиш-аякъ* 'усилие', *ат-суу* 'еда', *сют-айран* 'молочные продукты', *чарыкъ-чурукъ* 'обувь' (к.-балк.).

3. Общее лексическое значение парных слов равно сумме лексических значений составляющих компонентов плюс значение множественности: *шуёх-тенг* 'друзья', *кёз-къулакъ* 'присмотр' (к.-балк.).

4. Общее лексическое значение парных слов равно сумме лексических значений компонентов с добавлением значения экспрессии: *арыу-талыу* 'усталость' (к.-балк.).

5. Общее лексическое значение парных слов равно лексическому значению первого компонента, осложненного экспрессивно-нежелательным или экспрессивно-уничижительным значением: *тели-мели* 'придурок', *бийик-мийик* 'высокий', *къаты-маты* 'всякие твердые', *эски-мески* 'старье', *ырым-чурум* 'поверье' (к.-балк.).

6. Общее лексическое значение парных слов равно лексическому значению первого компонента, осложненного значением собирательности, множественности: *ууакъ-тюек* 'мелочь'.

7. Общее лексическое значение парных слов представляет собой значение, среднее между значениями первого и второго компонентов: *агъач-тала* 'лесостепь', *керекли-керексиз* 'ненужный'.

Одной из морфологических особенностей самостоятельных частей речи в тюркских языках является то, что имена прилагательные и наречия сочетаются с индивидуально-усилительными частицами.

Редулицированные сочетания, образованные по модели частичной редуликации в тюркских языках, являются результатом со-

четания двух дескриптивных элементов, функционально неравноправных в синтаксическом отношении лексических единиц: усилительной частицы и знаменательного слова, значения которых контаминируются и создается новая лексема. В процессе образования редуцированных конструкций по модели частичной редупликации действует избирательный принцип подбора производящих основ, т.е. семантическая закономерность, состоящая в том, что в редуцированные сочетания объединяются не любые слова, а лишь те, которые связаны с усилительными частицами определенным типом синтаксических отношений.

Морфологической особенностью редуцированных конструкций данного типа является то, что первый компонент не имеет самостоятельного лексического значения и выступает как своеобразный усилитель заложенного в опорном слове качества. Функциональной их особенностью является то, что он вносит дополнительные семантические оттенки в лексико-семантическую структуру опорного слова. Второй компонент имеет самостоятельное лексическое значение и подвергается в процессе частичной редупликации качественной модификации за счет употребления препозиционной частицы.

Если в редуцированных конструкциях, образованных по модели полной редупликации, усиление происходит за счет повторения редуцирующим компонентом опорного слова, то в редуцированных конструкциях, образованных по модели частичной редупликации, повторяется только первый слог опорного слова.

Суть частичной редупликации как явления, производного от полной редупликации, заключается в том, что к первому слогу (если слово многосложное), или к первым двум звукам (если слово односложное, начинающееся согласным), или первому гласному (если слово начинается гласным) присоединяется звук **-п**. Ударение падает на редуцирующую частицу.

К числу отличительных особенностей усилительных частиц относится то, что они, рассматриваемые в отвлечении от их субстанциональной реализации, выступают в комбинаторной функции, т.е. сочетаются с полнозначными прилагательными и наречиями.

Материалы тюркских языков по частичной редупликации свидетельствуют о том, что повторяемый слог употребляется без лек-

сического значения и лишь частично влияет на смысловое содержание основного слова, усиливая его в определенной степени.

Данный способ словообразования является продуктивным, используется одинаково как в разговорном языке, так и литературных языках. Исходя из этого положения, лексикографы включают в словари в качестве языковых единиц повторы, образованные способом частичной редупликации с морфонологическими изменениями в первом слого основного слова. В таких повторах первый компонент дополнительно характеризуется определенной стилистической окраской, которая при переводе в большинстве случаев получает соответствующее лексикографическое выражение.

Модифицирующей особенностью усилительных частиц в системе редуплицированных конструкций по модели частичной редупликации является то, что к производным основам присоединяются различные словоизменительные аффиксы, в результате чего данные основы получают дальнейшее морфологическое развитие в категории грамматических преобразований. При этом лексико-семантическое значение производящей основы остается неизменным.

Модифицирующей особенностью усилительных конструкций является то, что все лексические и грамматические трансформации происходят в пределах одной части речи: имени прилагательного или наречия. Лексическое значение отмеченного разряда слов не зависит от их контекстуальной детерминированности, а зависит от значения усилительной частицы. Редупликат вносит в семантику повтора дополнительные оттенки, большей частью собирательно-обобщенные, тяготеющие к переносному значению.

С помощью цветообозначающих прилагательных, имеющих позитивную тенденцию к сочетанию с усилительными частицами, раскрываются различные фрагменты лингвоцветового пространства, например, слово *акъ* показывает ахроматический фрагмент лингвоцветовой картины мира: *его белые, белёсые и чересчур белые участки*.

Свидетельством того, что усилительные частицы являются общетюркскими, выступает то обстоятельство, что они встречаются и в памятниках древнетюркской письменности.

К примеру, частица *qar* употребляется в составе единственной редуцированной конструкции *qar kara* ‘черный-пречерный’ - интенсив от *qara* *Й* (ТТ ЙЙЙ прим. 71) [48, с. 420]. В тюркских языках особо значительное место в системе препозиционных элементов занимают усилительные частицы, с помощью которых образовано немало употребительных лексических единиц.

Усилительные частицы, присоединяемые в основном к именам прилагательным, а иногда – к наречиям, относятся к числу интегрирующих единиц, являясь усилением к словам, начинающимся на определенный первый слог. Эти частицы имеют применение в пословицах, поговорках при создании пословичной картины мира, устойчивых словосочетаниях, антропонимах, зоонимах, придавая этим пластам лексики стилистическую окрашенность. Редуцированные конструкции, в которых один компонент усиливается за счет второго, употребляются и в карачаево-балкарских загадках, например, в частности в них встречается сочетание *appa-akъ* ‘белый-пребелый’.

Слово *ак* ‘белый’ в тюркских языках употребляется и в превосходной степени с помощью модифицирующей частицы *an-*, например, *an-ak* (*kas.*, *Радл.*) имеет место и в другом словосочетании, например, *ak-appa* (*Ad.*, *Радл.*) ‘совсем белый’. Наличие такого грамматического признака, как склонение по падежам по образцу имен существительных, свидетельствует о том, что модифицирующие конструкции по модели частичной редупликации в составе синтаксических конструкций в виде словосочетания, предложения выступают в функции дополнения.

Систему некоторых усилительных конструкций по модели частичной редупликации и усилительных частиц в их составе следует рассматривать как сумму оппозиций, особенно бинарных. Так, например, в тюркских языках к числу противоположных частиц относятся *an-* и *kъan-*, а также конструкции, образованные с их участием, *an-akъ/appa-akъ* ‘белый-пребелый’ (*к.-балк.*) и *kъan-kъара/kъappa-kъара* ‘черный-пречерный’. Оппозиция частиц и усилительных сочетаний – лишь частное проявление (и, видимо, не самое основное) отдельных признаков тех или иных объектов, в том числе и лингвистических, причем существование тех или иных отношений между объектами по определенным особенностям далеко

не всегда свидетельствует об их связи друг с другом. Синтагматической особенностью некоторых усилительных частиц является то, что они сочетаются и с цветообозначающими прилагательными, находящимися по отношению друг к другу в оппозиции. Если в большинстве тюркских языков частица **чым-** сочетается с прилагательным **акъ** 'белый', то в некоторых языках она употребляется в сочетании с прилагательным **кара** 'черный', как это дается, в «*Опыте словаря тюркских наречий*» В.В. Радлова, например, **чѳм-кара** 'совсем черный' [110].

В отдельных тюркских языках употребляются фонетические варианты редуцированных конструкций, несмотря на то, что усилительные частицы в их составе остаются без изменений, например: **ап-ак** 'белый-пребелый' - **ап-аг** с тем же значением.

Усилительные частицы тюркских языков, качественно видоизменяющие лексико-семантическую структуру производящих основ, по своему значению близки к словообразовательному значению, а по функциональным особенностям – к словообразовательным аффиксам.

Усилительная частица **чум** в некоторых тюркских языках по материалам В.В. Радлова выполняет функцию редупликата, количественного модификатора и в цокающем фонетическом варианте как в ц.-диалекте карачаево-балкарского языка, например: **ѳѳм ѳѳѳѳк** 'совсем клейкий'.

К числу лексико-семантических особенностей усилительных конструкций, образованных по модели частичной редупликации в тюркских языках, относится наличие синонимии среди препозитивных элементов, например, **ап-** и **чѳмм-**, присоединяются к одному и тому же цветообозначающему прилагательному **акъ** 'белый'. Несмотря на морфологическую неоднозначность усилительных частиц, признаком синонимичности является их заменяемость. Между компонентами синонимичных конструкций отмечаются тождественные связи и смысловые соотношения по сходству. Другой их особенностью является наличие лексической синтагматики, т.е. возможности выборочно сочетаться с усилительными частицами.

Если в тюркологических исследованиях по редуцированным конструкциям отмечается, что форма усиления качества прилагательных наречий – это ничто иное, как образование новой формы

слова, то Г.И. Рамстедт в своей работе «Введение в алтайское языкознание» считает, что образование редулицированных конструкций по модели частичной редуликации относится к словопроизводству [115].

Значение многократности, свойственное многим лексическим единицам карачаево-балкарского языка, выражается как в редулицированных конструкциях, образованных по модели полного повтора (например, *бара-бара* 'со временем'), так и частичного, особенно если они употребляются во множественном числе.

В карачаево-балкарском и других тюркских языках возможна лексикализация форм множественного числа у некоторых редулицированных конструкций, образованных по модели частичного повтора, например, в башкирском языке, сочетание *аппак* имеет два значения: 1) 'белый-пребелый'; 2) 'лебедь' (*аппаклар* 'лебеди'). Можно сказать, что второе значение является результатом семантического развития первого значения, его метафоризации, обобщения, переосмысления. Лексикализацию форм множественного числа можно считать дополнительным условием, способствующим развитию многозначности усилительных форм имен прилагательных. Отмеченные формы мн.ч., лексикализовавшись, употребляются в новых значениях.

Формы усиления качества в карачаево-балкарском и других тюркских языках образуются как от нарицательных имен прилагательных, так и собственных. В усилительных конструкциях, как разновидности трансформационного повтора, подчеркиваются семантические особенности старого слова, выступающего в качестве производящей основы.

В тюркских языках употребляются как полные (двусложные, например, *аппа-, кьаппа-, саппа-, кьыппа-, топпа-, боппа-, жсаппа-*) повторы, так и эллиптированные (односложные, например, *ап-, кьап-, сап-, кьып-, топ-, боп-, жсап-*) участвующие в качественной модификации исходных основ. С другой стороны, употребление в отмеченных двух формах следует рассматривать как проявление вариантности.

Большинство усилительных частиц сочетаются с цветообозначающими прилагательными, буквальные значения которых занимают доминирующие позиции переносными.

В тюркских языках отмечаются и другие частицы, в основном двусложные, не сочетающиеся с цветообозначающими прилагательными, такие как: *бонпа-, таппа-, кеппе-, саппа-, тыппа-, чиппе-, сунпа-*. С другой стороны есть усилительные частицы, которые сочетаются как с цветообозначающими прилагательными, так и другими качественными основами, например, *жапп-/жаппа-: жапп-жашил* 'зеленый-презеленый', но *жаппа-жангы* 'новый-преновый', *жаппа-жалан* 'голый-преголый'.

Образование формы усиления качества по модели частичной редупликации в карачаево-балкарском и других тюркских языках следует рассматривать как морфологическое развитие слова, которое тесно связано со словообразовательными и словоизменительными явлениями. Оно сопровождается одновременно семантическими преобразованиями и фонетическими трансформациями.

Поскольку система словообразования – система открытая, то она предполагает образование новых лексических единиц по образцу известной модели. В этом отношении система усилительных конструкций – система консервативная, закрытая, т.к. в ней невозможно образование новых лексических единиц. В усилительных конструкциях исследуются семантические процессы и грамматические явления. В плане словообразования семантические возможности у усилительных конструкций, как изобразительно-экспрессивных слов, более ограниченные.

Особенностью склонения субъективных форм, входящих в состав редуплицированных конструкций по модели частичной редупликации, является то, что как в русском языке совпадают формы родительного и винительного падежей.

Аффиксы уподобления могут присоединяться в редуплицированных конструкциях как к первооснове: *къап-къара-ча* 'как черный-пречерный', так и к формам принадлежности: *къап-къарам-ча* 'как мой черный-пречерный', формам субъективной оценки: *къап-къара-чыкъ-ча* 'как черный-пречерненький', к формам принадлежности, употребляющимся после форм субъективной оценки: *къап-къара-чыгъ-ым-ча* 'как мой черный-пречерненький'.

Если исходить из того, что словообразовательные морфемы присоединяются к корню, а морфемы словоизменения располагаются в конечной части, то в этом отношении усилительные частицы

близки к словообразовательным показателям, т.к. присоединяются к корню в препозиции.

Словоизменяемые морфемы отличаются тем, что, присоединяясь к той или иной части речи, участвуют в грамматических преобразованиях в пределах одной части речи. Усилительные частицы также употребляются в пределах одной части речи, однако по функциональным особенностям участвуют в дополнительных семантических преобразованиях основы, так же, как и внутрикатегориальные залоговые аффиксы. Если словообразовательное значение залоговых аффиксов выявляется в контекстуальном окружении, то словообразовательное значение усилительных частиц выявляется самостоятельно. Усилительные частицы не переводят имя в глагол, а глагол в имя, однако участвуют в преобразованиях семантической структуры усилительных сочетаний.

Все конструкции, образованные по модели частичной редупликации, присоединяют к себе различные модифицирующие аффиксы грамматического характера типа *-ракъ/-рек* и другие, например: *къап-къара-ракъ* 'черный-пречерноватый', *къып-къызыл-ыракъ* 'красный-прекрасноватый', *сан-сары-ракъ* 'желтый-прежелтоватый' и др. и поэтому в словарях они не зафиксированы.

Слово *ала* 'пестрый' сочетается, наряду с прилагательными «основного» цветообозначения и с некоторыми прилагательными «оттеночного» цветообозначения, выражая смешанные сегменты лингвоцветового пространства, с редуплицирующим компонентом *дум-*, не имеющим самостоятельного лексического значения. Частица *дум-*, несмотря на то, что не является повторением первого слога опорного слова, усиливает цветовой признак, заложенный в производящей основе. Редуплицированная конструкция *дум-ала* 'чересчур пестрый', употребляемая в прямом значении, является одновременно названием реки *Думала* в Хуламо-Безенгиевском ущелье КБР. Кроме того, словосочетание *Думала* выступает как одноименное название местности в Чегемском ущелье КБР.

В произведениях карачаевских и балкарских мастеров слова, как средство выражения художественной мысли, часто встречается лексико-синтаксический параллелизм, т.е. редуплицированные конструкции, образованные по схемам частичного и полного повторов. В этом процессе участвуют имена прилагательные и наречия. Лек-

сико-синтаксический параллелизм возникает на основе параллелизма двух основ: имени прилагательного, обозначающего определенный качественный признак или наречия, обозначающего признак признака, и усилительной частицы. Усилительные частицы интенсифицируют одно общее значение, наращивая его дополнительными оттенками.

Вокруг усилительных конструкций, образованных как по модели частичной редупликации, так и полной, идет давний спор относительно их статуса: одни считают их самостоятельным способом словообразования и включают в словари, обогащая тем самым лексикографическую практику.

Редупликацию, как полную, так и частичную, можно считать самостоятельным способом словообразования, если вновь появившиеся основы рассматриваются как лексические единицы и на этой основе отмечаются в словарях. Нельзя открыто говорить о частичной редупликации как о разновидности словообразования, так как в этой среде имеет место и такое понятие как грамматическое значение.

В результате присоединения усилительных частиц редулицированные конструкции начинают обрывать новыми лексическими значениями, которые направляют их употребление по дополнительным смысловым линиям. Процесс создания нового слова подвергается семантическому переосмыслению. Каждая из редулицированных единиц вовлекается в синтагматизацию, а в некоторых единичных случаях – лексикализации. Развитие значений редулицированных сочетаний, как результат присоединения усилительных частиц, свидетельствует о том, что в большинстве случаев отмеченные лексемы употребляются в одном значении – буквальном, в меньшинстве случаев – в двух: буквальном и переносном.

Редулицированные конструкции, образованные по модели частичной редупликации, следует рассматривать как семантически и синтаксически соединяемые слова. Семантически потому, что оба компонента имеют определенные функциональные особенности в образовании нового слова. Синтаксически потому, что между компонентами конструкции существует подчинительный тип связи, заключающийся в том, что опорное слово подчиняет себе служебную частицу.

Помимо словоизменительных аффиксов и усилительных частиц, в составе редулицированных конструкций по модели частичного повтора отмечаются еще аффиксы, имеющие стилевые особенности, т.е. аффиксы, не видоизменяющие ни лексического значения слова, ни его грамматической формы, а видоизменяющие только его стилевые позиции. К их числу относятся уменьшительно-ласкательные двойные аффиксы **-чыкъ/-чик, -чук/-чук: *аппа-акъ-чыкъ* ‘белый-пребеленький’, *къып-къызыл-чыкъ* ‘красный-прекрасненький’** и другие. Прилагательное **акъ** ‘белый’ в карачаево-балкарском языке является производящей основой не только для форм усиления качества, но и для образования лексикализованной основы **акъ** со значением ‘молоко, молочные продукты’, а также для образования имени существительного **акъ-лыкъ** с помощью присоединения аффикса наличия, присутствия **-лыкъ**.

Редуликат – это усилительная частица без лексического значения, участвующая в фонеморфологических изменениях опорного слова, употребляется как в нарицательной лексике, так и ономастической, например, **ап-ак** ‘белый-пребелый’ - **Аппакълары** (название родового подразделения). С помощью отдельно повторяемых однозначных звуков создается новое слово, противостоящее производящей основе.

Универсальной особенностью усилительных частиц является то, что они функционируют только в системе редулицированных конструкций и за их пределы не выходят. В эту систему входит известное количество препозиционных элементов, с помощью которых образуются формы усиления качества имен прилагательных и наречий. Если в системе аффиксации новое слово может быть образовано и посредством чуждого данному языку корня, то в системе усилительных частиц функционируют собственно карачаево-балкарские производящие основы как часть общетюркской лексики.

В тюркских языках в одних словарях усилительные конструкции по модели частичной редуликации однозначно рассматриваются как грамматические категории (**къап-къара** ‘совершенно черный’ – форма превосходной степени прилагательного **къара** ‘черный’), в других же – как лексические единицы, обнаруживающие словообразовательное значение.

ИСТОЧНИКИ

1. Абдуллаева Н. Синтаксические параллели // Советская тюркология. 1978. № 1. С. 29–37.
2. Абдурахманов Н. Парные слова в тюркских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1975. 66 с.
3. Аганин Р.А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком литературном языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 145 с.
4. Адилов М.И. Система повторов в азербайджанском языке. Баку, 1960. 136 с.
5. Алиев У.Д. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнаиздат, 1930. 177 с.
6. Алиева М.И. Некоторые вопросы кумыкского стихосложения (рифма) // Советская тюркология. 1990. № 4. С. 33–35.
7. Ауэзов М. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.
8. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Тип. ун-та, 1898. 392 с.
9. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903.
10. Агишев Х.Г. Усилительные конструкции с однокоренными словами в татарском языке // Вопросы тюркологии: сб. ст. Казань, 1970. С. 112–124.
11. Байтанов Б.А. Традиция повтора в казахской литературе // Советская тюркология. 1988. № 5. С. 37–40.
12. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. 2. Фонетика и морфология. Ч. I Части речи и словообразование. М.: Академия наук СССР, 1952. 542 с.
13. Бауаев К.К. Основы балкарского стихосложения. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 51с.
14. Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская Академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под. ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора; Рус. яз., 1996. 884 с.
15. Бердыев Р. Сложные слова в современном туркменском языке. Ашхабад, 1958. 128 с. (на турк. яз.)

16. Благова Г.Ф. Лексико-синтаксический параллелизм как средство организации текста «Бабур-наме» // Советская тюркология. 1990. № 2. С. 3–14.

17. Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 88 с.

18. Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Т. VII. Л., 1932. С. 37–55.

19. Боровков А.К. Очерки карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М. – Л., 1935. С. 165–177.

20. Васильев Г.М. Якутское стихосложение. Якутск, 1965. 126 с.

21. Векилов В. Основные принципы азербайджанского народного стиха // Советская тюркология. 1979. № 1. С. 34–40.

22. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. 167 с.

23. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, 1953. № 5. С. 3–29.

24. Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 18–26.

25. Ганиев Ф.А. К вопросу о сложных словах в современном татарском языке // Советская тюркология. 1976. № 4. С. 31–37.

26. Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 150 с.

27. Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, софийского Собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими засвидетельствованная. СПб., 1981. 264 с.

28. Грамматика азербайджанского языка / под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна. Баку: Элм, 1971. 416 с.

29. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, Морфология, Синтаксис / под ред. проф. Н.А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. 572 с.

30. Грамматика ногайского языка. Ч. I. Фонетика и морфология / под ред. проф. Н.А. Баскакова. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставропольского кн. изд-ва, 1973. 320 с.

31. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 496 с.

32. Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970. 330 с.

33. Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н.А. Баскова. М.: Наука, 1975. 420 с.
34. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд-во Акад. наук СССР ин-т народов Азии, 1963. 594 с.
35. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: на материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 168 с.
36. Гузев Ж.М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985. 76 с.
37. Гузеланы Ж.М., Махийланы Л.Х. Къарачай-малкъар тилни малкъар (Ц/З) диалектини къысха сёзлюгю (Краткий словарь малкарского (Ц/З) диалекта карачаево-балкарского языка). Нальчик: КБНЦ РАН, 2015. 150 с. (*на кар.-балк. яз.*).
38. Гулиев А.Г. Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках (на материале огузской группы языков) // Советская тюркология. 1981. № 2. С. 66-74.
39. Гулямов А.Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. I. Аффикация. Ч. 1. Словообразующие аффиксы имен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1955. 50 с.
40. Джуртубаев М.Ч. Ёзден адет (Этический кодекс карачаево-балкарского народа). Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с. (*на кар.-балк. яз.*).
41. Дзуганова Р.Х. Способы суффиксального образования глаголов в кабардино-черкесском языке. Нальчик: КБИГИ, 1998. 114 с.
42. Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке // Известия гуманитарных наук. Сер. VII. 1930. №7. С. 501-522.
43. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1940. 206 с.
44. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1948. 276 с.
45. Дмитриев Н.К. Турецкий язык / под ред. Г.П. Сердюченко. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 96 с.
46. Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 133-144.

47. Доспанов У. О лексических дубликатах в южном диалекте каракалпакского языка // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 45–65.
48. Древнетюркский словарь. М., 1969. 676 с.
49. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1940. 307 с.
50. Жабелова Л.Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1986. 112 с.
51. Жарашуева З.Къ. Къарачай-малкъар тилни фразеология сёзлюгю (Карачаево-балкарский фразеологический словарь). Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 476 с. (*на кар.-балк. яз.*).
52. Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 3–24.
53. Жирмунский В.М. Орхонские надписи – стихи или проза? // Народы Азии и Африки. 1968. № 2. С. 74–82.
54. Жирмунский В.М. О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории // Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 72–79.
55. Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория // Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. 247 с.
56. Звегинцев В.А. Семасиология. Изд-во: МГУ, 1957. 320 с.
57. Зейналов Ф.Р. Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 95–101.
58. Иванов М. Татарская грамматика. Казань, 1842. 341 с.
59. Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под ред. Н.К. Дмитриева. Ч. II. -Морфология. М.: Академия наук СССР, 1956. 336 с. С. 143–175.
60. Казахско-русский словарь: Ок. 50000 сл. / под ред. член.-корр. НАН РК РГ. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.
61. Казембек М.А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань: Тип. ун-та, 1846, 457 с.
62. Кайдаров А.Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР. 1958. 168 с.

63. Караимско-русско-польский словарь. 17000 слов / под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
64. Каракалпакско-русский словарь / под ред. проф. Н.А. Баскакова. Ок. 30000 сл. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 814 с.
65. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 58–68.
66. Карачаево-балкарско-русский словарь: ок. 30000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев; под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
67. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1903. Т. XIII. 832 с.
68. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965. 110 с.
69. Кенесбаев С.К. О трансформированном повторе в казахском языке // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965. С. 34–38.
70. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
71. Киссен И.А. Краткий грамматический справочник по узбекскому языку. Ташкент, 1948. 92 с.
72. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1956. 572 с.
73. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1960. 448 с.
74. Короглы Х. Проза или поэзия? // Советская тюркология. 1972. № 2. С. 51–60.
75. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 64–76.
76. Кузнецов П.И. К вопросу об имени прилагательном в турецком языке // Советская тюркология. 1976. № 6. С. 3–14.
77. Кумыкско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 408 с.
78. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика, Морфология, Синтаксис (Грамматика карачаево-балкарского языка. Фо-

нетика, Морфология, Синтаксис) / под ред. Н.А. Баскакова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1966. 400 с. (на кар.-балк. яз.)

79. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа, 1962. 296 с.

80. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

81. Майтинская К.Е. Структурные типы удвоений (повторений) в финно-угорских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1964. С. 122–135.

82. Майтинская К.Е. К происхождению местоименных слов в языках разных систем // Вопросы языкознания. 1966. №1. С. 15–25.

83. Малкондуев Х.Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX вв. Ч. I. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 236–237.

84. Маматов Н. О классификации сложных слов в узбекском языке // Советская тюркология. 1976. № 4. С. 38–45.

85. Мамедзаде С. Азербайджанский язык (для IV класса начальной школы). Баку: Азернешр, 1952. С. 33–49.

86. Мартынецв А.Е. Звуковой повтор в турецком стихе // Советская тюркология. Баку, 1974. № 6. С. 63–67.

87. Мартынецв А.Е. Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре // Советская тюркология. 1973. № 5. С. 115–118.

88. Махмудов Х.Х. Краткий очерк грамматики казахского языка. Алма-Ата. 1987. 420 с.

89. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894. 72 с.

90. Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // ЖМНП. 1898. С. 263–292.

91. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: Академия наук СССР, 1945. 324 с.

92. Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Восточная литература. 1961. 130 с.

93. Мурясов Р.З. О направлении производности и тождестве деривационных морфем // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 119–125.

94. Мусаев Л.М. Грамматика караимского языка. М.: Наука, 1964. 244 с.

95. Мусуков Б.А. «Сдвоенные наименования» с цветовыми компонентами в тюркских языках // Профессор Н.К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии: Мат-лы междунар. научн. конф. Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2008. С. 324–330.

96. Мусуков Б.А. Лексико-семантическое поле слова **ит** «собака» в тюркских языках // Имя. Социум культура: Мат-лы II Байкальской международной ономастической конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2008. 300 с. С. 35–37.

97. Мусуков Б.А. Семантическое поле цветообозначений в карачаево-балкарском фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики: мат-лы междунар. Научно-практ. конф. (Казань, 29 июня 2009 г.) / ИЯЛИ им. Ибрагимова А.Н. РТ. Казань: Алма-Лит, 2009. С. 119–122.

98. Мусуков Б.А. Лексико-семантические особенности цветообозначающих прилагательных в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Фундаментальные исследования. Пенза: Академия Естествознания, 2014, № 5-5. С. 1121–1126.

99. Мусуков Б.А. Формально-семантические особенности усилительных конструкций в тюркских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 123–127.

100. Мусуков Б.А. Прилагательные, порождающие особенности цветообозначения в тюркских языках // Проблемы Востоковедения. 2016. № 2 (72). С. 77–80.

101. Мусуков Б.А. Лексико-семантическое поле цветообозначающих прилагательных в поэзии К. Кулиева // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 76–78.

102. Насыров Каюм. Краткая татарская грамматика. Казань, 1860. 71 с.

103. Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков / отв. ред. Н.А. Баскаков. М.: Знание, 1973. 146 с.

104. Никитевич В.М. О деривационной системности и о предмете деривационной грамматики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 36–42.

105. Николаева Т.М. Что такое трансформационный анализ? // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 111–115.

106. Ногайско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1963. 244 с.
107. Остроумов Н. Этимология сартовского языка. Т., 1910. 224 с.
108. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик: Эльбрус, 1978. 108 с.
109. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.
110. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893. Ч. I. 968 с.
111. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1899. 974 с.
112. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. 1204 с.
113. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1906. 814 с.
114. Рамазанов К.Т. Парные слова в тюркских языках юго-восточной группы // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 101–112.
115. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 254 с.
116. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1960. 432 с.
117. Русская грамматика в 2-х томах // Акад. наук СССР. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
118. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 744 с.
119. Садыкова М. Слова, обозначающие цвет и окраску в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.
120. Самойлович А. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л.: Рос. гос. акад. тип., 1925. 154 с.
121. Сафиуллина Ф.С., Галлямов Ф.Г. Повторы как грамматическое средство в современном татарском языке // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 68–72.
122. Севортян Э.В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 306–367.

123.Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.

124.Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). М.: Наука, 1980. 396 с.

125.Словарь русского языка в 4-х томах // Акад. наук СССР, Институт русского языка. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.

126.Современный карачаево-балкарский язык в 2-х ч. Ч. I. Нальчик: ООО Печатный двор, 2016. 448 с.

127.Современный кумыкский язык / А.З. Абдуллаева, Н.Э. Гаджихамедов, К.С. Кадыраджиев [и др.]. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 557 с.

128.Современный татарский литературный язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1969. 384 с.

129.Созаев Б.Т. Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1976. 96 с.

130.Соттаев А.Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1968. 84 с.

131.Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. 484 с.

132.Стеблева И.В. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 125–133.

133.Стеблева И.В. Происхождение и развитие тюркской аллитерационной системы в связи с историческим родством тюркских и монгольских языков // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 80–84.

134.Степанов Ю.С. О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 66–74.

135.Степанов Ю.С. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 126–137.

136.Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь (для учащихся): Чебоксары: Чуваш. изд-во, 1989. 240 с.

137.Татарская грамматика в 2-х томах. Т. 1. Казань, 1965. 584 с.

138. Татарская грамматика в 2-х томах. Т. 2. Морфология. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 400 с.
139. Татарский язык. Лексическая и грамматическая семантика. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. 96 с.
140. Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 864 с.
141. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1976. 576 с.
142. Терентьев М. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб., 1875–1876. 280 с.
143. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с.
144. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 с.
145. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1157 с.
146. Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1955.
147. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 970 с.
148. Туркменско-русский словарь. Ок. 40000 сл. / под общ. ред. Н.А. Баскакова, В.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 834 с.
149. Тугушева Л.Ю. Древнеуйгурская поэзия // Советская тюркология. 1970. №4, С. 101–108.
150. Убрятова Е.И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. М.-Л., 1948. Т. II. С. 297–328.
151. Узбекско-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностр. и национальных словарей, 1959. 838 с.
152. Уйгурско-русский словарь. М.: Наука, 1968. 306 с.
153. Улаков М.З., Мусуков Б.А. Лексико-семантическое поле слова «къызыл» (красный) в тюркских языках // Известия КБНЦ РАН. 2006. № 2 (16). С. 129–137.
154. Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка: Фонетика и морфология. Нальчик: Кабардино-Балкарское гос. изд-во, 1940. 88 с.
155. Фомина М.И. Лексика современного русского языка. М., 1973. 154 с.

156. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. 2-е, изд. доп. М., 1983. 334 с.

157. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск: Ставропольское кн. изд-во Карачаево-Черкесское отд-ние, 1971. 304 с.

158. Хаджиев А. Сложные парные слова и слова-повторы в узбекском языке. Ташкент, 1963. 143 с.

159. Хаджиев А. О порядке расположения компонентов в парных словах узбекского языка // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965. С. 106–111.

160. Ханшилдин В.Н. Татар теле грамматикасы (морфология һәм синтаксис) (Грамматика татарского языка. Морфология и синтаксис). Казань: Татарское кн. изд-во, 1959. (*на татар. яз.*).

161. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск: Якутскгосиздат, 1947. 312 с.

162. Шмелев Л.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

163. Шмелев Л.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

164. Шукуров Ж.Ш. Сложные слова в киргизском языке. Фрунзе: Изд-во Акад. наук Кирг. ССР, 1955. 80 с. (*на кирг. яз.*).

165. Щербак А.М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания, 1957. № 1. С. 19–26.

166. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Академия наук СССР, 1961. 204 с.

167. Щербак А.М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 142–153.

168. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л.: Академия наук СССР, 1962. 276 с.

169. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977. 190 с.

170. Юлдашев А.А. К характеристике тюркских сложных слов // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 68–79.

171.Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

172.Böhtlingk Über die Sprache der Jakuter, St. Petersburg, 1851, s. 393, 394.

173.Kořalski T. Ze studjow nad forma, poezji ludow Tureckich, Z. «Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umiejetnosc», Krakow, 1921. № 5.

174.Laude-Cirtautas Ilse. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in der Turkdialekten. 1961. Otto harassowitz. Weisbaden. 132 s.

175.Radloff W.W. Phonetik der Türkssprachen, Leipzig, 1882.

176.Radloff W.W. Codex Comanicus. Das Türkische sprachmaterial. St.-Petersburg, 1887.

177.Radloff W.W. Über die Formen der Rede bei den altaischen Taren. “Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft”, 1866. Bd. IV. S. 85–114.

178.Risa Nour. La Rime Turgue “Revue de Türccologie”, T. II. Part. 1. Alexandrie, 1935.

179.Steinitz W. Der Parallelismus in der Finnisch-korelischen Volksdichtung. Unter sucht an den Liedern des karelistischen Sängers Arhippe Perttunen. Helsinki, 1934 (FF Communications No. 115 s.).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

180.Алийланы С. Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1984. 216 с. (на кар.-балк. яз.).

181.Бабаланы И. Ара боран. Назмула (Гнездовье ветров. Стихи). Нальчик: Эльбрус, 1986. 248 с. (на кар.-балк. яз.)

182.Къарачай халкъ жырла (Карачаевские народные песни) М.: Наука, 1969. 257 с. (на кар.-балк. яз.)

183. Къули Къ. Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгъы. Т. I. Назмула бла поэмала (1935-1962) (Собрание сочинений в 3-х томах. Т. I.) Нальчик: Эльбрус, 1981. 600 с. (на кар.-балк. яз.)

184.Къули Къ. Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгъы. Т. II. Назмула (1962-1970) (Собрание сочинений в 3-х томах. Т. II.) Нальчик: Эльбрус, 1981. 624 с. (на кар.-балк. яз.)

185. Къули Къ. Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгъы. Т. III. Назмула (1962-1970) (Собрание сочинений в 3-х томах. Т. III.) Нальчик: Эльбрус, 1982. 560 с. *(на кар.-балк. яз.)*.

186. Нартла. Малкъар-къарачай нарт эпос. (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с. *(на кар.-балк. яз.)*.

187. Отаров С.А. Малкъар поэзияны антологиясы (Антология балкарской поэзии). Нальчик: Эль-Фа, 1996, 594 с. *(на кар.-балк. яз.)*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>башк.</i>	башкирский язык
<i>букв.</i>	буквальное
<i>гаг.</i>	гагаузский язык
<i>ирон.</i>	ироническое
<i>к.-балк.</i>	карачаево-балкарский
<i>каз.</i>	казахский язык
<i>кар.</i>	караимский язык
<i>ккалп.</i>	каракалпакский язык
<i>кирг.</i>	киргизский
<i>кум.</i>	кумыкский язык
<i>напр.</i>	например
<i>нар.</i>	наречие
<i>ног.</i>	ногайский язык
<i>перен.</i>	переносное значение
<i>пренебр.</i>	пренебрежительное
<i>прост.</i>	просторечное
<i>Радл.</i>	Радлов
<i>сал.</i>	саларский язык
<i>СПб</i>	Санкт-Петербург
<i>собир.</i>	собирательное
<i>тат.</i>	татарский язык
<i>тур.</i>	турецкий язык
<i>турк.</i>	туркменский
<i>узб.</i>	узбекский язык
<i>уйг.</i>	уйгурский язык
<i>шор.</i>	шорский язык
<i>тув.</i>	тувинский язык
<i>осм.</i>	османское наречие
<i>уйг.</i>	уйгурское наречие
<i>кас.</i>	казанское наречие
<i>кир.</i>	киргизское наречие

Научное издание

Мусуков Борис Абдулкеримович

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА УСИЛИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Заведующий редакцией *В.Н. Котляров*

Корректор *Ж.М. Локьяева*

Компьютерная верстка *Р.А. Керимова*

16+

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Подписано в печать 21.12.2016

Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 19,52. Тираж 500 экз.